

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

Н. Е. Харламенкова, Е. В. Кумыкова,
А. К. Рубченко

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СЕПАРАЦИЯ

подходы, проблемы, механизмы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»
МОСКВА – 2015

УДК 159.9

ББК 88

X 21

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Харламенкова Н.Е., Кумыкова Е.В., Рубченко А.К.

X 21 Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. –
М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – 367 с.

ISBN 978-5-9270-0298-6

УДК 159.9

ББК 88

Монография посвящена проблеме психологической сепарации, результаты исследования которой в мировой науке представлены крайне фрагментарно. В книге проводится историко-психологический анализ проблемы, анализируются различные теории, подходы и модели. Исходно определяются методологические принципы исследования психологической сепарации как процесса, излагаются основные положения авторской модели сепарации. Показаны возрастные особенности процесса сепарации в детстве, подростковом возрасте, юности и в период взрослости. Приоритетным направлением исследования является анализ детско-родительских отношений, прежде всего, отношений между матерью, отцом и ребенком в аспекте рассматриваемой проблемы и с учетом фактора возраста. Значительное место в книге отведено анализу механизмов и видов, проявлений и эффектов психологической сепарации, а также исследованию этого процесса в соотношении с другими психическими феноменами, состояниями и механизмами, в том числе с депривацией и компенсацией.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 15-06-16008д*

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2015

ISBN 978-5-9270-0298-6

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	3
Предисловие	7
Глава I. Методология исследования психологической сепарации личности.	12
1.1. <i>Философские основы конкретно-научных исследований.</i>	12
1.2. <i>Личностный принцип и проблема психологической сепарации</i> . .	16
1.3. <i>Принцип развития в исследовании сепарации личности</i>	19
1.4. <i>Принцип субъекта</i>	24
1.5. <i>Принцип единства человека и его бытия.</i>	33
Глава II. История исследования проблемы сепарации.	44
2.1. <i>Психоаналитический взгляд на процесс сепарации</i>	44
2.2. <i>Теория привязанности и сепарация</i>	52
2.3. <i>Научение и сепарация в поведенческой психологии</i>	58
2.4. <i>Гештальтпсихология: границы, целостность и саморегуляция личности</i>	65
2.5. <i>Субъектно-бытийный подход в психологии и теории психологической суверенности</i>	71
Глава III. Теория психологической сепарации.	77
3.1. <i>Философско-психологические основания теории сепарации</i>	77
3.2. <i>Внутренняя и внешняя сепарация в аспекте развития.</i>	80
3.3. <i>Модель психологической сепарации (Н. Е. Харламенкова, Е. В. Кумыкова, А. К. Рубченко)</i>	86
Глава IV. Особенности процесса сепарации в детском и подростковом возрасте	98
4.1. <i>Внешняя и внутренняя сепарация в детстве</i>	98
4.2. <i>Подростковый возраст: виды сепарации и их специфика</i>	107

Глава V. Психологическая сепарация при нарушениях развития подростка.	117
5.1. Условия становления подростковой автономности в процессе сепарации.	117
5.2. Психофизиологический статус подростка и сепарация.	121
5.3. Социальные условия развития подростковой автономности	124
5.4. Признаки внешней и внутренней сепарации в норме и при задержках полового развития.	128
5.5. Итоги исследования сепарации в подростковом возрасте.	145
Глава VI. Психологическая сепарация в юности	149
6.1. Характеристика и границы юношеского возраста	149
6.2. Отношения с родителями в период юности: привязанность, конфликтная независимость, сепарация	155
Глава VII. Сепарация и депривация	169
7.1. Этимологический анализ терминов	170
7.2. Исследования госпитализма и депривации.	173
7.3. Методика и процедура исследования семейной депривации	181
7.4. Результаты исследования семейной депривации и их обсуждение.	184
Глава VIII. Взрослость и процесс сепарации.	193
8.1. Социальные условия развития в период взрослости и их значение для психологической сепарации человека	193
8.2. Тип привязанности и психологическая сепарация человека в период взрослости	199
8.3. Субъектность и внутренняя независимость личности как факторы психологической сепарации взрослого человека	207
Глава IX. Отношения мать–дочь: признаки психологической сепарации	216
9.1. Диада или триада: структура отношений в семье, социальная компетентность и особенности развития ребенка	216
9.2. Признаки сепарации в отношениях дочери с матерью: эмпирическое исследование.	222
9.3. Чувства и качество отношений в парах мать–дочь.	231
Глава X. Механизмы психологической сепарации в отношениях мать–дочь	236

10.1. Проблема внутренней независимости личности в отношениях мать–дочь	236
10.2. Психологическая дистанция в парах мать–дочь	243
10.3. Особенности организации ролевой структуры в парах мать–дочь	250
10.4. Внутренняя независимость как механизм психологической сепарации личности	254
Глава XI. Специфика психологической сепарации в отношениях ребенка с отцом	260
11.1. Роль отца в воспитании и развитии ребенка	260
11.2. Отношения ребенка с отцом при разных видах сепарации . . .	268
Глава XII. Механизмы внешней и внутренней сепарации в отношениях между отцом и ребенком	278
12.1. Функция защиты и ее связь с процессом сепарации	278
12.2. Функция дифференциации гендерной идентичности и внутренняя сепарация	283
12.3. Вклад отца в развитие автономности ребенка	291
12.4. «Отцовские функции» на разных этапах процесса сепарации	295
Глава XIII. Сепарация и компенсация	299
13.1. Историко-психологический анализ проблемы компенсации . .	299
13.2. Нарушение процесса сепарации и компенсация	307
Заключение	317
Литература	319

*Авторы посвящают эту книгу
своим родителям и детям*

*– У каждого человека свои звезды. Одним – тем,
кто странствует, – они указывают путь.
Для других это просто маленькие огоньки...*

Антуан де Сент-Экзюпери
«Маленький Принц»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга посвящена одной из сложнейших проблем психологии – проблеме психологической сепарации, которая в обыденной психологии, да и в научной литературе часто ассоциируется с процессами отделения, обособления и даже разрыва отношений. Действительно, современные работы по сепарации обычно касаются таких явлений, как неполная семья, развод, депривация, когда обсуждаются проблемы психологической готовности/неготовности к разъединению, а также последствия эпизодической или хронической разлуки, нередко травматического характера. Этот круг проблем принято решать в соотношении с внутренними процессами, т. е. в связи с переживаниями, когнитивными реконструкциями, особыми объективными отношениями, симптомами и синдромами: с сепарационной тревогой, синдромом покинутости, чувством внутренней пустоты и др. В специальной научной литературе эти феномены описаны достаточно подробно с использованием метода анализа единичного случая, с разбором отдельного примера, который, однако, не всегда позволяет должным образом обобщить полученную информацию и использовать ее.

Надо ли говорить, что идиографический подход к исследованию психических явлений давно признан адекватным методом сбора и анализа эмпирических данных, однако, как отмечал Гордон Олпорт, он не может быть применен без сопутствующих ему обобщающих стратегий, устанавливающих в науке законосообразность, типичных для номотетической традиции. Превалирование идиографических приемов в исследовании психологической сепарации привело авторский коллектив к идее написать книгу, которая частично устранила бы установившееся несоответствие между уникальным, единичным, неповторимым и универсальным, общим, зако-

носообразным в понимании природы, детерминации, механизмов и феноменов психологической сепарации. Акцент, сделанный в монографии на внешних и внутренних механизмах, вызван столь же выраженным акцентом в понимании сепарации в обыденном сознании, часто трактующем это явление как внешнее, физическое отделение, как завершенное событие.

Возникает вопрос: так ли необходимо обращение в настоящем издании к внешним механизмам сепарации, не стоит ли вывести эту проблему за границы «внешнего»? Проведенный историко-психологический анализ литературы показывает, что не стоит отказываться от изучения внешних проявлений процесса сепарации, поскольку они обычно связаны с внутренними механизмами сепарации и позволяют понять природу внутреннего мира, природу внутренней свободы и независимости. Понимая психологическую сепарацию как процесс, в который личность включена в течение всей своей жизни, мы рассматриваем его как постоянное совершенствование себя, как путь к себе в системе отношений с другим человеком, другими людьми и миром в целом. В нашем понимании сепарация – это не столько отделение, *отдаление* от людей, сколько процесс становления себя, своей самобытности *в кругу* людей, в тесном взаимодействии с ними. Только так, как нам представляется, можно исследовать этот уникальный процесс становления человека, его развития и поиска новых путей к себе, который не прекращается всю жизнь.

Книга состоит из предисловия, 13 глав и заключения.

В первой главе «Методология исследования психологической сепарации личности» проводится анализ методологических, т. е. наиболее общих философских оснований изучения проблемы сепарации; выделен ряд принципов, которые задают своеобразную систему координат, удобную для проведения обобщенного, методологического анализа проблемы. Система принципов, которая обсуждается в этой главе, включает в себя личностный принцип, принцип развития, принцип субъекта, принцип единства человека и его бытия; рассматриваются отдельные аспекты выделенных принципов, обсуждаются задачи, поставленные в последующих главах книги.

Во второй главе «История исследования проблемы сепарации» представлены разные точки зрения, разные подходы к исследуемой проблеме; анализируются психоаналитический, когнитивный, биохевиоральный, гештальтпсихологический подходы, теория привязанности, представлены современные точки зрения на проблему.

По мере изложения историко-психологического материала выделяется система понятий, с помощью которой обозначаются типичные проявления и сам процесс сепарации.

В третьей главе «Теория психологической сепарации» представлена авторская модель сепарации и ее теоретические конструкты, разработанная коллективом авторов на основе теоретического и историко-психологического анализа проблемы. Формулируются основные положения авторской концепции сепарации.

Четвертая глава «Особенности процесса сепарации в детском и подростковом возрасте» посвящена детям и подросткам и особенностям процесса сепарации начиная с младенчества и заканчивая старшим подростковом возрастом. Представлены результаты многочисленных исследований, направленных на прояснение вопросов, связанных с формированием у ребенка и подростка интегрированной идентичности и становления автономности. Значительное внимание уделяется моделям привязанности и в целом детско-родительским отношениям.

В пятой главе «Психологическая сепарация при нарушениях развития подростка» авторы обращаются к особой феноменологии, к такой реальности, когда основные условия, способствующие развитию подростковой автономности, по разным причинам не соблюдаются. Предметом исследования становится картина взаимодействия взрослого с подростком при нормальном развитии и при задержках развития. Рассматриваются особые случаи дизонтогенеза – задержки полового развития, вызванные хромосомными аномалиями. Обсуждаются компенсаторные варианты реализации задач сепарации.

Шестая глава «Психологическая сепарация в юности» посвящена теоретическому анализу психологических подходов к сепарации–индивидуации в юношеском возрасте с акцентом на том, какова роль родительской семьи в формировании автономности и психологической зрелости, какие общие механизмы формирования идентичности включены в содержание процесса сепарации–индивидуации и развития личности в юности. Представлены отечественные и зарубежные концепции сепарации–индивидуации, подчеркивается важность позиции отца, матери и сверстников в развитии интегрированной идентичности и чувства автономности.

В седьмой главе «Сепарация и депривация» осуществлен этимологический анализ терминов «сепарация» и «депривация» и ряда других, близких по содержанию понятий. Представлена актуальная проблема госпитализма и депривации, сопоставлены процесс

сепарации и депривация как на уровне теоретического осмысления проблемы, так и на уровне эмпирической проверки гипотез. Определено, что эпизодическая и хроническая семейная депривация в детстве способствуют формированию искаженного отношения к себе и в последствии отражаются на отношении юношей и девушек к своим родителям.

В восьмой главе «Взрослость и процесс сепарации» заострена проблема внутренней и внешней сепарации и показано, что она не имеет строгой привязки к определенному возрасту (например, к подростковому периоду или к периоду юности), а актуальна на всем протяжении жизненного пути человека. Приведены теоретические и эмпирические данные о специфике процесса сепарации у взрослого, осуществлено сравнение признаков сепарации в юности, в ранней и поздней взрослости.

Девятая глава «Отношения мать–дочь: признаки психологической сепарации» направлена на сужение проблемы сепарации и на исследование особых взаимосвязей, устанавливаемых между матерью и дочерью. В главе представлены результаты теоретического анализа проблемы и эмпирическое исследование, в котором использовались опросниковые и проективные методы. Обсуждается проблема динамики отношений мать–дочь в процессе жизненного пути и роль в этих отношениях других значимых субъектов, в том числе отца.

В десятой главе «Механизмы психологической сепарации в отношениях мать–дочь» описываются как универсальные, так и специфические механизмы процесса индивидуации матери и дочери. Выявляются механизмы реализации процесса сепарации в зависимых и независимых парах с учетом отношения матери с собственной матерью. Рассматривая внутреннюю независимость как системный признак становления отношений в парах мать–дочь, утверждается, что ощущение своей автономности, авторства своей жизни определяет все многообразие человеческих отношений, меняя не только представление о себе, но и представление о других субъектах, о мире в целом.

Одиннадцатая глава «Специфика психологической сепарации в отношениях ребенка с отцом» по существу посвящена психологии отцовства, которая, как считается, является одной из наиболее интересных и в то же время наименее исследованных областей психологии родительства. Показано, что история не знает аналогов столь высоких ожиданий относительно вклада отца в жизнь ребенка, причем не экономического или статусного обеспечения его жизни,

а именно эмоционально-психологического участия в детских проблемах. Приведен обзор литературы по психологии отцовства, показано изменение ролевой структуры отца в зависимости от истории развития общества. Формулируется предположение, что процессы внешней и внутренней сепарации имеют здесь обратную связь: внешняя травматическая сепарация, произошедшая в детстве, может вести к осложнению внутренней сепарации в детском, подростковом возрасте и препятствовать формированию внутренней независимости и зрелого Эго в период взрослости.

Двенадцатая глава «Механизмы внешней и внутренней сепарации в отношениях между отцом и ребенком» включает результаты эмпирических исследований, направленных на анализ различных функций отца. Отдельно изучаются функция защиты и функция дифференциации идентичности (в том числе гендерной) и их связь с процессом внешней и внутренней сепарации. Сравниваются аналогичные функции отца и матери. Делается вывод о том, что при поддержке отца ребенок ощущает необходимость становления собственной автономии, а при поддержке матери – потребность в развитии чувства общности с другими людьми и важность принятия от них социальной поддержки.

Глава тринадцатая «Сепарация и компенсация» посвящена механизму компенсации в осуществлении процесса сепарации при отсутствии достаточных условий для его реализации. Дается исторический экскурс в исследование проблемы компенсации, рассматриваются различные теоретические подходы, определяется специфика компенсации как способа достижения чувства автономности при отсутствии явных признаков сепарации.

В заключении обсуждаются перспективы исследования проблемы психологической сепарации и ее механизмов.

ГЛАВА I

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕПАРАЦИИ ЛИЧНОСТИ¹

1.1. Философские основы конкретно-научных исследований

Философско-методологические основания исследования любой научной проблемы позволяют определить границы ее изучения и очертить смысловые аспекты теоретического анализа. По мнению Н. С. Мудрагей невозможно представить себе творчество любого художника в отрыве от его философских взглядов на мир, на собственную деятельность, которые хотя и имплицитно структурируют пространство его научного поиска (Мудрагей, 2005, с. 581).

Споры о роли философии в конкретно-научных исследованиях ведутся до сих пор. В XX в. к этой проблеме обращались Л. Витгенштейн, К. Поппер, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, Х. Ортега-и-Гассет и многие другие видные ученые. Согласно Витгенштейну, философия осуществляет концептуальное прояснение, определяет пределы мыслимого и неммыслимого, «ограничивает спорную территорию науки» (Витгенштейн, 2001, с. 17). Для Сартра философия позволяет понять и постичь специфику человеческого существования, определить его подлинное отношение с миром. «Философия – это то, посредством чего человек становится самим собой, в то время как он становится сопричастным действительности», – говорит Карл Ясперс (Ясперс, 2001, с. 228), убедительно доказывая, что, прибегая к философии, мы удивляемся, сомневаемся, получаем опыт проживания пограничных ситуаций, но, самое главное, выражаем все это через коммуникацию, ведь «вся философия принуждает к общению,

* Результаты методологического анализа проблемы психологической сепарации частично опубликованы в статье: Харламенкова Н. Е. Конкретно-научная методология исследования личностной автономии // Вестник РГНФ. 2013. № 1 (70). С. 124–132.

выражает себя, хотела бы быть услышанной, что ее сущность есть сама сообщаемость, а эта последняя неотторжима от бытия истинного» (там же, с. 235).

О специфической роли философии в решении научных проблем говорили и отечественные философы. Философия не создает специального знания о мире, не добывает его, она лишь строит при помощи знания, которое получают естественные и гуманитарные науки «общую картину мира, необходимую человеку, чтобы жить в мире и ориентироваться в его явлениях» (Трубников, 2001, с. 424). Для философии важной функцией выступает не анализ, а синтез: она связывает человека и мир, позволяет субъекту понимать, а не только знать, осмысливать связь знания о действительности. Это взаимный процесс трансформации реальности в мысль и мысли в реальность характеризуется «как процесс не только приведения мысли в согласие с действительностью, но и приведения действительности в согласие с мыслью, как процесс взаимного согласования мышления и мира, имеющий вполне очевидный жизненно-значимый и жизненно-заинтересованный смысл» (там же, с. 427). Мышление в этом случае выступает не строго рациональной функцией приведения в соответствие этих двух миров – человеческого и бытийного. Это осмысление, в первую очередь, направлено на одухотворение реальности человеческого бытия, а также на обогащение, наполнение реальности содержанием духа и смыслом. Осмысленность мира и одухотворенность природы человека, их взаимное соприкосновение и обогащение и являются основной целью и главным принципом философского познания, «принципом гуманистической ценности научной истины».

Придерживаясь этого принципа и в целом признавая необходимость развития представлений о природе и жизни человека как об особой ценности, мы обратились к конкретно-научной проблеме внешней и внутренней сепарации личности и ее механизмов. Разработана собственная теоретическая и эмпирическая модель сепарации личности, проведен историко-психологический анализ проблемы, а также, проанализированы конкретные эмпирические результаты исследования сепарации личности в детском, подростковом, юношеском возрастах и в период взрослости, что с привело к осмыслению общего методологического конструкта, который бы вывел эту проблему на философский уровень мышления, показал ее значение как важнейшей методологической задачи. Анализируя позицию Ж.-П. Сартра в отношении философии, Т. М. Тузова замечает,

что философия для французского мыслителя – это «труд свободы», раскрытие тайны определения человеком своего места в мире, понимание человеческого существования как индивидуального усилия, направленного на самореализацию, самоосуществление в мире. «Цель, которой подчинена сартровская философия, – опровергнуть любые формы редукционизма в трактовке „человеческой реальности“... спасти в пространстве философской мысли то, что составляет специфику и достоинство человека: *его свободу как „автономию выбора“* (курсив наш. – Н. Х. и др.), основанную на способности сознания к самоопределению» (Тузова, 2001, с. 176), ведь смысл существования человека состоит не в детерминации извне, а в формулировке собственного закона существования. Пожалуй, именно эта проблема – поиска человеком своего места в мире, обретения себя как свободной личности, имеющей право на самоопределение, и выступает в настоящей книге предметом специального исследования. По существу, как пишут М. А. Розов и Н. И. Кузнецова, постановка проблемы человека обусловлена важностью вопроса о свободе выбора, а выбор определяется становлением человека как сознательного существа, ведь в ситуации выбора «человек осознает себя как субъект и берет свое „Я“ за нечто исходное, выступает с претензией на свободу» (Розов, Кузнецова, 1995, с. 18). Сознание, считают авторы, следует понимать как самоуправление, внутренний спор, самооценку, а также как «непосредственную данность мне самому мира моих представлений, ценностных установок, сомнений... способность как-то отнестись к этому миру, способность сделать его предметом рассмотрения» (там же, с. 18).

Подведем некоторый итог и отметим, что на философском уровне исследуемая нами проблема касается обретения человеком себя как свободной личности, способной осуществлять жизненные выборы, исходя из особой внутренней организации Я с целью поиска своего места в мире.

Известно, что философия выполняет мировоззренческую функцию, которую не могут взять на себя конкретные науки. Под мировоззрением понимается не просто сумма сведений о мире, а система взглядов, которая определяет роль и место человека в нем, задает «систему исходных ориентиров, обуславливающих в конечном счете программу социального поведения человека» (Лекторский, Швырев, 1972, с. 21–22). Задачи, которые ставятся на уровне конкретно-научной методологии, обычно не могут полностью исчерпать задач, формулируемых на уровне философской методологии и на уровне

общенаучных принципов и форм исследования. Это разные по своему обобщению и масштабности вопросы. Так, философская рефлексия над наукой предполагает рассмотрение таких наиболее общих проблем, как достижение знания, истины, как отношение между субъектом и объектом, отношение форм знания к внешнему миру, и не может заменить собой внутринаучную рефлексию, основанную на конкретно-научной методологии. Оба вида рефлексии взаимно дополняют друг друга, обогащая и наполняя новым содержанием и смыслом.

Конкретно-научная методология, находясь в тесной связи с философской методологией, не абстрагируется от специфических задач, сформулированных в терминах конкретного научного знания, но позволяет определить общие методологические принципы, на которых затем проводится историко-научный анализ проблемы, конструируется теоретическое и эмпирическое знание. По-существу, средствами конкретно-научной методологии осуществляют переход от методологического к теоретическому уровню исследования, все более специализируя поставленную задачу, сужая ее предметно и переформулируя в терминах конкретной научной дисциплины. В этом смысле понятно, что проблема самоопределения человека, обретения себя как свободной личности может изучаться разными науками – социологией, историей, этикой и, конечно, психологией. Причем даже в контексте собственно психологического знания она может быть по-разному теоретически осмыслена и эмпирически исследована.

Методология научного исследования позволяет определить наиболее общее направление анализа проблемы, сформулировать исходные принципы, раскрыть их содержание, выделить конкретные теоретические конструкторы, а последние – операционализировать и выразить в виде эмпирических переменных (Методология комплексного человекознания..., 2008).

Наиболее приемлемый и принятый в психологических работах подход к изложению методологических оснований исследования состоит в перечислении и подробном обосновании общих принципов исследования, на которых конструируется авторская теория. Каждый из принципов следует рассматривать как некоторую мировоззренческую установку, в ракурсе которой изучаемое явление представлено с определенной точки зрения и начинает видеться по-особому. Примечательно, что не в любом исследовании в результате проведенного методологического анализа выделенные мировоз-

зренческие установки организуются в единую систему принципов, что не совсем верно, поскольку ожидается, что уровень методологии, как и уровень теории, должен иметь целостный, завершенный вид (Барабанщиков, Журавлев, Кольцова, 2007).

В настоящем исследовании выделен ряд принципов, которые задают своеобразную систему координат, удобную для проведения обобщенного, методологического анализа проблемы, а последующая систематизация этих принципов облегчает конструирование теоретической модели сепарации личности с учетом различных факторов. С нашей точки зрения, именно такой методологический анализ проблемы необходим для прояснения задач теоретического и эмпирического исследования сепарации личности и для получения данных, подтверждающих или опровергающих исходные теоретические и исследовательские гипотезы. Так называемые методологические фрагменты оставляют неполное впечатление об изучаемой реальности, создают ощущение ее расколотости, разрозненности. Именно поэтому обращение к методологии с целью получения синтетического знания высокого уровня обобщения, которое не оторвано от действительности, а гармонично и опосредованно (через теоретические утверждения) связано с уровнем реальности, с эмпирическими находками и фактами, создает уверенность в правильности выбранного пути. «Этот поиск, и только он, позволяет определить тот необходимый, а часто и единственный пункт, где философия не просто вступает в живой и непосредственный контакт с действительностью, с самой реальностью человеческого бытия, но где рождается как философия, то есть как специфически человеческая духовная деятельность, как специфическое синтетически-аналитическое... отношение к миру» (Трубников, 2001, с. 426).

1.2. Личностный принцип и проблема психологической сепарации

Система принципов, которая будет обсуждаться в этой главе, включает личностный принцип, принцип развития, принцип субъекта, принцип единства человека и его бытия.

В истории психологии *личностный принцип* появляется в связи с преодолением идей функционализма как направления, изучающего отдельные психические функции – ощущение, внимание, память и др. в отрыве от человека и его целостной психики. Необходимость

введения личностного принципа была продиктована решением непростой задачи – преодоления постулата непосредственности, благодаря которому связь между сознанием и деятельностью не была обусловлена активностью субъекта, который просто исключался из этой связи. С.Л. Рубинштейн показывает, что проблема соотношения внешнего и внутреннего, природного и социального, разрешается только в том случае, если человек как субъект вводится внутрь, в состав бытия, интегрируя в себе все многообразие проявлений человеческого и обнаруживая собственную, аутентично присутствующую ему активность. Это значит, что внешние воздействия действуют только через внутренние условия, т. е. через сложную систему психодинамических и содержательных свойств психики, при этом ощущение, восприятие, память, мышление в какой-то мере выступают как функции личности, которые в определенном смысле зависят от ее мотивации, установок, ценностей, наклонностей. «Исчерпывающее рассмотрение психических процессов – восприятия, мышления (а не только, скажем, чувств) должно включить и „личностный“, и, в частности, мотивационный аспект соответствующей деятельности, то есть выявить в них отношение личности к задачам, которые перед ней встают. Однако это никак не значит, что можно рассматривать восприятие, мышление и т. д. только как частное проявление от случая к случаю изменяющегося отношения личности к ситуации» (Рубинштейн, 1959, с. 123).

Вслед за включением личностного принципа в методологию психологии, постепенно сама личность становится предметом самостоятельного исследования: изучаются структура и жизненный путь личности, уровни развития личности, самосознание и рефлексия. Рубинштейн подчеркивает, что человек как личность выступает в качестве носителя общественных отношений, он «сознательно определяет свое отношение к окружающему» (там же, с. 122), занимает особую позицию во взгляде на мир. Появляются не только теоретические, но и эмпирические исследования в области психологии личности; личностная проблематика становится актуальной как в гуманитарном, так и в естественно-научном направлении психологии.

Формулируя проблему самоопределения человека в мире, представленную на теоретическом уровне как внутренняя и внешняя сепарация личности, невозможно не коснуться важного аспекта, о котором говорилось выше, а именно: человек всегда мыслится как часть реальности, бытия, по отношению к которому он выра-

жает свое мнение и в котором он находит свое место, самоопределяется. «Сознание в психологическом его выражении – это процесс осознания субъектом объективного бытия, находящегося вне сознания; сознание включено в бытие и обращено на него; из бытия черпает сознание свое содержание и к нему относит его как к независимому от него предмету» (там же, с. 149–150). Рассматривая личность с точки зрения ее социально-психологических качеств, позволяющих ей устанавливать адекватные отношения с реальностью, важно понимать, что подобное отношение возможно только тогда, когда оно транслируется самой личностью, выражая ее собственную позицию. О том, почему это именно так, речь пойдет ниже, при обсуждении принципа субъекта, а сейчас подчеркнем, что выделение *личностного принципа* как одного из методологических оснований настоящего исследования необходимо для того, чтобы показать, что формирование человека как личности происходит в определенной *системе отношений*, прежде всего, в отношениях между родителями и ребенком, становление которых происходит еще до момента его рождения.

История детско-родительских отношений, как, впрочем, и отношений с обществом в целом, характеризуется явным парадоксом, состоящим в том, что глубина и возможное развитие диады или триады наблюдаются только в том случае, когда участники этого процесса стремятся к собственной автономности и независимости.

Примечательно, что это правило распространяется на любые человеческие контакты. Так, по мнению Джеймса Холлиса, анализирующего глубину и длительность супружеских связей, с наступлением среднего возраста человеку приходится искать замену модели взаимного слияния, вследствие того, что отношения быстро истощаются, исчерпывают себя. Эта модель, по его мнению, демонстрирует отказ от идеи, что один из партнеров должен спасти другого. «Она предполагает, что обе стороны могут принять участие в индивидуации и что они по-партнерски помогают друг другу стать самими собой» (Холлис, 2008, с. 84). Избавляясь от проекций, каждый из партнеров берет ответственность за супружеские отношения на себя, и брак начинает строиться на взаимоотношениях индивидуальностей, которые в силу своей непохожести становятся интересными друг другу, реализуя свою собственную индивидуацию и одновременно создавая особое пространство, в котором происходит «совмещение одного одиночества с одиночеством другого», творение третьей топики.

Кроме конструкта «система отношений», личностный принцип задает еще одно направление исследования проблемы самоопределения человека как субъекта своей жизни. Это направление позволяет раскрыть психологические особенности человека, его *личностные свойства*. Согласно С. Л. Рубинштейну собственно личностные свойства человека – это те черты, которые обуславливают его общественно значимое поведение или деятельность. «Основное место в них поэтому занимают система мотивов и задач, которые ставит себе человек, свойства его характера, обуславливающие поступки людей (то есть те их действия, которые реализуют или выражают отношения человека к другим людям) и способности человека, то есть свойства, делающие его пригодным к исторически сложившимся формам общественно полезной деятельности» (Рубинштейн, 1959, с. 119–120). Оба конструкта – система отношений и личностные свойства – взаимосвязаны и взаимно определяют друг друга, они вводятся нами в общую методологию исследования для построения наиболее общих оснований теоретической модели сепарации личности.

1.3. Принцип развития в исследовании сепарации личности

Следующий методологический принцип, без которого невозможно исследовать процесс психологической сепарации это – *принцип развития*. В монографии «Самоутверждение подростка» (Харламенкова, 2007б) отмечено, что категория развития представляет собой одно из фундаментальных понятий психологии, которым обозначают законы и закономерности динамики психического как процесса. Идея развития вошла в психологию благодаря эволюционной теории Ч. Дарвина и работам И. М. Сеченова. Именно Сеченов аргументированно доказал необходимость исследования психической реальности с помощью генетического метода, сформулировал универсальный закон дифференциации. Нами отмечено, что наиболее общие законы развития – дифференциация и интеграция – подробно проанализированы уже в трудах русских мыслителей конца XIX–начала XX в.: И. М. Сеченова, В. С. Соловьева, Н. Н. Ланге, Н. О. Лосского, А. А. Богданова.

В отечественной психологии принцип развития был реализован в положениях о гетерохронности, сложности и многомерности психической динамики, в обсуждении вопроса о движущих силах, закономерностях и детерминации развития. Принцип социальной

детерминации развития разрабатывался Л. С. Выготским и последовательно изучался А. Р. Лурией; роль деятельности как способа и условия психического развития показана в работах А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, А. В. Запорожца, Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова. В трудах Б. Г. Ананьева и Б. Ф. Ломова эти идеи получили воплощение в принципе единства деятельности и общественных отношений в развитии личности, в раскрытии роли общения в формировании и становлении личности, в «положении о личности как активном субъекте своего собственного развития» (Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988).

Понимание развития как преимущественно социально детерминированного процесса не всегда позволяет раскрыть его многообразие и многомерность, рассмотреть человека как индивида, усваивающего и присваивающего социальные нормы, правила, требования. Однако уже Л. И. Божович настаивала на признании того, что в процессе деятельности могут формироваться разные психические свойства, так как ребенок усваивает из окружающей среды то, что отвечает его потребностям, ведь «психика человека развивается не столько в меру усвоения, сколько в меру изменения субъектом окружающей его действительности» (Божович, 1968, с. 14). Тем самым альтернативность детерминации (биологическое или социальное) может рассматриваться системно (Б. Ф. Ломов, Ю. И. Александров, Е. А. Сергиенко) и представлять собой не дихотомию, а «взаимообуславливающее единство», звенья «системной детерминации единого процесса развития человека» (Сергиенко, 1992, с. 27).

Согласно Л. И. Божович, путь формирования личности заключается в постепенном освобождении человека от непосредственного влияния среды, что позволяет ему сознательно преобразовывать эту среду и себя самого. По мнению А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой-Славской, это путь развития человека как субъекта деятельности, который, если посмотреть на развитие как на многомерный процесс, может происходить в ходе не только деятельности, но и общения (Б. Ф. Ломов), взаимодействия (Я. А. Пономарев) и даже созерцания (В. П. Зинченко).

Учитывая важность категории развития для психологии, С. Л. Рубинштейн придал ей статус важнейшего методологического принципа психологии. «Развитие психики является для нас не только более или менее интересной частной областью исследования, но и общим *принципом* или *методом* исследования всех проблем психоло-

гии. Закономерности всех явлений, и психических в том числе, познаются лишь в их развитии, в процессе их движения и изменения, возникновения и отмирания» (Цит. по: Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988, с. 25).

Необходимыми и достаточными характеристиками развития являются необратимые, закономерные, направленные качественные изменения организованных объектов, осуществляющиеся системным образом.

Характерными чертами развития Л. И. Анцыферова, Д. Н. Завалишина и Е. Ф. Рыбалко (1988) называют:

- преемственность между этапами,
- целостность,
- завершенность, результативность,
- структурность,

которые связаны с такими фундаментальными характеристиками развития как:

- имманентность изменений,
- направленность и необратимость,
- качественный характер.

Соединение принципа развития, дифференциации, системности, генетической заданности, эквифинальности, формирования качественно новых образований при условии осуществления взаимодействия данной системы (личности) с другими системами соответствует современным представлениям о процессе развития, которые находят отражение в системно-эволюционном (П. К. Анохин, В. Б. Швырков, Ю. И. Александров) и историко-эволюционном подходах (А. Г. Асмолов), в динамической теории личности (Л. И. Анцыферова).

Возвращаясь к анализируемой нами проблеме, подчеркнем, что оба принципа – личностный принцип и принцип развития – являются базовыми методологическими основаниями построения теории сепарации личности. Принципом развития утверждается положение о том, что сепарация представляет собой процесс, который охватывает всю жизнь человека, начиная с его рождения и заканчивая смертью. В динамике сепарации видится принципиальная невозможность завершить этот процесс на каком-либо этапе жизни, ведь, как мы указывали выше, человек как личность формируется и развивается в системе отношений с другими людьми. Системы имеют тенденцию сменять друг друга; перестраиваются отноше-

ния и внутри одной системы. В этом смысле личностный принцип и принцип развития тесно связаны между собой; образуют неразрывную и сопряженную пару, без которой понимание методологической основы теоретического и эмпирического исследования сепарации личности становится практически невозможным.

Анализируя отдельные характеристики процесса развития, выделенные Л. И. Анцыферовой, Д. Н. Завалишиной и Е. Ф. Рыбалко (1988), применительно к процессу сепарации, отметим, что *преемственность* между этапами можно обнаружить, прежде всего, в сохранении общего профиля и общей цели психологической сепарации, которые устойчиво наблюдаются во всех возрастах. То же самое можно сказать и о критериях сепарации, которые, за исключением ряда нюансов и особенностей возраста, выступают в качестве универсальных признаков сепарации. Непрерывность протекания этого процесса обнаруживается в актуально существующей у человека потребности в поиске своей индивидуальности, в разной мере проявляющейся у разных людей, но остающейся характерным признаком «тестирования» себя как личности. Нарушение преемственности между этапами в развитии процесса сепарации следует рассматривать как показатель нарушений и в личностном развитии.

Целостность процесса сепарации личности и становления ее автономности проявляется в специфике построения отношений с другими людьми, которая затрагивает все аспекты социального взаимодействия. Иначе говоря, если трудности в переживании своей автономности возникают в одной системе отношений, то они будут повторяться и в других типах социальных контактов, распознаваемых и как непосредственно данные, и как проявившие себя компенсаторно. Такой признак осуществления сепарации, как целостность, стабильно обнаруживается и в тесной взаимосвязи внутренних и внешних изменений, в их системной динамике, например, в том, что у личностей с интегрированной и диффузной идентичностью паритетность социальных отношений существенно различается. Указывая на устойчивость этой закономерности, О. Кернберг пишет, что интеграция идентичности и конгруэнтность с реальностью, позволяющая проводить дифференциальную диагностику личности, определяя уровень ее развития. «Качество объектных отношений во многом определяется целостностью идентичности, включающей в себя не только степень интеграции, но и относительное постоянство Я-образа и образов других людей во времени» (Кернберг, 2000, с. 27).

Завершенность сепарационного процесса в масштабе всей жизни человека следует считать идеальным случаем. В аспекте отдельных возрастных этапов завершенность сепарации может представлять собой особое состояние системы отношений личности с другими людьми и отношений к себе, к своей жизни. В этом случае высока вероятность появления таких признаков, как: 1) целостность Я, т. е. степень дифференцированности представлений о себе, позитивное самоотношение, принятие себя, определенность границ Я; 2) целостное и непротиворечивое представление о Другом, в частности, целостное представление об отце и матери, принятие Другого, способность видеть в другом человеке личность; 3) умение адекватно выражать свои чувства, реагировать на ситуацию, проявляя обиду, гнев, агрессию при ограничении самостоятельности; способность эмоционально откликаться на разлуку, критику, неодобрение; умение проявлять чувство автономности, внутренней силы; 4) отсутствие поведенческих реакций в виде отыгрывания, таких, как девиантное поведение, болезни, наркотики, пищевые зависимости, несчастные случаи и др.; 5) способность планировать жизнь без одобрения другого человека, определять временную перспективу, выдерживать ожидание. Однако выделенные нами* критерии сепарации могут быть применимы для оценки качества этого процесса только по отношению к конкретной стадии развития личности без вынесения решения об окончательной завершенности процесса сепарации.

Структурность развития отношений, построенных на основе сепарации, тесно связана с критерием целостности и заключается в особой организации социальных контактов, а также в самоорганизации, в наличии приоритетов по отношению к прошлому, настоящему и будущему, в способности влиять на ту или иную структуру отношений, меняя ее с целью более эффективного функционирования системы, что, безусловно, характеризует человека как субъекта собственной жизни.

В целом важно подчеркнуть, что применительно к проблеме самоопределения человека в жизни, поиска им своего места в мире принцип развития открывает новые возможности для теоретичес-

* Критерии сепарации личности выделены в процессе работы над темой «Внутренняя и внешняя сепарация и ее механизмы» Н. Е. Харламенковой, Е. В. Кумыковой, А. К. Рубченко, Т. С. Стоделовой, Ю. А. Латышевой, Т. А. Будневской.

кого осмысления проблемы сепарации личности как *непрерывного* и *циклического*, повторяющегося в разные периоды жизни в связи с решением новых задач взросления.

1.4. Принцип субъекта

Следующим методологическим основанием исследования механизмов внутренней и внешней сепарации личности является *принцип субъекта*. Вводя понятие субъекта в систему категорий психологической науки, С.Л. Рубинштейн, прежде всего, стремился к преодолению постулата непосредственности и к критической оценке мнения о прямом влиянии объекта на субъект, во взаимодействии которых последний виделся как пассивный участник этого процесса. «Под „отражением“ мы разумеем не столько отражение объекта в субъекте, при котором образ объекта возникал бы непосредственно в результате механического воздействия объекта, воспроизводимого таким образом в субъекте, сколько отражение объекта субъектом, при котором воздействия объекта преломляются через субъект, опосредствуются его деятельностью» (Рубинштейн, 1959, с. 15). Кроме формулировки положения об *активности* человека как субъекта познания в процессе отражения реальной действительности, понятие «субъект» используется Рубинштейном для объяснения того, что не психика, сознание, а *сам человек* как познающий субъект, неотделимый от бытия, реального мира, должен стать предметом научного анализа. «Всякая попытка устранить, как недоказуемое и недостоверное, существование бытия, независимое от сознания, неизбежно приводит на другом полюсе к самоликвидации сознания» (там же, с. 154). Более того, пишет Рубинштейн, «непреодолимые трудности в онтологическом учении о сознании и в теории познания возникают, когда само сознание, – а не человек как субъект, осознающий объективный мир, – принимается в качестве одного из исходных терминов основного гносеологического отношения» (там же, с. 155).

Обосновывая важность введения понятия «субъект» в понятийный аппарат психологической науки, Рубинштейн подчеркивает, что познаваемое в качестве объекта должно быть независимо от сознания субъекта, однако самого субъекта следует рассматривать как часть материального бытия во избежание отведения сознанию особой сферы функционирования и трактовки его как уникального явления, как эпифеномена. Это одна из центральных идей философско-психологической концепции Рубинштейна, сопостави-

мых с высказываниями других философов о том, что человек может быть изучен во всей полноте его проявлений, только будучи включенным в общую картину мира. «И когда философия связывает человека с его потребностями и интересами, с одной стороны, и мир, понятый не „сам по себе“, но как мир человеческого бытия... в единую систему человеко- и мироведения, заданную изучением мира и заданную миру... посредством практического человеческого взаимодействия с миром, практической деятельности, только тогда философия и сохраняет свой смысл и свое право на существование» (Трубников, 2001, с. 423).

Субъект, согласно А. В. Брушлинскому, это – наиболее широкое понятие человека, «обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство, целостность всех его качеств: природных, социальных (social), общественных (societal), индивидуальных и т. д.» (Брушлинский, 2003, с. 22). Личность, продолжает Брушлинский, – менее широкое определение человеческого индивида, оно раскрывает глубокую взаимосвязь некоторых черт человека. Подобное сопоставление субъекта и личности накладывает на нас определенные обязательства, которые требуют сравнения этих двух понятий. Необходимость такого сопоставления вызвана, прежде всего, тем, что оба методологических принципа – личностный принцип и принцип субъекта – выступают в качестве философских оснований настоящего исследования.

Согласно установленной в психологии традиции и личностному принципу, отметим, что понятием «личность» обычно обозначают человеческого индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности, а также определяют этим понятием устойчивую систему социально значимых черт, характеризующих индивида как человека того или иного общества или общности (Психологический словарь, 1983). Данное определение понятия «личность» можно конкретизировать рядом дефиниций, которые были предложены известными отечественными и зарубежными учеными. Так, с точки зрения И. С. Кона, понятие «личность» обозначает человеческого индивида как члена общества, обобщает интегрированные в нем социально значимые черты. Б. Г. Ананьев определяет «личность» как субъекта общественного поведения и коммуникаций. Согласно К. К. Платонову, личность это – человек как носитель сознания. По К. Ясперсу, индивида называют личностью в том случае, когда он обладает чувством самодовлеющего существования, чувством собственного, неделимого «Я».

Разные подходы к пониманию личности тем не менее объединяет одно: личность рассматривается с точки зрения интеграции социально-психологических особенностей, т. е. организации тех черт, которые были сформированы человеком в процессе социального взаимодействия, в ходе накопления опыта общения с другими людьми. Подчеркивается социальная и одновременно адаптивная природа человека как личности в качестве основы его функционирования. Несмотря на выраженную «социализацию личности», вряд ли можно провести жесткую границу между социальными и биологическими свойствами человека, обособив его индивидуальные качества от сугубо личностных черт. Однако, когда речь идет о личности, внимание исследователя, в первую очередь, сосредотачивается именно на содержательных свойствах психики (В. М. Русалов), на их социальной обусловленности, а уже потом (если такая специальная задача ставится) на связи этих свойств с формально-динамическими характеристиками психики, например, с такими, как темперамент (Русалов, Манолова, 2005).

Понятие личности вводится в связи с анализом системы отношений личности с социумом, а также для объяснения влияния личностных особенностей человека на *деятельность*, которая специфическим образом «окрашивается», приобретает индивидуальный характер.

Понятие субъекта используется для того, чтобы подчеркнуть важнейший аспект жизни человека, а именно аспект осознания себя и овладения своей жизнью, принятия активной позиции, позволяющей осуществлять *регуляцию отношений* с миром в целом, выходя за границы конкретной деятельности. Именно поэтому категория субъекта вводится для того, чтобы подчеркнуть включение человека в определенную деятельность, а также показать организацию им процесса *жизнедеятельности*, того, как он формулирует жизненные задачи, решает их, осмысливает и реализует свой жизненный путь.

Согласно К. А. Абульхановой-Славской, субъекта отличает особый уровень активности, направленной на создание «интерактивного пространства» между личностью и действительностью. Субъект обладает активностью в той мере, в какой он способен к соединению индивидуально-личностных качеств с целью осуществления взаимодействия личности с миром, готов и умеет преодолевать противоречия, находя относительно независимый от требований способ осуществления деятельности. Утверждается, что «если личность, согласно общепринятому определению, – интегративная сис-

тема, если активность... – это интеграл притязаний, саморегуляции и удовлетворенности, то субъект деятельности – это синтез или интеграл качеств личности в способе осуществления деятельности и требований деятельности к личности. Этот интеграл оформляется в виде... задач, в которых субъект может преобразовывать не только свои личностно-психологические ресурсы, но и сами условия и требования деятельности» (Абульханова-Славская, 2002, с. 45).

Согласно А. В. Брушлинскому, субъектом выступает человек, люди «на высшем (индивидуализировано для каждого из них) уровне активности, целостности (системности), автономности...», для которого окружающая действительность обнаруживается не в форме раздражителя или сигнала, «но прежде всего как объект действия и познания, а другие люди выступают для него тоже как субъекты» (Брушлинский, 2002, с. 9).

Субъект, интегрируя и соотнося между собой многообразие своих особенностей (природных, социальных, общественных, индивидуальных, т. е. в том числе и личностных) не только осваивает, но и строит свое бытие, ощущая его как собственное, и тем определяет свое место в мире. А. В. Брушлинский пишет: «Конечно, формирование личности осуществляется в процессе усвоения всей человеческой культуры, но такое усвоение не отрицает, а, напротив, предполагает самостоятельную и все более активную деятельность (игровую, учебную, трудовую и т. д.) каждого ребенка, подростка, юноши, взрослого и т. д.» (Брушлинский, 2003, с. 71).

Если можно было бы разделить личностное и субъектное, то к первому мы бы отнесли характер человека или социально-психологические особенности, обусловленные, помимо прочего, и природными свойствами, которые определяют своеобразный стиль адаптации данного индивида к социуму, а ко второму – человека, в целостности осознающего часть этих особенностей как свои и способного реализовать и развивать их в трудных жизненных обстоятельствах, а также там, где они потенциально могут не только повышаться, но и снижать общий уровень адаптации.

Для настоящего исследования принцип субъекта важен как подход, позволяющий рассматривать человека с точки зрения его внутреннего стремления к дифференциации собственного мира от интроекций, присвоенных, прежде всего, вследствие общения с родителями и другими значимыми людьми; как человека, который тестирует, развивает и актуализирует разнообразные внутренние и внешние способы личностного самоопределения, и призна-

ет за собой авторство в сделанных им высказываниях, в чувствах, в поступках.

Принцип субъекта позволяет теоретически осмыслить несколько важных аспектов проблемы сепарации личности, включив их в круг обсуждаемых вопросов. Из совокупности отмеченных выше характеристик субъекта следует обратить внимание на такие особенности как: 1) стремление к выделению себя из мира объектов и значимых субъектов, 2) формирование своей идентичности путем интеграции социальных и природных особенностей, 3) стремление к автономности и 4) организация отношений с объектами и другими субъектами в пространстве Бытия с целью осуществления собственной жизни и реализации задач своего жизненного пути. Новый вопрос, не всегда формулируемый в связи с принципом субъекта, заключается в том, что человек как субъект жизни проявляет себя не только как автор собственного жизненного пути, но и как активный организатор отношений с другими людьми; эти отношения косвенным образом влияют на жизненный выбор самого субъекта и на выбор того человека, с кем установлены долгосрочные связи.

Последовательно остановимся на четырех аспектах принципа субъекта, которые были определены нами в связи с изучаемой проблемой сепарации личности. Первый из них – это стремление к выделению себя из мира объектов и значимых субъектов. Согласно А. В. Брушлинскому, ребенок «начинает выделять себя (не отделять!) из окружающей действительности и противопоставлять себя ей как объекту действия, познания, созерцания и т. д.» (Брушлинский, 2002, с. 12) очень рано, уже на первом году жизни. Критериями становления субъекта, по Брушлинскому, являются, во-первых, способность 1–2-летнего ребенка на основе сенсорного и практического опыта выделять значимых для него людей, предметы, события посредством обозначения их простейшими значениями слов, и, во-вторых, способность выделять детьми 7–10 лет объекты, обобщая их в форме простейших понятий. «На вышеупомянутом этапе развития деятельности и общения окружающая действительность именно в *понятиях* начинает выступать для людей в качестве *объекта* (а не только как система раздражителей и сигнальных раздражителей). Объект существует только относительно с субъектом, а субъект возникает, действует, живет лишь во взаимосвязи с объектом и с другими людьми как субъектами» (там же, 2002, с. 13).

По существу, способность к выделению себя из мира объектов и субъектов, с одной стороны, характеризует ребенка как личность,

которой уже исходно присущи субъектные характеристики. С другой стороны, способность к выделению из окружающего мира можно считать «началом» развития субъектности, необходимым условием становления жизненного пути личности в том смысле, в котором это трактовалось С. Л. Рубинштейном.

Второй аспект принципа субъекта – формирование своей идентичности путем интеграции социальных и природных особенностей. При обсуждении личностного принципа был сделан акцент на развитии у человека социально-психологических особенностей, которые оформляются в виде характера и позволяют человеку адаптироваться к среде, а также развивать свою индивидуальность. Однако нередко, формирование у ребенка устойчивых мотивов и ценностей идет вопреки развитию его природных дарований и способствует появлению неистинного, т. е. фальшивого Я. Способность к осуществлению гармоничного сочетания разных по своему уровню свойств индивидуальности, к полному и гибкому проявлению своей идентичности характеризует человека как субъекта собственной жизни. Интеграция природных особенностей позволяет исследовать, осознать и принять не только свои ограничения, но и свои возможности, актуализировать компенсаторные механизмы, способствующие редукции негативных эмоций, вызванных оценкой своей заданной природой неполноценности, а также развить умения и способности, реализуемые в другой сфере деятельности. Целостность, характеризующая субъекта, не только объемнее того, что интегрировано в личности, но и иначе организована; она отличается природой, функциями, характером связи с миром. Субъект вносит нечто свое в социальное окружение, и не только. Он влияет, изменяет, перестраивает мир, одновременно изменяясь сам. Его самосознание, как говорит Рубинштейн, не замкнуто на нем самом. Будучи субъектом, он оказывается включенным в свое бытие и только опосредованно, через соотношение показаний самонаблюдения с данными объективного внешнего поведения, активно исследует и познает себя. Познавательная функция субъекта в итоге заключается в стремлении регулировать связи с действительностью с целью наиболее полной, адекватной, построенной на нравственных основаниях реализацией своей жизни. «И именно в этом – в богатстве объективного и, особенно, общественного, человеческого содержания, которое через действие проникает в субъект, а не в простом делании или субъективной активности и заключается значение действия в формировании человека, его сознания» (Рубинштейн, 1959, с. 162).

Третий аспект принципа субъекта был соотнесен нами со стремлением человека к автономности. Необходимо отметить, что со стремлением личности к автономности тесно связаны два предыдущих аспекта – выделение себя из мира объектов и других субъектов и формирование интегрированной идентичности. А. В. Брушлинский писал, что человек стремится к выделению, а не к отделению себя от мира. Представляется, что характеристика стремления к автономности важна именно с этой точки зрения, т. е. с точки зрения того, чтобы объяснить ее необходимость для субъекта и при этом показать принципиальное отличие от механизмов отделения, отчуждения, изоляции от мира. Триада «выделение–интеграция идентичности–автономность» представлена таким образом, что первая составляющая связана с *переживанием* себя как отдельного субъекта, вторая – с *представлением* о себе как об особом субъекте, а третья – с независимыми *функционированием*, т. е. с проявлением собственных чувств, утверждением взглядов, высказыванием мнений, совершением поступков, которые имеют четкое авторство – утверждение себя как субъекта своей жизни.

Четвертый аспект принципа субъекта – организация отношений субъекта с объектами и другими субъектами в пространстве Бытия с целью осуществления собственной жизни и реализации задач своего жизненного пути – проявляется в интеграции себя в пространство своей жизни. Согласно К. А. Абульхановой-Славской, категория субъекта, которая объединяет в себе три принципа – способ организации жизни и деятельности, способ разрешения противоречий и совершенствование, обозначает высший уровень развития личности. Она отмечает, что акт становления личности субъектом имеет «временную протяженность всей жизни и ее предельность» (Абульханова, 2005, с. 12), и, «становясь субъектом, личность выступает в новом качестве» (там же, с. 16).

Определяя специфику активности субъекта, мы характеризовали ее как способность человека к предсказанию своего жизненного пути (его направленности, достижений, препятствий и др.), а также к его регуляции средствами ретросказания при обращении к своему опыту (Харламенкова, 2010). Активность субъекта проявляется в особой временной развертке, представленной *ретроспективной* и *перспективной*. Ее принципиальное отличие от классической триады «прошлое–настоящее–будущее» состоит в свободе ментального передвижения в пространстве времени, учитывая законы *обратности* мысли. При этом движение может происходить как попере-

менно, так и одновременно в обоих направлениях. В последнем случае это необходимо тогда, когда ожидаемое событие является следствием переоценки свершившегося и определяется степенью его проработки. Отсутствие некоторой точки отсчета (например, фиксированного настоящего) снимает проблему прерывности жизненного процесса и его строгое разграничение в соответствии с метрикой физического времени. Безусловно, активность субъекта проявляется в его деяниях и умонастроениях, в его продуктивности и не может быть изолирована от деятельности, бытия (Трубников, 1987), однако, с нашей точки зрения, активность в реальной деятельности обусловлена способностью субъекта ментально выходить за ее границы, тем самым обеспечивая ее наибольшую оптимальность, недизъюнктивность, перспективность, осмысленность и результативность.

Было показано, что ретроспектива как обращенность субъекта к своей истории конструируется методом ретросказания, позволяющим представить ее не только образно, но и вербально, т. е. путем символизации опыта с помощью слова. Психологическими механизмами выступают *регрессия, эмоциональная переоценка и когнитивная реконструкция*, с помощью которых осуществляется процесс восстановления своей истории по неполным данным. Перспектива как продолжение субъектом своей истории строится средствами предсказания, которые в отличие от научного метода предвидения включают в себя ожидания, связанные с достижением благополучия и успеха. Тем не менее активность субъекта в форме предсказания учитывает не только возможность достижения успеха, но и вероятность неудачного исхода события в будущем, однако последняя чаще всего планируется как возможность, которую следует обойти, избежать. Психологическими механизмами выступают *антиципация и мотивационное опосредствование*.

Взаимное функционирование психологических механизмов как реализация активности субъекта позволяет понять природу этого процесса, представить его в неделимости на отдельные топологии с фиксированной хронологией (прошлое, настоящее, будущее). Описанные механизмы относятся к разным составляющим активности субъекта, отражая в своем единстве мотивационные, эмоциональные, когнитивные и коммуникативные процессы. Специфичность этих процессов относительно ретроспективы и перспективы не исключает возможности их взаимопересечения и взаимообусловливания. Такое взаимодействие проявляется в том, что эмоциональ-

ная переоценка эпизодов личной истории может стать причиной формирования новых предпочтений относительно перспективных вариантов этой истории, и, наоборот, изменение субъективной ценности ожидаемых достижений способно повлиять на интерес к прожитому и вызвать эмоциональные переживания, сопутствующие процессу ретросказания. Аналогичным образом антиципация, которая проявляется, например, в форме целеполагания, инициирует воспоминания об идентичных планах в прошлом, активизирует поиск причин их неудачного воплощения, который, в свою очередь, опосредствует процесс антиципации. Эти аналогии позволяют нам сделать вывод о том, что активность субъекта, представленная в ретроспективе и перспективе жизни, непрерывна и определяется двумя базовыми особенностями – своей *обратимостью* и *внутренней связанностью*, т. е. возможностью проживания разных эпизодов личной истории – истории длинную в жизнь, между которыми существует «смысловая перекрестная связь» (К. Юнг). Выходя за пределы актуального времени, охватывая в своем единстве ретроспективу и перспективу жизни, активность способна нарушать ее границы, находя продолжение в продуктах своего жизнетворчества.

Итак, методология настоящего исследования основана на личностном принципе, принципе развития и принципе субъекта, которые в целом определяют круг наиболее общих представлений о проблеме самоопределения человека в мире как об одном из серьезных философских вопросов. Этот поиск продолжается всю жизнь, в иных случаях выходит за ее границы, воплощаясь в продуктах своего жизнетворчества.

Пути решения поставленной проблемы, безусловно, разнообразны, прежде всего, потому что сугубо философский вопрос может быть переформулирован в терминах методологии конкретного научного знания, например, методологии социологии, истории, психологии и др., которая, конечно, достаточно специфична.

Для психологии важным остается принцип, согласно которому, личность как проблема исследования выступает двояко – и как объект такого исследования, и как субъект. Личность как объект предстает в статичном виде, «теряет» свои рефлексивные характеристики в том смысле, что они практически не учитываются в процессе психологического исследования. Личность как субъект исследования представляется подвижной, динамичной, рефлексивной, живой системой, способной изменяться в пределах, заданных биологическими и социальными ориентирами, по-разному проявлять

себя во всем многообразии бытия. Кроме того, она способна ставить и искать ответы на один из сложнейших экзистенциальных вопросов, который только может задать себе человек: «В чем заключается смысл человеческой жизни и, в первую очередь, в чем смысл моей собственной жизни?». Ему предшествует другой вопрос: «Кто я такой?», а последний закономерным образом возникает из опыта переживаний, который в чувствах, мыслях, ощущениях определяется так: «Я есть». Инвертируя эту цепочку открытий, получаем, что сначала появляется опыт, благодаря которому ребенок обнаруживает, что он сам и его мама являются двумя отдельными людьми (появляется чувство «Я есть»). Потом формируется и постепенно интегрируется идентичность (у каждого человека в разной степени обобщенности и единства), и ставится вопрос «Кто я?», который, по существу, не снимается полностью никогда. Проблема осмысленности жизни, ее глубины и богатства появляется как следствие серьезной внутренней работы, направленной на интеграцию идентичности, а также в результате осознания человеком не только своей отдельности и уникальности, но и включенности в мир.

1.5. Принцип единства человека и его бытия

Принципиальная неотчуждаемость человека от своего бытия и одновременно переживание и осознание им своей особенности, отдельности создают глубокое и устойчивое ощущение сопричастности единичного человека миру и необходимость постоянно доказывать уместность своей роли в общем процессе жизни. На психологическом уровне это фундаментальное основание человеческого существования проявляется в виде не всегда гармоничного, а часто и противоречивого процесса социализации личности, в ходе которого возможно доминирование одной из двух тенденций – тенденции идентифицироваться с социальными ролями и тенденции разотождествляться с ними. Для К. Юнга эти тенденции часто проявляются последовательно в жизни человека: интроекция внешнего – в первой половине жизни, избавление от интроецированного содержания и путь к себе – во второй половине. Поиск своего места в мире может быть замкнут на описании ролей, выполняемых человеком в обществе, и на идентификации с ними либо на таком же наивном и некритичном принятии суждений других людей (прежде всего, суждений родителей) о себе. Описывая процесс индивидуации, Юнг и его последователи отмечают, что он происходит в двух направлениях

и представляется как аналитическое (*separatio*) и как синтетическое (*coniunctio*) движение. Первое определяется как дифференциация, аналитическая сепарация и «включает расчленение выкованной человеком идентичности, отделение ее как фигур и содержаний, имеющих изначальную основу во внепсихической реальности (т. е. в других людях и объектах), так и тех, что укоренены в первую очередь в самой психике (так называемые внутренние фигуры...)» (Стайн, 2009, с. 19). Второе предполагает приобщение к коллективной психике, «к проявлению архетипических образов коллективного бессознательного...» как сознательное интегрирование его содержаний. Юнг описывает эти процессы в качестве внутренних, т. е. процессов, происходящих в психике человека, хотя понятно, что они не исключают внешних проявлений – вербальных оценок, поведенческих реакций, эмоций и чувств. Однако это – лишь необходимое уточнение осуществления процесса индивидуации, а в целом нам хотелось бы обратить внимание на то, что для полноты методологического анализа изучаемой философской проблемы – поиска человеком своего места в мире и формулируемой на ее основе психологической проблемы – внутренней и внешней сепарации личности, систему философских принципов исследования важно дополнить *принципом единства человека и его бытия*. Этот принцип тесно связан с принципом развития и принципом субъекта, в которых, однако, не полностью представлена инициативная роль человека. В принципе субъекта содержится идея его активности, однако эта активность мыслится в основном как регуляция собственных личностных особенностей, их организация и реализация в процессе жизненного пути, который рассматривается как уникальный способ жизни. Поиск человеком своего места в мире не может быть осуществлен без сопоставления себя, своего мира с миром в целом, без оценки своего вклада в коллективное, общественное, общечеловеческое. Когда учитывается такая система как «Я в бытии», тогда с необходимостью возникает вопрос об организации этой системы, о принципах ее функционирования. Мы полагаем, что эти принципы многообразны и не могут быть сведены к единственно верному. Тем не менее наш собственный интерес направлен на обсуждение одного из них, а именно на анализ принципов интеграции системы и ее дифференциации, через *механизмы отождествления и разотождествления*. Сразу же отметим, что механизмы отождествления и разотождествления могут проявляться как внутренние, интерпсихические, так и внешние, интрапсихические, но в целом принципы их функционирования

остаются идентичными. Обсуждая эти механизмы на уровне методологии, мы не склонны проводить их детальную дифференциацию, которая, однако, возможна на уровне теории и эмпирии.

Поставленная нами философская проблема поиска человеком своего места в мире в ее конкретно-научном аспекте – проблема психологической сепарации личности – в большей степени согласуется с механизмом разотождествления человека с другими людьми, с бытием. Тем не менее практика показывает, что индивидуация и сепарация не могут быть представлены отдельно от социализации, а значит, механизмы отождествления не могут быть выведены за рамки методологического анализа проблемы разотождествления человека с миром.

Обсуждая в свое время проблему опосредствования (Харламенкова, 2008), мы утверждали, что ее анализ невозможен без изучения непосредственного знания, ведь если абстрагировать одно знание от другого, то вопрос о том, каким является конкретное событие – непосредственно или опосредствованно воспринимаемым – будет неуместным, поскольку «любой факт действительности или мышления с равным основанием может считаться как опосредованным (т. е. всегда можно найти нечто промежуточное, посредством которого этот факт существует), так и непосредственным (поскольку можно обойтись без этого промежуточного члена)» (Философская энциклопедия, 1967, с. 148). Тем более, что, несмотря на противопоставление непосредственного и опосредствованного видов знания, соответственно связанных с чувственным созерцанием и рациональным обоснованием, усвоение первого стало ассоциироваться не только с чувствованием, но и с интеллектуальным познанием, т. е. с прямым усмотрением истины, с созерцанием посредством ума, а второе оказалось тесно связанным с исходной чувственной основой. Было показано, что непосредственное знание не всегда есть нечто недоказуемое, но часто безусловно очевидное, поэтому и не требующее никаких доказательств.

Договорившись, таким образом, о том, что рассматриваемый нами принцип важен во всей полноте своего содержания, перейдем к его обсуждению, прежде всего, к важной идее об отождествлении и разотождествлении человека с другими людьми и с миром в целом.

Тождество предполагает равенство объектов, совпадение их существенных признаков. *Отождествление* как процесс ориентирован на сопоставление объектов в определенном интервале времени с целью обнаружения их сходства, совпадения. Тенденция субъек-

та к отождествлению себя с другими людьми связана с желанием считать себя принадлежащим к ним, идентифицироваться с ними, прежде всего, для преодоления чувства опасности и одиночества. Однако в таком отождествлении скрыты и другие мотивы. Э. Эриксон утверждает, что стремление юношей и девушек стать участниками неформальных объединений или желание постоянной смены партнеров является показателем диффузной, т. е. спутанной, идентичности. В присоединении к группе, в отождествлении с ней можно увидеть стремление юноши или девушки к тому, чтобы найти себя, ответить на вопрос «Кто я?». Отождествление, переходящее в слияние с другим человеком, снимает проблему ответственности, но усиливает чувство страха, сепарационную тревогу, которые сопутствуют этому симбиотическому состоянию. В норме процесс отождествления способствует установлению коммуникации, доверительному общению. Эмпатийное отождествление несет терапевтический эффект, позволяет партнеру принять отвергаемые им характеристики и идентифицироваться с ними. Именно поэтому отождествление сопровождается познанием другого объекта и самопознанием, через приемы сравнения и символизации это открывает человеку путь к себе.

Отождествление выступает основой *единства* человека и его бытия, которые могут мыслиться только в таком виде. «Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, как субъект жизни. Такой подход предполагает другое понятие и объекта, соотносящегося с субъектом: бытие как объект – это бытие, включающее и субъекта» (Рубинштейн, 1997, с. 64–65). Отсюда, как говорит Рубинштейн, бытие не может быть сведено к вещам, к объективной реальности и противопоставлено субъекту. Через познавательное отношение к миру, к другому человеку субъект познает и себя, и пытается определить свое место в этом мире, прежде всего, как сознательного и действенного, активного субъекта. Механизм *отождествления*, таким образом, позволяет субъекту открыть в себе сугубо человеческие качества, понять свою активную роль в мире бытия, осваивать и изменять его, меняя себя. Через отождествление открывается все многообразие человеческого существования, показывающее одновременно со сходством и различия, варианты жизни.

Разотождествление можно было бы описать как противоположный по направленности процесс, способствующий разъединению, разобщению, разделению. Именно таким часто и видится процесс

сепарации, что создает неверное и неполное представление о нем. Даже практикующие психологи часто ошибаются, рассматривая разотождествление, сепарацию как самоцель, как задачу, которая состоит в том, чтобы клиент справился с сепарационной тревогой, отделившись от родителя. Как общечеловеческая стратегия жизни разотождествление вызвано, прежде всего, стремлением к самосохранению, а также потребностью в поиске себя, в открытии своей индивидуальности. Это подтверждает Ж.-М. Кинодо, когда говорит, что болезненная реакция на разотождествление в то же время является структурирующим переживанием, поскольку «восприятие боли одиночества, во-первых, убеждает нас в том, что мы существуем в качестве отдельных и уникальных существ, уважающих других, и, во-вторых, в том, что эти другие отличаются от нас» (Кинодо, 2008, с. 15).

Потребность в самосохранении как причина стремления к разотождествлению имеет как индивидуальный, так и видовой характер. В последнем случае разотождествление обеспечивает разнообразие, вариативность, разброс в проявлении человеческих свойств, что всегда рассматривается как основание для выживания вида и его адаптации. Обсуждая проблему личного и коллективного бессознательного, К. Юнг писал, что «игнорирование индивидуального означает, естественно, ухудшение всего уникального, посредством чего в сообществе искореняется элемент развития... Как следствие в отдельном человеке... процветает только общественное и всякого рода коллективное, а все индивидуальное осуждено на гибель, т. е. на вытеснение» (Юнг, 1994, с. 210).

Для отдельного субъекта самосохранение через разотождествление тоже имеет глубокий смысл, поскольку в симбиозе с другим объектом человек теряет не только свою индивидуальность, но и право на инициативу, и становится полностью зависимым от Другого, чье мнение может оказаться неверным и даже опасным. Простым примером является разница между людьми в типах темперамента и, соответственно, в способах компенсации темпераментальных свойств в тех ситуациях, которые требуют дополнительных ресурсов. В этом случае ориентация на человека с другим типом темперамента и игнорирование своих особенностей может привести к эмоциональному выгоранию и снижению уровня активности, а также к более серьезным последствиям – к болезням и физическим травмам. Кроме потребности в самосохранении, разотождествление приносит в отношения между людьми эффект новизны, позволяет

субъекту развивать свою идентичность, переживать свои подлинные чувства, совершать поступки, которые не были навязаны ему извне, но которые присущи ему самому. Именно разотождествление высвобождает идентичность из уз зависимостей, открывая перед человеком его природу и его дух, позволяет на новом уровне общения строить отношения с близкими людьми.

Можно ли утверждать, что разотождествление является одним из процессов, способствующих поиску человеком своего места в мире? Думается, что можно, ведь разотождествляясь, например, со значимыми людьми, субъект не дистанцируется от них, не разлучается с ними, а, наоборот, осваивает новые формы отношений, используя их вместо тех, которые уже изжили себя. Благодаря разотождествлению как способу упрочения своих позиций в мире осуществляется не столько разграничение (разделение) бытия на свое и чужое, не столько его пространственная дифференциация, сколько особое понимание бытия человеком, открытие бытия для себя, постижение его смысла, как уникального для данного субъекта. Разотождествление, конечно, может сопровождаться негативными явлениями – сильными эмоциональными реакциями, неадекватными действиями, неуверенностью вследствие потери опоры, авторитетной фигуры, которые не всегда воспринимаются как естественные и поэтому как преодолимые. Однако, способствуя развитию рефлексии и сопровождая ее, идентификация с Другим заменяется самоидентификацией, самоотжественностью, но не в пространстве своего внутреннего мира, а в пространстве бытия, которое тоже открывается заново.

Оба процесса – отождествление и разотождествление функционируют в своем единстве на всем протяжении жизненного пути личности и создают основу для осуществления динамической целостности человека и бытия. Средствами отождествления раскрывается стремление субъекта к пониманию своей человеческой природы, а также к преодолению чувства одиночества и опасности; разотождествление ведет к индивидуальному своеобразию, к созданию особой бытийности, к раскрытию уникальной позиции конкретного человека в мире.

Обобщая методологические принципы научного исследования проблемы поиска человеком своего места в мире, выделенные нами, подчеркнем, что среди важнейших следует отметить личностный принцип, принцип развития и принцип субъекта, а также принцип единства человека и его бытия.

По существу, каждый из принципов раскрывает в человеке определенную сторону его жизненного устремления к самоосуществлению, и по-разному объясняет это устойчивое желание найти себя в мире.

Следует попытаться очертить изучаемую проблему в целом, опуская маловажные детали, и показать место каждого из обсуждаемых выше принципов в контексте ее философского обоснования, «мировоззренческого осмысления». По-видимому, начать методологический анализ проблемы стоит с представления ее в виде некоторого парадокса. Парадоксальность поиска смысла жизни, поиска человеком своего места в мире состоит в том, что, с одной стороны, субъект представляет собой и часть человечества вообще, и часть бытия, центром которого он является, но, с другой стороны, как только мы пытаемся объяснить природу человека именно таким образом, он теряет свою человеческую сущность, поскольку перестает быть индивидуальностью. Х. Плеснер пишет: «Сознание индивидуальности собственного бытия и сознание контингентности этой совокупной реальности необходимо даны вместе и требуют друг друга. В собственной его безопорности, которая одновременно запрещает человеку иметь опору в мире и открывается ему как обусловленность мира, ему является ничтожность действительного и идея мировой основы» (Плеснер, 1988, с. 150). Получается, что субъект отчуждается от мира, чтобы вернуться к нему, но уже в другом качестве. Если же он остается в мире, ища в нем опору, т. е. не обнаруживая своей индивидуальности, то он теряет не только себя, но и мир как таковой, поскольку перестает их различать, перестает дифференцировать мир и себя. Думается, что в разрешении каждым человеком этого парадокса и заключена суть человеческой жизни, человеческого существования, хотя понятно, что разрешить его не представляется возможным, но можно, однако, ориентироваться на него, распознавать его, а значит, и стремиться к познанию своей природы, индивидуальности, уместности. «Эти два образа – меня и моей ситуации по отношению к другим субъектам – не могут слиться воедино, эти две перспективы не могут совпасть. Я колеблюсь в довольно жалком состоянии между ними. Если я буду ориентироваться на перспективу субъективности, то погружу все в себя, и, жертвуя всем во имя своей уникальности, я приду к абсолютному эгоизму и гордыне. Если я буду следовать перспективе объективности, я буду поглощен всем, а растворяясь в мире, изменяю моей уникальности и уступаю своей судьбе» (Маритен, 1988, с. 237).

Взаимосвязь обсуждаемых выше принципов в целом определяет общеметодологические основания теоретического и эмпирического исследования проблемы сепарации личности, отражающие отношение авторов настоящей книги к изучаемой проблеме. В этой системе принципов *личностный принцип* указывает на два важных положения, первое из которых состоит в том, что формирование человека как личности происходит в определенной *системе отношений*, в мире, прежде всего, в отношениях между родителями и ребенком, становление которых происходит еще до момента его рождения; второе положение, раскрывает суть принципа детерминизма, сформулированного С. Л. Рубинштейном как «внешнее через внутреннее» и заключается в том, что внешние воздействия преломляются через внутренние условия, т. е. через мотивацию, ценности, опыт личности. Однако, как отмечалось выше, личностные особенности нередко служат человеку для приспособления, адаптации к определенному социальному окружению, к обществу, в котором он живет. В этом смысле в личностном принципе обнаруживается, если можно так сказать, «центробежная» сила, экстернальная установка, направленность на мир.

Уравновешивание направленности человека на мир происходит при актуализации направленности на себя, которая имеет «целостремительную силу». Эта сторона исследования раскрывается при введении в систему *принципа субъекта*. Определены четыре аспекта анализа этого принципа, которые, как было показано выше, связаны 1) со стремлением к выделению себя из мира объектов и значимых субъектов, 2) с формированием своей идентичности путем интеграции социальных и природных особенностей, 3) со стремлением к автономности и 4) с организацией отношений с объектами и другими субъектами в пространстве бытия с целью осуществления собственной жизни и реализации задач своего жизненного пути. Субъект – это тот, кто способен к регуляции своих личностных и природных особенностей, к их интеграции и к проявлению своей индивидуальности при стремлении к свободе. Ж. Маритен пишет: «В движении по лестнице бытия к более высоким его ступеням мы имеем дело с субъектами существования, с основаниями, все более и более богатыми в своей внутренней сложности, чья индивидуальность все более и более концентрирована и интегрирована... На этой последней ступени преодолевается порог свободы выбора и одновременно порог собственно независимости (при всем его несовершенстве) и личности: с появлением человека свобода спон-

танности становится свободой автономии, *suppositum* становится *persona* – целым, которое бытийствует и существует в силу самого бытия и существования души, само дает себе цели, является самостоятельным универсумом...» (Маритен, 1988, с. 232).

Человек является субъектом своего жизненного пути, поэтому реализация в нем личностного и субъектного невозможна без учета координат развития, без оценки его жизненных ориентиров. *Принцип развития* открывает новые возможности для теоретического осмысления проблемы сепарации личности как *непрерывного* и *циклического* процесса, повторяющегося в разные периоды жизни в связи с тем, что соотношение центробежных и центростремительных процессов постоянно меняется и качество и механизмы связи между социальным и индивидуальным также приобретают особое выражение.

Введение еще одного принципа – *принципа единства человека и его бытия* было обусловлено тем, что субъект является активной движущей силой своего бытия, и его изучение вне этого бытия было бы неоправданно упрощено. Рассматриваемый принцип позволяет расширить пространство исследования и понять природу функционирования Я в бытии, которая раскрывается, согласно нашему подходу, через анализ взаимодействия механизмов отождествления и разотождествления. Средствами отождествления, как было показано выше, обнаруживается стремление субъекта к пониманию своей человеческой природы, а также к преодолению чувства одиночества и опасности; разотождествление ведет к индивидуальному своеобразию, к созданию особой бытийности, к раскрытию уникальной позиции конкретного человека в мире.

Как сугубо философская проблема самоопределения, поиска человеком своего места в мире может быть переформулирована и переведена на язык конкретной науки, представлена в терминах конкретно-научной методологии и теории. Теоретическое знание в обобщенном виде, в виде теоретической модели, схемы выступает как система постулатов и гипотез, система теоретических конструктов. В книге ключевой теоретической проблемой исследования является проблема внешней и внутренней сепарации личности, обобщенная модель которой представляется и верифицируется на значительном эмпирическом материале. Следует заметить, что в настоящей работе теоретический анализ внешней и внутренней сепарации личности выступает продуктом длительного коллективного обсуждения этой проблемы, взгляды на которую не всегда

совпадают, прежде всего, потому что каждый из авторов верифицирует или фальсифицирует выдвинутые гипотезы на своем эмпирическом материале. Именно поэтому, т. е. вследствие учета принципа развития, личностного принципа, принципа субъекта, а также принципа единства человека и его бытия, расхождение в критериях внешней и внутренней сепарации, в понимании ее структуры и динамики вполне возможно. Конечно, допускалась вариативность в толковании психологической сепарации личности, обусловленная не только содержанием эмпирического материала, но и сугубо авторской позицией. Однако в целом коллектив стремился к объединению позиций, к более синтетическому, системному представлению о сепарации и ее механизмах.

Основная цель исследования заключалась в том, чтобы обосновать необходимость сепарации личности как закономерного процесса, выделить ключевые составляющие сепарации, детерминанты и последствия, проследить динамику с учетом возраста и ключевых фигур, участвующих в ней. Общей линией исследования и единой позицией авторов является точка зрения, согласно которой сепарация представляется как поступательный, закономерный процесс, необходимый для полноценного функционирования личности. Деструктивные цели и негативные последствия сепарации следует обязательно учитывать, но только как феномены, которые появляются вследствие нарушения нормально протекающего процесса суверенизации личности.

При теоретическом анализе проблемы и при проверке эмпирических гипотез большое внимание уделяется сепарации ребенка в отношениях с обоими родителями – с отцом и матерью, причем сепарация рассматривается как процесс, который касается не одного участника (например, только ребенка), а всей системы в целом. Напомним, что согласно Д. Винникотту, нет такого объекта, как ребенок, но есть объект «мать – дитя», поэтому, если и возникает проблема зависимости, то ее корректнее сформулировать как проблему созависимости, т. е. представить не на уровне монады (личности), а на уровне диады или триады.

Теоретически обосновывается необходимость обращения личности к компенсаторным способам сепарации в случае фрустрации этого процесса, учитываются способы, к которым прибегает субъект при невозможности достижения автономности прямым путем. Компенсация представляет собой самостоятельную и актуальную тему психологического исследования, но как один из механизмов удовлетворения потребности в сепарации она существенно расши-

ряет представления об обретении личностью права на свой путь развития, на автономность и самостоятельность.

Теоретическая модель сепарации личности верифицируется/фальсифицируется на разном эмпирическом материале и сопоставляется с другими научными подходами. С этой целью историко-психологическому анализу проблемы сепарации личности посвящается отдельная глава, в которой выделены и проанализированы разные направления в ее исследовании. Они ориентированы на классические школы психологии: глубинную психологию, гештальтпсихологию, когнитивную и поведенческую психологию, а также на современные отечественные исследования в этой области. Разнообразие точек зрения на сепарацию индивида, личности или субъекта еще раз подтверждает универсальность поставленной задачи и при этом недостаточную разработанность и, скорее, разобщенность данных.

Важнейшим вопросом остается понятийное многообразие в обозначении изучаемого феномена, которое требует проведения научно-категориального анализа близких по своему значению, но не всегда идентичных по смыслу понятий. Анализ категорий не является самостоятельной задачей настоящего исследования, однако без него невозможно достижение поставленной цели, ведь понятие, по мнению известного отечественного философа В. Ф. Асмуса, выполняет в науке особую функцию; оно выступает как мысль, выражающая результат, итог научного знания и исследования на данном этапе познания. Наиболее простая функция понятия, с точки зрения Асмуса, состоит в том, что с его помощью можно отличить один предмет от другого. Другая логическая функция – способность отражать в мысли итог знаний, их совокупность, является более сложной и ценной. «Понятие как итог познания предмета есть уже не простая мысль об отличительных признаках предмета: понятие-итог есть сложная мысль, суммирующая длинный ряд предшествующих суждений и выводов, характеризующих существенные стороны, признаки предмета. Понятие как итог познания – это сгусток многочисленных уже добытых знаний о предмете, сжатый в одну мысль» (Асмус, 1969, с. 282).

Именно в таком ключе мы рассматриваем необходимость проведения научно-категориального анализа системы понятий, обозначающих явление сепарации, чтобы предполагаемый результат, которым является проверка теории на истинность, мог бы удовлетворять всем требованиям, обычно предъявляемым к четко сформулированной мысли (положению, выводу), прежде всего, удовлетворять требованию объяснять полученные данные (знания) о предмете.

ГЛАВА II

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ СЕПАРАЦИИ

2.1. Психоаналитический взгляд на процесс сепарации

Одним из первых направлений в психологии, возникших для преодоления кризиса ассоциативной психологии, стал психоанализ. Хотя прошло уже более века со времени его возникновения, но теория основателя психоанализа – З. Фрейда продолжает занимать одно из ведущих мест в ученом мире как по числу своих последователей, так и по идеям разработки проблемы внешней и внутренней сепарации.

Как известно, психоанализ – это первая теория, в которой отношения между ребенком и родителями рассматривались в качестве главного фактора детского развития. Наблюдения Фрейда показали, что ранние переживания ребенка оказывают устойчивое и решающее воздействие на его последующее развитие. Занимаясь ретроспективным поиском следов переживаний детства, Фрейд заложил основу новой традиции в психологии и психиатрии.

Основатель психоанализа изучал детерминанты формирования и развития психики ребенка, начиная с пренатального периода, а затем перинатального и далее – до становления зрелой личности взрослого человека. В своих трудах «Проект научной психологии» (1894), «Психопатология обыденной жизни» (1901), «Три очерка по теории сексуальности» (1905), «Печаль и меланхолия» (1917) и др. Фрейд выдвинул предположение о важнейшей роли сексуального влечения – либидо в возникновении сепарационной тревоги и неврозов. Известно, что он использовал понятия «либидо» и «либидозное влечение» еще до того, как возник психоанализ. Термин «психоанализ» был введен им в 1896 г., а первое использование понятия «либидо» относится к середине 1894 г. и находит свое отражение в его работе «Проект научной психологии» (Лейбин, 2001).

Фрейд считал, что *сепарационная тревога* возникает у ребенка в случае неудовлетворенного либидозного влечения из-за потери *материнского объекта* (например, ребенка отняли от груди матери и лишили возможности удовлетворять сосательный рефлекс). Нереализованность либидозных стремлений к удовольствию нарушает естественный процесс сепарации ребенка, и у него может сформироваться зависимость от родителей не только в детстве, но и в зрелом возрасте.

Если в ранних трудах Фрейда говорилось о потере части объекта, например материнской груди, то в своей более поздней работе «Три очерка по теории сексуальности», вышедшей в свет в 1905 г., автор более целостно подходит к происхождению тревоги, вызванной внешней сепарацией или потерей объекта: «Страх детей первоначально является только выражением того, что им не хватает любимого человека... они боятся темноты, потому что в темноте не видно любимого человека, и успокаиваются, если могут держать в темноте его руку» (Фрейд, 2003б, с. 164).

Наблюдения автора показали, что на последующую жизнь ребенка оказывает устойчивое и решающее воздействие любой *эпизод детства*, связанный с внешней сепарацией, даже не замеченный взрослыми, но глубоко ранивший его душу (Фрейд, 2003а). Фрейд отметил, что идентификация с объектом является главным моментом в формировании структур Эго и Супер-Эго. Поскольку детское Эго беспомощно, регулятором тревоги становится *объект привязанности*. Он установил соответствие между тревогой, связанной с объектами, и ассоциативными фантазиями, которые соотносятся с фазами психосексуального развития (отделением от материнского тела во время рождения, страхом потери матери или объекта, потерей любви, кастрации и наказания со стороны Супер-Эго). Рождение, по мнению ученого, представляет первичную травму, а последующие отделения любого рода (отнятие от груди и др.) тоже приобретают качество травмы. Фрейд подчеркивал, что беспомощность и зависимость ребенка обуславливают появление сложных душевных переживаний: детское ощущение тревоги, потребность в безопасности и одновременно выраженное стремление быть любимым, которые остаются присущи ему на протяжении всей жизни (Тайсон, Тайсон, 1998, с. 85).

Однако Фрейд рассматривал потерю объекта лишь с позиции самого субъекта, не уделяя внимания *объектным отношениям*, которые предполагают взаимовлияние субъекта и объекта. На такое

взаимодействие внешней сепарации и внутреннего состояния ребенка указывает К. Юнг, который выявил факт тождества душевного состояния ребенка с бессознательным его родителей. В предисловии к книге Ф. Викас он пишет, что «самые сильные воздействия на детей исходят, как правило, не от сознательных состояний ребенка, а от их бессознательного фона... на ребенка действуют факты, а не слова» (Wickes, 1966, p. 5). Все же центральной идеей юнгианской психологии является процесс движения личности к интеграции всех противоположностей, к Самости, который Юнг назвал *индивидуацией*. В нашем понимании этот процесс сопровождается внутренней сепарацией.

С классическим психоанализом связано и появление теории объектных отношений, в рамках которой наиболее интенсивно разрабатывалась проблема внутренней сепарации.

Последователь Фрейда и его ученик К. Абрахам сделал весомый вклад в изучение проблемы развития либидо и сепарации. В своем докладе на официальном психоаналитическом конгрессе в Зальцбурге в 1908 г. он выдвинул гипотезу о том, что нарушения в либидозных сферах психики ведут к нарушениям функции Эго (100 великих..., 2004).

Дальнейшие исследования, проведенные им самим и другими психоаналитиками, только подтвердили эту идею. Позднее Абрахам указывал, что когда происходит потеря объекта, то объект некоторое время сохраняется во внутреннем мире в качестве интроекта как попытка защитить Эго от болезненного переживания потери. На основании своих наблюдений он сделал вывод о двух различных аспектах объектных отношений в раннем детстве: включение ребенка в объектные отношения посредством реакции сосания и реакции кусания. Эти аспекты приводят к конфликту амбивалентности в жизни ребенка (Abraham, 1924).

Взгляды Абрахама стали отправной точкой для исследований М. Кляйн (1930, 1935, 1940), Р. Фэйрберна (1930, 1941) и других представителей *теории объектных отношений*.

М. Кляйн, рассуждая об интернализированных (внутренних) объектах, утверждает, что внутренний мир ребенка строится в соотношении с реальным миром, на основании впечатлений, получаемых от людей и окружающего мира, при этом внешняя и внутренняя реальность постоянно взаимодействуют (Кляйн и др., 2001).

Соглашаясь с Фрейдом, что каждый ребенок в процессе своего развития сталкивается с явлениями сепарации и утраты, первы-

ми и наиболее значительными утратами Кляйн считает рождение и отлучение от груди. Однако, по ее мнению, рождение не связано с недифференцированным состоянием между Эго и объектом, как считал Фрейд, а субъект обладает врожденной способностью распознавать внешний объект. Прототипом всех последующих утрат становится наиболее травматичная для Эго утрата – отлучение от груди. Такая сепарация от объекта способствует дифференциации материнской и отцовской фигур, ранее воспринимавшихся как единое целое, и у индивида появляются чувства зависти, ревности и автономии (Кляйн, 1997).

Рассматривая взгляды Кляйн на сепарационную тревогу и потерю объекта, Ж.-М. Кинодо отмечает, что сначала благодаря сепарации происходит мобилизация всемогущей *проективной идентификации* с объектом, которая препятствует осознанию ребенком объекта как отдельно существующего. Затем по мере восприятия объекта как отдельного мать перестает восприниматься как принадлежащая исключительно ребенку (но видится в паре с отцом) и ребенок переживает чувство исключенности из родительской сексуальности. Такое переживание сопровождается желанием идентификации с родителем своего пола в соответствии с эдиповым комплексом и помогает нормальному протеканию процесса внутренней сепарации (Кинодо, 2008).

Идентификация позволяет ребенку восстановить реально потерянный любимый объект и «хороших родителей», которые в результате потери тоже оказались в опасности, построить заново внутренний мир и приобрести чувство безопасности и гармонии (Кляйн, 2007).

Р. Фэйрберн, пересмотревший взгляды Фрейда на стремящееся к удовольствию либидо, утверждал, что либидо в основном занято поиском объекта, но не удовольствия (Fairbairn, 1941). Либидинальное Эго, с его точки зрения, присуще ребенку с самого рождения. По мере развития ребенка в соответствии со степенью проработки сепарационной тревоги и дифференциации будет формироваться уровень его зависимости от объекта. Отношения с матерью с момента рождения ребенка являются для него решающими в дальнейшем развитии объектных отношений (Fairbairn, 1958).

Новым импульсом к изучению ранних детских переживаний сепарационной тревоги стали наблюдения А. Фрейда и Д. Берлингема (1945) за младенцами, воспитываемыми в отсутствие матери, что положило начало эмпирическим исследованиям в данной

области. В результате таких исследований Фрейд пришла к выводу, что расставания, которые взрослому кажутся незначительными, для ребенка могут стать психической травмой и вызвать хроническую уязвимость, особенно, если они совпадают с критическими периодами развития ребенка, когда он лишается поддержки взрослых, доступных в качестве эмпатических заместителей хорошей матери (Фрейд, 2003).

Проследивая дальнейшее развитие детей, разлученных с матерями, она обнаружила, что в подростковом возрасте дети, выросшие без близких взрослых, развивают примитивные связи с окружающими; у них появляются «замещающие» связи со сверстниками или с группой сверстников; многие дети ищут истинных материнских отношений с каким-нибудь лицом, без чего их переход к зрелости и автономности становится невозможным (Фрейд, 1991).

Особое внимание стоит обратить на исследования Р. А. Шпицем (1946) детей, потерявших в годы войны родителей и оказавшихся в больницах или детских домах. Согласно его исследованиям, у этих детей были выявлены задержки когнитивного, эмоционального и социального развития. Для обозначения этого феномена он использовал понятие «госпитализм».

Госпитализм (*нем.* hospital – лечебное учреждение) – в буквальном смысле совокупность психических и соматических расстройств, обусловленных длительным пребыванием ребенка в больничном стационаре в отрыве от близких людей и дома (Словарь психолога..., 2001). К симптомам госпитализма у детей Шпиц относил замедление психического и физического развития, отставание в развитии речи, пониженный уровень адаптации к окружению, слабую сопротивляемость инфекциям и т. п. Последствия госпитализма у детей носят долговременный и часто необратимый характер. В тяжелых случаях развитие такого состояния приводит к смерти.

Исходя из идей классического психоанализа, Шпиц полагал, что если лишить ребенка отношений с матерью и не предоставить ему адекватной замены, которую ребенок мог бы принять, то он лишится источника либидо. Резерв либидо оказывается недостаточным даже при частичной депривации отношений ребенка с матерью. В зависимости от того, насколько ребенок лишен источников либидо, последствия могут быть сведены к двум категориям: а) частичная депривация и б) полная депривация или сепарация.

Вместе с К. Вольфом он описал *синдром анаклитической депрессии*, который возникает у ребенка в ситуации разлуки с мате-

рю. Синдром включает симптомы тревожного опасения, уныния и тоски, слезливости, ухода в себя, отказа от еды и появляется у детей около девятимесячного возраста. Если разлука продолжается более трех месяцев, симптомы становятся все более выраженными и могут привести к бессоннице, снижению веса, задержке развития, апатии, ступору и даже смертельному исходу (Шпиц, Коблинер, 2006).

Продолжая развивать тему внешней сепарации, представитель Эго-психологии Э. Эриксон писал о том, что в ситуации отделенности от матери у ребенка формируется чувство *базового недоверия*, закрытости, настороженности (Эриксон, 2000).

Под влиянием работ Кляйн и Фрейд находился Дж. Боулби, исследования которого выполнены на стыке психоаналитической и этологической теорий. Так как предметом его исследований было поведение детей в отсутствие матери, то более детально его концепция будет рассмотрена в следующем параграфе.

В дальнейшем проблема сепарации или отделения Я от не-Я была затронута Д. Винникоттом (1953), который вводит понятие «*переходный объект*» – первый принадлежащий ребенку и отличный от него предмет, например, одеяло или кукла. Он осязаем, его можно взять в руки, обнять. Ученый подчеркивает важность переходного объекта для развития, роста и устойчивости человеческой психики. Когда ребенок начинает дифференцировать Я от не-Я, он переходит от стадии полной зависимости к стадии относительной самостоятельности при помощи переходных объектов, которые ослабляют стресс, связанный с отделением, и успокаивают ребенка. Дети 2,5–3,5 лет реагируют на сепарацию плачем, расстройством сна, повышенной пугливостью, снижением познавательных процессов, неопрятностью, пристрастием к собственным вещам и игрушкам, так называемым «переходным объектам». Если ребенок чувствует фрустрацию, страх, то с помощью переходного объекта, который символически заменяет отсутствующего родителя, он быстрее справляется с этими эмоциями (Winnicott, 1953, p. 91).

Переворот в теории объектных отношений сделал Г. Лёвальд, который считал, что ядро личности ребенка формируется не из интернализированных объектов, а из интернализации моделей самого *раннего взаимодействия* матери и ребенка, и настаивал на том, что базовые влечения, так же как бессознательные представления о себе и объектах, развиваются из интернализации паттернов ран-

них взаимодействий матери и ребенка (Loewald, 1978). Именно *интернализированные взаимодействия*, а не сами объекты (в противоположность теории объектных отношений) формируют ядро психической структуры индивида.

На роль межличностного взаимодействия в развитии индивидуальности, Самости указывает теория объектных отношений О. Кернберга, который объединил в своей концепции взгляды Фрейда, Кляйн и Малер. Он подчеркивает значимость репрезентаций собственной Самости и репрезентаций других (так называемых «объектных репрезентаций») в опосредовании межличностных взаимоотношений, а также указывает на первичную потребность в связанности с людьми уже в раннем детстве (Кернберг, 2000).

Из понятия о недифференцированности чувства собственной Самости и других чувств у новорожденных исходит также концепция Самости Х. Кохута, который предлагает *модель компенсации дефицита*. Для гармоничного развития личности требуется компенсация дефицитов, накопленных взрослым человеком в детстве, обусловленных отсутствием родительских фигур или их нечувствительностью к потребностям своего ребенка. Необходимо, чтобы воспитатель обладал способностью эмпатии к потребностям ребенка, а также собственной защищенностью и адекватной самооценкой. При этом для Кохута первичными мотивационными системами сепарации выступают чувство связанности, непрерывности, честолюбие, идеалы и потребность в самоуважении (Кохут, 2002).

Однако не только ребенок, но и родители, как считает Я. О. Столярский, испытывают по отношению к своему ребенку либидозные чувства, страх потери и чувство привязанности, поэтому они пытаются на бессознательном уровне реализовать свои деструктивные влечения, препятствующие гармоничному развитию личности. Родители создают условия, не способствующие автономности ребенка и его освобождению от зависимости. Их деструктивное влечение реализуется путем демонстрации ребенку готовых алгоритмов поведения и лишения его поиска собственного выхода из сложной ситуации (Столярский, 2005).

Продолжая более углубленно изучать стадию сепарации–индивидуации, В. Тэхке (1993) обращает внимание на то, что мать в начале этой стадии замещает и репрезентирует неинтернализированные структуры личности ребенка. Эго и объект еще неустойчивы, поэтому образ объекта вызывает амбивалентные переживания

и колеблется между «абсолютно хорошим» и «абсолютно плохим» в зависимости от функционирования матери по удовлетворению потребностей ребенка (Тэхке, 2001).

Процесс индивидуации сопровождается *внутренним конфликтом*, основной источник которого лежит в столкновении потребности в сохранении жизненно важных для ребенка отношений с объектом и желания утвердить собственное восприятие окружающего мира. Теперь считается общепринятым, что неудачное, травматическое прохождение ранних этапов развития, нарушение объектных отношений в диаде «мать–дитя» приводит к формированию дефицита в душевной жизни – к психической травме (Столоруоу, Брандшафт, Атвуд и др., 2011).

В сложившейся ситуации большую роль играет поддерживающее поведение матери, позволяющее снизить или устранить эффект психической травмы. Для нормального протекания процесса сепарации–индивидуации нужно разделять чувства ребенка: его радость по поводу проявления им своей собственной индивидуальности или разочарование в случае его неудачи и дополнять их поддержкой и уверенностью в растущих способностях ребенка и его будущем успехе. По мнению Е. А. Кузьминой, если ребенок испытывает затянувшееся переживание беспомощности, то значит, воспитатели не обеспечили ему необходимой заботы и как следствие у него будет формироваться зависимость от родителей, которая может сохраниться на всю жизнь. Такая зависимость влияет на эмоциональное состояние человека, искажает его восприятие и поведение, затрудняет доступ к ресурсам (Кузьмина, 2006).

Таким образом, рассмотрев подходы классического психоанализа, психологии объектных отношений и Эго-психологии к проблеме внешней и внутренней сепарации, можно выделить главное, а именно, что такие виды внешней сепарации, как рождение и отлучение от груди, являются наиболее ранними и травматичными событиями в жизни ребенка. В случае нарушения естественного процесса сепарации у ребенка может сформироваться зависимость от родителей не только в детстве, но и в зрелом возрасте. Психоаналитические исследования показали, что благодаря интернализации отношений с объектом, ребенок движется от симбиотических отношений к сепарации и автономии; нормальное протекание процесса сепарации–индивидуации может быть обеспечено чутким отношением матери, выполняющей функции поддержки, восстановления и трансформации Самости.

2.2. Теория привязанности и сепарация

Дж. Боулби разделял идеи психоанализа (он состоял членом Британского психоаналитического общества), однако в отличие от многих коллег-психоаналитиков ясно осознал: для того, чтобы понять причины поведения ребенка, необходимо в равной мере уделять внимание как его либидозным и агрессивным побуждениям, так и исследовать реальные события жизни ребенка, контекст ситуации взаимодействия со значимым взрослым.

Открытый этологом К. Лоренцем *феномен запечатления*, возникающий безотносительно к удовлетворению его первичных физиологических потребностей, указывал на существование принципиально иных, чем, например, подкрепление, механизмов взаимодействия между родителями и потомством. Согласно концепции этологии, организм сам отвечает за регуляцию взаимодействия с окружающей средой, опираясь на свои внутренние состояния и корректируя их в соответствии с внешними условиями. Боулби применил этологическое понятие центральных управляющих программ к активности человека и последовательно реализовал свои идеи в теории привязанности.

Концепция Боулби исходит из того, что потребность в близких эмоциональных отношениях присутствует уже у новорожденного и сохраняется до конца жизни, составляя один из базовых элементов человеческого выживания. Отношения привязанности, согласно Боулби, регулируются поведенческой мотивационной системой, которая развивается в младенчестве и отслеживает пространственную близость и психологическую доступность «более сильного и мудрого» человека – *объекта привязанности*. Пока ребенок чувствует себя комфортно и объект привязанности обеспечивает ему надежную защиту, ребенок в состоянии развивать исследовательское поведение, игру или другие виды социальной активности. Когда ребенок испуган, его исследовательские цели утрачивают свою силу и вместо них он ищет у объекта привязанности спасения и защиты, поддерживая благодаря ему чувство уверенности в себе. Поиск защиты у объекта привязанности должен обеспечивать потомству большую вероятность выживания (Калмыкова, Падун, 2002).

Стремление младенца к защитной близости и контакту со взрослым резко активизируется в ситуациях опасности, тревоги или разного рода дискомфорта (голода, холода и т. д.). В этом случае взрослый становится источником чувства защищенности, наличие которого позволяет ребенку активно и уверенно осваивать окру-

жающий мир. Когда же психологический контакт с матерью нарушается, активизируется внутренняя система регуляции поведения привязанности, ребенок даже при хорошем уходе за ним испытывает острую дезадаптацию, может лишиться сна и потерять интерес к окружающему, проявлять тревожность в различных жизненных ситуациях, терять вес, быть подверженным заболеваниям. Таким образом, в соответствии с теорией Боулби привязанность ребенка к матери понимается одновременно и как определенное активное поведение ребенка, и как эмоциональная связь с ней.

Боулби считал, что существуют врожденные компоненты специфической системы регуляции поведения, которая с самого начала направляет активность младенца на взрослого.

Процесс становления поведения привязанности у ребенка весьма длителен и проходит четыре стадии: 1) начальной ориентировки и неизбирательной адресации сигналов любому лицу (слежение глазами, цепляние, улыбка, лепет); 2) выделения определенного лица и сосредоточения на нем; 3) использования взрослого (обычно матери) в качестве «надежной базы» для исследовательского поведения (по выражению М. Эйнсворт) и источника, дающего чувство защищенности; 4) гибко регулируемого (целесообразного) партнерства на третьем году жизни (см.: Бурменская, 2003).

Боулби утверждал, что в результате поэтапного прохождения всех этих стадий в психике ребенка складывается так называемая «внутренняя рабочая модель», которая представляет неразрывную взаимообусловленную связь субъекта и Другого. Ребенок воспринимает себя через отношение к нему близкого взрослого, а этого взрослого (фигуру или персону привязанности) – через то, как он к нему относится. Так, если взрослый проявляет по отношению к ребенку любовь, эмоциональную чуткость и уважение к его запросам, то этот взрослый воспринимается ребенком как стабильный источник безопасности, защиты, душевной теплоты. Соответственно, сам ребенок начинает обретать первичное чувство устойчивости собственного Я и положительное самоотношение. Если же привязанность ребенка к значимому лицу ненадежна, то возможно первичное амбивалентное либо отрицательное самоотношение, что запускает компенсаторные психологические механизмы адаптации либо приводит к неадаптивным способам поведения.

Мэри Эйнсворт, разделяя теоретические взгляды Боулби, провела ряд исследований, связанных с наблюдением за тем, как младенцы привязываются к своим матерям. В результате наблюдений

за взаимодействием в диаде мать–младенец Эйнсворт разработала типологию стилей привязанности (надежный, избегающий и тревожно-амбивалентный), которая представляет интерес и для изучения проблемы внешней и внутренней сепарации.

Было определено, что у детей с *надежным стилем привязанности* матери отзывчивы и заботливы, внимательно относятся к нуждам своих детей и проявляют любовь, когда малыши нуждаются в утешении. В результате у детей с надежной привязанностью возникает уверенность, что в случае необходимости родитель будет доступен, придет на помощь и позаботится о них. Атмосфера любви, надежность и доступность родителя сформировали у «надежно привязанных детей» базовое чувство доверия к другим людям, ценность собственного Я, хорошее понимание собственных чувств, и чувств другого человека. В последующем, как показали исследования М. Мэйн, Н. Каплан, Дж. Кассиди (Main, Kaplan, Cassidy, 1985), люди с надежным стилем привязанности обычно способны находить баланс между независимостью и близостью в межличностных отношениях, умеют делиться своими чувствами с другими людьми и в случае необходимости обратиться за помощью; им доступны более продуктивные способы разрешения сложных жизненных проблем.

У детей с *тревожно-амбивалентным стилем привязанности* матери крайне непоследовательны во взаимоотношениях, относятся к детям то с заботой и чуткостью, то пренебрегают их потребностями. Такая противоречивость материнского поведения оставляет малышей в неуверенности относительно того, поддержит ли их мама, если они будут в ней нуждаться. В последующем люди с тревожно-амбивалентной привязанностью слабо регулируют границы собственного Я. В межличностных отношениях они часто доходят почти до слияния и потери личных границ, подвержены страху одиночества, поэтому проявление партнером потребности в автономности переживается ими как желание их оставить. В близких отношениях тревожно-амбивалентные люди зависимы, ревнивы, не чувствуют психологической дистанции, склонны к внедрению в психологическое пространство партнера.

Матери детей с *избегающим стилем привязанности* нечувствительны к эмоциональному состоянию и потребностям детей. Такая нечуткость приводит к защитному поведению ребенка, который для того, чтобы избежать новых разочарований в матери, избирает отстраненную и безразличную манеру поведения. В дальнейшем

люди с избегающим стилем привязанности склонны обесценивать значение близких отношений, что закрепляется в поведении посредством установки отчужденной независимости. Проявление потребности в близости воспринимается ими как угроза, поэтому они либо дистанцируются и избегают интимных отношений, либо часто меняют партнеров, не беря на себя ответственности за складывающиеся отношения.

Таким образом, межличностные отношения на самых ранних этапах онтогенеза являются основой социализации и интеллектуального развития ребенка, они *соединяют его с другими людьми* и тем самым позволяют благодаря этим отношениям *научиться различать Я и не-Я, сепарироваться, формировать идентичность*. Стабильная привязанность к родителям дает ребенку возможность развить базовое доверие к миру и положительную самооценку. Если установление этой связи завершилось успешно, то ребенок чувствует себя в достаточной безопасности, чтобы продолжить самостоятельное освоение внешнего мира. Так ребенок становится готовым к своему второму, психологическому, рождению. Психологическое рождение происходит тогда, когда ребенок научается быть психологически независимым от своих родителей (опекунов).

Особо следует отметить вклад Маргарет Малер (1975) в разработку проблемы сепарации, которая развивала свою теорию на стыке двух психоаналитических направлений: Эго-психологии и психологии объектных отношений. Она впервые дифференцировала внешнюю и внутреннюю сепарацию, введя термин «сепарация–индивидуация» для обозначения осознания ребенком его идентичности, отдельности от матери (*внешняя сепарация*) и индивидуальности (*внутренняя сепарация*). В ее теории этот процесс следует за симбиотической стадией, когда доминирует взаимно подкрепляемая связь между матерью и ребенком (Оксфордский..., 2002).

По мнению Малер (Mahler, 1968), для того чтобы процесс психологической сепарации ребенка происходил успешно, нужно, чтобы оба его родителя сами были внешне и внутренне сепарированы и обладали достаточной степенью автономности. Чтобы ребенок смог успешно пройти второе рождение, родителям необходимо (цит. по Уайнхолд, Уайнхолд, 2002, с. 16):

- иметь надежную связь с ребенком;
- воспринимать ребенка таким, какой он есть, а не таким, каким бы им хотелось его видеть;

- не запрещать ему открыто выражать свои чувства, признавать и понимать эти чувства, а также не игнорировать потребности ребенка в их раскрытии;
- помогать и поощрять действия ребенка, направленные на здоровое исследование окружающего мира, пользуясь словом «да» в два раза чаще, чем словом «нет»;
- обеспечить безопасность непосредственного окружения, для того чтобы ребенок мог эффективно познавать окружающий мир, позволить ему исследовать этот мир;
- поощрять выражение независимых мыслей, чувств и действий в соответствии с возрастом ребенка;
- быть способным выразить понимание, поддержку и обеспечить воспитание, когда ребенку это понадобится;
- демонстрировать эффективную психологическую независимость, спрашивая ребенка прямо, чего он хочет; открыто выражать собственные чувства;
- быть примером для ребенка;
- объяснять ребенку запреты, не прибегая к силовым методам.

Исследования Малер (1968) посвящены онтогенезу объектных отношений. Она выделила четыре подстадии процесса сепарации ребенка от родителей (Уайнхолд, Уайнхолд, 2002, с. 49):

- 1) дифференциация;
- 2) ранняя практика;
- 3) возобновление дружеских отношений;
- 4) постоянство объекта.

Сепарационную тревогу ребенок переживает особо остро приблизительно в возрасте от 4 до 5 месяцев, когда начинается стадия дифференциации. По завершении подстадии дифференциации (около одиннадцати месяцев) у ребенка уже начинает складываться пока еще достаточно слабое представление о своей отдельности от родителей или лиц, их замещающих.

Вторая подстадия (10–16 месяцев) характеризуется нарастанием двигательной активности ребенка. Он встает на ноги, а затем начинает самостоятельно ходить, исследуя жизненное пространство, удаляясь от родителей все дальше и дальше. На этой стадии ребенок должен развить собственную автономность посредством надежной родительской обратной связи, заключающейся в чуткой поддержке его исследовательского поведения.

В течение третьей подстадии (15 месяцев–2 года) ребенок постепенно «открывает» мать и отца как отдельных личностей. Он на-

чинает в большей мере осознавать свою отделенность и чувствует себя уязвимым. Сепарационная тревога побуждает его не отходить ни на шаг от родителей, возрастает требовательность малыша, и, находясь в поле зрения матери или отца, он стремится к совместной с ними деятельности.

Четвертая стадия (2–3 года) знаменуется эволюционным кризисом психологического рождения. Ребенку необходимо научиться устойчиво балансировать между *стремлением к симбиозу* и столь же сильной *потребностью в автономии*. Борьба этих тенденций в психике малыша может завершиться мирным урегулированием конфликтующих сил только при осознании себя и других людей в качестве отдельных объектов, обладающих как хорошими, так и плохими качествами. Кроме того, ребенку необходимо развить постоянство объекта, чтобы он смог сохранять положительный образ родителей, независимо от контекста ситуации. Когда постоянство объекта не сформировано, ребенок может считать родителя «хорошим», если он находится рядом, и «плохим» – в случае его отсутствия. Переживание *константности себя и родителя* дает возможность овладеть речью, усвоить образцы поведения взрослых, выражать свои желания и фантазии в символической игре. «Согласование разделения „хороший родитель/плохой родитель“ существенно важно для завершения психологического рождения. Когда один из родителей находится вне досягаемости, другой может служить ребенку буфером для сохранения постоянства объекта. Чувствительные, умеющие воспитывать родители могут помочь детям дифференцировать самих себя от матери или отца, отличать мужественность от женственности» (Уайнхолд, Уайнхолд, 2002, с. 51).

Исследования, проведенные Малер, позволяют утверждать, что внутренняя и внешняя сепарация ребенка в возрасте двух–трех лет зависит от того, насколько полно завершена более ранняя стадия развития – *соединение*. Мать и отец, привязанность к которым у младенца первых дней и месяцев жизни была надежной и устойчивой, создали своей любовью и чуткостью подвижную платформу для базового чувства доверия к ним и успешного процесса отделения малыша на последующих стадиях развития. Такие дети охотно исследуют окружающий мир, восприимчивы и открыты всему новому, не боятся перемен, хорошо дифференцируют эмоциональные сигналы, получаемые от других людей, что позволяет им быть уверенными в себе. Те же родители, которые проявляли отчужденность, плохо обращались с малышом, не уделяя внимания его потребнос-

тям в должной мере, не завершили процесс соединения со своим ребенком. Ребенок с не полностью сформированной привязанностью будет более зависим от своих матери и отца, ему будет сложно адаптироваться к изменяющимся условиям взросления, проявить свою индивидуальность, сепарироваться.

Последователи концепции Малера подтверждают: процесс индивидуации или дифференциации Я длится всю жизнь и имеет центральное значение для процесса внутренней сепарации и формирования автономности, для развития и поддержания ощущения себя отдельным и отличным от других человеческим существом с уникальной аффективной жизнью и индивидуальным набором личных ценностей и целей (Малер, Пайн, Бергман, 2011).

2.3. Научение и сепарация в поведенческой психологии*

В поведенческой или бихевиоральной психологии, базирующейся на принципе научения, выделяются *рефлекторное* и *социальное* направления. С точки зрения рефлекторного подхода, представленного Дж. Уотсоном и Б. Ф. Скиннером, психическое развитие человека происходит на протяжении всей жизни, в процессе воспитания и научения. Представители первого направления значительное место в приобретении новых навыков уделяли подкреплению. Представители второго направления учитывали совместное влияние внешних и внутренних факторов.

Процесс сепарации личности охватывает глубинные слои психики, однако его результаты – уровень зрелости личности, качество межличностных отношений, эмоциональные реакции и, несомненно, поведение – можно обнаружить путем наблюдения. Последователи социального направления поведенческой психологии обращались в своих исследованиях непосредственно к наблюдаемым явлениям, свидетельствующим о процессе или уровне сепарации. Описанные ими явления и закономерности позволяют сопоставить их с изучаемой нами проблемой сепарации – процессом, который длится всю жизнь.

К наиболее разработанным социальным теориям личности относятся: теория зеркального «Я» и ролевая теория личности. Основные положения этих теорий были сформулированы Ч. Кули,

* В первичном сборе материала принимала участие аспирантка Ю. А. Латышева.

и Дж. Мидом. Кули считал, что основой развития индивида является взаимодействие человека с окружающим миром. В процессе этих интеракций возникает «зеркальное Я» – проекция собственных интерпретаций мыслей и чувств других людей. Кули полагал, что человек, в сущности, реагирует не на окружающих его людей, а на свое представление о людях. Другими словами, человек взаимодействует не с реальными, а со своими внутренними объектами, которые проецируются на других людей.

Мид разработал концепцию «обобщенного другого», в соответствии с которой индивид оценивает себя и свое поведение с позиции других людей. Если человек способен принимать на себя роль «обобщенного другого», то, как считал Мид, можно говорить о его зрелости. В основу концепции символического интеракционизма Мида легла концепция личности. Особое место в этой концепции занимает вопрос о структуре системы Я, в которой выделяются две подсистемы: «I» и «Me». «Me» – это присущая индивиду система установок других людей, норм и общественных правил. С точки зрения концепции сепарации человек, находящийся на более низком уровне развития, не имеет полного представления о себе, не осознает своей уникальности, ориентируется на мнение других в своем поведении, испытывает чувство страха в связи с тем, что не оправдывает ожиданий социума, обладает таким качеством, как перфекционизм. Все это находит отражение в подсистеме «Me», которая в данном случае становится ведущей. «I», наоборот, проявляется в случае высокого уровня сепарации, означает представление индивида о самом себе. Это так называемое «самопредставление», выступающее в виде Самости. «I» является источником спонтанного поведения и является индикатором специфики реакций индивида на социальные стимулы. По существу, Мид сопоставлял «I» с автономностью и волеизъявлением человека, его возможностями трансформировать и выбирать социальные роли. Так, исследуя игровую деятельность ребенка, он выделил такие стадии игры, как «play» и «game». На первой стадии – «play» – ребенок выполняет роли других людей – родителей, доктора, продавца и др., на второй – «game» – игра имеет вид соревнования с другими, когда ребенок учитывает свои собственные установки и установки партнеров по игре, чаще сверстников. Можно полагать, что для гармоничного развития человека важен баланс двух подсистем – «I» и «Me», которые обеспечивают индивиду чувство общности с миром и одновременно ощущение индивидуальности, аутентичности.

В конце 1930-х годов на основе бихевиорального подхода Н. Миллером и Д. Доллардом была сформулирована гипотеза о связи фрустрации и агрессии (Реан, 1996). К 1940-м годам исходная гипотеза была изменена, и теперь агрессия рассматривалась как одна из реакций на фрустрацию, среди которых могли быть и неагрессивные реакции. Современные исследования (например, С. Фешбека) расширяют представление об агрессии, связывая ее с тремя эффектами: уменьшением, усилением агрессивного побуждения и изменением силы сдерживаний. Более дифференцированное исследование агрессии не меняет общего представления о ней как о стремлении нанести вред другому человеку с целью поддержания собственной самооценки и чувства власти (Берковиц, 2001). Можно считать, что такая цель характерна для людей с низким уровнем сепарации, которые обычно имеют низкую самооценку и поэтому стремятся контролировать других и применять разнообразные методы активного и пассивного насилия. Не случайно наиболее сензитивными к проявлению агрессивности являются люди, имеющие низкий уровень сепарации, находящиеся в критических точках этого процесса, остропротекающих периодах выхода на качественно новый личностный уровень, где формируется их сознательное отношение к себе как к более целостной личности, самостоятельному, ответственному, уверенному в себе члену общества. При этом агрессивность, жестокость, повышенная тревожность являются следствием не какой-либо генетической предрасположенности, изначальной агрессивности человека, а выступают как ситуации замещения в тех случаях, когда значимые другие не принимают этого человека в мир значимых отношений. Сам человек жаждет не просто внимания, но доверия, понимания, любви, признания. Если значимый объект вызывает чувства недоверия, напряжения, зависимости, одиночества, вины, страх утраты или поглощения, и т. п., то между сепарирующей личностью и объектом растет психологический барьер, вызывающий существенное углубление кризиса самооценки, стремясь преодолеть который, личность прибегает к агрессивным формам поведения. По мере того, как растет уровень сепарации, человек приобретает более полное представление о себе и о других, становится независимым, автономным, самостоятельным, уверенным в себе, учится принимать и поддерживать себя; изменяются мотивы его поведения и степень их адекватности общественным потребностям.

Другой известный представитель поведенческого подхода А. Бандура утверждает, что для возникновения агрессии недоста-

точно того, чтобы субъект был фрустрирован и испытывал чувство неудовлетворенности. Субъект должен еще иметь перед собой некий агрессивный пример для обучения и подражания. В исследовании агрессивного поведения Бандура реализовал сформулированные им принципы научения, проиллюстрировав их экспериментом с участием четырехлетних детей. Основным результатом эксперимента – наблюдение формирует не только новые формы поведения, но и активизирует поведение, усвоенное ранее (Бандура, Уолтерс, 1984).

Кроме исследования агрессии, важным для изучения проблемы сепарации является исследование проблемы подражания, осуществленное Миллером и Доллардом. Подражание может быть представлено либо как «тождественное», либо как «парнозависимое», либо как копирующее поведение. Для первого типичны одинаковые реакции двух людей на один и тот же стимул, для второго, чаще происходящего в диаде, типично подражание младшего и менее опытного партнера старшему, для третьего – руководство со стороны модели поведением наблюдателя. Именно вторая форма имитации идентифицируется с необихевиористской трактовкой подражания.

Взрослые, особенно родители, наиболее часто выступают в качестве моделей для детей, которые усваивают их ценности, нормы, черты характера. Дети не способны критично воспринимать взрослых, поэтому родительское поведение может переходить во внутренний план ребенка беспрепятственно со всеми достоинствами и недостатками. Такое же положение вещей наблюдается у людей с низким уровнем сепарации, когда они вследствие размытости границ, стремления к слитности склонны неосознанно усваивать не только поведение, но и жизненные стратегии, болезни, девиации, зависимости, паттерны межличностного взаимодействия значимых моделей, что существенно снижает спонтанность их поведения. Этот вывод применим ко всем теориям, позиционирующим научение посредством подражания, имитации поведения значимых моделей.

Бандура считал, что человек способен не только имитировать поведение другого, но и регулировать собственное поведение. Функции *саморегуляции* создаются и поддерживаются влиянием окружения. Они имеют внешнее происхождение, но закрепившись, внутренние влияния частично регулируют поведение человека (Бандура, 2000). Если индивид имеет высокий уровень сепарации и, соответственно, более или менее полное представление о себе, он дифференцирует свои чувства и эмоции, имеет значительную степень личной ответственности, может осознанно осуществлять эф-

фективную саморегуляцию поведения. Согласно Бандуре, ведущую роль в процессе саморегуляции играют внутренние блоки *самоэффективности*, субъективной значимости и доступности. Он выделил четыре основных условия, определяющие уверенность человека в том, что он может или не может сделать: прошлый опыт (знания, навыки); самоинструкция; повышенное эмоциональное настроение; наблюдение, моделирование, подражание поведению других людей. Высокую эффективность личности он описал как чувства самоуважения и собственного достоинства, адекватность и умение решать жизненные проблемы. Люди, обладающие высокой личной эффективностью, считают, что они в состоянии справиться с неблагоприятными событиями и обстоятельствами жизни, ожидают от себя способности преодолевать препятствия. Кроме того, они сами ищут испытаний, усложняют свои задачи и в своем стремлении к успеху поддерживают высокий уровень уверенности в своих силах.

Эти характеристики полностью подтверждают соответствие самоэффективности и высокого уровня сепарации личности. Такие люди в целом обладают лучшим физическим и душевным здоровьем, чем люди с низкой личной эффективностью, которые при столкновении с различными жизненными ситуациями чувствуют свою беспомощность; последние считают, что у них слишком мало сил, чтобы повлиять на сложившуюся ситуацию. Если человек с низким уровнем самоэффективности наталкивается на проблему или препятствие и первая попытка преодоления не ведет к успеху, то он отказывается от дальнейших попыток добиться положительного результата, считая, что от него ничего не зависит (Бандура, 2000).

Представитель нео-необихевиоризма Джулиан Роттер разработал *теорию социального научения*, которая объясняет, как осуществляется поведение в контексте социальных ситуаций. Роттер полагал, что поведение во многом определяется способностью человека думать и предвидеть. Именно в концепции Роттера нашли отражение два важных конструкта – ожидание и подкрепление. Важнейшая проблема, которая стала предметом обсуждения для Роттера, состояла в том, чтобы прогнозировать поведение человека в сложных ситуациях. Ожидание – субъективная вероятность того, что определенное подкрепление будет иметь место в результате специфического поведения; ожидание основывается на опыте поведения человека в похожей ситуации. Ценность подкрепления – это степень, с которой при равной вероятности получения подкрепления, одно из них предпочитается другому, причем люди различаются

по своей оценке важности той или иной деятельности и ее результатов (Андреева, Богомолова, Петровская, 2001). Роттер утверждал, что цели, которые ставит себе человек, соотносятся с потребностями. Ими являются: 1) статус признания – потребность чувствовать себя компетентным в разных видах деятельности; 2) защита – потребность избежать неприятностей с помощью другого человека; 3) доминирование – потребность влиять на жизнь других людей. 4) независимость – потребность принимать самостоятельные решения и достигать цели без помощи других; 5) любовь и привязанность – потребность в принятии и любви; 6) физический комфорт – потребность в достижении физической безопасности, хорошего здоровья и свободы от боли (Андреева, Богомолова, 1978). Роттер утверждал, что сочетание высокой ценности потребности и низкой свободы деятельности – общая причина плохой адаптации. Из этого, с нашей точки зрения, следует, что плохая адаптация соответствует низкому уровню сепарации. Высокая ценность потребности в признании может входить в конфликт с неуверенностью в себе, некомпетентностью, отсутствием ответственности, тенденцией к обесцениванию себя; защита-зависимость, потребность в помощи – с неадекватной самооценкой, перфекционизмом, чувством собственного превосходства, неспособностью принять эту помощь; доминирование – с желанием иметь власть над другими, зачастую с помощью гиперконтроля, насилия, манипулятивного поведения; независимость – с ощущением собственной беспомощности, зависимостью от мнения окружающих, неспособностью делать выбор и принимать решения; любовь и привязанность – с неприятием себя, неспособностью любить, доверять другому, с тревогой, чувством одиночества, страхом сепарации и утраты объекта.

Роттер определил два генерализованных ожидания: локус контроля (экстернальный и интернальный) и межличностное доверие. Идея об экстернальном локусе контроля отчасти нашла свое подтверждение в концепции *выученной беспомощности* представителя радикального бихевиоризма Мартина Селигмана. Согласно модели выученной беспомощности Селигмана, когда подопытные животные, как и люди, чувствуют, что не могут контролировать авersive события, они склонны демонстрировать реактивный синдром. В поведении животных (например, собак) наблюдается пассивность, отсутствие мотивации, ожидание потери контроля, эмоциональность, физиологические реакции; для обозначения аналогичных симптомов у человека используется понятие депрессивного эпизода. Чело-

век переживает беспомощность тогда, когда независимость реакции от негативных воздействий распространяется не только на конкретное поведение, но и переносится на другие ситуации, становится устойчивой. Опыт выученной беспомощности ведет к ожиданию таких же эффектов в похожей ситуации; и чем выше субъективная уверенность в неуспехе, тем более выражены дисфункциональные реакции. Недостаточная регуляция оперантного подкрепления ведет к неэффективности социальных навыков и рассматривается как механизм возникновения неврозов, фобий, депрессий и т. п. Эти предположения подтвердились в эксперименте Абрамсона и Тисдейла. Для получения необходимых данных пожилых людей, проживающих в доме престарелых, поделили на две группы. Одна группа вела обычный образ жизни, была полностью поручена заботам персонала, другой группе – контрольной – предоставляли возможность проявлять свою активность, например, заводить цветы, ухаживать за ними, выбирать, чем заняться. При сравнении результатов выяснили, что в основной (беспомощной) группе уровень смертности среди пожилых людей оказался выше (Abramson, Seligman, Teasdale, 1978). Таким образом, было установлено, что выученная беспомощность связана с внешним локусом контроля и, по-видимому, с особенностями внутренней и внешней сепарации.

Д. Хирото доказал это в своем экспериментальном исследовании: он разделил людей по уровню локуса контроля, а затем поставил в разные ситуации – в безвыходные ситуации и в ситуации, из которых можно было найти выход. Испытуемые с внешним локусом контроля действовали медленнее, чем это делали испытуемые с внутренним локусом контроля (см.: Залевский, 2002). С точки зрения концепции сепарации люди с низким уровнем локуса контроля характеризуются внешним локусом контроля, им свойственна несамостоятельность, беспомощность, страх перед самостоятельной жизнью, низкий уровень личной ответственности, в том числе за управление собой и своей жизнью. Если индивид считает, что ответственное негативное событие никогда не случается с другими людьми, а с ним происходит постоянно, то такие события он объясняет причинами, лежащими непосредственно в нем самом, являющимися глобальными и стабильными во времени. Это представление может привести к развитию дезадаптации и депрессии, которая включает недостаток мотивации, негативное чувство самооценности, другие негативные когниции, а также депрессивные эмоции. Особой предрасположенностью к депрессии обладают лица, склонные

к депрессивному стилю атрибуции, т. е. атрибутирующие негативные события интернально, глобально и стабильно.

Итак, изучение теорий и исследований, базирующихся на принципах бихевиорального подхода в психологии, позволило отчетливо увидеть соответствие между закономерностями и явлениями, обнаруженными представителями поведенческого направления – подкреплением и агрессивностью, подражанием, самоэффективностью и саморегуляцией, локусом контроля и др. и особенностями, характерными для процесса психологической сепарации.

2.4. Гештальтпсихология: границы, целостность и саморегуляция личности

По своим методологическим и теоретическим взглядам К. Левина часто рассматривают как представителя гештальтпсихологии, хотя это не совсем верно. При исследовании психологической сепарации как одна из наиболее близких к гештальтпсихологии она не может быть проигнорирована.

Размышляя о возможности перестройки психологии, Левин обращается к естественным наукам, прежде всего к физике, считая, что должен быть изменен сам тип психологического мышления, а именно следует перейти от «вещных понятий» к реляционным (относительным). Свою позицию он выразил в статье «Переход от аристотелевского к галилеевскому способу мышления в биологии и психологии», опубликованной в 1931 г. Аристотелевская физика базировалась не на эксперименте и математических подсчетах, а на выделении из отдельных случаев некоторой общей тенденции. Аристотель придавал собственное значение каждому объекту, обладающему, по его мнению, стремлением к заданной цели. Способ мышления Галилея был иным. Он показал зависимость движения объектов от внешних условий, от пространственно-временного контекста.

Левин утверждал, что психология задержалась на аристотелевском уровне мышления, так как она ищет причины (детерминанты) поведения внутри отдельного индивида. Так же как и при аристотелевском типе мышления, в психологии имеется тенденция к разделению психических свойств на классы. Индивидуальные особенности и нюансы игнорируются и исключаются из анализа (Левин, 2001).

Такие замечания не были справедливыми по отношению к исследованию действия и образа, поскольку изучение действия шло

в русле рефлекторной теории, а образа – в русле гештальтпсихологии, в схемах интерпретации поведения которых отсутствовала скрытая внутренняя цель.

Замечания Левина относились к совершенно определенной области – к сфере мотивов и потребностей. Применительно к мотиву психология использовала античный способ мышления. Целью Левина стало утверждение галилеевского способа мышления в мотивации.

Несмотря на некоторые общие идеи с гештальтпсихологами, теорию поля К. Левина следует отличать от этого направления. Главной категорией гештальтпсихологов был образ, а для Левина таким понятием стал мотив. Конечно, эти категории относятся к одной реальности – психической, но у гештальтистов образ рассматривался в отрыве от мотивации, а мотивация у Левина отрывается от предметно-смыслового содержания ситуации, так как это содержание может выступать только в форме образа, которым Левин не занимался.

Человек, согласно Левину, – замкнутая система, обладающая двумя свойствами – *отделенностью* от остального мира границей и *включенностью* в большее пространство. Он не может рассматриваться как автономная система, поскольку всегда включен в другую систему, называемую психологической средой. Психологическая среда и человек объединяются общим понятием – жизненное пространство, которое рассматривается как психическая реальность, т. е. как тотальность возможных событий, способных повлиять на поведение человека. Граница между жизненным пространством и внешним миром проницаема. Объекты, события, идеи, которые в данный момент являются элементами жизненного пространства, могут в следующий момент стать элементами непсихологической среды (физической, социальной и др.), если перестают иметь какое-либо значение для человека, стремящегося удовлетворить свои потребности, снять напряжение.

Человек отделен от психологической среды границей, и сам обладает определенной структурой. В структуре личности выделяется внутренний регион и перцептуально-моторный слой. Внутренний регион поделен на определенные ячейки, которые, по всей видимости, ассоциируются с потребностями человека. Перцептуально-моторный слой не дифференцирован и обеспечивает взаимодействие между внутриличностным регионом и средой.

Среда также дифференцирована и разделена на регионы, которые могут изменяться. Каждый субрегион содержит один психологический факт (наблюдаемый или мысленный). Все восприни-

маемое и выводимое относится к фактам. Взаимодействие между фактами описывается как событие по следующим критериям: близости/удаленности регионов, прочности/слабости границ, текучести/ригидности.

Развитие понимается Левиным как включение в жизненное пространство какого-то нового региона. Для характеристики развития личности он использует понятие «дифференцированность», полагая, что ее следует понимать как увеличение разнообразия поведения. Однако Левин считает, что еще более точным будет понятие «специализация» или «индивидуализация» (Левин, 2000, с. 125). Иначе дифференцированность может быть определена как *зависимость* и *независимость* между частями динамического целого. «В таком случае дифференциация означает, что увеличивается число частей человека, которые могут функционировать относительно независимо, т. е. увеличивается степень их независимости» (там же, с. 126). В то же время, говорит Левин, у взрослого различные области деятельности интегрированы. «Развитие, по-видимому, увеличивает количество относительно независимых частей человека и степень независимости, таким образом, уменьшая степень единства индивида. С другой стороны, развитие предполагает интеграцию, которая увеличивает единство человека» (там же, с. 126). Левин считал, что эти процессы идут одновременно, и чтобы избежать недоразумений, он предлагает вместо термина «интеграция» использовать термин «организация».

Итак, Левин использует понятие «спецификация» для обозначения разнообразия поведения, «дифференциация» – для определения независимости, т. е. относительной отдельности психических проявлений, например потребностей человека, и «организация» – для обозначения степени единства человека. Обнаруживая важность дифференциации, Левин утверждал, что в ходе развития происходит организация внутриличностного региона за счет дифференциации потребностей, их иерархии («одна система может занимать положение руководящей потребности») и организации психологической среды (уменьшения простой зависимости человека от ближайшего окружения, приближения «к цели посредством обходных путей вместо прямого действия»). В целом снижается степень прямой зависимости между Эго и средой. «Это делает ребенка менее беззащитным против непосредственных влияний его среды и делает воспринимаемую среду менее зависимой от настроения и ситуационного состояния потребности ребенка» (там же, с. 128).

Таким образом, утверждает Левин, развитие означает уменьшение «простой взаимозависимости», т. е. прямой связи между регионами и увеличение дифференциации жизненного пространства, и одновременно возрастание иерархической организации частей жизненного пространства. Развитие означает расширение границ жизненного пространства, а также увеличение масштаба психологического времени. Однако нужно иметь в виду, что движение человека от одного региона к другому, увеличение «пределов времени» происходит не мгновенно. Человеку нужно утвердиться в новых условиях среды. «Утвердиться» – значит иметь четко определенную позицию и определенные связи со многими регионами высокодифференцированного жизненного пространства: в таких обстоятельствах любое серьезное изменение означает большое число шагов и изменение взаимосвязи» (Левин, 2000, с. 162).

Называя препятствия личностному росту, Левин обращается к механизмам регрессии и утверждает, что такими препятствиями являются фиксация на отдельном большом регионе, уменьшение прочности границ и недифференцированность жизненного пространства. Усиление дифференциации способствует *независимости* как невозможности непосредственного влияния одного внутреннего региона на другой (например, у маленьких детей – прямого влияния голода, усталости на настроение) и регуляции своих состояний и воздействий среды. В данной теории *дифференциация* и *организация* представляют собой механизмы сепарации как процесса, которые функционируют внутри жизненного пространства индивида и ведут к уменьшению «прямой зависимости в моторной системе индивида, во внутриличностных регионах, в отношении между внутренними психологическими регионами и психологической средой» (Левин, 2000, с. 129).

Фриц Перлз так же, как и Левин, принимает целый ряд принципов, на которых стоит классическая гештальтпсихология и рассматривает любой аспект поведения человека как проявление единого целого. Значительное влияние на Перлза оказал В. Райх, который считал, что каждый человек защищается от анализа особым образом, в начале терапии нужно выяснить характер сопротивления пациента, а потом переходить к содержанию продукции (сновидений, фантазий). В терапевтической ситуации большое внимание уделялось невербальным, телесным функциям. В своем докладе на аналитическом конгрессе в Чехословакии в 1936 г., который назывался «Оральное сопротивление», Перлз показывает, как важен прием

пищи для отношений младенца с внешним миром и как привычки в еде взрослого человека отражают его взаимодействие с другими людьми. Доклад вызвал дискуссии и резкую критику со стороны участников конгресса.

В 1942 г. появляется книга «Эго, голод и агрессия». Перлз соединяет свой опыт с тем, чему научился у Райха, экзистенциалистов и гештальт-психологов. Он критикует Фрейда за невнимание к изучению телесных функций, за односторонний интерес к прошлому. Ценным, с нашей точки зрения, является обращение Перлза к изучению установления пациентом *контакта с реальностью* в настоящем вместо «псевдоконтакта с проекциями». Разрабатывая идеи актуального сознания, Перлз конструирует методы, которые позволяют человеку «раскрыть внутренние конфликты и распознать, каким образом он переносит их вовне...» (Бюнтинг, 2004, с. 538).

Гештальтпсихология первоначально представляла для Перлза только академический интерес, но позднее он всецело обращается к ее ключевым положениям и в соавторстве с Ральфом Хефферлайном и Полом Гудмэном пишет книгу «Гештальттерапия» (1951).

Соглашаясь с Райхом, Перлз считал, что агрессия, ненависть, властность, сексуальные перверсии – не первичные, а вторичные реакции человека на фрустрацию первичных потребностей в пище, тепле, близости, контактах, свободном пространстве, сексуальности и творческом выражении (Перлз, 2005). Перлз утверждает, что поведением движут потребности, а не инстинкты. Вся органическая жизнь характеризуется неустойчивым равновесием между двумя полярными импульсами: стремлением к самосохранению (спокойствию, безопасности, постоянству формы, стабильности) и ростом (движением, изменениями, развитием, дифференциацией). «Чрезмерный акцент на самосохранении ведет к застою, чрезмерный акцент на дифференциации – к потере безопасности и своей сущности» (Бюнтинг, 2004, с. 541).

Сравнивая свой взгляд на человека и терапевтический подход с психоанализом, Перлз отмечает, что стремление в психоанализе вынести из бездн бессознательного на поверхность вытесненный материал показывает, насколько мрачной становится картина человеческой жизни. Выдвигая принцип *организмической саморегуляции*, Перлз становится в оппозицию по отношению к классическому психоанализу Фрейда, согласно которому человек в силу своей генетической природы находится в противоречии с самим собой, с окружающими людьми и всей природой; развитие человеческих

качеств возможно только в результате подавления (или сублимации) инстинктивной природы.

Рассматривая организмическую саморегуляцию как здоровую функцию индивида, Перлз считал ее основой установления контактов – с собой, с внешним миром, с организмическим процессом. Признаками организмической саморегуляции являются осознанность (самоощущение), ответственность как способность отвечать, взгляд на «организм как целое, акцент на „здесь и сейчас“ и значимость преимуществ „как“ перед „почему“» (Фрейдджер, Фейдимен, 2006, с. 81).

Важно отметить, что, возможно, при поддержке психотерапевта, саморегуляция инициируется не приспособлением к общественным нормам и действующей морали, а ядром личности, которое Перлз назвал «*аутентической Самостью*». «Человек, способный к саморегуляции... по своей природе морален, социален, любознателен, способен любить и трудиться, но при условии, что окружение не препятствует его свободному развитию посредством постоянной фрустрации, подавления его потребностей, включая сексуальные, и пренебрежительного отношения к ним» (Бюнтиг, 2004, с. 541).

Для Перлза здоровье и зрелость – это способность заменить *внешнюю* поддержку, контроль и регуляцию *самоподдержкой* и саморегуляцией (Фрейдджер, Фейдимен, 2006, с. 83). По его мнению, люди способны устанавливать баланс внутри себя и по отношению к окружающему миру, при этом существование человека в отрыве от других людей невозможно.

Патологическая функция индивида – это *самопрерывание*. «У наших пациентов вместо саморегуляции мы наблюдаем... регуляцию со стороны посторонних людей, а вместо самостоятельности и социальной ответственности – зависимость и безразличие» (Бюнтиг, 2004, с. 544). Жизнь невротика характеризуется постоянным самопрерыванием. Вместо того, чтобы наслаждаться жизнью, он обеспечивает себе выживание. «Его Я, система его идентификаций не находится в контакте с его Самостью, совокупностью реакций его организма на внешний мир. Он чужд самому себе» (там же, с. 544). Типичными способами избегания контакта являются слияние, интроекция, проекция, ретрофлексия, дефлексия. Слияние отрицает дуальность, препятствуя развитию индивидуальности.

Идеи гештальтпсихологов относительно природы человека, его функционирования и развития, безусловно, важны для более глубокого понимания процесса сепарации. Прежде всего, интерес вызывают принципы дифференциации и организации (по Левину),

благодаря которым человек расширяет свое психологическое пространство, и оно становится более структурированным, при этом отдельные проявления психического (эмоции, потребности, чувства и др.) не актуализируются одновременно как недифференцированное целое, но характеризуются относительной независимостью друг от друга, организованы иерархически. Несомненным вкладом гештальтпсихологов в исследование психологии человека, в том числе процесса сепарации, является изучение индивида с точки зрения его активности в освоении психологической среды, в осуществлении организмической саморегуляции (Перлз). Эти особенности выступают в роли внутренних условий развития человека, становления его аутентической Самости.

Теоретические идеи гештальтпсихологов нашли отражение в практике гештальттерапии, и, что наиболее существенно для исследования психологической сепарации, – в интерпретации феномена «завершение гештальта», в учении о границе контакта как осознании человеком этой границы в содержательном, пространственном и временном плане (границы Я–Другой и Я–Я), благодаря которым можно понять суть сепарационного процесса как постоянно продолжающегося создания и завершения истории личности на определенном этапе развития и интеграции этого этапа в целостную картину жизненного пути конкретного субъекта.

2.5. Субъектно-бытийный подход в психологии и теория психологической суверенности

Психология человеческого бытия – одно из актуальных направлений современной психологии. По мнению В. В. Знакова его предметом являются «смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру» (Знаков, 2013, с. 30), прежде всего, к событиям и ситуациям, в которые попадает человек, взаимодействуя с другими людьми, что представляется важным и для исследования проблемы психологической сепарации.

Психологи Кубанского государственного университета последние два десятилетия развивают идеи *субъектно-бытийного подхода*.

Опираясь на работы С. Л. Рубинштейна и его учеников, прежде всего, А. В. Брушлинского, З. И. Рябикина рассматривает человека как активного субъекта, не абстрактного, а включенного в жизненное пространство, в *бытие*. Автором было обосновано использование категории «бытие» на современном этапе развития отечественной

психологической науки, без которого изучение личности было бы неполным. Рябикина пишет, что включенность личности в «пространства ее реализаций», в «бытийное пространство» позволяет изучать структуру смыслов личности в соответствии с внешними, объективными пространствами явлений (Рябикина, 2005, с. 55). Благодаря категории «субъект», считает автор, преодолевается дефицитарность принципа детерминизма в понимании психики и личности. Личность – не объект воздействия, а субъект, который способен к активному выбору, селекции детерминирующих влияний, и может сам создавать эти детерминанты. Ссылаясь на В. В. Знакова, Рябикина отмечает, что человеческое бытие – это бытие, которое уже преобразовано человеком, оно изменяется вследствие его активности. Личность реорганизует «объективные пространства своей жизни в соответствии со структурой личностных смыслов, тем самым преобразуя их в *пространства своего бытия*» (Рябикина, 2005, с. 56). Не используя понятие «автономность», автор обращается к категории «аутентичное бытие», которой обозначает способность человека переструктурировать среду в соответствии со структурой личностных смыслов, определяющих подлинность человека и суверенность его бытия. Рябикinou разработана структурно-динамическая модель личности как субъекта бытия, важнейшим конструктором которой является *смысл жизни*. «Овладевая подчиненными ей субъективными и объективными пространствами бытийности, личность выстраивает их, самоактуализируясь в этом созидании, воспроизводя структурные характеристики своего смыслового пространства...» (Рябикина, Ожигова, Фоменко, 2013, с. 63).

Проблема целостности личностного бытия поставлена в работах Г. Ю. Фоменко, в которых обосновывается необходимость расширения сферы психологии и рассмотрение проблемы «личность и бытие». Такое расширение предметной области исследования ставит серьезную проблему внешнего и внутреннего, важную и для авторов настоящей книги. По мнению Фоменко, понять диалектику «взаимоотношений внутреннего и внешнего в плане бытийного самоопределения личности возможно только тогда, когда личность рассматривается как целостная система таких внутренних условий, которые необходимо и существенно опосредуют все внешние причины...» (Фоменко, 2005, с. 177). Реализацией этого методологического подхода становится определенная теоретико-методическая направленность исследований Фоменко, которая проявляется в использовании *биографического метода* и *типологического подхода*.

Это направление обращает автора к проблеме индивидуальности и личностных ресурсов, которые позволяют раскрыть механизмы «личностной саморегуляции экзистенциального уровня» (там же, с. 170). Анализируя в своих исследованиях психологию человека в трудных, экстремальных условиях жизни, Фоменко подчеркивает, что жизненные трудности и опасности знаменуют собой «очередной поворот изменчивой жизни, побуждающей человека к непрерывному росту» (там же, с. 175). Показано, что даже в экстремальных условиях жизни остается возможность аутентичного бытия личности; выявлены ресурсы, способствующие сохранению аутентичности. Высказанные идеи близки к нашему пониманию условий и обстоятельств развития личности, ее индивидуальности и автономности.

Л. Н. Ожигова, исследуя гендерную идентичность и профессиональные стратегии мужчин и женщин, утверждает, что одним из базовых устремлений человека является стремление стать субъектом собственной жизни. Автором разработана концепция мультиполярной гендерной идентичности. Ссылаясь на В. В. Знакова, Ожигова считает, что «субъектом можно назвать только внутренне свободного человека, принимающего решения о способах своего взаимодействия с другими людьми, прежде всего на основании сознательных нравственных убеждений. Говорить о человеке как о субъекте можно только при понимании им самым собственного бытия, при котором он, осознавая объективность и сложность своих проблем, в то же время обладает ответственностью и силой для их решения» (Ожигова, 2005, с. 259). Рассматривая гендерную идентичность как часть общей Я-концепции личности, Ожигова выделяет центральный механизм, обеспечивающий личностную интеграцию – личностный смысл. Сначала биологический пол и гендерные нормы выступают, согласно автору, как внешние факторы, которые «приобретают новое, личностное наполнение и становятся гендерной идентичностью личности» (Рябикина, Ожигова, Фоменко, 2013, с. 65). Затем субъект привносит свои личностные смыслы в новые бытийные реальности, изменяя гендерные стереотипы и роли.

Близкими по методологическим и теоретическим основаниям исследования к работам коллег из Кубанского государственного университета являются работы В. А. Лабунской (Южный федеральный университет). Внешность человека в какой-то степени может выступать границей, соединяющей внутренний и внешний мир личности. По мнению Лабунской, отношение к внешнему облику и отношение человека к миру тесно связаны между собой. Она показала, что так

называемое *затрудненное общение*, когда активность человека приводит к обезличиванию, разрушению и психологическому уничтожению партнера, наблюдается у людей, которые не удовлетворены своей внешностью, склонны избегать разговоров о своем внешнем виде, а также безучастно относятся к своему внутреннему миру. «Они не только отчуждены, отдалены от других, демонстрируют равнодушие, безразличие, недоверие к ним, но и проявляют такие же отношения к самим себе и ожидают их от других» (Лабунская, 2005, с. 250). Важнейшим аспектом исследования стало привлечение данных, указывающих на возрастную специфику отношения к своему внешнему облику, на специфику прохождения нормативных кризисов разными типами людей, что позволило говорить о *бесконечности* и *незавершенности* конструирования саморепрезентаций, которые применимы для изучения внутренней и внешней сепарации. Не менее важным оказалось использование категории *рефлексии*, ведь каждый раз, когда человек обращает внимание на свою внешность, он неизбежно возвращается «к мысли о личностном, пристрастном, избирательном отношении к увиденному» (там же, с. 245).

С. К. Нартова-Бочавер – представитель московской школы в исследовании личности и автор теории психологической суверенности, в качестве ключевого конструкта она выделяет конструкт «психологическое пространство» (Нартова-Бочавер, 2008). *Психологическое пространство личности* – субъективно значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека и включающий комплекс физических, социальных и психологических явлений, с которыми человек себя отождествляет. *Суверенность* проявляется в аутентичности собственного бытия (уверенности в том, что человек поступает согласно собственным желаниям и убеждениям), в ощущении своей умелости в пространственно-временных ценностных обстоятельствах своей жизни, которые он либо принимает, либо создает. Депривированность проявляется в переживании подчиненности, отчужденности, фрагментированности собственной жизни и характеризуется затруднениями в поиске объектов среды, с которыми человек себя идентифицирует, ощущая себя «на чужой территории» и не в своем времени. Суверенность представляет собой эволюционно и социально сложившееся системное качество личности, являющееся необходимым условием ее нормального функционирования и развития.

В качестве ключевого места в феноменологии психологического пространства выступает состояние его границ – физических и пси-

психологических маркеров, определяющих область личного контроля и приватности одного человека от таковой области другого. В пространстве можно выделить объем, количество измерений, сохранность (устойчивость или подвижность) границ. В стабильные периоды жизни пространство стремится к равновесию, используя сложившиеся и уже освоенные языки самовыражения. Во время критических событий границы могут терять свою прочность, а личность совершать регрессию к языкам своего прошлого.

Функциями границ, согласно Нартовой-Бочавер, являются определение личной идентичности, создание возможности равноправного взаимодействия, селекция внешних влияний, защита от разрушительных воздействий, определение пределов личной ответственности, проявление субъектности. Граница имеет двойственный характер: она объективна, если говорят о границах тела, владении личными вещами, и она субъективна, когда обсуждают границы вкусов, привычек и социальных предпочтений.

Нартовой-Бочавер выделено шесть измерений психологического пространства: 1) физическое тело (телесность); 2) территория; 3) личные вещи; 4) привычки; 5) социальные связи и 6) вкусы (ценности).

Суверенность дает человеку ощущение своей «уместности» и востребованности. Будучи уверен в прочности своих личностных границ, субъект свободен от избыточной дефензивности и внутренних конфликтов, принимает себя в естественном сочетании своих достоинств и недостатков, обладает качествами самоактуализирующейся личности. Суверенность может проявляться в объективных и субъективных показателях: социальной и профессиональной продуктивности, переживании удовлетворенности и осмысленности жизни. В то же время суверенность всегда естественна, она достигается в ходе решения жизненных задач.

Эмпирические исследования, проведенные Нартовой-Бочавер и ее учениками, показали, что уровень суверенности нелинейно возрастает на протяжении жизненного пути, причем наиболее интенсивно процессы суверенизации происходят в дошкольном и подростковом возрасте. Установлены связи суверенности с разноразноуровневыми свойствами индивидуальности: с эргичностью, пластичностью, темпом и низкой эмоциональностью, с проявлением дружелюбия в межличностных отношениях, с наличием позитивной Я-концепции, и переживанием осмысленности собственного бытия.

Психологическая суверенность и психологическая сепарация – существенно важные проявления развивающейся личности, каждое из которых обнаруживает себя посредством актуализации психологических механизмов. Механизмами регуляции суверенности являются приватизация (присвоение фрагмента среды) и персонализация (осуществление себя вовне). Психологическая сепарация также осуществляется благодаря работе психологических механизмов, которые в целом связаны с процессами отождествления и разотождествления. Несмотря на некоторое сходство между суверенностью и сепарацией они различаются по направленности реализующих их механизмов. Механизмы суверенизации направлены на *упрочение* своей аутентичности в психологической среде, на ее расширение, а механизмы сепарации – на *развитие* аутентичности, на прояснение (рефлексию) своих актуальных чувств, потребностей, состояний и на отчуждение от убеждений, потребностей, чувств, ставших для человека его историей.

В целом рассмотренные нами в этом параграфе подходы могут быть объединены общим интересом к проблеме бытия и функционированию человека в нем как активного субъекта, способного осваивать психологический мир, центром которого является он сам, и быть автором процесса отождествления и разотождествления с этим миром.

Ни одно крупное направление и ни одна теория психологии не обошли стороной принципиально важный вопрос сепарации, но ответы на него давались разные. Глубинная психология, прежде всего, ориентировалась на объектные отношения и на трудности, которые возникают между ребенком и родителями; благодаря исследованиям стилей привязанности были получены данные, подтвердившие наличие тесной связи между процессом сепарации и надежностью отношений родителя и ребенка в детстве; поведенческий подход сделал наиболее очевидным реализацию сепарации посредством процесса научения; гештальтпсихология в качестве центрального принципа исследования личности выдвинула положение об активной роли человека и о целостности его психического развития; современные отечественные работы подтвердили важность изучения субъекта в контексте его отношений с миром, раскрыв многообразие этих отношений и механизмы становления приватности, суверенности и автономности человека, стремящегося к сохранению и развитию своей аутентичной Самости.

ГЛАВА III

ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕПАРАЦИИ

3.1. Философско-психологические основания теории сепарации

Сепарация в переводе с латыни (от *lat. separatio*) обозначает отделение. Психологическая сепарация – термин, предложенный М. Мэлер (Mahler, Gosliner, 1955) для описания двух взаимосвязанных процессов, постепенно разворачивающихся в ходе психического развития: ухода от объекта или прекращения с ним каких-либо отношений. В психоаналитическом смысле сепарация представляет собой интрапсихический процесс, входящий в структуру сепарации–индивидуации, благодаря которому индивид приобретает чувство себя как самостоятельной и независимой от объекта целостности. Способность к сепарации является важным компонентом развития каждого индивида (Психоаналитические термины и понятия, 2000).

Психологическая сепарация – актуальная проблема не только для науки, но и для практики консультирования и психотерапии. Большинство запросов клиентов, которые касаются самых разнообразных жизненных трудностей и на поверхности содержат извечные русские вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?», на самом деле имплицитно имеют мощный трансцендентный посыл «Кто я есть на самом деле?», «Как я могу войти в контакт со своим истинным «Я»?», «Как мне стать самим собой?» и «Каково мое место в мире?». Как правило, большинство психотерапевтических подходов ориентированы на то, чтобы исследовать различные стороны жизненного опыта клиента, подготовить его к встрече с глубинными противоречиями, а так же помочь осознать мысли и чувства, спрятанные под покровом того, что К. Юнг называл *Persona* (Юнг, 2007). В дальнейшем, терапевтический альянс может служить надежным про-

водником по нахождению дороги к собственному Я. Итак, одним из важных составляющих сепарации является *конструкт Я*.

Понятие Я является центральным во многих философских системах и обозначает: действующего агента; центр инициативы или сущности личности, источник ее активной деятельности; фиксацию ментальной репрезентации личности, ее самосознания, ее представления о себе (Современный философский словарь, 1998, с. 1046–1058).

Безусловно, суждения великих мыслителей относительно категории Я различаются. Так, у Декарта, основателя рационализма, «Сфера сознания» и Я неразрывны: «Я, строго говоря, только мыслящая вещь, то есть дух (esprit), или душа, или разум (entendement), или рассудок (raison)» (Декарт, 1970, с. 293). Мыслящее Я не зависит ни от какой материальной вещи, оно зависит только от себя, полагает Декарт. Он также считает, что в мышлении реализуется способность сомневаться и отказываться от стереотипов. Благодаря мышлению человек в своем сознании выступает причиной своих желаний и действий.

И. Кант различает эмпирично-индивидуальное и «чистое Я», которое выступает как «трансцендентальное целое апперцепции» и как «носитель категорического императива». Самосознание человека порождает эгоизм как природное свойство человека. Человек не проявляет его только тогда, когда рассматривает свое Я не как весь мир, а только как часть его. Нужно обуздывать эгоизм, контролировать разумом душевные проявления личности (Кант, 2007).

Согласно Фихте, бытие и мышление едины, так что жизнь окружающего мира происходит только внутри субъективного человеческого Я, абсолютного творческого начала, являющегося фундаментом всего сущего. По утверждению Гегеля, когда мы говорим Я, то выражаем бесконечное и вместе с тем отрицательное отношение с собой. В этом противостоянии самого себя всеобщему происходит постижение человеком себя и своей собственной самостоятельности. Таким образом Я самоопределяется – полагает собственные границы. Полагая границу Я, человек чувствует себя не только независимым от всеобщего, но и ответственным за свои желания, действия, отношения к другим людям.

Все сказанное позволяет утверждать, что разум человека способствует самостоятельному определению своих действий независимо от принуждения со стороны чувственных мотивов (И. Кант, И. Г. Фихте, Ж. П. Сартр, Вл. Соловьев, М. К. Мамардашвили).

Человек может быть ограничен в выборе не только из-за незнания каких-то возможностей, но из страха принятия их. С. Кьеркегор, родоначальник экзистенциализма, утверждал: «Истинная свобода есть возможность» (Кьеркегор, 1994, с. 451). Испытывая тревогу, страх, отчаяние, человек подходит к осознанию противоречия, которое выступает источником активности личности, открывает пути преодоления границ возможностей. Экзистенциальное понимание свободы, поместившее локус ответственности внутрь субъекта, наделяет саму проблему независимости этическим смыслом. Только духовный человек способен ставить задачи, осуществлять нравственный выбор, а «в бездуховности нет никакого страха, поэтому она слишком счастлива и довольна и слишком бездуховна» (Кьеркегор, 1993, с. 190). Таким образом, еще одной составляющей сепарации является *переживание*, которое сопровождает этот процесс и выражается в разных чувствах и эмоциях, а также *разум, знание и оценка*, ведь, опираясь на мышление, рефлексию, человек познает свое Я в мире бытия, формирует собственное, независимое отношение к другим людям, различным жизненным ситуациям.

Внутренняя независимость личности способствует дифференциации когнитивных, аффективных элементов сознания, как принадлежащих Я, принадлежащих Другому, принадлежащих Мы, позволяет принимать жизнь и проявления собственного Я во всем многообразии их свойств и взаимосвязей, является первым шагом на пути к интеграции различных сторон личности и последующего суверенного существования.

Психология, основываясь на идеях философии, продолжила исследования, в которых описываются механизмы процесса сепарации, внутренние детерминанты того, что делает человека автономным, свободно выбирающим свой путь и активно преобразовывающим действительность.

Уяснение того, что человек не просто узнает, открывает себя, но и активно формирует представление о своем теле, своих психических свойствах, моральных качествах, что осознание своих способностей меняет его самоотношение, самооценку и уровень притязаний, указывает на социальную природу Я. Иными словами, сепарация не может происходить вне *интерперсональных отношений*, вне *взаимодействия* с другими людьми.

Открытие Я, переживание своего Я является результатом длительного формирования и развития личности в процессе онтогенеза. С момента рождения до двух-трех лет ребенок завершает решение

ряда задач своего развития. Наиболее важной психологической задачей развития в этот период является установление доверия между родителями (опекунами) и ребенком.

Психоаналитики (З. Фрейд, А. Фрейд, Э. Эриксон и др.) выделили в онтогенезе отдельную стадию, которую связывали со становлением автономности личности. По мнению этих ученых, примерно с года до трех лет, у ребенка развивается ощущение своего Я, которое дает ему возможность научиться брать на себя ответственность за свои действия, делиться, взаимодействовать и сдерживать агрессию, адекватно относиться к авторитету других, выражать свои чувства словами и эффективно справляться со страхом и тревогой. Таким образом, важным навыком, который приобретает ребенок при завершении данной стадии развития, является умение полагаться на свою внутреннюю силу, способность контролировать внешний мир и владеть собой в противовес сомнениям, неуверенности, приниженности и слабости.

Дж. Боулби, основоположник теории привязанности, его последователь М. Эйнсворт и другие (J. Cassidy, P. Crittenden, V. Fahlberg, R. Spitz, Н. Н Авдеева, И. Лангмейер, З. Матейчек, Н. А. Хаймовская) доказали важность привязанности и интерперсональных отношений между ребенком и родителями (лицами, их заменяющими), важность формирования союза ребенка и взрослого, обеспечения стабильности (длительности) отношений и качества коммуникации между ребенком и взрослым для нормального развития ребенка и развития его устойчивой концепции Я. Проблема сепарации тесно соотносится с проблемой *привязанности*.

Выделенные теоретические конструкты можно рассматривать как важнейшие составляющие сепарации как процесса, который в норме присущ полноценно функционирующей личности. *Процесс сепарации* происходит в течение всего жизненного пути личности, но может обнаруживать свою специфику в зависимости от тех или иных возрастных задач. Не останавливаясь подробно на этих особенностях, отметим, что для понимания авторского подхода к толкованию сепарации важно обсудить эту проблему в соответствии с идеей психического развития.

3.2. Внутренняя и внешняя сепарация в аспекте развития

Отечественные психологи, авторы известных теорий развития, связывают становление таких качеств, как самостоятельность, незави-

симось, саморуководство, с развитием личности ребенка, в частности, с развитием самосознания (Л. С. Выготский, Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович, В. С. Мухина и др.).

Так, С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, представляя разные научные школы, отмечают, что именно внутренние противоречия выступают движущими силами психического развития. Они отличаются в каждом возрасте и в то же время протекают в рамках одного, главного противоречия – между потребностью ребенка быть взрослым, занимать определенное место в социальной жизни, проявлять самостоятельность и отсутствием реальных возможностей для ее удовлетворения. Это противоречие ведет к отказу от старых форм взаимодействия с миром, усвоению новых знаний, к освоению новых способов деятельности, что позволяет расширить границы самостоятельности, независимости от взрослого, повысить уровень своих возможностей, перейти к новой стадии развития. На основании эмпирических данных Л. С. Выготский выделяет следующие критические периоды психического развития ребенка: кризис новорожденности, одного года, трех лет, тринадцати лет (подростковый), семнадцати лет (юношеский). Но личностью, субъектом ребенок становится только в результате осуществления деятельности, совершаемой вначале с помощью взрослых и только потом самостоятельно. В связи с этим можно обнаружить зависимость развития детской автономности от развития форм общения, ибо на раннем этапе онтогенеза именно общение со взрослым является для ребенка основным каналом передачи культурно-исторического опыта. Адекватность форм общения со взрослым ведущим видам деятельности детей на всех этапах их развития создает необходимые условия для овладения специфическими для их возраста видами деятельности и, таким образом, способствует становлению автономности ребенка (Лисина, 1986).

Опираясь на идею становления в психическом развитии особого личностного образования – субъективности (или внутреннего мира), В. И. Слободчиков в качестве механизма ее обретения называет изменение форм взаимодействия (со-бытия=бытия вместе) развивающегося ребенка с социальным окружением, взрослыми, путем отождествления с ними (становления событийности, со=бытия) и обособления от них (реализация само=бытийности) (Слободчиков, Исаев, 1995).

В основе представлений о формировании феномена Я В. В. Столина лежит идея о том, что первые формы Я-концепции каждого

ребенка, по существу, являются бессознательными интроектами мнений взрослых, составленных на основе общения и совместной деятельности с ними (Столин, 1983, с. 27–48, 53, 54). В. В. Столин, рассматривая Я-концепцию как одну из форм «феноменального Я», пишет: «Ясно, что феноменальное Я возникает не сразу, не автоматически с рождением человека, а в сложном процессе развития самого субъекта. Процесс развития самого субъекта, рассмотренный под углом зрения возникновения его феноменального Я, обладающего важными функциями в деятельности субъекта, и есть процесс развития его самосознания» (Столин, 1983, с. 24).

Таким образом, межличностные отношения на самых ранних этапах онтогенеза являются основой социализации и интеллектуального развития, они связывают человека (ребенка) с другими людьми и тем самым позволяют выделить себя, сепарироваться, развить личность, сформировать идентичность. Стабильная привязанность к родителям дает ребенку возможность развить базовое доверие к миру и положительную самооценку. Если установление этой связи завершилось успешно, то ребенок чувствует себя в достаточной безопасности, чтобы продолжить самостоятельное освоение внешнего мира. Так, ребенок становится готовым к своему второму, или психологическому, рождению. Психологическое рождение происходит тогда, когда ребенок научается быть психологически независимым от своих родителей (опекунов).

Е. А. Сергиенко, проведя исследования самых ранних в онтогенезе уровней развития субъектности, полагает, что существует два типа ранних форм структуры Я: экологическое и интерперсональное. Они являются двумя аспектами взаимодействия с миром. Я-экологическое специфицирует описание системы Я–физический мир, Я-интерперсональное – системы Я–социальный мир. Эти два аспекта становления субъектности могут развиваться относительно независимо, однако их взаимодействие необходимо для возникновения следующего уровня «вторичной интерсубъектности», который предполагает «треугольные отношения», включающие и объект, и индивида. Исследователь считает, что дети начинают испытывать общие психические состояния со взрослым по отношению к объекту или событию. Следовательно, с точки зрения Е. А. Сергиенко, «первые базовые уровни в развитии субъектности могут быть описаны как уровень первичной субъектности, на котором субъект может быть охарактеризован через модель мультирепрезентаций о физическом мире, первичное выделение себя из физического мира и пер-

вичную интерсубъективность. Уровень вторичной субъектности означает переход к пониманию интенциональности и интеграции себя как Я-экологическое и Я-интерперсональное, что происходит к полуторагодовалому возрасту младенца» (Сергиенко, 2000, с. 199). Таким образом, становление субъекта уже с самого раннего возраста жизни человека проходит непрерывно и стадийно. При этом когнитивное и личностное развитие взаимосвязаны и взаимообусловлены. На каждом уровне базовой субъектности в развитии проявляется личностное ядро, интегративность, целостность, и социальность ребенка. Это означает, что на самых ранних этапах развития человек действует избирательно, самостоятельно планируя и контролируя взаимодействие с внешним миром.

Д. А. Леонтьев рассматривает автономию как отделение человека от окружающего контекста, как эмансипацию, проявляющуюся в последовательности «рождений». На нулевом уровне (в момент зачатия) происходит генетическая эмансипация; на первом уровне (роды) имеет место физическое отделение организма ребенка от матери; на втором уровне (в первые годы жизни, когда ребенок осваивает мир посредством собственных движений) совершается локомоторная эмансипация; на третьем уровне (кризис трех лет) появляется способность самостоятельной постановки целей и задач; на четвертом уровне (второе рождение личности в подростковом возрасте) происходит автономизация сферы личностных ценностей (Леонтьев, 2000).

Можно утверждать, что именно развитие субъектности, активности, ответственности личности является одним из факторов внутренней и внешней сепарации, делает человека самостоятельным, автономным, обеспечивает адаптацию личности к неопределенности и трудным жизненным ситуациям, деструктивным социальным процессам, жизненным кризисам.

Наиболее важная концепция, которую гуманистические психологи извлекли из экзистенциализма – это концепция становления. Человек никогда не бывает статичен, он всегда находится в процессе развития. Для полноценного человеческого существования необходимо «мужество быть» независимым от старых шаблонов, установок, умение отстаивать свои интересы и искать новые эффективные пути самоактуализации.

Понимание кризиса как органической части процесса развития личности присуще авторам большинства психологических направлений (К. Юнг, Э. Эриксон, Р. Ассаджиоли, А. Маслоу, С. Грофф).

Для А. Маслоу мотивационные процессы являются центральными в понимании психологии человека. Среди бытийных ценностей или метапотребностей он выделяет автономию, независимость – «отсутствие необходимости в других для того, чтобы быть самим собой, самоопределение, жизнь по собственным правилам» (цит. по: Хьелл, Зиглер, 2007, с. 498). В отличие от дефицитарных мотивов, бытийные являются мотивами роста, обогащают и расширяют жизненный опыт, актуализируют личностный потенциал. Автономия также представляет собой характеристику самоактуализировавшихся людей, достигших того уровня личностного развития, который потенциально заложен в каждом из нас.

Представитель психосинтеза Э. Йоуменс выделяет в кризисе период разрушения, промежуточный период и период созидания. Он отмечает, что подлинное созидание невозможно без разрушения старого. По словам Йоуменса, «никакие судорожные попытки сохранить свою жизнь в рамках прежней самоидентичности здесь не помогут. Единственно верным решением проблемы может быть лишь «второе рождение», т. е. новое и более широкое отождествление. Иногда в этот процесс вовлекается вся личность, что приводит к ее пробуждению или «рождению» на новом уровне бытия» (Йоуменс, 1994, с. 164). Переход на новый уровень требует реорганизации привычных представлений о себе и мире. Это промежуточный период, когда необходимо освободиться от старых, отживших ментальных и эмоциональных схем, неэффективных моделей поведения. Это время переоценки ценностей и постановки новых целей. Несвоевременное или чересчур резкое отделение от значимых для личности элементов внутреннего опыта или значимых объектов может привести к серьезным осложнениям и искажениям развития и адаптации, вплоть до возникновения длительной депрессии или психопатических явлений. В период созидания человек может столкнуться с двумя крайностями: с одной стороны, потребность в безопасности, эмоциональные и ментальные привязанности, способные затянуть процесс формирования нового Я, а с другой стороны, желание добиться всего и сразу, которое ведет к диффузности идентичности.

Именно в моменты кризиса довольно отчетливо проявляется основной механизм внутренней и внешней сепарации, который А. Ассаджиоли назвал отождествлением-разотождествлением. Разотождествление субъекта с когнитивными, аффективными, содержаниями сознания, установками, поведенческими стереотипами наряду с отождествлением в каждый момент бытия способствует

не только постижению собственного Я, но и росту интеграции различных его элементов. Субъект выстраивает свое новое отношение к миру, к себе, воссоздает себя для мира в новом качестве. Постигание субъектом представлений Я, Другие, Мы, Мир, Я в Мире непрерывно во времени, соответственно непрерывен сам процесс разотождествления-отождествления. При этом внутренняя и внешняя сепарация могут происходить как синхронно, так и с запаздыванием или опережением относительно друг друга. Так, материально независимый от родительской семьи юноша, уезжая учиться в другой город на вечернюю форму обучения, зачастую не сразу осознает всю меру психологической ответственности отдельного от родителей существования, и понадобится еще какое-то время, чтобы он сумел «стать родителем самому себе», чтобы «внутренний родитель» взял на себя функции реальных отца и матери.

К. Юнг писал: «Необходимо допустить, что когда мы говорим «Я», то при этом не имеем абсолютного критерия для оценки полноты переживания этого «Я». Посему так и случается, что наше представление (реализация) Эго весьма фрагментарное и лишь постепенно во времени люди узнают все больше и больше о том, что же Эго значит для человека. Фактически процесс узнавания не имеет конца, длится всю жизнь, во всяком случае, мы сами момент конца не фиксируем» (Юнг, 1998, с. 30). Можно сказать, что процесс внутренней и внешней сепарации сопоставим с тем, что К. Юнг называл индивидуацией – процессом психологической дифференциации, осуществляющимся с этой целью развития индивидуальной личности (Юнг, 1998). Человек обладает природной потребностью в самосохранении, что способствует отождествлению с более активным, сильным и могущественным «Мы», но в равной степени – естественной тенденцией к свободе, креативности, личной компетентности и саморуководству, а значит, – к развитию своей уникальности. Поэтому процесс внешней и внутренней сепарации продолжается в каждый момент времени и в течение всей жизни человека.

Нередко полагают, что процесс внутренней сепарации завершается приобретением субъектом внутренней независимости и автономности, когда автономная и зрелая личность, сформировавшая свою индивидуальность и сумевшая дифференцировать свое «Я» от окружающих, строит четкие, но гибкие границы своего личного пространства, оставаясь психологически здоровой и эффективной в жизни. Однако сепарация не может происходить раз и навсегда. Это – процесс длиною в жизнь и рассматриваемые нами отдельно

внутренние и внешние ее проявления неразделены, они должны восприниматься (и на самом деле являются) лишь сторонами единого процесса.

Рассматривая в этом параграфе сепарацию в аспекте развития, мы остановились скорее на идеальной и общепринятой линейной модели, в соответствии с которой по мере взросления происходит становление человека как зрелой и автономной личности. В следующем параграфе излагается авторская концепция сепарации, в которой она представлена как сложный и многофункциональный процесс, не идентичный простому отделению (разделению) одного субъекта от другого с целью независимого существования от мира, но, наоборот, происходящий как условие оптимального функционирования человека в мире и как фактор его поступательного развития в процессе жизни.

3.3. Модель психологической сепарации (Н. Е. Харламенкова, Е. В. Кумыкова, А. К. Рубченко)

Для удобства анализа проблемы и изложения собственной точки зрения сепарация и ее механизмы представлены в настоящей книге как внешний и внутренний процессы. На первый взгляд, это разделение создает впечатление упрощенного толкования сепарации, когда внешнее и внутреннее рассматриваются 1) как два разные процесса, либо, когда 2) внутреннее находится в отношении изоморфизма или гомоморфизма по отношению к внешнему, либо, когда 3) одно (внутреннее) постепенно вырастает из другого (внешнего), как это обычно объясняется с позиции теорий социальной детерминации психических явлений. Подобные варианты соотношения внешнего и внутреннего хорошо известны, однако, с нашей точки зрения, они недостаточны для понимания природы, особенностей и механизмов сепарации.

Предваряя более детальный анализ проблемы и формулировку основных положений авторской концепции, остановимся на четырех важных задачах исследования. Первая из них касается толкования внешнего и внутреннего с точки зрения их единства; вторая связана с определением понятия «механизм сепарации» и с обсуждением конкретных психологических механизмов; третья – с факторами, определяющими разнообразие механизмов в зависимости от возраста, пола и других особенностей субъекта сепарации; четвертая – с оценкой вклада в процесс сепарации такой переменной,

как «объект сепарации», т. е. того, от кого (или от чего) происходит отделение. Предложенное нами название – объект сепарации – условно, поскольку все участники процесса сепарации являются субъектами, без активной роли которых не могут быть достигнуты желаемые эффекты.

Сепарация часто рассматривается преимущественно как *отделение*, в результате которого, как ожидается, человек должен стать самостоятельным, т. е. начать сам думать, сам делать, сам выражать собственные чувства, сам жить. Он как бы переходит к автономному существованию. Если придерживаться этого мнения, то получается, что сепарация имеет локальный характер, т. е. возможна только в определенном возрасте; она конечна, т. е. достижима в какой-то момент времени; она способствует появлению особого мира людей, не нуждающихся в поддержке, совете и внимании, существующих обособленно. Намеренно выделяя излагаемую позицию как вполне традиционную, отметим, что в этом случае сепарация выполняет функцию разотождествления, но понятно, что не может быть ею ограничена*.

Адекватно расширяя функции и механизмы сепарации, изложим собственный взгляд на проблему.

Начиная с простого, укажем на то, что *внешняя сепарация* может быть представлена, с одной стороны, как *разделение*, разрыв отношений, дистанцирование, отдаление (как *дисгармоничная сепарация*), сопровождаемая чувством обиды, ощущением несправедливости, желанием избавиться от внешнего контроля, а с другой – как *принятие* на себя ответственного решения, как проявление самостоятельности, инициативного поведения (как *собственно внешняя сепарация*). Между этими двумя полюсами располагаются различные варианты внешней сепарации, которые имеют индивидуальное своеобразие и определяются целым рядом факторов (например, возрастом, полом, семейными традициями и др.). В целом, говоря

* Результат сепарации как отделения (разотождествления) может быть обозначен как «автономия». Кроме того, термин «автономия» может быть применим для обозначения какого-то краткосрочного состояния. Чтобы сделать собственную позицию более определенной, мы используем иной термин – «автономность», которым обозначаем качество личности как свободу человека быть самим собой и в отношениях с другими людьми, и в отношении с собой при учете временного континуума «прошлое–настоящее–будущее» и сохранении межличностной коммуникации.

о механизмах внешней сепарации, их можно объединить в две группы, тогда в одну из них будут включены механизмы, обеспечивающие дисгармоничную сепарацию: эмоциональное и коммуникативное дистанцирование, оппозиция, негативизм и другие механизмы (в том числе и косвенного характера), способствующие разъединению и отделению от мира, созданию сверхсуверенного пространства. В другую группу следует отнести механизмы, способствующие собственно внешней сепарации, т. е. обеспечивающие дифференциацию паттернов поведения, ролей, функций субъектов общего социального пространства, а также механизмы сепарации субъекта от собственных паттернов поведения, ставших малоэффективными. Следует подчеркнуть, что при проявлении дисгармоничной сепарации доминируют механизмы, способствующие разъединению, либо, наоборот, слиянию ролей, паттернов поведения и др.; при внешней сепарации в собственном смысле слова – механизмы, направленные на дифференциацию и интеграцию паттернов поведения, взаимодействуют системно.

Внутренняя сепарация также реализуется по-разному. Если придерживаться самой общей классификации, то следует выделить два направления внутренней сепарации: сепарацию Я от внутренних объектов (Я от не-Я – структурный аспект) и сепарацию образа Я (чувств, мыслей, переживаний) в настоящем от образа Я (чувств, мыслей, переживаний) в прошлом и будущем (Я от Я во временной перспективе – генетический аспект). В норме оба эти проявления сепарации функционируют во взаимодействии друг с другом, а именно дифференциация Я от внутренних объектов сопровождается дифференциацией Я настоящего от Я прошлого и будущего (и наоборот); причем в этом случае дифференциация функционирует совместно с принятием новых отношений между Я и внутренними объектами, а также новых ощущений, представлений и т. д. о себе. Эта группа механизмов обеспечивает процесс личностного роста, когда человек сепарируется от прежних чувств, действий, образа мыслей, не вполне соответствующих новым жизненным задачам, проявляя внутреннюю независимость по отношению к ним и «архивируя» их в своей личной истории, а также от того, что еще только ожидается и может быть отнесено к будущему. В качестве психологических механизмов выступает рефлексия, механизмы внутренней независимости и принятия.

Проблемными проявлениями внутренней сепарации являются разные виды дедифференциации:

- 1) Я и внутреннего объекта, ведущей к слиянию с внутренним объектом (объектами), к потере чувства Я и сопровождаемой *сепарационной тревогой*;
- 2) Я настоящего и Я прошлого и будущего, ведущей к стагнации личностного роста, которая вызывает *страх изменений*.

Кроме дедифференциации проблемная сепарация проявляется в виде *дезинтеграции*:

- 1) Я и внутренних объектов, ведущей, например, к акцентированному, повышенному вниманию к себе (нарциссизму), к внутренне гиперболизированному представлению о себе и ощущению себя как более значимого и полноценного по сравнению с внутренними объектами, к конфликту с ними;
- 2) Я прошлого, будущего и Я настоящего, к отрицанию себя в прошлом и будущем, к потере чувства идентичности, к нарушению временной перспективы в развитии Эго.

Как и в случае внешней сепарации, в проблемных случаях внутренней сепарации начинает преобладать одна из двух тенденций – либо отождествление, либо разотождествление. Устойчивая тенденция отождествления не позволяет разделить Я и внутренние объекты, разделить Я в прошлом, будущем и Я в настоящем в процессе личностного роста; устойчивая тенденция к разотождествлению создает условия для внутриличностных конфликтов. При недостаточной духовной и личностной зрелости, как при устойчивом разотождествлении, так и при отождествлении проявляется тенденция к психопатологии.

Зрелые формы внутренней сепарации проявляются в совместной работе обоих механизмов. Заметим, что и внутренняя, и внешняя сепарация представлены механизмами отождествления и разотождествления. Обсуждая далее модель сепарации, мы попытались развести механизмы внешней и внутренней сепарации, допуская условность такого различения.

Функционирование субъекта представляет собой единый процесс, и предпринятое нами выше разделение необходимо для того, чтобы понять и показать целостную картину психологической сепарации. Для этого еще раз перечислим выделенные нами ранее конструкты (§ 3.1).

Прежде всего, это конструкты *Я* и *Мир* (общество) (см. рисунок 3.1). Являясь социальным существом, человек должен ощущать себя частью *Мира*, совершенствуясь в нем и преобразуя его.

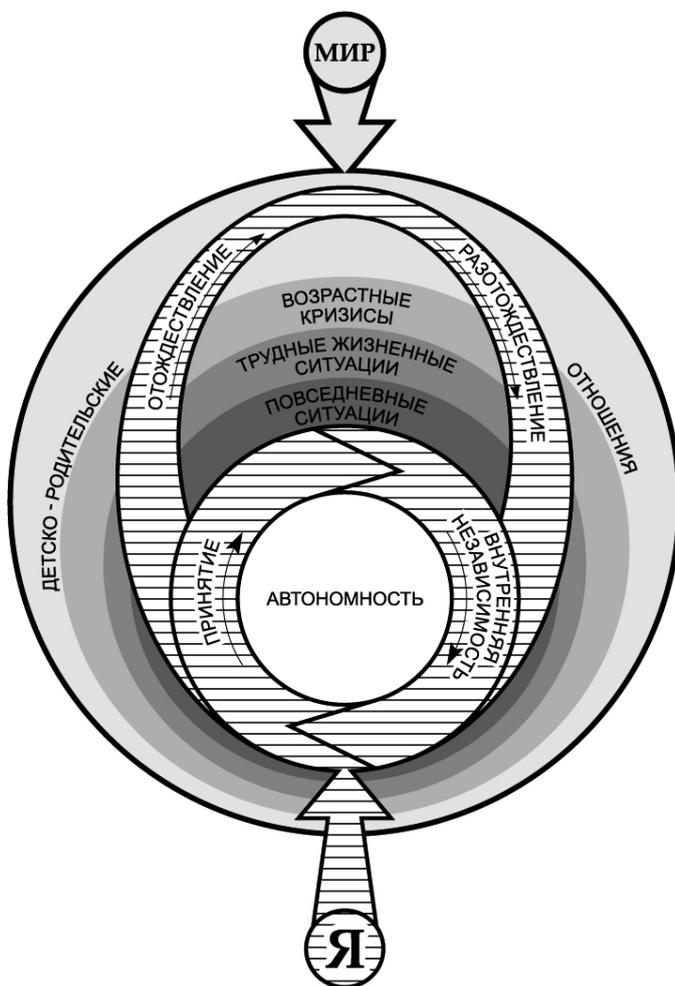

Рис. 3.1. Модель психологической сепарации (Н. Е. Харламенкова, Е. В. Кумыкова, А. К. Рубченко. Рисунок выполнен П. А. Харламенковым)

По существу, Я включено в этот Мир по принципу *взаимодействия* с ним, посредством установления *отношений*, которые могут быть не только межперсональными, но и общественными, имеют широкий контекст и отличаются разнообразием, специфичны в разных возрастах. Специально подчеркнем, что на всех выделенных нами уровнях *Мира* – детско-родительских отношений, возрастных кризисов, трудных жизненных ситуаций, повседневных ситуаций – сепарация происходит в отношениях *Я–значимый Другой*.

Важнейшим для авторской концепции является положение о том, что *отношения Я с Миром* для каждого человека начинаются с рождения и фактически поддерживаются *привязанностью* к объекту заботы о нем (в первом блоке *Мир* на рисунке выделяем 1-й элемент – «Детско-родительские отношения» как значимые для становления здоровой привязанности). Отметим, что безопасная (надежная) привязанность, основой которой является эмоциональная доступность матери, способной реагировать на потребности ребенка, быть уверенной в себе и своих действиях, является (в отличие от других типов привязанности) предиктором формирования индивидуальности и автономности ребенка.

На всех уровнях взаимодействия Я с Миром (выделенные на рисунке детско-родительские отношения, возрастные кризисы, трудные жизненные ситуации, повседневные ситуации) основой сепарации выступают отношения между Я и значимым Другим.

Это значит, что установление отношений эмоциональной близости с ребенком, понимание его желаний доступны матери только тогда, когда ребенка рассматривают как *индивидуальность*, как *субъекта*, а не просто как объект воздействия и воспитания. Без этого условия установление доверительного контакта невозможно. Одновременно с этим мать и другие близкие люди часто в большей степени осознанно пытаются найти способы включения своего ребенка как человека, имеющего свои индивидуальные особенности, в социальный *Мир*, что и создает почву для поиска родителями не только универсальных, но и уникальных способов интеграции ребенка в социум, запускает *механизмы отождествления/разотождествления, механизмы рефлексии и внутренней независимости*.

Благодаря надежной привязанности ребенок способен сохранить свою индивидуальность и развивать ее, одновременно владея способами взаимодействия с окружающим *Миром*, транслируемыми ему родителями и подкрепляемыми не только родителями, но и другими взрослыми. Поскольку эти механизмы обнаруживаются благодаря рефлексии родителей, а не их проекции на ребенка своих способов коммуникации, они близки «собственной жизни» ребенка, открывая для него «собственный Мир – внешний и внутренний как целое» (*Я в Мире*), а также возможность ощутить *внутреннюю независимость*, также подкрепляемую родителями. Согласно определению Е. В. Кумыковой, «внутренняя независимость – эмпирическая свобода (чувство личной ответственности, умение управлять собой,

способность делать осознанный самостоятельный, независимый выбор), которая организует автономность и целостность жизненного пути личности как субъекта жизнедеятельности» (Кумыкова, 2011а, с. 14). Внутренняя независимость – механизм, развиваемый ближайшим окружением, поддерживаемый им для обеспечения дифференциации *Я* и *не-Я*. Наряду с этим механизмом родители подкрепляют ребенка в *принятии себя*, в умении интегрировать, соединять разные аспекты своего опыта, своего *Я*.

В отличие от надежной привязанности иные типы привязанности затрудняют дальнейшее развитие автономности ребенка, что проявляется либо в чрезмерном отождествлении с родителями и в сепарационной тревоге, либо в чрезмерном отчуждении и конфликтности. В обоих случаях ребенок рассматривается как объект воздействия, похожий на родителей и поэтому не имеющий «своего собственного», индивидуального мира либо отличный от них и имеющий «нежелательную» индивидуальность, которая отрицается взрослыми и поэтому не прорабатывается с точки зрения интеграции ребенка в социум.

Дальнейшее развитие ребенка также происходит при активном участии родителей и других, значимых для него людей. По мере взросления система отношений расширяется и дифференцируется, оставаясь основой сепарационного процесса. Выделяя *конструкт «отношения»* как важную составляющую модели, мы указывали на то, что именно в отношениях с другими людьми, а не в ходе отчуждения от них человек развивает свою автономность, постоянно изменяет и постигает ее. Детско-родительские отношения являются *базовыми* в развитии внешней и внутренней сепарации; отношения с другими значимыми людьми, *со значимым Другим*, обязательно присутствуют на всех уровнях взаимодействия с *Миром*, в том числе и при прохождении возрастных кризисов, при совладании с трудными и повседневными жизненными ситуациями.

Развиваясь, ребенок формирует свою эго-идентичность. Согласно практически большинству теорий развития, формирование *Я*, выделение и отделение себя проходит посредством прохождения *возрастных кризисов*. Выделяем 2-й элемент в блоке *Мир* – «возрастные кризисы». Это наиболее глобальные в жизни каждого человека вехи его личной истории, сопряженные с возрастными задачами, транслируемыми *Миром*, основой которых выступает внешняя и внутренняя сепарация.

При прохождении нормативного кризиса человек предвосхищает изменение социальных требований по отношению к нему и благодаря рефлексивным механизмам оценивает свои чувства, мысли, состояния, особенности, которые требуют изменения, разотождествляясь с ними. Подобные же процессы касаются внутренних объектов. Внутренняя сепарация предполагает и внешнюю как отчуждение от прежних паттернов поведения, и изменение отношений с другими людьми. Происходящие изменения требуют принятия и отождествления с ними. Однако, если кризис переживается человеком болезненно, то, как правило, первично происходит внешняя сепарация, провоцируемая социумом; внутренние процессы принимают характер конфликтной независимости, либо развитие тормозится, личностный рост замедляется и человек фактически остается или становится со-зависимым.

Возрастные кризисы нередко рассматриваются как важная часть процесса личностного роста, как *оздоравливающее страдание*, которое, в конце концов, выводит человека на новый уровень развития, на новый уровень дифференциации и интеграции. Имея в своем опыте надежную привязанность, человек обладает ресурсами преодоления возрастного кризиса: семейными ресурсами «поиска себя» на определенном этапе взросления, а также своими собственными ресурсами, которые были транслированы родителями и в определенной точке роста нуждаются в пересмотре, в своеобразной редакции. Внутренняя независимость как механизм дифференциации Я и не-Я, безусловно, имеет возрастную специфику, которая более подробно раскрывается в последующих главах книги. Здесь лишь отметим, что в норме работа механизма становится все более чувствительной к нюансам, к дифференцировкам; меняются типы отношений между механизмом внутренней независимости и механизмами отождествления/разотождествления.

Любая модель всегда имеет ограничения и исходно принятые условности. В нашем случае мы условно разделили внутреннюю независимость и принятие, а также отождествление и разотождествление, считая, что первые функционирует в пространстве суверенного Я, а два других – на границах Я и Мир. Учитывая возрастную аспекту, отметим, что по мере развития личности слаженность выделенных механизмов должна повышаться, причем на фоне все возрастающего уровня дифференциации Я и не-Я. Заметим, что внутренняя независимость выступает как индикатор различения Я настоящего от Я прошлого, а разотождествление/отождествление

как определение Я в контексте личного пространства, встроенного в более широкий контекст – Мир.

Кроме возрастных кризисов, основой сепарации становятся менее глобальные, но значимые для человека жизненные этапы, события, перемены. Личность, в том числе ее своеобразие, уникальность, автономность, формируются посредством нахождения здоровых путей выхода из *трудных жизненных ситуаций*. Выделяем 3-й элемент в блоке Мир – «Трудные жизненные ситуации». В отличие от возрастных кризисов, которые могут быть развернуты во времени и так или иначе осознаваемы, жизненные трудности, как считает Л. И. Анцыферова, непреднамеренны и чаще всего неосознаваемы. «Жизнь, однако, ставит личность в такие ситуации, когда только намеренное изменение ею своих особенностей может привести к благополучию. Изменить себя, не изменяя себе – задача трудная, и человек вряд ли справился бы с ней, если бы у него... мотивация приспособления была бы не менее мощной, чем побуждение перестроить мир» (Анцыферова, 1994, с. 9).

Обобщая известные в психологии типы жизненных трудностей, Анцыферова выделяет повседневные неприятности, негативные события, связанные с различными периодами жизни и возрастными изменениями (неудачи при поступлении в вуз, увольнение и т. д.) и непредвиденные несчастья и горести. К последним можно было бы отнести отдельную группу ситуаций, которые называются стрессорами высокой интенсивности. Их воздействие отличается от влияния других стрессоров тем, что человек, во-первых, сталкивается с такими обстоятельствами жизни, которые связаны со смертью или угрозой смерти, или с угрозой серьезных повреждений, угрозой физической целостности других людей, во-вторых, испытывает интенсивный страх, беспомощность или ужас (Тарабрина, 2009, 2011, 2012а, б; Тарабрина, Быховец, 2012, 2014). Одним из психологических последствий воздействия травмирующих событий является посттравматический стресс, наличие которого не всегда подтверждает известную закономерность: чем интенсивнее угроза, тем выше мотивационный потенциал совладания с ней (Анцыферова, 1994). Тем не менее и в психологии посттравматического стресса рассматривается проблема посттравматического роста, которая представляет собой отдельную проблему, но специально мы на ней останавливаться не будем.

Трудные жизненные ситуации требуют преодоления, которое предполагает изменение личностью своего отношения к ситуации, изменение себя (в том числе и связей с внутренними объектами),

регуляцию и проработку своих чувств, изменение стратегий поведения. При возникновении такой ситуации типичным поведением становится обращение за советом к самым разным источникам, т. е. использование внешних способов совладания с трудностями. И даже в этом случае человек вынужден осуществлять селекцию стратегий и выбирать наиболее подходящие именно для него способы совладания. Отождествляясь с ними и одновременно изменяя свою идентичность, субъект разотождествляется с тем, что стало достоянием его индивидуальной истории, но актуально уже перестало быть востребованным. Трудные жизненные ситуации выступают для человека как таковые опосредованно, через отношения *Я–значимый Другой*, и именно поэтому представляют для личности особую проблему, ведь в этом контексте человек ставит перед собой главный вопрос: принять эти трудности и научиться с ними жить, изменив себя и социальные отношения, либо остаться прежним, вновь и вновь переживая трудную ситуацию и находясь в отношениях зависимости с социальным окружением.

Еще один 4-й элемент в блоке *Мир – повседневные ситуации*, возможно, в меньшей степени способствуют психологической сепарации. Тем не менее их нельзя исключить из общей картины Мира, поскольку, как это видно на рисунке 3.1, они тесно сопряжены со всеми выделенными элементами этого блока и обеспечивают непрерывность его взаимодействия с Я. Особенностью повседневных ситуаций является латентное (неочевидное) проявление сепарации, т. е. не всегда осознаваемой субъектом работы механизмов разотождествления и отождествления в отношениях со значимыми Другими людьми и самим собой, которая в кризисных и трудных ситуациях становится вынужденной и поэтому более рефлексивной им. Латентные проявления сепарации создают ресурсы для преодоления трудных ситуаций, возрастных кризисов и сохранения в них целостного Я.

Итак, взаимодействуя с Миром, человек постоянно находится в процессе отождествления или разотождествления со своими эмоциями, чувствами, представлениями о себе и Других, о своем поведении. Субъект активно строит отношения с Миром, функционируя как индивидуализированная часть этого Мира. *Механизмы отождествления и разотождествления* позволяют субъекту интегрироваться в Мир, не конфликтуя с ним и не поглощаясь им, они задействованы на границе Я и Мир и поэтому условно могут быть отнесены и к внешней, и к внутренней сепарации.

На уровне Я – второй блок модели психологической сепарации – функционирует *механизм внутренней независимости*, который помогает осуществлять процессы отождествления – разотождествления. Сама внутренняя независимость представляет собой сложный конструкт, который включает в себя рефлексивность, творческое мышление, самостоятельность, самообладание и ответственность (Кумыкова, 2010а, б). Внутренняя независимость не дается человеку изначально. Как было сказано выше, первоначально она формируется в контексте детско-родительских отношений. Тесно связанная с разотождествлением внутренняя независимость выступает в качестве принципа функционирования человека, благодаря которому он сохраняет чувство внутренней свободы, т. е. возможность оставаться собой при необходимости закономерного изменения своего Я в границах своей индивидуальности в процессе жизни. Это, как бы сказал А. Адлер, «барометр нормальности», чутко реагирующий на снижение или неоправданное повышение (например, за счет игнорирования значимости внутренних объектов) свободы быть собой. Однако внутренняя независимость функционирует не автономно, а во взаимодействии с другим *механизмом* – *принятием Я*. Ведь невозможно развиваться дальше, сепарироваться, если нет принятия. Принятие обеспечивает целостность Я, интегрируя новое, сепарированное Я. С другой стороны, процесс сепарации «запускает» именно непринятие собственного «Я», желание что-то изменить в себе, своих мыслях, чувствах, поведении. Именно поэтому совместное функционирование этих механизмов и обеспечивает процесс внутренней сепарации.

В модели психологической сепарации значительное место отведено еще одному конструкту – *автономности* как одному из *качеств* личности. Всю свою сознательную жизнь человек стремится найти свое предназначение, идти своим путем, жить своей судьбой. Являясь *качеством личности*, автономность, так же как и *механизм* внутренней независимости, не может быть окончательно сформирована на том или ином этапе жизненного пути личности. Однако по уровню выраженности автономности можно судить о качестве самого процесса внешней и внутренней сепарации у каждого человека. Рассматривая детско-родительские отношения как основу формирования механизмов отождествления и разотождествления, а также внутренней независимости и принятия, мы выше отмечали, что чуткие родители помогают ребенку раскрыть свою индивидуальность в процессе развития идентичности. Благодаря этим меха-

низмам они обучают ребенка в любых жизненных обстоятельствах учиться оставаться самим собой, что фиксируется в качестве автономности. Изменение обстоятельств жизни ведет к изменению самих механизмов, а также влияет на результат этих преобразований – на автономность, которая никогда не может быть окончательной.

«Я» человека каждый прожитый момент времени учится жить в Мире, в отношениях с другими людьми. Чем более слаженно Я это делает, тем человек лучше адаптируется, поэтому предложенная нами модель характеризуется своей целостностью. Именно стремление к целостности, интеграции различных частей Я в единое помогает человеку находить выход из трудных жизненных ситуаций и возрастных кризисов (внешняя сепарация). Человек, осуществляя в каждый момент времени внутреннюю сепарацию, «разотождествление – отождествление» с эмоциями, мыслями, мыслеобразами, частями Я и др., всегда бессознательно выбирает целостность с целью самосохранения и стремится избежать угрозы распада, потери автономности и своей идентичности.

ГЛАВА IV

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА СЕПАРАЦИИ В ДЕТСКОМ И ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

4.1. Внешняя и внутренняя сепарация в детстве

Процесс сепарации привычно соотносится с подростковым и юношеским возрастом, когда, согласно большинству исследователей, происходит интеграция личностной идентичности, а также ориентация юноши или девушки на референтную группу сверстников. Несмотря на устойчивость мнения именно о подростковой сепарации, следует указать на процессуальный характер этого явления, истоки которого лежат в младенчестве и в раннем детстве. При рассмотрении в предыдущих главах теории сепарации–индивидуации Маргарет Малер было отмечено, что уже к третьему году жизни достигается «консолидация индивидуальности и эмоциональная константность объекта» (Малер, Пайн, Бергман, 2011, с. 179) как основа чувства автономии ребенка, что определяет необходимость рассмотрения особенностей и условий этого процесса в детстве.

Практически во всех возрастах внешняя сепарация по-разному связана с внутренней, и физическое отделение, появление дистанции в отношениях необязательно автоматически ведет к ощущению свободы. Тем не менее, начиная с подросткового возраста, эта связь может быть более тесной, чем в детстве, в котором внешняя сепарация как разделение скорее препятствует, чем способствует, процессу индивидуации.

Проводя параллели между развитием человека и развитием общества, Эрих Фромм писал, что в младенчестве и в раннем детстве ребенок не способен существовать отдельно от взрослого, так же как и в первобытном обществе человек не был способен выжить в одиночку. «Относительно быстрый переход от внутриутробного к самостоятельному и независимому существованию, обрыв пу-

повины означают начало независимости ребенка от тела матери. Однако эта независимость – независимость в грубом смысле разделения двух тел. С функциональной точки зрения ребенок продолжает быть зависимым от матери и все еще является частью ее тела» (Фромм, 1998, с. 43). В подростковом возрасте стремление к свободе приобретает черты бунта и обнаруживает себя во внешних проявлениях. Практически всегда стремление к свободе, согласно Фромму, связано с нарастающим чувством одиночества, и гармоничное развитие человека возможно только тогда, когда отделению и индивидуализации сопутствует личностный рост.

Исходя из сказанного выше, следует сделать вывод о том, что в детстве внешняя и внутренняя сепарация основаны на привязанности ребенка к родителю (см. главу III), нарушение этой связи может препятствовать развитию индивидуальности и автономности. Разделение (разлука) ребенка с родителем, нередко называемая в зарубежной психологии внешней сепарацией*, чаще всего ведет к внутренней зависимости, к развитию симбиотических отношений, и, наоборот, близкие и позитивные отношения ребенка со взрослыми (надежная привязанность) способствуют процессу внутренней сепарации и развитию личностной автономии. Этот, на первый взгляд, парадокс является особенностью развития маленького ребенка: чем более интенсивны и доверительны отношения ребенка с родителями, тем более выраженной может быть психологическая сепарация: внешняя (ролевая дифференциация, инициатива, соответствие поведенческих стратегий особенностям ребенка и др.) и внутренняя (дифференциация Я и внутренних объектов, развитие идентичности).

Однако и разлука не всегда может быть безусловной причиной замедления развития личности ребенка. В тех случаях, когда расставание ребенка, например, с матерью правильно ею символизиро-

* Существенные различия в понимании того, что такое сепарация, привели нас к необходимости уточнить терминологию. По существу, под *внешней сепарацией* в зарубежной психологии понимается разрыв отношений с ребенком, разлука, расставание, что не соответствует нашему пониманию внешней сепарации. Чтобы не подменять термины, используемые другими авторами, но и не создавать терминологической путаницы, в случаях, когда в зарубежных источниках говорится о сепарации как о разлуке, мы будем использовать уточненный термин «сепарация как разлука, как разделение», «негативная сепарация», «травматическая сепарация».

руется, когда мать объясняет ему причины своего ухода, говорит о длительности отсутствия, передоверяет ребенка человеку, который способен временно ее заменить, угроза развитию личностной автономии становится менее выраженной. По этому поводу Франсуаза Дольто пишет: «Первое испытание ребенка – отделение от матери сразу после появления на свет. Следующее – ясли. Неподготовленный к этому ребенок... вновь рискует: изоляция от матери – особенно для ребенка восприимчивого, чувствительного – может приводить к весьма тяжелым последствиям, если мы не позаботимся о том, чтобы с помощью языка, речи, подготовить ребенка к этой серьезной перемене в жизни. Если заранее все не проговорить, не обговорить с ребенком, то впоследствии упущенного не воротишь; ребенку совершенно необходимо услышать слова любви, которые говорит ему мать или отец... все это укрепит в реальной жизни и жизни символической тот сокровенный треугольник, на котором строится вера ребенка в себя и во все человечество» (Дольто, 1997, с. 420).

Самый ранний негативный опыт сепарации как разделения связан с эмоциональным состоянием матери в послеродовой период. Установлено, что дети, имеющие матерей с сепарационной тревогой (McBride, Belsky, 1988), являются неадаптивными, вялыми, пассивными. Наличие у матери дистресса в дородовой и перинатальный периоды отражается на дальнейшем функционировании ребенка, в том числе и в более поздние периоды жизни (Anhalt, Telzrow, Brown, 2007).

Также выявлено, что послеродовой страх сепарации матери, устойчиво проявляющийся в течение первого года жизни ребенка, приводит к материнской гиперпротекции, к гипербдительности и значительно влияет на благополучие ребенка на 2-м и 3-м году жизни (Cooklin et al., 2013). В отличие от ранних работ по проблеме послеродовой тревоги и депрессии, в которых страх сепарации рассматривался как особенность отношений между матерью и младенцем, в настоящее время принято обращать внимание на более широкий спектр семейных коммуникаций, в том числе учитывать характер отношений между матерью и отцом, семейный климат в целом (Kins, Soenens, Beyers, 2013).

Разделение с матерью в этом возрасте оценивается как потенциально опасное для ребенка событие, ведь идея Дж. Боулби о том, что ребенок, в первую очередь, нуждается в теплой и любящей матери, не теряет своей значимости и в современном мире (van der Horst, van der Veer, 2010). Оказалось, например, при проведении

процедуры «strange situation», разработанной М. Эйнсворт в 1978 г., что на быструю разлуку с матерью 18-месячные дети реагируют большим дистрессом. К 18 месяцам протест против негативной сепарации начинает снижаться, и дети с надежной привязанностью лучше реагируют на внезапное отделение, чем дети с ненадежной привязанностью. Выдвинутая в исследовании гипотеза о том, что при быстром отделении дети не успевают понять обстоятельства разлуки с родителями, подтвердилась (Jacobson, Wille, 1984).

В отечественных работах также показано, что между развитием образа себя у ребенка и его привязанностью к матери существует определенная связь, выражающаяся в том, что высокому уровню развития образа себя соответствует большая самостоятельность ребенка, меньшая зависимость его от матери, более выраженная активность в незнакомой или стрессовой ситуации, особенно в присутствии незнакомого взрослого, пугающей игрушки (Авдеева, 1997).

Интересным оказалось исследование социально-эмоционального развития тройняшек (23 пары), близнецов (23 пары) и 23 одиночно рожденных детей от рождения до двух лет. Проводилась диагностика материнской депрессии и социальной поддержки в послеродовой период, а также интеракций матери и ребенка, отца и ребенка, интеракций в семейной среде в течение 3 месяцев, кроме того, фиксировались эпизоды негативной сепарации и воссоединения. Низкая синхронность в парах ребенок–родитель наблюдалась в семьях тройняшек, которые (по сравнению с остальной выборкой) демонстрировали и меньший дистресс на отделение от матери, а также слабую реакцию на воссоединение. Как и ожидалось, тройняшки с проблемами внутриутробного развития показали самые худшие результаты. Были названы причины поведенческих проблем, которыми стали медицинский риск, депрессия матери, степень синхронности в паре родитель–ребенок и адаптация матери (Feldman, Eidelman, 2004).

Подчеркивая важность сохранения эмоционально поддерживающих контактов в паре мать–ребенок на первом и втором году жизни, отметим, что ребенок активно реагирует на такие признаки отчуждения матери, как ее невосприимчивость к плачу, нечувствительность к его сигналам (Stayton, Ainsworth, 1973).

К трем годам, согласно Малер, у ребенка, в результате накопления опыта восприятия собственной матери происходит консолидация индивидуальности и наблюдается эмоциональная константность объекта. Он способен ощущать свободу самовыражения,

«распоряжаться собой без утраты самоуважения» (Эриксон, 1996, с. 355). В иных случаях «из ощущения утраты свободы распоряжаться собой и ощущения чужого сверхконтроля происходит устойчивая склонность к сомнению и стыду» (там же, с. 356). Исследование привязанности в возрасте трех лет выявило особые реакции на сепарацию как разлуку и на воссоединение у детей с надежной и ненадежной моделями привязанности. Самые низкие и самые высокие оценки по экстернализации/интернализации получили, соответственно, группы с надежной и дезорганизованной привязанностью. Матери всех групп с ненадежной привязанностью детей сообщили о высоком уровне экстернализации и интернализации у детей, о выраженном дистрессе, связанном с эмоциональными контактами (дезорганизованная группа), о контроле как методе воспитания детей (амбивалентная группа), а также о детской гиперактивности (избегающая группа) (Moss et al., 2004).

В других исследованиях было выявлено, что дети с дезорганизованной привязанностью более агрессивны (Lyons-Ruth, 1996), у них ниже уровень когнитивного функционирования (дедуктивное мышление) в подростковом возрасте (Jacobsen, Edelstein, Hofmann, 1994). Также в зависимости от модели привязанности дети по-разному ощущают комфорт/дискомфорт в момент разлуки с матерью; выявлены поведенческие различия между матерями в период перед разлукой с ребенком, а также различия в эмоциональной откликаемости матерей (Crowell, Feldman, 1991).

Стиль привязанности как форма внешней сепарации оказывает влияние и на субъективное ощущение личной автономии ребенка, являющееся основным элементом процесса внутренней сепарации. Так, исследование, проведенное Е. В. Пупыревой, выявило, что чем выше младшие школьники оценивали надежность своей привязанности к матери, тем ниже было их субъективное ощущение автономии, и наоборот (Пупырева, 2007). Кроме того, анализ качественных особенностей проявления автономии у младших школьников показал, что в случае ненадежной привязанности автономия ребенка носит скорее вынужденный характер, так как «за субъективно высокой самостоятельностью стоит внутренне отстраненное отношение к матери или аффективно-защитное отстаивание своей позиции. В то же время в группу с надежной привязанностью к матери попадают дети, сохраняющие на этом этапе развития высокую потребность в совместной деятельности и тесном эмоционально-личностном общении с матерью. Тенденция к подлинной

автономии у них подготавливается дольше, но к началу подросткового возраста имеет более зрелую форму благодаря полноценному опыту доверительного и согласованного взаимодействия с близким взрослым» (Бурменская, 2011, с. 22)

Интересны исследования, в которых анализируются особенности протекания процесса сепарации–индивидуации у ребенка, имеющего младших сиблингов. Считается, что важно учитывать информацию о том, когда родился сиблинг – до или после того, как первенцу исполнилось 3 года, так как именно в этот период завершается процесс сепарации–индивидуации. Рождение сиблинга до исполнения первенцу трех лет может усиливать потребности в аффилиации и в поиске поддержки (*succorance need*) (по Г. Мюррею), которые вместе обозначаются термином «симбиотическая зависимость». Сравнение первенцев в возрасте 17–19 лет показало, что у тех, кто имеет сиблингов младше себя менее чем на 3 года, действительно выражены потребности в аффилиации и в поддержке по сравнению с теми, кто имеет сиблингов с большей, чем 3 года разницей в возрасте (Cornoldi, Fattori, 1976).

Современные исследования показывают, что, несмотря на формирование к трем годам чувства собственного Я и появление константности внутренних объектов, ребенок остается чувствительным к разлуке. Обнаружено, например, что дети, которых в возрасте от 2,9 до 5 лет переводили в новые детские учреждения, демонстрировали усиление фантазий в игре, они ощущали потребность в физическом контакте, были склонны к негативным высказываниям и аффектам, суетливы, гиперактивны; у них регистрировались значимо более высокая частота сердечных сокращений, росла заболеваемость, наблюдались нарушения питания и сна (Field, 1984).

Особое место в исследовании сепарации занимают разводы, причем установлено, что чем раньше родители принимают решение о разводе, тем более негативно он влияет на интернализацию/экстернализацию у детей (Lansford et al., 2006). Проводится дифференциация между последствиями для ребенка таких ситуаций, как разлука с родителями и развод, с одной стороны, и смерть родителя, с другой. При обследовании детей 5–10 лет было обнаружено, что по сравнению с полной семьей в неполной семье смерть родителя ведет к повышению у ребенка тревожности, а разлука (развод) – к агрессии и отыгрыванию (*acting-out problems*). Сравнение двух проблемных групп между собой подтвердило наличие этих различий (Felner, Stolberg, Cowen, 1975). Особенности во взаимоотношениях

матери и ребенка в неполных семьях были выявлены и в лонгитюдных исследованиях (см., например: Beelmann, Schmidt-Denter, 2009).

В целом можно отметить, что для младенцев и детей раннего и дошкольного возраста принудительная сепарация от родителей, особенно от матери, вызванная ее эмоциональной холодностью, разлукой с ребенком или разводом с отцом, негативно влияет на развитие индивидуальности ребенка и на его адаптацию не только в этот период жизни, но и в более позднем возрасте. Маленькие дети реагируют на эмоциональное или физическое отсутствие матери ослаблением или прекращением вокализации, плачем, поисковым поведением. У детей более старшего возраста нарастает агрессия (экстернализация) или подавленность, тревога (интернализация), заметны регресс и задержка когнитивного и личностного развития.

Одним из оснований развития автономности ребенка, как было замечено выше, является тесный контакт ребенка с родителем, который у младенцев включает в себя и телесный опыт. Оказалось, что именно телесный контакт в отношениях родитель–ребенок, включая триадные отношения, позволяет снизить негативные последствия отсутствия матери. В одном из исследований, участниками которого были 146 трехмесячных младенцев, а также их отцы и матери, половина родителей осуществляла непосредственный контакт с ребенком (*skin-to-skin contact*), или «заботу кенгуру» (*kangaroo care – KC*) по отношению к своему ребенку. Матери и отцы таких детей оказались более сензитивными, менее назойливыми, стиль отношений в семье не был направлен на «сцепление» и дети не демонстрировали негативных аффектов. Среди семей с *KC* аффективное дотрагивание ребенка до матери и отца было более частым, доступным. Супруги также находились в тесном контакте с ребенком и друг с другом. Оказалось, что наличие такого опыта способствует регулированию системы ребенок–родитель, влияет на семейную динамику и на развитие самого ребенка, обеспечивая ему ощущение безопасности и основу развития внутренней сепарации (Feldman et al., 2003). Как показало исследование Роберта Пломина и Дэвида Роуа при изучении монозиготных и дизиготных близнецов в возрасте 22,2 месяцев, различия между парами близнецов наблюдаются только по поведению, направленному на незнакомого человека (приближение, игра или телесный контакт), тогда как в отношениях с матерью такие различия не были получены. Иными словами, в младенчестве наследственный фактор значительно влияет на различия в реакциях на незнакомого человека и не влияет на различия

в реакциях на знакомого человека (мать), что важно для понимания исходно типичного характера отношений матери и младенца (Plomin, Rowe, 1979).

Итак, можно сказать, что условиями внешней и внутренней сепарации в детстве являются:

- надежная привязанность;
- физически и эмоционально доступная мать (и отец);
- отсутствие травм или их правильная символизация;
- полная и полноценно функционирующая семья.

Выше было показано, что существуют возрастные особенности сепарации, которые в целом демонстрируют важность ранних тесных отношений с родителями и ближайшим окружением для развития ребенка. С. К. Нартова-Бочавер, анализируя проблему суверенности личности как переживания аутентичности собственного бытия (уверенности человека в том, что он поступает согласно собственным желаниям и убеждениям), как ощущения своей умелости в пространственно-временных ценностных обстоятельствах своей жизни, которые он создает или принимает, выделила, как мы указывали выше (см. главу II), шесть измерений суверенности психологического пространства – суверенность физического тела, территории, личных вещей, временных привычек, социальных связей, вкусов и ценностей, которые по мере взросления ребенка возникают как задачи для разных возрастных периодов. Показано, что уровень суверенности нелинейно возрастает на протяжении жизненного пути человека; наиболее интенсивно процессы суверенизации происходят в дошкольном и подростковом возрасте.

Проблемы психологической сепарации и суверенности личности относятся к одной области исследования и поэтому возможны смысловые пересечения в понимании этапов суверенизации и сепарации личности. С нашей точки зрения, в развитии ребенка до подросткового возраста можно выделить несколько этапов и видов внешней и внутренней сепарации, причем в данном случае в качестве внешней сепарации мы обсуждаем *собственно сепарацию*, а не сепарацию как разделение, разлуку. О разделении речь шла выше.

Для младенца важнейшим достижением в первые месяцы жизни является появление ощущения и знания о себе как об отдельном от матери индивидуе. Это знание ребенок получает благодаря матери и непосредственному контакту с ней, а также ее активной символизации телесного опыта ребенка. Этот вид сепарации был назван

нами *топической сепарацией*, благодаря которой ребенок начинает отделять себя от матери, открывая для себя собственное пространство и его границы. Цель сепарации на этом этапе онтогенеза состоит в развитии способности ощущать себя отдельно от другого человека. Внешними формами сепарации как отделения выступают разделение пространства и вещей, принадлежащих родителям и ребенку (кроватька, предметы ухода и др.), а также синхронная и асинхронная символизация матерью отдельно своего пространства, в том числе и тела (например, говоря «Где у меня нос, рот, уши и т. д.?») и пространства (тела) ребенка («Вот у моего малыша носик, ротик и т. д.»). Сам ребенок также способен к внешним проявлениям сепарации: он зрительно и тактильно обследует свое тело и предметы окружающего мира, привлекает к себе внимание, наблюдая за реакцией родителей и других взрослых в ответ на собственную вокализацию и движения, сопротивляется ограничениям личного пространства и остро реагирует на фрустрацию базовых потребностей.

В разных периодизациях развития ребенка период после года и до трех лет напрямую соотносится с формированием автономии, с развитием способности управлять своими телесными функциями, регулировать естественные процессы, а также влиять на взрослого человека, действуя в соответствии с его ожиданиями или вопреки им. Именно благодаря развитию регулятивных процессов ребенок получает больше свободы, открывает в себе способность не только усваивать, присваивать, интроецировать, но и производить, продуцировать. Именно поэтому логично обозначить этот этап отделения как достижение *функциональной сепарации*, направленной на развитие способности самостоятельно регулировать телесные функции, влиять на ближайшее окружение. Внешними стратегиями отделения выступают относительная свобода передвижения, активность в плане освоения территории, регуляция телесных функций, овладение функциональными значениями предметов окружающего мира, социальными отношениями.

С трех до шести лет ребенок развивает навыки планирования, но только в тех пределах, которые заданы взрослыми, он расширяет круг контактов за счет освоения новых социальных отношений – в детском саду и в других внесемейных социумах, получает представление об особенностях самостоятельного (без помощи родителей) общения с разными людьми. Этот этап и вид сепарации можно обозначить как *целевая сепарация*, проявляющаяся в свободе регулировать не только актуальные отношения, но и плани-

руемые действия, в свободе строить прогнозы в рамках разных видов деятельности (игровой, учебной и др.). Внешней основой целевой сепарации выступает взаимное, т. е. исходящее и от родителя, и от ребенка, отделение его от узкого круга семьи и постижение иных форм отношений.

До подросткового возраста идет активное усвоение ребенком правил взрослой жизни, которые задают ориентиры социально-примлемых способов взаимодействия. Одновременно с этими нормативами ребенок получает возможность использовать эти правила для поиска новых способов удовлетворения собственных желаний, для развития своего Эго. На этом этапе взросления начинает функционировать *компетентностная сепарация*, проявляющая себя в развитии способности влиять, воздействовать на других людей. Внешними проявлениями внутренней сепарации являются способность сформулировать свою точку зрения на ситуацию, умение аргументировать свою позицию, способность не соглашаться с навязываемым мнением.

В целом можно сказать, что к подростковому возрасту ребенок приходит с достаточным опытом отождествления/разотождествления с другими людьми, реализуемым через разные виды сепарации.

4.2. Подростковый возраст: виды сепарации и их специфика

В отличие от дошкольников и младших школьников подростки стремятся к явной сепарации от родителей, нередко нарушая конвенциональные нормы. Внешне отделение подростков от родителей и других взрослых не всегда воспринимается как *разделение*, если, конечно, оно не сопряжено с нарушением психического благополучия и с усилением потребности в самосохранении, как это часто бывает при вынужденной или насильственной сепарации от родителей. Одной из иллюстраций этого вывода может стать исследование, проведенное британскими коллегами во время Второй мировой войны. Оно показало, что последствия бомбардировки оказались для детей менее тяжелыми по сравнению с тем, что исходно ожидалось врачами. Наряду с этим негативные последствия эвакуации детей оказались более серьезными и значительными. Реакцией на физическую опасность, как правило, была агрессия, в то время как реакцией на разделение был комплекс психосоматических или психоневротических симптомов. Напряженность в результате воздействия воздушных налетов легко поддавалась лечению, тогда

как его существенно осложняла негативная сепарация. Было замечено увеличение признаков делинквентного поведения среди детей в возрасте до 14 лет, число которых уменьшалось к 14–17 годам и умеренно возрастало к 17–21 году и старше (Pritchard, Rosenzweig, 1942). Аналогичные данные были получены Ф. Бодманом – директором детской клиники в Бристоле (Child Guidance Clinic in Bristol, England): дети, попавшие в больницу после воздушного налета (61% случаев), демонстрировали признаки тревоги, напряжения от 3 недель и до двух месяцев. Однако большинство из этих детей достаточно быстро восстанавливалось. Было четко показано, что при заметном снижении тревоги, вызванной воздушными налетами, факт отделения от родителей в результате эвакуации, приводит к более тяжелым последствиям, практически не поддающимся коррекции (Bodman, 1944).

Внешняя сепарация как разделение продолжает негативно сказываться на психическом благополучии подростка. Как и в детском возрасте, выраженный негативный эффект возникает вследствие насильственного разделения родителей и подростков, названного *травматической сепарацией*. Показано, например, что семьи и дети заключенных могут испытывать серьезные трудности после лишения одного или обоих родителей свободы. Это чувство одиночества, стигматизация, нестабильный уход за детьми, непоследовательное и «напряженное» воспитание, снижение доходов, смена места жительства, школы, соседей. Дети, чьи родители находились в тюремном заключении, еще перед лишением родителей свободы, переживают множественные стрессы. Результаты 40 исследований (в том числе 7374 детей заключенных родителей и 37325 детей группы сравнения) показали, что лишение родителей свободы связано с более высоким риском антисоциального поведения их детей, но существенно не влияет на успеваемость (Murray, Farrington, Sekol, 2012).

Внешняя негативная сепарация – разводы родителей, распад семьи ведут к серьезным проблемам у подростков – к алкоголизму, экстернализации, причем семейная сплоченность и индивидуация снижают риск употребления алкоголя, а сепарация в форме отчуждения – повышает. Последствиями травматической сепарации может стать посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). Так, при обследовании детей от 0 до 18 лет были названы две причины ПТСР. Одна из них – травматическая потеря /сепарация/ утрата, другая – семейное насилие. Количество и типы травм варьируют в зависимости от пола и возраста ребенка (Briggs et al., 2013).

Исследование, проведенное на выборке девочек 13–17 лет, лишившихся отца вследствие его смерти или развода, выявило у респондентов некоторые отклонения в стратегиях полоролевого поведения. Девочки, у которых отец отсутствовал по причине развода, были склонны к поиску внимания и близости со стороны мужчин, к раннему гетеросексуальному контакту, к открытости и отзывчивости в отношениях. Девочки, потерявшие отца по причине его смерти, наоборот, были пассивны, ригидны в отношениях с мужчинами, избегали контактов с ними. Был сделан вывод о том, что ранняя внешняя сепарация от отцов имеет более серьезные последствия, чем более поздняя сепарация (Hetherington, 1972).

Так же как и в детском возрасте, сепарация, не подготовленная родителями, влияет на проявление экстернализации и интернализации у подростков. При этом, как оказалось, важно учитывать влияние других переменных, например, темперамента (параметры контроль и боязливость). Установлено, что в том случае, когда влияние темперамента не принимается во внимание, разлука с родителями усиливает экстернализацию. При учете вклада темперамента негативная сепарация усиливает проблемы экстернализации у детей с низким контролем поведения и обостряет интернализацию у детей с выраженной боязливостью (Sentse et al., 2011).

Последствия травматической сепарации для подросткового возраста могут быть крайне драматичными, вплоть до суицидальных мыслей и поведения. Для объяснения динамики суицида у подростков в исследовании И. Орбах была выдвинута гипотеза об отвержении – симбиозе. Автор утверждает, что подростки, склонные к суициду, испытывают трудности сепарации от своих симбиотических семей. Будучи детьми, они переживали отвержение, ощущали покинутость в раннем детстве и сформировали небезопасные стили привязанности и недостаточные эго-функции для того, чтобы справиться с трудностями. Можно предположить, отмечает автор, что такие дети выполняли в своих дисфункциональных семьях роль «козла отпущения» и выработали симбиотические связи для того, чтобы продолжать нести негативные проекции своих семей. Этот выбор препятствует развитию чувства индивидуальности и автономности. Важнейшим результатом исследования является установленная зависимость между отвержением (сепарацией как разделением) ребенка в детстве, развитием автономности и суицидальным поведением. В соответствии с позицией И. Орбаха отвержение ребенка стало причиной развития у него симбиотических отношений с ро-

дителями, ведущих к реверсии, которая имеет решающее значение для возникновения суицидального поведения (Orbach, 2007).

В подростковом возрасте, кроме травматической сепарации и ситуации смерти родителя, разводов и особенностей отношения к детям со стороны родителей, встречаются ситуации отделения от родителей вследствие особых условий жизни, например, условий обучения (отдельное проживание от родителей). В одном из исследований сравнивали между собой две группы мальчиков. Одна из них – группа мальчиков, которые поступили в колледж и вынуждены были покинуть свои семьи, другая – подростки, которые остались со своими семьями и продолжали жить с родителями. Первых подростков тестировали до отделения от родителей и после, когда они начали учиться в колледже. Оказалось, что они стали выше оценивать отношения с родителями по показателям аффилиации, коммуникации, удовлетворенности и независимости. Был сделан вывод о том, что на начальной стадии сепарации у мальчиков появляется цель достигнуть функциональной независимости от родителей при сохранении тесных эмоциональных связей с ними. Наблюдалось повышение аффективности в отношениях с матерью и зависимости в отношениях с отцом (Sullivan, Sullivan, 1980).

В целом, обсуждая особенности *собственно внешней сепарации*, можно сослаться на исследование Мора Де Уэйна, который выделил восемь факторов сепарации в паре родитель – подросток: саморукводство (self-governance), эмоциональная отстраненность (emotional detachment), финансовая независимость (financial independence), отдельное проживание (separate residence), разъединение (disengagement), школьная аффилиация (school affiliation), создание семьи (starting a family), окончание школы (graduation). Кроме факторов сепарации, оценивались чувство одиночества, самооценка, эго-идентичность, удовлетворенность жизнью, семейные проблемы, отношения с родителями. Результаты показали, что пути, которыми подростки достигают внешней сепарации, ассоциируются с психологическим благополучием и построением отношений с матерью и отцом (Moore, 1987).

Процесс *внутренней сепарации* в подростковом возрасте достаточно специфичен и определяется рядом факторов: 1) опытом развития ребенка в младенчестве, раннем детстве и в последующие до подросткового возраста периоды; 2) опытом отрочества; 3) наличием/отсутствием перспектив развития в юности и в период ранней взрослости.

Опыт развития ребенка от рождения до наступления подросткового возраста с точки зрения его влияния на подростковую сепарацию, прежде всего, определяется наличием/отсутствием травматических событий (в том числе травматической сепарации), индивидуальными особенностями ребенка (например, типом темперамента) и стилем семейного воспитания. Приведенные выше данные показывают, что отчуждение от ребенка, физическая и эмоциональная дистанция, а также отвержение ребенка негативно влияют на процесс сепарации–индивидуации.

Опыт отрочества для подростковой сепарации также определяется характером взаимодействия со взрослым, который предполагает не только сохранение близости и доверительности в отношениях, но и допущение личной автономии. В этом *усложнении взаимодействия* нам видится специфика формирования внутренней сепарации подростка. Так, исследуя 158 подростков (51% девочек; среднее по возрасту = 12,4, SD=0,52), Лю и Йех предположили, что существуют связи между развитием Эго матери, отношениями мать–подросток, подростковой автономией и развитием Эго подростка. Оказалось, что развитие Эго матери положительно связано с поддерживающим взаимодействием и негативно – с принудительным взаимодействием. Поддерживающее взаимодействие матери коррелирует с подростковой автономией, но не связано с развитием Эго подростка. Обнаружен опосредствующий эффект поддерживающего взаимодействия, влияющего на образование связи между развитием Эго матери и автономией подростка (Liu, Yeh, 2011).

Другой иллюстрацией двойственности отношений родитель–подросток можно считать исследование Сандры Пипп с соавт. (Pipp et al., 1985). Проводилась ретроспективная оценка подростками отношений с родителями в пяти временных точках, начиная с раннего детства и до момента обследования. Анализируя 100 историй подростков, а также рисунки и данные опросников, авторы обнаружили, что респонденты представляли свои отношения в двух основных планах: они воспринимали себя с младенчества до времени тестирования как *более* ответственных, доминирующих, независимых и идентичных себе и одновременно по тем же самым показателям изображали своих родителей как *менее* ответственных, доминирующих и т. д. Для переменных «близость» и «любовь», однако, наблюдался разрыв в этих линейных трендах: хотя респонденты воспринимали отношения от младенчества до подросткового возраста как всевозрастающие, свои текущие отношения с родителями они

оценивали как гораздо более выраженные по близости и любви, причем отношения с матерями и отцами воспринимались по-разному. По отношению к матери, которая воспринималась как доброжелательная, респонденты испытывали большую ответственность. Отцы представлялись как доминирующие, и респонденты чувствовали себя похожими на них. Результаты показывают, что старшие подростки строят теории относительно своих отношений с родителями с целью удовлетворения потребности в сепарации, сохраняя при этом тесные аффективные связи с родителями.

Еще один фактор, определяющий внутреннюю сепарацию подростков, – *наличие/отсутствие перспектив развития в юности и в период ранней взрослости*. Безусловно, подростковая сепарация обусловлена целевой детерминацией развития, т. е. не только прошлым опытом подростка, опытом детства, но и его ожиданиями относительно своего будущего, антиципацией (Сергиенко, 1992).

Роль родителей и сверстников в процессе внутренней сепарации и развитии личностной автономии подростка показана в исследовании О. А. Карабановой и Н. Н. Поскребышевой. Авторы указывают на гетерохронность развития различных элементов личностной автономии подростка: когнитивного, эмоционального, поведенческого и ценностного. Так, исследователи выявили, что ценностная и когнитивная автономия опережают в своем развитии другие компоненты автономии, формируясь раньше поведенческого и эмоционального компонентов. Показано, что возрастание личностной автономии связано с переходом к равноправным, сотрудничающим отношениям с родителями, осознанию перспективы самостоятельного принятия решений. При этом установлен нелинейный характер связи детско-родительских отношений и личностной автономии подростка. У подростков с высоко и низко выраженной степенью личностной автономии удовлетворенность отношениями с родителями, авторитетность родителей, позитивный интерес со стороны родителей выражены слабо, в то время как максимальные результаты по этим показателям выявлены у подростков со средним уровнем личностной автономии (Карабанова, Поскребышева, 2011).

Ощущение свободы жизненного выбора с опорой на компетентное мнение родителей и других взрослых людей, чувствительность к критике и умение быть избирательным к внешним оценкам, уверенность в поддержке, которая приобретает характер взаимодействия, построенного на паритетных основаниях, и многое другое определяют ориентацию подростка на конструктивное будущее.

Без уверенности в своей способности быть автономным субъектом (Брушлинский, 1991, 1992, 1993, 2003), подросток не может решать актуально возникающие проблемы периода отрочества.

В период пубертата признаки сепарации становятся наиболее очевидными, но так же, как в детстве, часто наблюдается несоответствие между внешней и внутренней сепарацией. Однако, если в детстве это несоответствие чаще всего обусловлено эмоциональной и иной отстраненностью родителей, то в подростковом возрасте инициатива быть отстраненным может исходить от самого подростка.

Нередко обнаруживается, что явное стремление к отделению, к принятию на себя взрослых ролей является маркером внутренней неустроенности, внутренней зависимости. По-видимому, позитивная эмоциональная оценка процесса сепарации, подкрепляемая родителями, может рассматриваться как прочное основание для проявления ее вовне. В исследовании Райс с соавт. проверялись связи между подростковой сепарацией–индивидуацией, сплоченностью семьи и школьной адаптацией. Сепарация–индивидуация оценивалась с помощью двух параметров индивидуации – параметра «позитивные чувства на сепарацию» и параметра «независимость от родителей». Согласно результатам, «позитивные чувства на сепарацию» лучше предсказывают школьную адаптацию, чем «независимость от родителей» и «семейная сплоченность» (Rice, Cole, Lapsley, 1990).

Для оценки особенностей сепарации–индивидуации обычно используют показатели развития эго-идентичности и показатели сепарации. Для понимания того, какие же показатели сепарации являются признаками развития индивидуации, сравнивают разные группы подростков, например, городских и сельских жителей. В исследовании Марвана Двэизи показано, что различия между подростками наиболее ярко проявляются по следующим показателям: отрицание зависимости, страх сепарации, «впутанность» в учителя (teacher enmeshment), «впутанность» в сверстников (peer enmeshment) и ожидание отказа (rejection expectancy). Эти данные еще раз подтверждают, что внутренняя сепарация проявляется как на эмоциональном, так и на когнитивном уровне и характеризует внутреннюю свободу личности (Dwairy, 2004).

Более полная картина признаков внутренней сепарации представлена в исследовании Хоффмана, в котором анализируются результаты разработки опросника на диагностику психологической сепарации старших подростков. Показано, что внутренняя сепарация характеризуется функциональной, эмоциональной, конфликт-

ной и поведенческой независимостью. Установлены корреляции между конфликтной независимостью и личной адаптацией, между эмоциональной независимостью и академической адаптацией (Hoffman, 1984).

Обсуждая проблему психологической сепарации, важно иметь в виду, что в зависимости от целой совокупности условий этот процесс может приобретать особые черты. Одним из таких условий, безусловно, является возраст. Рассматривая развитие ребенка от рождения до начала стадии юности, мы убедились в том, что некоторые общие черты психологической сепарации дополняются присущими конкретному возрасту признаками, которые специфицируют процесс сепарации.

Младенчество и раннее детство – периоды в жизни ребенка, когда объективно существующая зависимость ребенка от взрослого сочетается с его стремлением обрести «собственное», проложить путь к себе, найти те грани, благодаря которым можно различить Я и не-Я. Слово «сепарация» чаще всего используется для обозначения негативных событий, создающих для ребенка ситуации дефицита позитивного взаимодействия со взрослыми. Это, с одной стороны, отвержение ребенка родителями, игнорирование его, а с другой стороны, принятие его только в качестве объекта агрессии, объекта собственных проекций. А. Адлер писал, что отвергнутый ребенок «производит отталкивающее впечатление, это вечно ошибающееся, ущербное существо, абсолютно не подготовленное к социальной жизни» (Адлер, 1997а, с. 131). Ребенок, на которого родители проецируют свои проблемы, вынужден интроецировать. «Слишком хороший ребенок», по мнению П. Хайманн, «без разбора интроецирует свои объекты; он остается как бы пустой оболочкой для имперсонафикаций и имитаций и не развивается в „характер“. Ему не хватает „личности“» (Кляйн и др., 2001, с. 200).

Сепарация как разлука в большей степени инициируется взрослым и препятствует развитию личностной автономии ребенка, становится основой формирования ненадежных моделей привязанности и фиксирует стремление ребенка к симбиотическим отношениям.

Каков же механизм развития автономности ребенка, ощущающего надежное социальное окружение? Доверительность отношений с родителями обеспечивает свободное проявление чувств, не копирующих чувства других людей. Именно через сферу эмоций ребенок начинает ощущать свой собственный внутренний мир, который позднее раскрывается не только через отношение к себе, но и через

представление о себе. Отсутствие надежных отношений со взрослыми блокирует аутентичные чувства ребенка, ему запрещают выражать свои эмоции, не принимают его желаний, не разрешают действовать в соответствии со своими потребностями. Фрустрирование потребностей и действий, направленных на их удовлетворение, ведет к реверсии желаний и к идентификации с другими людьми (к «впутыванию» в мир другого). В этом случае внешние формы сепарации могут принимать форму протеста (особенно в подростковом возрасте) и выполнять функцию редукции напряжения, не способную трансформироваться в функцию конструирования внутренней реальности.

Отличие подростковой сепарации от детской состоит в том, что внутренняя сепарация для ребенка заключается в дифференциации Я от внутренних объектов (образов родителей и др.). Маргарет Малер пишет, что «внутрипсихический процесс имеет два переплетающихся... направления развития» (Малер, Пайн, Бегман, 2011, с. 104): индивидуацию как эволюцию внутрипсихической автономии и сепарацию как дифференциацию, дистанцирование, разъединение с матерью. Для подростка важнейшим достижением сепарации становится: 1) изменение образа Я в направлении от детского к взрослому Эго; 2) дифференциация взрослого Я от своего детского Эго; 3) дифференциация взрослого Я от внутренних объектов, которые также подвергаются изменению. Иными словами, для подростка процесс сепарации–индивидуации включает в себя еще одно звено, состоящее в необходимости решения задачи дифференциации и от внутренних объектов, и от образа себя в детстве, не только разделяясь с этими объектами (разотождествляясь), но и отождествляясь с ними с целью поиска общих признаков взрослости. Именно поэтому в период пубертата возрастает значение внешней сепарации как маркера допустимости разделения социальных ролей и отделения от значимых фигур – от матери и отца.

Процесс сепарации подростка – сложный процесс, который как бы вбирает в себя потенциал сепарации взрослого человека, т. е. те варианты развития автономности, которые будут характерны на последующих этапах жизненного пути. В какой-то степени эти варианты можно обнаружить в ретроспективной оценке взрослыми людьми (возраст респондентов – от 56 до 69 лет) родительской роли. Используя нарративный метод, Н. Левицки было выделено пять биполярных шкал, с помощью которых удастся понять не только отношение родителя к ребенку и определить его место в семейной

системе, но и выявить разные аспекты процесса сепарации. Это следующие пять направлений оценки родительской роли: эмоциональная связь или сепарация; ребенок как нарциссическое расширение родителя или родительское желание позволить ребенку быть индивидуальностью; растущая значимость семейных связей или воспринимаемый разрыв между поколениями; родительское балансирование между собственными желаниями и желаниями ребенка; установление соподчиненной и равной позиции в паре ребенок–родитель (Levitzki, 2009).

В целом важно подчеркнуть, что внешняя и внутренняя сепарация в детском и подростковом возрасте существенно зависит от качества детско-родительских отношений и может быть нарушена при наступлении вынужденной (негативной, травматической) сепарации, замедляющей развитие автономности как важнейшего качества личности.

ГЛАВА V

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СЕПАРАЦИЯ ПРИ НАРУШЕНИЯХ РАЗВИТИЯ ПОДРОСТКА¹

Цель настоящей главы – провести анализ особенностей развития личности в подростковом возрасте с учетом проблем, с которыми может сталкиваться подросток в этот период жизни. Словом «проблема» в данном случае обозначаются не типичные для пубертата трудности. Анализируются такие варианты развития, которые характерны для некоторой части подростковой выборки, что позволяет сделать более контрастными особенности разворачивания процесса сепарации в норме, верифицировать общую модель внутренней и внешней сепарации.

5.1. Условия становления подростковой автономности в процессе сепарации

Существует вполне устоявшееся мнение, согласно которому подростковый возраст является достаточно интенсивным периодом жизни, предъявляющим особые требования к личности и ее активности, к умению перестраивать и пересматривать прежние мнения и оценки. Изменение личностной позиции обусловлено, прежде всего, влиянием той физической трансформации, которая происходит с подростком на данном этапе жизни. При этом отмечается, что в современных исследованиях «все более усиливается тенденция раз-

* Часть настоящей главы опубликована в статье: Будневская Т. А., Стоделова Т. С., Харламенкова Н. Е. Компенсация неудачи в реализации стремления к автономии в подростковом возрасте // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 362–376. По согласованию с соавторами в книге используется материал, подготовленный Н. Е. Харламенковой.

личать пубертат (соматический) и отрочество (аффективное и межличностное)» (Бержере, 2001, с. 60). Действительно, в подростковом возрасте связь соматического и психического становится наиболее очевидной и имеет тенденцию обнаруживать себя в самых разнообразных формах. Однако нередко происходит так, что интерес исследователя ограничивается изучением психических феноменов, которые анализируются относительно независимо от динамики телесного, соматического, что не совсем верно.

В период пубертата наиболее остро ощущается потребность подростка в том, чтобы разрушить родительские идентификации, и упрочить свою индивидуальность, подчеркнув самостоятельность, независимость, автономность. Подростковая автономность проявляется в демонстрации взрослости при недостаточно развитой внутренней независимости личности. Напомним (см. главу III), что, согласно Е. В. Кумыковой, под внутренней независимостью личности следует понимать эмпирическую (т. е. реализуемую) свободу, организующую автономность и целостность жизненного пути личности как субъекта жизнедеятельности (Кумыкова, 2010б). Изучая внутреннюю независимость женщин молодого и зрелого возраста, автор отмечает, что она сопряжена с интегрированностью полоролевой идентичности, со степенью зрелости личностной идентичности, с реализацией потребности в автономии и с активностью жизненной позиции.

М. Малер, изучая начальные фазы в формировании Эго, показывает, что при всех благоприятных условиях взросления, весьма редко встречается равномерно прогрессирующее личностное развитие. Она связывает эту особенность взросления с тем, что сепарация–индивидуация как процесс психического рождения индивидуума является производным и зависит от «симбиотических истоков человеческого состояния, а именно от симбиоза с другим человеческим существом» (Малер и др., 2011, с. 319). Цель, которая должна быть достигнута в процессе сепарации–индивидуации, состоит в достижении определенной константности объекта и константности Я, а также в приобретении двух уровней идентичности: 1) осознания себя как отдельного целостного существа и 2) появления признаков осознания гендерной самоидентичности. Стремление принять свою отдельность нередко наталкивается на препятствия, фрустрируется, из-за страхов, характерных для раннего детского возраста. Это страх потери объекта, страх потери любви, сепарационная тревога и страх кастрации. Появление ментальных репрезентаций Я как од-

нозначно отдельных от репрезентаций объекта («внутренней матери») открывает путь к формированию самоидентичности. Из этого следует, что на последующих стадиях развития личность заново ставит и решает проблему личной автономии, но уже в соответствии с новыми социальными ориентирами. Наиболее активно в связи с этой проблемой обсуждается подростковый возраст.

В период пубертата наблюдаются колебания между острой потребностью в социальных контактах и желанием уединиться, между отвержением одиночества и стремлением к близости. Ф. Жамме пишет, что одной из особенностей регуляции подростками отношений с другими людьми являются «колебания между тревожностью, обусловленной страхом сепарации, и тревожностью, обусловленной страхом перед вторжением других в их внутренний мир» (Жамме, 2007, с. 47). Согласно автору, общим знаменателем, связывающим разнообразие особенностей подросткового периода, является феномен зависимости. «Субъект, психическое равновесие которого существенно зависит от его взаимоотношений с внешними объектами и от специфических установок этих объектов, может рассматриваться как зависимый» (Жамме, 2007, с. 47). Нетрудно в связи с этим заметить, что подростковый возраст является повторением процесса сепарации–индивидуации, развертывающегося, согласно М. Малер, от рождения до трех лет, или кульминацией борьбы за автономию. Ряд авторов рассматривают зависимость как обращение к внешней реальности с целью защиты от истощенной или угрожающей внутренней психической жизни. Именно поэтому сепарация обусловлена целым рядом факторов, которые в своей совокупности определяют готовность субъекта к отделению от прежних установок с целью достижения автономности на новом этапе развития. Диффузия идентичности, чувство неуверенности и беспомощности, неспособность получать удовольствие от собственной деятельности вынуждают подростка искать поддержку у другого человека, которая, в свою очередь, препятствует обращению к внутреннему диалогу и структурированию Эго-идентичности. Возникает порочный круг – эмоциональная зависимость входит в прямое противоречие с потребностью отстаивать свою автономию. Для формирования чувства автономии необходимо, согласно Ф. Жамме, повышение ценности Я за счет получения удовольствия от успешной работы, подкрепление подростка в самоисследовании и попытках дифференциации Эго, прояснение и адекватная символизация чувств и ожиданий, которые угрожают развитию деструктивных фантазий.

Согласно Э. Эриксону, для перехода на новый уровень развития личность должна достигнуть определенной психофизиологической зрелости, а общество должно быть готовым предоставить ей новые возможности, по отношению к которым устанавливаются новые ориентиры. Иными словами, для развития автономности необходимо, во-первых, достижение подростком определенного психофизиологического статуса, который служит для окружающих признаком готовности человека к изменению. Во-вторых, общество не только фиксирует эти трансформации, обнаруживает их, но и изменяет свое отношение к повзрослевшему ребенку, предлагая ему новые способы функционирования и одновременно запрещая использовать прежние. По мнению Ф. Дольто запрет на прежние способы удовлетворения потребности* связан с закономерностями развития ребенка и может приводить как к проблемам в развитии, так и к новым достижениям. Если запреты правильно символизируются, объясняются ребенку родителем, который предлагает ему новые способы взаимодействия, то развитие, согласно Дольто, идет по пути сублимации, если запреты не обсуждаются, то невольно ведут к страданию и к серьезным отклонениям в развитии. «Автономия ребенка по отношению к имеющим права инстанциям в пространстве безопасности – это завоевание чувства свободы, чувства, неотделимого от чувства быть человеческим существом» (Дольто, 2006, с. 242).

Итак, условиями развития автономии являются: 1) психофизиологическая готовность подростка к автономии и 2) готовность окружения принять это условие (быть терпимым по отношению к ребенку по Ф. Дольто), предоставив подростку возможность иметь это чувство и развивать его в себе. Несмотря на общую осведомленность родителей и общества в целом о принципиальной важности подросткового периода в личностном развитии, отмеченные нами

* Например, отлучение от груди к концу первого года жизни ребенка является необходимой мерой, которая переживается им как запрет, или, по терминологии Ф. Дольто, как оральная кастрация. Дольто показывает, что при отлучении от груди мать сама должна быть готова к иной коммуникации с ребенком, открывая ему новые возможности – «это введение ребенка, отделенного от абсолютно необходимого присутствия матери, в связь с другим: ребенок попадает в условия речевого поведения, которые ему позволяют принять присутствие любого человека, с которым мать поддерживает хорошие отношения и с кем он сам развивает возможности для коммуникации, открытые в коммуникации с матерью или отцом и развитые с другими» (Дольто, 2006, с. 94).

условия развития автономности не всегда соблюдаются. Прежде всего, это касается психологической готовности подростка, а также установок родителей и других взрослых людей на возможность предоставления подростку самостоятельности; свои ограничения накладывает и дизонтогенез. Остановимся на этих данных подробнее и рассмотрим различные способы и пути достижения автономности при наличии серьезных фрустрирующих обстоятельств.

5.2. Психофизиологический статус подростка и сепарация

Одной из проблем подросткового возраста является формирование половой идентичности. Новый физический статус подростка тесно связан как с предъявлением обществом новых социальных ориентиров, так и с реконструкцией представлений о себе под влиянием отраженного самоотношения.

Значение половой идентичности для систематизации представлений о себе до сих пор активно обсуждается в научной литературе. Так Р. Бернс (1986) считает, что осознание себя как представителя определенного пола не имеет большого веса в Я-концепции взрослеющего человека. С другой стороны, Ф. и Р. Тайсоны (1998), например, уделяют этому фактору серьезное внимание, указывая на то, что в разные возрастные периоды наблюдается то увеличение, то снижение веса половой идентичности в самоидентичности в целом.

Формирование половой идентичности происходит под влиянием различных факторов, одним из которых является биологическая детерминанта. Существует мнение, «что роль биологических процессов состоит в согласовании между собой хромосомного, гормонального, морфологического и социального факторов, в совокупности определяющих нормальное развитие чувства половой идентичности» (Баттерворт, Харрис, 2000, с. 304).

Известны исследования, в которых показана связь раннего полового созревания, ускоренного развития с особенностями поведения и психологии подростка. Показано, например, что при раннем половом созревании девочки склонны к различным поведенческим девиациям, например, к курению и употреблению алкоголя, при этом фиксируемые аддикции не связаны с личностными особенностями и с особенностями взаимодействия внутри группы сверстников, но определяются местом проживания подростков. Обнаружено, что выявленные особенности наблюдаются у девочек,

живущих в городе (Dick et al., 2000). Аналогичные результаты получены в исследовании К. Хардена и Дж. Мендела. Оказалось, что девочки с признаками раннего полового созревания склонны не только к девиантному, но и к делинквентному поведению (Harden, Mendle, 2012). Дж. Бельски с соавт. обнаружили, что при наличии у девочки признаков раннего полового созревания увеличивается риск делинквентного поведения, алкогольная и наркотическая зависимость, интенсифицируется сексуальное поведение. Выявленные эффекты проявляются при условии выраженной агрессии у матери (Belsky et al., 2010).

Можно сказать, что проблемное поведение является реакцией на зависимость подростка от родителя и выступает своеобразным барьером между самим подростком и объектами своей привязанности. Оно демонстрирует выраженную потребность подростка в общении, но не оставляет возможности для спонтанного взаимодействия с другими людьми, которое начинает приобретать искусственный, predetermined характер (Ф. Жамме). Отыгрывающее и аддиктивное поведение проявляется как своеобразная компенсация сепарации, к которой подросток оказывается не готовым.

При задержках полового развития, наоборот, потребность в автономии не выражена, но некоторые эмоциональные и поведенческие эффекты также наблюдаются. Прежде всего, имеются в виду хромосомные аномалии, которые в подростковом возрасте приводят к дисфункциям, вызванным дисгенезией гонад. Такой аномалией является синдром Шерешевского – Тернера, при котором наблюдается психофизический инфантилизм, проявляющийся в сочетании инфантильных черт во внешнем облике – низкий рост, диспластичность телосложения, и в психике – склонность к фантазированию, детские реакции на окружающий мир, поверхностные незрелые суждения, неустойчивые интересы, недостаточно мотивированные поступки (Райская, 2000), признаки дезадаптированности, характерные для субъектов, находящихся на более ранних стадиях развития (Харламенкова, Стоделова, 2000).

Родители девочек с синдромом Тернера склонны проявлять повышенную гиперопеку и контроль, которые, с одной стороны, формируются на фоне проявлений симптомов заболевания (низкий рост, инфантильные черты во внешнем облике и поведении, отсутствие пубертата) (Райская, 2000; Харламенкова, Стоделова, 2000), а с другой – возникают под влиянием появившегося у родителей чувства вины и одновременно гнева. Наблюдается и другая

крайность. Это депривация и отчуждение со стороны родителей. И в первом, и во втором случае данные варианты отношений способствуют снижению уровня социальной адаптации подростка, усиливают тревогу, страх, подозрительность, ипохондрию и, в свою очередь, препятствуют переходу детско-родительских отношений на качественно новый уровень, необходимый для дальнейшего развития личности. Тем самым затрудняется процесс психологической, эмоциональной сепарации подростка в отношениях с родителями, что является препятствием на пути поиска и обретения собственной идентичности, целостности и независимости. Похожие данные были получены при исследовании семей с детьми, больными диабетом, и спинальными больными (Butner et al., 2009; Friedman et al., 2009).

Девочки с синдромом Тернера, согласно исследованию Н. Е. Харламенковой, Т. С. Стоделовой (2000), находятся на более ранних стадиях развития по сравнению со сверстниками того же возраста, но в то же время включены в социальный контекст, имеют возможность наблюдать за поведением, отношениями, изменениями у нормально развивающихся подростков, общаясь с ними, и использовать их в качестве образцов для идентификации. Таким образом, обнаруживается, с одной стороны, выраженная потребность в зависимости, поддержке и внимании родителей, а с другой – потребность в обретении и формировании собственной идентичности, поиск своего собственного психологического пространства, которые вступают в противоречие.

Имеются подобные исследования, показывающие, что нарушения в репродуктивной функции у девушек (Шорина, Тринева, 2006; Мальш, 2004) влияют на их отношения с родителями. Высокая потребность в зависимости, заботе, внимании со стороны обоих родителей наряду с конфликтностью во взаимоотношениях создают препятствия на пути отделения и обретения собственной, независимой идентичности.

Наличие таких препятствий способствует появлению компенсирующего поведения, направленного на устранение напряжения, вызванного невозможностью сепарации, необходимой для дальнейшего развития. Под *компенсацией* понимают возмещение недоразвитых или нарушенных функций путем использования сохранных или перестройки частично нарушенных функций (Психологический словарь, 1983). Согласно А. Адлеру, на личностном уровне компенсация направлена на устранение чувства неполноценности и может обнаруживать себя в виде невротического стремления к власти либо

в форме преодоления своих недостатков путем усердной тренировки. Первый путь усиливает чувство неполноценности, второй – ее снижает или даже устраняет. У девочек с синдромом Тернера компенсаторная функция выступает в виде чрезмерного контроля ситуации (Харламенкова, Стоделова, 2000) и проявляется в несвойственной детскому возрасту степенности, рассудительности и обстоятельности, в хорошей ориентировке в практических вопросах. Однако в целом девочки с аномалиями полового развития демонстрируют скорее зависимость от взрослых, чем самостоятельность, что, с нашей точки зрения, подтверждает важность учета такого условия внешней и внутренней сепарации, как достижение подростком определенного психофизиологического статуса, подкрепляемого соответствующими оценками взрослых. С точки зрения юнгианской психологии физические трансформации «захватывают» не только реальные отношения, связывающие подростка и родителя, но и архетипические отношения. «Допубертат и пубертат аналогичны первым годам жизни по широте биологического разнообразия и стремлению к росту. Субъект более не узнает себя, становится чужим самому себе; старые схемы более не действуют, отсюда и происходит активизация архетипических процессов...» (Лиар, 2008, с. 138), благодаря которым Я пересматривает свои отношения с родительскими имаго*. Однако процессы трансформации отношений интенсивнее проявляются у подростков с нормальным или ускоренным физическим развитием, готовность которых к сепарации может быть как поддержана, так и фрустрирована родителями.

5.3. Социальные условия развития подростковой автономности

Кроме дифференцированной идентичности, способности к детализированной и непротиворечивой оценке другого человека, умения проявлять свои чувства по отношению к ситуации зависимости и др., основой развития автономности является готовность близкого окружения к признанию подростка способным иметь собственную позицию, свое отношение к конкретной деятельности, к другим аспектам жизни. Известно, что не все родители активно пересматривают свои отношения с ребенком и даже, наоборот, усиливают

* Имаго (imago) – бессознательный прообраз, устойчивый стереотип, предопределяющий направленность восприятия человека.

свой контроль за его действиями, вкусами, чувствами, предпочтениями. Новые потребности и желания подростков выходят за рамки семьи. Возникает своеобразный парадокс, который состоит в том, что, с одной стороны, подросток расширяет границы собственного психологического пространства, включая в него сверстников, новые увлечения и интересы, с другой стороны, стремится к интимизации и суверенизации своего мира. Наступает понимание, что родителю можно подражать или следовать его примеру, но необходимо развивать и свою индивидуальность. Более того, существенно меняются представления о самом родителе. Подросток начинает очерчивать в психологическом пространстве матери или отца не только его Супер-эго, но и Эго, т. е. те черты, которые имеет родитель как самостоятельная личность вне зависимости от реализации своих отцовских или материнских функций. Эти изменения можно рассматривать как существенный признак подростковой динамики. Другим признаком развития личности в период пубертата является амбивалентность отношений с родителями, в которых проявляется как дистанцирование, отчуждение, автономия подростка, так и желание поддержки и признания взрослых. В исследовании О. П. Макушиной амбивалентность отношения подростков к родителям (2001) рассматривалась как признак высокой эмоциональной напряженности подростка и его зависимости от взрослого. По мнению автора, причиной психологической зависимости подростков является фрустрация их потребности в самоактуализации и проявляется в двух основных формах – в форме собственно зависимости и в форме негативизма, различающихся по характеру компенсации. В случае собственно зависимости компенсация осуществляется по типу смирения и ухода, а в случае негативизма – по типу бунта и протеста. Психологическая зависимость оказывает негативное влияние на личностное развитие подростков, в частности, определяет дисгармоничность развития их Я-концепции. Неразрешенность важнейшей задачи развития этого возраста – достижения определенного уровня психологической независимости, а именно автономии, способности к самоуправлению, самостоятельности позиции и оценок, эмоциональной дифференцированности и установления границ личностного пространства подростка в детско-родительских отношениях – приводит к искажению развития личности на последующих стадиях возрастного развития.

Вполне понятно, что важную роль в развитии самостоятельности подростка играют воспитательные стратегии родителей. В одном

из исследований, проведенном на большой выборке подростков разного возраста, исследовались два вида так называемой родительской поддержки автономии (parental autonomy support) (Soenens et al., 2007). Один вид поддержки был назван «поощрение независимости» (promotion of independence – PI), а второй – «поощрение волевой активности» (promotion of volitional functioning – PVF). Оказалось, что адаптация и самоопределение подростка связаны с поддержкой волевой активности и не связаны с поддержкой независимости. Эта данные интересны тем, что отношение родителей к подростку должно быть дифференцированным и зависеть от его готовности к сепарации. Показано, что неготовность подростка является показателем того, что нужно использовать другие меры развития самостоятельности, а не блокировать этот процесс полностью.

Психофизиологическая и психологическая готовность к сепарации нередко ограничиваются. Контроль со стороны родителей, нежелание принимать новые взгляды ребенка, боязнь потери душевной близости, а также страх за ребенка, связанный с неблагоприятной криминальной обстановкой в обществе, ведут к тому, что родители стараются отсрочить, «отложить» сепарацию. Исследований по проблеме авторитарности родителей и их демократичности достаточно много (Fuligni, 1998; Prinzie et al., 2009), и в целом они показывают, что контроль и высокий уровень требовательности, необоснованные претензии родителей снижают общий уровень адаптации подростков. Для благоприятного формирования самостоятельности родителю важно понимать, что функции контроля взрослого должны постепенно передаваться самоконтролю самого ребенка. Й. Раншбург и К. Поппер (1983) показывают, что целью воспитания является уменьшение внешних ограничений, необходимых на ранних этапах развития личности, и замещение их внутренними ограничениями.

Ограничение стремления подростка к развитию своей личности, к сепарации нередко ведет к вычурным, гиперболизированным формам демонстрации своей самостоятельности, которые в какой-то степени компенсируют потребность в автономии: на глазах у окружающих совершаются отчаянные или безрассудно смелые поступки, чем доказывается наличие в характере определенных черт, присущих взрослым людям, – силы воли, храбрости и т. д.; демонстрируется взрослое поведение, направленное на получение определенного «взрослого статуса». Кроме этого, появляются признаки защитного поведения – снижается ценность желаемого, средствами проекции актуализируется агрессия, учащаются эпизоды избегания

интимности, близости в общении; появляются черты негативизма и инфантильности. Последняя группа признаков, прежде всего, характеризует потребность подростка в зависимости, которая наряду со стремлением к автономности определяет специфику организации аффективно-потребностной сферы личности в этом возрасте.

Связь автономности и зависимости нередко проявляется таким особым образом, что открытость в отношениях, близость воспринимаются подростком как угроза «вторжения» в его личное пространство и покушение на его независимость и сразу же отыгрываются им в форме внешней агрессии. В качестве типичных характеристик отыгрывающего поведения подростков Ф. Жамме называет нарушение пищевого поведения, употребление наркотиков, суицидальный синдром, некоторые виды отвержения, неприятие школы и др. «Инстинктивное побуждение к сближению с объектом начинает восприниматься не как потенциальное средство обогащения личности, а скорее как угроза, делающая личность зависимой от объекта» (Жамме, 2007, с. 55). В этом случае психическое развитие подростка требует разрешения конфликта потребностей, соединения «внешней и внутренней реальности», которые оказываются разобщенными. Одним из механизмов такого соединения может быть интроективная идентификация как «процесс, посредством которого ребенок или пациент с течением времени приобретает способность получать и принимать внешнюю поддержку и любовь со стороны окружающих его людей и обретает опыт, который дает чувство безопасности, поддержки и способствует личностному росту» (Водделл, 2007, с. 23).

Компенсация неудачи в реализации стремления в автономии – сложный и неоднозначный по своей направленности и результативности процесс. В обыденном сознании компенсация часто ассоциируется с чем-то неистинным, вторичным, суррогатным. Компенсация трактуется как не прямое удовлетворение потребности или плата за неудачу в какой-либо деятельности с целью устранения напряжения, причем восполнение недостатка может открывать путь к личностному познанию и развитию истинного Я, к расширению опыта, а также вести к уходу от решения проблем, к замещению главного второстепенным, к смещению внимания с основной проблемы на побочную. Этот вывод приложим к самым разным проблемам психического развития, в том числе и к проблеме развития автономности. Компенсация как защитная реакция используется для «отведения» энергии от проблемы, для редукации напряжения без анализа причин

неудачной сепарации, прежде всего, причин, связанных с неорганизованной, дезинтегрированной, диффузной идентичностью подростка, претендующего на автономию, но не знающего того Я, которое к этому стремится. Защитная компенсация сопровождается временным чувством облегчения, ощущением редукации напряжения. Согласно Марго Водделл, процесс осознания себя и своих эмоциональных состояний включает в себя освобождение от привычных форм защиты, прежде всего от проективной идентификации, и обращение к интроективной идентификации с положительными объектами. Подчеркивая важность процесса интроекции, Водделл указывает на то, что этот процесс неотделим от способности к интимности, которая находит свое проявление в дифференциации и сепарации – двух наиболее важных задачах позднего подросткового возраста.

Компенсация как механизм личностного роста обнаруживается в актуализации творческой энергии и в расширении возможностей личности, связан с ощущением преодоления и с чувством удовлетворенности. Именно чувства, которые сопровождают компенсацию, можно использовать в качестве критерия разграничения защитной компенсации и компенсации как механизма личностного развития (см. подробнее главу XIII). При достижении подростком некоторого уровня автономии, адекватного условиям его развития, защитная компенсация будет обнаруживать себя в разнообразных девиантных и делинквентных формах поведения, а компенсация как механизм личностного развития – в самостоятельном планировании и выполнении тех видов деятельности, которые являются для подростка ведущими, а также – в переживании удовольствия от участия в них.

Соблюдение всех условий развития подростка в направлении его автономности следует считать скорее исключением, чем правилом, поэтому обращение к анализу проблемы компенсации неудачи в стремлении к сепарации дополняет теоретическую модель сепарации, делает ее более реалистичной и валидной. Более подробно проблема сепарации и компенсации будет рассмотрена в последней главе книги.

5.4. Признаки внешней и внутренней сепарации в норме и при задержках полового развития

Организация исследования, которое было проведено лабораторией психологии личности Института психологии РАН (Н. Е. Харламенкова, Т. С. Стоделова) совместно с отделением гинекологии детско-

го и юношеского возраста (руководитель отделения – Е. В. Уварова) Научного центра акушерства, гинекологии и перинатологии имени академика В. И. Кулакова Минздравсоцразвития России позволила, кроме решения целого ряда других задач, изучить проблему внешней и внутренней сепарации у девочек с синдромом Шерешевского-Тернера (см. § 5.2). В ходе проведения анализа результатов основными показателями сепарации стали выделенные нами ранее критерии сепарации (глава I):

- 1) целостность Я, т. е. степень дифференцированности представлений о себе, позитивное самоотношение, принятие себя, определенность границ Я;
- 2) целостное и непротиворечивое представление о Другом, в частности, целостное представление об отце и матери, принятие Другого, способность видеть в другом человеке личность;
- 3) умение адекватно выражать свои чувства, реагировать на ситуацию, проявляя обиду, гнев, агрессию при ограничении самостоятельности; способность эмоционально откликаться на разлуку, критику, неодобрение; умение проявлять чувство автономности, внутренней силы;
- 4) отсутствие поведенческих реакций в виде отыгрывания, таких, как девиантное поведение, болезни, наркотики, пищевые зависимости, несчастные случаи и др.
- 5) способность планировать жизнь без одобрения другого человека, определять временную перспективу, выдерживать ожидание.

Один из приемов, который может использоваться для исследования проблемы внутренней сепарации, является стратегия оценки представлений о себе, представлений о другом человеке и определение степени совпадения этих оценок, а также целый ряд других приемов, которые были предложены в настоящем исследовании для изучения личности подростка в норме и при аномалиях полового развития^{*}.

Гипотезы исследования:

1. Структура образа Я девочек и мальчиков группы нормы характеризуется разнообразием входящих в нее признаков; у девочек

* В книге приведены данные магистерской работы Т. С. Стоделовой «Образ Я» и его особенности у девочек с синдромом Шерешевского-Тернера», выполненной под руководством Н. Е. Харламенковой, а также новые результаты, которые анализируются в книге впервые.

с синдромом Шерешевского–Тернера диапазон признаков, приписываемых Я, существенно ограничен.

2. Отдельные аспекты образа Я девочек с синдромом Шерешевского–Тернера, являющиеся маркерами развития личностной идентичности в подростковом возрасте, коррелируют с аспектами образа Я матери. В норме признаки Я коррелируют не только с признаками, приписываемыми матери, но и с признаками, приписываемыми отцу.
3. Мальчики и девочки группы нормы при ограничении их самостоятельности склонны к сильным эмоциональным реакциям; у девочек с синдромом Шерешевского–Тернера их эмоциональные реакции на эти ограничения оказываются невыразительными, а временная перспектива не развернута и фиксирована на настоящем.

Выборка. В исследовании приняли участие 27 подростков основной группы – девочки в возрасте 12–15 лет с синдромом Шерешевского–Тернера, первично обратившиеся за помощью в НЦ АГиП им. акад. В. И. Кулакова, а также здоровые подростки: 52 девочки и 45 мальчиков в возрасте 12–13 лет – учащиеся московских школ.

Методики

1. *Тематический апперцептивный тест* (ТАТ) разработан Г. Мюрре-ем в 1930-е годы и предназначен для многостороннего исследования личности, в первую очередь, ее неосознаваемых латентных потребностей, особенностей целеполагания, природы основных конфликтов, особенностей идентификации, проекции и интроекции и др. (Соколова, 1980; Бурлачук, 1982, 1997; Леонтьев, 1998; Харламенкова, 2000). ТАТ включает в себя набор таблиц, на которых изображены различные ситуации. Характер изображения – нечеткий, размытый, неопределенный, т. е. именно такой, который позволяет испытуемому составлять свободный рассказ без опоры на стереотипные, шаблонные решения, обычно принимаемые в более определенной ситуации. Весь набор таблиц состоит из 31 картинка. Набор картинок, с которыми работает обследуемый, определяется его полом и возрастом. Методика предназначена для обследования подростков старше 14 лет и взрослых людей. Часть таблиц из исходного набора стимульного материала – общая, т. е. предлагается мужчинам/женщинам любого возраста старше 14 лет. Это – 1, 2, 4, 5, 10, 11, 14, 15, 16, 19, 20 таблицы. Остальные таблицы предварительно отби-

раются психологом в зависимости от пола и возраста испытуемого. Таблицы, на которых с обратной стороны, кроме порядкового номера, стоит символ VM, предназначены для юношей/мужчин старше 14 лет (3, 6, 7, 8, 9, 17, 18). Таблицы, на которых с обратной стороны, кроме порядкового номера, стоит символ GF, предназначены для девушек/женщин старше 14 лет (3, 6, 7, 8, 9, 17, 18). Таблица 13B предназначена для юношей от 14 до 18 лет, таблица 13G – для девушек того же возраста, таблица 13MF – для мужчин/женщин старше 18 лет. Таблица 12M – предлагается мужчинам старше 18 лет, а 12F – женщинам того же возраста. Таблица 12BG предназначена для юношей/девушек от 14 до 18 лет. Психолог предварительно отбирает подходящие по возрасту и полу таблицы, учитывая, что для проведения обследования используется набор из 20 таблиц.

Каждая таблица предназначена для выявления отношения обследуемого к определенной теме, например к ситуации личностного и профессионального роста, семейным отношениям, интимным взаимоотношениям, дружеским связям. Некоторые таблицы позволяют выявить причины переживаемой депрессии, обнаружить связи между чувством одиночества, ставшим для обследуемого уже типичным, и уменьшением объема социальных контактов и др. Любая из названных проблем может появиться в рассказах вне зависимости от сюжетного содержания какой-либо таблицы, однако опыт использования ТАТ профессиональными психологами показывает, что каждая из таблиц имеет свой «набор» тем, актуализируемых при работе с нею обследуемым. Подобные данные были приведены Е. Т. Соколовой (1980) и Д. А. Леонтьевым (1998) в соответствующих работах.

Инструкция: «Предлагаемый Вам тест разработан для исследования фантазии, воображения. Я буду показывать вам картинки, а вы должны придумать по ним рассказы. Это должен быть именно рассказ, а не описание картинки. Расскажите, что происходит в данный момент, какие события предшествовали этой ситуации, т. е. происходили в прошлом, каков будет исход, т. е. что произойдет в будущем. Опишите, что персонажи чувствуют, о чем думают. Время рассказа не ограничено, правильных и неправильных вариантов рассказа нет».

Обычно анализ рассказов ведется по следующим диагностическим показателям: временная перспектива (наличие прошлого, настоящего, будущего), эмоции персонажа (положительные: любовь, надежда, радость, и отрицательные: ненависть, печаль, страх), осо-

бенности объекта идентификации (пол, количество объектов идентификации), мотивационная сфера, особенности целеполагания, внешние и внутренние конфликты и др. В настоящем исследовании процедура ведения протокола была сохранена.

Дополнительно к стандартному перечню диагностических переменных были добавлены переменные, которые позволили фиксировать особенности образа Я и родителей, особенности реагирования на ограничения.

2. Методика «Кодирование» – модифицированный вариант «проективного перечня» З. Старовича (Ткаченко, Введенский, Дворянчиков, 2001). В качестве основных стимулов выбраны объекты – «Мужчина», «Женщина», «Ребенок» и «Я», к которым необходимо подобрать ассоциацию из каждого предложенного класса понятий – «Неодушевленный предмет», «Травянистое растение», «Дерево», «Животное», «Музыкальный инструмент», «Геометрическая фигура», «Сказочный персонаж», «Амплуа артиста цирка».

В рамках каждой категории находится ассоциативный образ, который по каким-либо свойствам или признакам наиболее полно отражает кодируемый объект – «Мужчину», «Женщину», «Ребенка», «Я». Обязательным приемом в проведении тестирования методикой «Кодирование» является и выбор ассоциативного образа, и перечисление признаков, по которым кодируемый объект и ассоциация сходны между собой.

Инструкция: «К каждому из четырех объектов – «Мужчина», «Женщина», «Ребенок», «Я» – подберите ассоциацию из предложенных классов понятий – «Неодушевленный предмет», «Травянистое растение», «Дерево», «Животное», «Геометрическая фигура», «Сказочный персонаж», «Амплуа артиста цирка», а затем выделите признаки сходства между ассоциацией и объектом».

Подсчитывается количество маскулинных и фемининных признаков, приписываемых объектам «Мужчина» и «Женщина». По Тематическому апперцептивному тесту – частично и полностью неосознаваемых, по методике «Кодирование» – осознаваемых. Кроме этого, проводится обработка признаков, приписанных объекту «Я».

В настоящем исследовании образ Я рассматривается как структурное образование, в котором выделяются следующие аспекты: физическое Я, социальное Я (социальные роли), возраст как характеристика Я, эмоциональное Я, интеллектуальное Я, темпераментальные черты, мотивы, ценности, предпочтения, половая идентификация, объектное Я.

Физическое Я – образ тела, характеристика внешнего облика (описание внешности, а также оценки, характеризующие внешность – красивый, привлекательный и др.). Например, «Тут две девушки, они может быть похожи прическами... у них платья красивые, с кружевами...» (по методике ТАТ) или «обаятельная», «маленькая», «полный», «высокий» и др. (по методике «Кодирование»).

Социальное Я (социальные роли) – выражается в ощущении себя носителем тех или иных социальных ролей и функций. Например, «Молодая учительница... она вела начальные классы в своей школе, городе...» (по методике ТАТ) или «дрессировщик», «акробат» (по методике «Кодирование»).

Возраст как характеристика Я – ощущение себя человеком определенного возраста (четкий показатель возраста или такие характеристики, как «молодой», «старый»). Например, «Ну, мальчик, ему 6 лет...» (по методике ТАТ) или «Маленький котенок, львенок, еще не вырос» (по методике «Кодирование»).

Эмоциональное Я – представление о себе как о человеке, которому присущи те или иные эмоциональные характеристики. Например, «Это женщина..., видно, что она злая, мрачная» (по методике ТАТ) или «веселый», «изменчивое настроение», «плаксивый» (по методике «Кодирование»).

Интеллектуальное Я – переживание себя как субъекта, обладающего определенными интеллектуальными способностями («умный», «мудрый»). Например, «Может быть, ну, я даже не знаю, как это сформулировать, эта женщина, похоже, умная, начитанная» (по методике ТАТ) или «умный», «сообразительный» (по методике «Кодирование»).

Темпераментальные черты – ощущение себя источником активности, человеком, способным совершить те или иные действия (характерные для человека формы поведения – типичные действия и возможности). Например, «Обычно, с утра дети идут в школу, на перемене все разговаривают, потом идут из школы домой, едят, делают уроки, идут гулять, гуляют, приходят домой и спать» (по методике ТАТ) или «быстрый», «ловкий», «подвижный», «бегает хорошо» (по методике «Кодирование»).

Мотивы, ценности, предпочтения – устойчивые мотивы, черты характера. Например, «он это делает, потому что привык помогать людям» (по методике ТАТ) или «готов помогать», «справедливый» (по методике «Кодирование»).

Половая идентификация – переживание и ощущение своей половой принадлежности, способность проявлять себя и совершать

поступки, характерные для фемининного или маскулинного типа поведения, а также черты, соответствующие перечню маскулинных и фемининных признаков по С. Бэм. Например, «женское дело», «мужская работа» (по методике ТАТ) или «ласковая», «нежная», «напористый», «смелый» (по методике «Кодирование»).

Объектное Я – идентификация обследуемого с персонажем, которому дается характеристика, включающая в себя, в частности, персонифицированные объекты, неодушевленные предметы либо идентификация с неодушевленным предметом и его персонификация. Например, «Здесь изображена лодка, ей, наверное, очень грустно, она одинокая» (по методике ТАТ) или «любимая одежда», «любимая игрушка» (по методике «Кодирование»).

Кроме оценки образа Я, анализировали эмоциональные реакции подростков на ограничения самостоятельности, прежде всего, на родительский контроль, а также временную перспективу (прошлое, настоящее и будущее по ТАТ).

Для проверки первой гипотезы о том, что структура образа Я девочек и мальчиков группы нормы характеризуется разнообразием входящих в нее признаков; у девочек с синдромом Шерешевского-Тернера диапазон признаков, приписываемых Я, существенно ограничен, был проведен анализ выраженности различных аспектов Я у подростков группы сравнения (мальчиков – М, девочек – Д1), а также у девочек с синдромом Шерешевского-Тернера (Д2). Различные аспекты Я рассматривались на двух уровнях:

1. Неосознаваемом – это результаты, полученные по ТАТ. Придумывая рассказ, испытуемый рассказывает не о себе, а о персонаже рассказа, о его чувствах, мыслях, мотивах, при этом при работе с ТАТ имеется некоторый контекст, заданный изображенной на картинке ситуацией.
2. Осознаваемом – это результаты, полученные по методике «Кодирование». Здесь испытуемый, согласно инструкции, рассказывает про себя, следовательно, больше контролирует ситуацию; влияние контекста – некоторой заданной ситуации – отсутствует.

Результаты, полученные по ТАТ при сравнении разных выборок, наглядно представлены в таблице 5.1.

С целью нахождения статистических различий нами был использован критерий Манна-Уитни, данные представлены в таблице 5.2.

При сравнении мальчиков и девочек с нормальным половым развитием были обнаружены различия только по объектному Я, т. е. де-

Таблица 5.1

Меры центральных тенденций отдельных аспектов «Образа-Я», полученные по ТАТ

		Физ. Я	Соц. Я	Возр. Я	Эмоц. Я	Инт. Я	Темп.	Мот. Я	Объект.
Мальчики (n=45)	x	2,1	3,1	1,4	0,6	0,5	0,1	0,95	0,07
	med	2	3	1	0	0	0	1	0
Девочки (n=52) (Д1)	x	1,9	2,9	1,6	0,96	0,3	0,4	1,3	0,4
	med	1	3	1	0	0	0	1	0
Девочки (n=27) (Д2)	x	1,1	1,7	1,3	1,2	0,2	0,7	0,6	0,07
	med	1	1	1	1	0	0	0	0

Таблица 5.2

Сравнение мальчиков, девочек 1 группы (Д1) и девочек 2 группы (Д2) с помощью критерия Манна-Уитни (U)

	Мальчики (М)– Девочки (Д1)		Девочки (Д1)– Девочки (Д2)		Мальчики– Девочки (Д2)	
	U	p	U	p	U	p
Физ. Я	1051,5	0,4	575,5	0,2	419,0	0,03*
Соц. Я	1102,0	0,6	460,0	0,01*	338,0	0,01*
Возр. Я	1136,0	0,8	629,5	0,5	564,5	0,6
Эмоц. Я	996,5	0,2	623,0	0,4	445,0	0,06
Инт. Я	985,0	0,2	678,0	0,8	487,0	0,2
Темпер.	936,0	0,09	575,0	0,2	386,5	0,01*
Мотивы	1109,0	0,7	555,5	0,1	497,5	0,2
Объект. Я	904,5	0,05*	531,0	0,08	591,0	0,8

* – Различия статистически значимы.

вочки несколько чаще могли идентифицироваться не с персонажем, а с каким-либо неодушевленным предметом. Сравнение девочек группы нормы и девочек с синдромом Тернера показало различие по параметру «социальное Я», последние реже говорили о социальных ролях своих «героев», причем учитывались как приписываемые роли, так и желаемые в будущем. Более же существенные различия

были обнаружены при сравнении мальчиков (М) и девочек с синдромом Тернера (Д2).

Здесь значительные различия выявлены по социальному Я, темпераментальным признакам и физическому Я. Социальные роли и физическое Я у девочек с синдромом Шерешевского–Тернера выражены крайне незначительно, а темпераментальные черты, приписываемые персонажу, наоборот, заметно превалируют, что частично подтверждает первую гипотезу.

Далее, чтобы исключить влияние контекста, были проанализированы данные методики «Кодирование» (таблица 5.3).

Сравнивая данные, полученные по ТАТ и по методике «Кодирование», видим, что устранение контекста влияет на уменьшение показателей социального Я, на увеличение показателей эмоционального Я, мотивов и отчасти физического Я. Для того чтобы проверить различия по выборкам также был использован критерий Манна–Уитни (таблица 5.4).

По результатам методики «Кодирование» различия между мальчиками и девочками группы нормы становятся более выраженными. Так, у девочек в сравнении с мальчиками высоки показатели по эмоциональному Я и приписываемым себе мотивам, а у мальчиков – по темпераментальным чертам. Иными словами, девочки при описании себя чаще использовали эмоциональные характеристики и мотивы, а мальчики – поведенческие. Различий между девочками разных групп (Д1 и Д2) обнаружено не было. А вот между мальчиками и девочками основной группы появились различия по физическому Я, но здесь в отличие от ТАТ физическое Я у девочек

Таблица 5.3

Меры центральных тенденций отдельных аспектов «Образа-Я», полученные по методике «Кодирование» в трех группах

		Физ. Я	Соц. Я	Возр. Я	Эмоц. Я	Инт. Я	Темп.	Объ- ект.	Мо- тивы
Мальчики	x	2,4	0,02	0,3	0,6	0,6	1,5	0,4	2,1
	med	2	0	0	0	0	1	0	2
Девочки (Д1)	x	3,2	0,2	0,2	1,8	0,3	0,5	0,5	2,9
	med	2	0	0	2	0	0	0	3
Девочки (Д2)	x	4,2	0,1	0	1,4	0,3	0,1	0,1	3,1
	med	3,5	0	0	1	0	0	0	3

Таблица 5.4

Сравнение мальчиков, девочек группы Д1 и девочек группы Д2 с помощью критерия Манна–Уитни (U)

	Мальчики– Девочки (Д1)		Девочки (Д1)– Девочки (Д2)		Мальчики– Девочки (Д2)	
	U	p	U	p	U	p
Физ. Я	1156,0	0,2	338,5	0,1	268,0	0,02*
Соц. Я	1230,0	0,5	505,0	0,9	394,0	0,7
Возр. Я	1253,0	0,6	432,0	0,3	333,0	0,2
Эмоц. Я	791,0	0,0003*	447,5	0,4	282,5	0,04*
Инт. Я	1200,0	0,4	496,0	0,5	369,0	0,4
Темпер.	781,0	0,0002*	419,0	0,2	187,0	0,0005*
Объект. Я	1329,0	0,9	434,0	0,3	349,0	0,3
Мотивы	993,5	0,02*	473,5	0,6	277,5	0,03*

* – Различия статистически значимы.

с синдромом Тернера становится более выраженным, чем у мальчиков; есть различия по эмоциональному Я, мотивам и темпераментальным чертам.

С целью проверки второй гипотезы о том, что отдельные аспекты образа Я девочек с синдромом Тернера, являющиеся маркерами развития личностной идентичности в подростковом возрасте, коррелируют с аспектами образа Я матери, а в норме признаки Я коррелируют не только с признаками, приписываемыми матери, но и с признаками, приписываемыми отцу, был проведен анализ протоколов методики «Кодирование». Предварительно сравнили показатели между группами, а также провели кластерный анализ данных. Маркерами развития личностной идентичности стали приписываемые разным объектам – «Женщина», «Мужчина», «Ребенок», «Я» – маскулинные и фемининные признаки (таблица 5.5).

С целью нахождения статистических различий нами был использован критерий X^2 (таблица 5.6).

Различий в оценке объектов «Мужчина» и «Женщина» по маскулинности и фемининности обнаружено не было. Мальчики и девочки группы норма оценивают мужчин как маскулинных, а женщин как фемининных. Ребенок для девочек скорее фемининный ($M=0$, $F=5$), а для мальчиков не имеет определенного пола ($M=0$,

Таблица 5.5
 Меры центральных тенденций по переменным
 Маскулинность (М) и Фемининность (F),
 методика «Кодирование» во всех группах

Объекты	Мальчики				Девочки (1-я группа)				Девочки (2-я группа)			
	М		F		М		F		М		F	
	x	med.	x	med.	x	med.	x	med.	x	med.	x	med.
Мужчина	5,2	5	0,4	0	6,2	6	0,6	0	5,7	6	0,8	0,3
Женщина	0,3	0	4,9	5	0,6	0	5,7	6	0,5	0	6,1	6
Ребенок	0,2	0	1,1	0	0,6	0	5,3	5	0,7	0	5,9	6
Я	2,8	3	1,0	1	1,1	1	3,9	4	0,9	0,8	5,3	5

Таблица 5.6
 Сравнение мальчиков и девочек (Д 1) с помощью критерия χ^2

Гендерные обозначения	Мужчина		Женщина		Ребенок		Я	
	χ^2	p	χ^2	p	χ^2	p	χ^2	p
М	24,5	0,9	22,6	0,9	21,9	0,9	60,4	0,02*
F	37,1	0,6	27,8	0,9	77,6	0,0003*	57,0	0,03*

* – Различия статистически значимы.

F=0). Оценивая себя, мальчики видят себя мужественными (M=3, F=1), а девочки женственными (M=1, F=4). Однако при нахождении разницы между M и F и оценке себя у мальчиков разница более существенна ($\chi^2 = 74,9$, $\alpha=0,0006$), чем у девочек ($\chi^2 = 48,4$, $\alpha=0,02$).

Затем методом кластерного анализа каждая группа (мальчики и девочки Д1) была разделена на подгруппы (кластеры).

Как мальчики, так и девочки группы сравнения разделились на 4 кластера (таблица 5.7). Четвертый кластер у мальчиков самый большой (n=17) и самый контрастный, все мальчики этой подгруппы описывают себя как маскулинных. Затем у них идет 1 кластер (n= 12), в котором мальчики выступают как андрогинные. У девочек больше всего выделяется 2 кластер (n=23), где они – андрогинные и 4 кластер с недефференцированностью по маскулинным и фемининным признакам.

Таблица 5.7

Средние показатели по маскулинности (М) и фемининности (F), приписываемые объекту «Я» мальчиками и девочками (Д1) в кластерах

Кластеры	Мальчики (n=46)			Девочки (n=41)		
	n	M	F	n	M	F
1 кластер	12	3	1	4	0	8
2 кластер	7	1	3	23	1	4
3 кластер	10	0	0	3	0,7	8
4 кластер	17	5	0	11	1	1

Таблица 5.8

Сравнение девочек (1Д) и девочек (2Д) по признакам маскулинности (М) и фемининности (F) с помощью критерия Манна–Уитни U

Гендерные обозначения	Мужчина		Женщина		Ребенок		Я	
	U	p	U	p	U	p	U	p
M	0	1	0,5	0,7	12	0,6	0	1
F	8,5	0,7	0	1	2	0,6	0	1

Статистических различий между девочками группы нормы и девочками с синдромом Тернера получено не было (таблица 5.8), последние дают такие же и столько же маскулинных и фемининных признаков всем объектам, как и девочки контрольной группы.

Затем аналогичным образом все девочки были поделены на кластеры. Всего получилось три кластера, и девочки с синдромом Тернера попали в каждый кластер (таблица 5.9).

Самым большим оказался 2 кластер, здесь наблюдается слабая дифференцированность или недифференцированность по M и F признакам «Я». Затем идет третий кластер, где девочки приписывают себе андрогинные характеристики. Кластер 2 на 2/3 представлен группой Д 2.

Для проверки второй гипотезы осуществлялась корреляция признаков M и F, приписываемых всем объектам (Мужчина, Женщина, Ребенок, Я) между собой (таблица 5.10).

Таблица 5.9

Результаты кластеризации признаков маскулинности (М) и фемининности (F), приписываемых объекту «Я» девочками (обе группы вместе) (n=59)

Кластеры	n	М	F
1 кластер	9	0	8
2 кластер	31	1	3
3 кластер	19	0,7	5

Таблица 5.10

Корреляции признаков маскулинности и фемининности, приписываемых «Я» и другим объектам – «Мужчина», «Женщина», «Ребенок» (корреляция по Спирмену)

Объекты	Мальчики (Я)		Девочки Д 1 (Я)		Девочки Д 2 (Я)	
	М _я	F _я	М _я	F _я	М _я	F _я
Мужчина М	<i>r=0,2,</i> <i>p=0,02</i>		<i>r=0,2,</i> <i>p=0,2</i>		<i>r=0,3,</i> <i>p=0,2</i>	
F		<i>r=0,2,</i> <i>p=0,09</i>		<i>r=0,3,</i> <i>p=0,02</i>		<i>r=-0,07,</i> <i>p=0,4</i>
Женщина М	<i>r=0,4,</i> <i>p=0,00</i>		<i>r=0,3,</i> <i>p=0,056</i>		<i>r=0,4,</i> <i>p=0,04</i>	
F		<i>r=-0,1</i> <i>p=0,2</i>		<i>r=0,3,</i> <i>p=0,04</i>		<i>r=0,8,</i> <i>p=0,00</i>
Ребенок М	<i>r=0,2,</i> <i>p=0,05</i>		<i>r=0,4,</i> <i>p=0,009</i>		<i>r=0,5,</i> <i>p=0,01</i>	
F		<i>r=0,3,</i> <i>p=0,01</i>		<i>r=0,05,</i> <i>p=0,4</i>		<i>r=0,4,</i> <i>p=0,04</i>

Примечание: Курсивом выделены значимые связи.

У мальчиков их М-признаки тесно связаны с М-признаками «Мужчины» и еще теснее с М-признаками «Женщины». Фемининные оценки себя («Я») связаны только с F-признаками «Ребенка».

У девочек их F-признаки тесно связаны с F-признаками объектов «Мужчина» и «Женщина», а М-признаки только с М-признаками объекта «Ребенок».

Таким образом, получается, что с Ребенком связаны признаки противоположные полу, а с Мужчиной и Женщиной – соответству-

ющие полу, причем именно с двумя объектами, теснее – с признаками фигуры противоположного пола.

Девочки с синдромом Шерешевского–Тернера, несмотря на идентичность в оценках себя (Я) и других объектов с девочками группы нормы, отличаются характером связи между Я и другими объектами. У них с М и F признаками «Мужчины» корреляции отсутствуют. Но при этом есть практически слияние с «Женщиной» и «Ребенком», т. е. корреляция по маскулинности и фемининности с двумя объектами. Учитывая тот факт, что для подростков «Мужчина» ассоциируется с отцом, а «Женщина» – с матерью, можно считать, что гипотеза о полной идентификации девочек с задержками полового развития с матерью, подтверждается.

Для проверки третьей гипотезы (о том, что мальчики и девочки группы нормы при ограничении их самостоятельности склонны к сильным эмоциональным реакциям, а у девочек с синдромом Шерешевского–Тернера их эмоциональные реакции на эти ограничения оказываются невыразительными, временная перспектива не развернута и фиксирована на настоящем) анализировались данные, полученные с помощью ТАТ. Эмоциональные реакции на ограничения со стороны взрослых анализировались по нескольким показателям. В каждом протоколе выбирали 1) количество рассказов, в которых представлена тема детско-родительских отношений; 2) количество рассказов, в которых детско-родительские отношения описываются с точки зрения родительского контроля (запретов, ограничений и проч.); 3) наличие эмоций персонажа (ребенка) на реакцию родителей и их интенсивность; 4) тип эмоций (гнев, раздражение, спокойствие и др.). По результатам статистической обработки данных оказалось, что девочки с задержкой полового развития описывают детско-родительские отношения неэмоционально, в основном перечисляя события и действия. Отношения между родителями и детьми строятся по принципу подчинения, когда дети выполняют требования со стороны родителей, причем не выражая явного протеста. У подростков с нормальным половым развитием детско-родительские отношения эмоционально насыщены: ярко проявляются эмоции гнева, недовольства, страха, а также радости, гордости и удовольствия. Приведем фрагмент рассказа: «...родители всегда хотели, чтобы дочка занималась земледелием, а девочка хотела стать учителем. Из-за этого она ссорилась со своими родителями, очень сердилась... и решила однажды уйти из дома... В одной деревеньке она стала работать учительницей, и через несколько лет вернулась

домой. Родители были рады, они простили ее, и дочь была рада, что они все-таки ее простили» (таблица 2, рассказ девочки, 12 лет).

У подростков с нормальным половым развитием преобладают рассказы, в которых описываются ограничения, контроль со стороны родителей, обвинения и одновременно протестное поведение ребенка, его эмоциональные реакции на родительские требования, причем описываются эмоции и родителей, и детей. Пример: «Отец как-то презрительно относится к своему сыну. Наверное, из-за того, что он провинился и отец делает ему выговор. Сын всем своим видом хочет показать, что ему неважно, пусть он отстанет от него. У отца досада, обида и презрение, все чувства сливаются воедино. А у сына отгороженность от отца и ненависть к отцу. Видно, он поступил как-то так, не спросив отца, например, разбил машину отца, взял ее без спроса» (таблица 7 ВМ, рассказ мальчика, 12 лет).

Рассказы девочек с задержкой полового развития эмоционально более скупы, и отношения с родителями часто выстраиваются по принципу иерархии, соподчинения, послушания, т. е. так, как они строятся в норме в доподростковом возрасте. Например, «мама с дочкой и мама читает книжку, дочка играет с куклой, мама читает рассказ из классической литературы и дочке скучно, она отвернулась... если уйти, то мама на нее рассердится, поэтому она сидит, скучает... Потом мама закончит читать и пойдут ужинать, или девочка пойдет гулять со своей няней, или пойдет к себе и будет играть» (таблица 7GF, рассказ девочки, 12 лет). Несмотря на особенности рассказов девочек с синдромом Шерешевского–Тернера, встречаются темы, которые похожи на рассказы группы нормы. Это – стремление уйти, убежать, скрыться в том случае, если родители препятствуют удовлетворению тех или иных потребностей своих детей. Подчеркнем, что эта тема встречается в подростковом возрасте очень часто и, по существу, определяет специфику возраста.

Оценка временной перспективы по рассказам на таблицы ТАТ является важным показателем психологической зрелости человека как возможности искать причины настоящей ситуации в прошлом и планировать свое будущее. Выше отмечалось, что оба показателя – ретроспектива и перспектива, выступают критериями способности человека к самостоятельной оценке своих поступков и к организации своей жизни в будущем.

По данным исследования оказалось, что все подростки предпочитают излагать сюжет с ориентацией на более развернутое прошлое и настоящее, однако временная перспектива девочек с за-

держками полового развития чаще, чем у подростков группы нормы, лишена отдаленной перспективы и при повторном тестировании через год будущее остается свернутым. Например, «это мама, у нее есть сын, который сидит и делает уроки, она просто решила за ним понаблюдать. Я думаю, что мальчик не очень хорошо учится и ей приходится следить за ним. Он крутится, вертится, не знает, куда ему деться, ему хочется на улицу, но за ним следят. Через некоторое время мама закроет дверь, но опять через некоторое время откроет и просто понаблюдает за ним или позовет куда-нибудь» (таблица 5, рассказ девочки, 12 лет). У подростков с нормальным половым развитием повторное тестирование через год показало значительное расширение временной перспективы и появление признаков отдаленного будущего.

Подводя итоги эмпирического исследования, отметим, что сравнение разных групп подростков позволило в определенной мере говорить о сепарации как о процессе. Учитывая тот факт, что девочки с синдромом Шерешевского-Тернера отстают в решении задач взросления, можно сравнивать их с группой нормы по выделенным нами критериям сепарации с учетом дополнительных данных, полученных в группе мальчиков. Отметим только некоторые, наиболее важные результаты. Во-первых, в процессе взросления происходит изменение образа Я, который начинает дополняться такими важными составляющими, как социальное Я. В своей магистерской диссертации Т. С. Стоделова пишет, что описание себя как человека, выполняющего определенные социальные роли, свидетельствует о более зрелой позиции девочек группы нормы, а игнорирование этой характеристики указывает на признаки инфантильности, личностной незрелости, что было выявлено у девочек с синдромом Шерешевского-Тернера. Приписывание себе социальных ролей является важнейшим показателем взросления и признаком сепарации как возможности функционировать в социуме, следуя определенным правилам.

Важным достижением возраста является усиление гендерной специфичности и определение своей позиции в континууме «фемининность–маскулинность». Именно поэтому особое внимание было уделено результатам, полученным с помощью методики «Кодирование». Интересно отметить, что различий между группами девочек по гендерным признакам, приписываемым разным объектам, установить не удалось, при этом были получены различия между мальчиками и девочками группы нормы: мальчики видят

себя маскулинными, а девочки фемининными, разница между признаками маскулинности и фемининности у мальчиков выражена больше, чем у девочек.

При проверке гипотезы о связи признаков, приписываемых Я, и признаков, приписываемых другим объектам, прежде всего, матери, было обнаружено, что в группе мальчиков и девочек (норма) наиболее тесно связаны признаки, соответствующие полу, с идентичными признаками обоих объектов – «Мужчина» и «Женщина», а признаки, противоположные полу, связаны с идентичными признаками объекта «Ребенок». Характер полученных зависимостей означает построение идентификаций в контексте *триадных отношений* и усиление за счет этих идентификаций черт, соответствующих полу: у мальчиков – маскулинных, у девочек – фемининных. Связь черт, противоположных полу (фемининных у мальчиков и маскулинных у девочек), с аналогичными чертами объекта «Ребенок» может означать их отрицание на данном этапе взросления мальчиками (кластер 4, таблица 5.7) и опосредованную интеграцию (через своего «внутреннего ребенка») девочками.

Иная картина наблюдается у девочек с синдромом Тернера: не выявлены связи между объектами «Я» и «Мужчина», но выявлены зависимости между «Я» и объектами «Женщина», «Ребенок» как по маскулинным, так и по фемининным признакам. Это указывает на построение идентификацией в *диаде* и на представление девочек о себе как о ребенке, на слитность с собственной матерью.

Сравнение групп показывает направление *процесса* сепарации в подростковом возрасте, в котором девочка или мальчик пытаются прямо или косвенно дистанцироваться от себя как от ребенка и развить свое Я через установление *связей* с близкими людьми и освоение социальных ролей. Специфика возраста раскрывается и в реакциях подростка на установление границ, а также в свободе оценки своей жизни в масштабах перспективы и ретроспективы. С нашей точки зрения, признаками внутренней сепарации в этом возрасте является *разотождествление* с ролью ребенка и отождествление себя с чертами значимых взрослых, в том числе с внутренними отцом и матерью по признакам пола, а также с ролями этих взрослых (в том числе и гендерными). Внешняя сепарация проявляется в особой реакции на ограничения, которая может частично сохраняться и в других возрастах. Это *угроза убежать из дома* или реально совершаемые уходы или *побеги из дома*, а также другие, более мягкие проявления этой реакции – нежелание разговаривать, протестное

поведение, негативизм. Безусловно, внешняя сепарация в подростковом возрасте проявляется и в высказывании зрелых суждений и в разумных поступках.

5.5. Итоги исследования сепарации в подростковом возрасте

Сепарация – процесс, который чаще всего рассматривается в связи с юношеским возрастом и ранней взрослостью, при этом одной из частых реакций на сепарацию в этот период жизни выступает реакция «могу, но не хочу». В обыденном сознании подростковый возраст как переход от детства к юности в меньшей степени соотносится с явлением сепарации, и это не совсем верно, поскольку, как утверждалось выше, сепарация представляет собой непрерывный процесс и типична, в частности, и для подростка. Однако, если сепарация юноши привычна для общества, то к сепарации подростка социум часто относится отрицательно, препятствуя его отделению (подросток «хочет, но не может»). В данном случае мы говорим о сепарации в ее общепринятом (обыденном) понимании.

С научной точки зрения, подростковая сепарация – совершенно естественный процесс, который имеет свою специфику по сравнению с другими возрастными, сохраняя общие черты этого процесса как отождествления/разотождествления, реализуемого в его внешних и внутренних проявлениях.

Для подросткового возраста заметны проявления именно *внешней сепарации*, которые вне зависимости от уровня развития подростка обнаруживают себя в так называемых «реакциях побега». В данном случае речь идет не о реальных побегах из дома, не о бродяжничестве, а о фантазиях, мыслях и словесных угрозах подростка, в которых идея побега выступает как *возможность* совершить такое действие. В условиях семьи, дома подросток стремится к уединению, завоевывая право на свое место, время, на свой выбор. С. К. Нартова-Бочавер пишет, что «подростковый возраст характеризуется пиком потребности в приватности, когда любое обращение к ребенку воспринимается как внедрение и насилие, что... трудно пережить родителям, ведь граница между любовью, воспитанием и внедрением зачастую очень тонка» (Нартова-Бочавер, 2011, с. 267).

К внешней сепарации подростка можно отнести и такие реакции, как эмоциональная изоляция, демонстрация когнитивного дефицита, мутизм. В данном случае выделенные реакции отнесены нами к нормальной психологии и выступают реакциями подрост-

ка на родительский контроль и нарушение приватности. *Эмоциональная изоляция* проявляется в ослаблении подростком проявления своих чувств в отношениях с другими людьми как стремление скрыть свое отношение к тем или иным событиям и не допустить оценки собственных реакций на эти события со стороны взрослых и значимых других (в том числе и друзей). *Демонстрация когнитивного дефицита*, т. е. скрываемая подростком понятливость, также используется им в качестве стратегии дистанцирования с целью защиты своего подхода к решению проблемы и избегания навязывания чужого мнения. *Мутизм* как нежелание разговаривать в данном случае рассматривается не столько как психиатрический или неврологический симптом, сколько как нормальная реакция ребенка на внедрение.

В целом внешние проявления сепарации, обозначенные выше, являются защитными, протестными реакциями подростка, которые, конечно, не исчерпывают всей полноты ее проявлений. При более благоприятных семейных отношениях, подросток использует такие *внешние формы сепарации*, как право на выражение собственных эмоций, право на собственное мнение, а также право на собственный выбор, на регуляцию своего времени, на планирование своей жизни, которые требуют согласования с родителями. Именно в этом нам видится *специфика подросткового возраста*, когда усиление собственного авторитета требует сопоставления с позициями других людей, примеривания к их мнению. Это значит, что в подростковом возрасте наиболее ярко проявляется тенденция спутанности отождествления и разотождествления, которая, нередко, проявляется в *амбивалентности* как внешней, так и внутренней сепарации. Как отмечалось выше, именно в период пубертата наблюдаются колебания между стремлением к автономии и потребностью в зависимости, которые обусловлены при стремлении к автономии – страхом сепарации, а при достижении зависимости – страхом перед вторжением других во внутренний мир. Внешне такие колебания выглядят как смена дистанцирования стремлением к кооперации и зависимости, и, безусловно, коррелируют с аналогичными внутренними процессами.

Во *внутреннем плане*, по данным нашего исследования, происходит разотождествление Я подростка с ролью ребенка. Связь с внутренним Ребенком остается, но она поддерживается особым образом: подросток проецирует на внутреннего Ребенка черты, не соответствующие собственной половой идентичности (мальчи-

ки – фемининные, девочки – маскулинные). Можно считать, что так происходит обесценивание роли ребенка, разотождествление с ней. Это период, когда для развивающейся личности важно укрепление половой идентичности и идентичности в целом за счет акцентирования черт, указывающих на принадлежность личности к определенной группе – к группе женщин или мужчин, к семье и семейным традициям и к другим социальным общностям, поэтому черты, не позволяющие идентифицироваться с той или иной общностью, находятся в латентном состоянии или проецируются на другие объекты. Интеграция девушками маскулинности, а юношами фемининности – задача для более старших возрастов, которая менее актуальна для подростка.

Итак, одним из проявлений внутренней сепарации в подростковом возрасте является *разотождествление с ролью ребенка*. Другой особенностью внутренней сепарации в этом возрасте является *отождествление себя с чертами значимых взрослых*, в том числе с внутренними отцом и матерью по признакам пола, а также с ролями этих взрослых. Исследование показало, что идентификация происходит в пространстве установления триадных отношений и осуществляется путем связывания Я и двух других объектов по признакам, идентичным полу, т. е. у мальчиков связываются маскулинные признаки Я, Отца и Матери, а у девочек – фемининные признаки тех же объектов. Этот результат подтверждает сделанный выше вывод о том, что подросток стремится к *отождествлению* с другими людьми, тем самым «тестируя» пространство принадлежности к миру людей для построения своей идентичности и развития автономности.

И еще одна особенность внутренней сепарации состоит в развитии личностной идентичности, в *расширении и в разнообразии признаков*, которые подросток приписывает себе. Исследование показало, что по сравнению с группой девочек с задержками полового развития девочки группы нормы описывают героев рассказов не только с точки зрения их возраста, пола, темперамента и внешности, но и с точки зрения выполнения ими *социальных ролей*. Включение в структуру идентичности социальных ролей подтверждает установленный в исследовании факт, что подростки способны к разотождествлению с Другим и к развитию автономности только при совершенном отождествлении с социальной группой, т. е. при получении представлений о своем месте в мире, о себе как о представителе определенной общности людей.

Подводя общие итоги исследования процесса сепарации в подростковом возрасте, выделим общие и специфические черты этого процесса на данном этапе взросления. *Общей особенностью процесса сепарации является развитие внутренних процессов сепарации и их соотношения с ее внешними проявлениями.* Так же как и в других возрастах, сепарация проявляется в совместном осуществлении процессов отождествления с другими людьми и разотождествления с ними, а также с собой во временной перспективе. *Спецификой возраста является наличие выраженной амбивалентности стремления к отделению и потребности в зависимости, которая проявилась как во внешней, так и во внутренней сепарации.* Для внутренней сепарации оказалось типичным разотождествление с ролью ребенка, отождествление с чертами значимых взрослых, в том числе с внутренними отцом и матерью по признакам пола, а также с ролями этих взрослых, и расширение представлений о себе в целом, вследствие включения в личностную идентичность социальных ролей. Внешняя сепарация в подростковом возрасте проявляется в целой совокупности поведенческих, эмоциональных и когнитивных реакций, которые при наличии жесткого родительского контроля обнаруживают себя в реакциях побега, эмоциональной изоляции, демонстрации когнитивного дефицита, мутизме, а при менее строгих требованиях – в праве на выражение собственных эмоций, праве на собственное мнение, а также в праве на собственный выбор, на регуляцию своего времени, на планирование своей жизни.

Подчеркивая важность соотношения отождествления и разотождествления при осуществлении процессов сепарации, мы склонны рассматривать их как два относительно независимых процесса, которые совершаются в определенной последовательности, очередности. Указывая на амбивалентность как на существенную черту подросткового возраста, мы хотели показать, что в данном случае отождествление и разотождествление могут обнаруживаться одновременно и вступать в конфликтные отношения, затрудняющие развитие автономии подростка.

ГЛАВА VI

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СЕПАРАЦИЯ В ЮНОСТИ

В этой главе будут рассмотрены возрастные границы юности и проведен выборочный обзор психологических подходов к сепарации–индивидуации в юношеском возрасте с акцентом на том, какова роль родительской семьи в формировании личной автономности и психологической зрелости, какие общие механизмы формирования идентичности включены в содержание процесса сепарации–индивидуации и развития личности в юности.

6.1. Характеристика и границы юношеского возраста

Юность – определенный этап созревания и развития человека, лежащий между детством и взрослостью. Слово «юность» обозначает фазу перехода от детства к самостоятельной и ответственной взрослости, завершения физического, в частности полового, созревания, а с другой – достижение социальной зрелости, которая невозможна без сепарации и автономности личности, без ее суверенности и индивидуализации.

Юношеским возрастом в отечественной психологии часто считается возраст 17–21 года для юношей и 16–20 лет для девушек, тогда как в западных зарубежных концепциях преобладающей является традиция объединения подростничества и юности в единый возрастной период, называемый периодом взросления, содержанием которого и является переход от детства к взрослости; рамки этого периода расширены от 12–14 до 25 лет (Ремшмидт, 1994).

В зарубежных теориях возрастных периодизаций указываются разные хронологические периоды подростничества и юности: от 13 до 22 лет как период перехода от детства к взрослости (С. Холл), 13–19 лет у девочек и 14–22 года у мальчиков (Э. Шпрангер), 12–15 лет

(Ж. Пиаже), 13–19 лет (Э. Эриксон). Немецкий психолог Эдуард Шпрингер делит юность на две фазы: 14–17 лет и 17–21 год. Первая фаза характеризуется кризисом, содержанием которого является освобождение от детской зависимости, вторая – кризисом «оторванности» (Обухова, 1998).

В отечественной психологии юность – период в развитии человека, соответствующий переходу от подросткового возраста к самостоятельной взрослой жизни. Хронологические границы юности определяются в психологии по-разному, наиболее часто выделяют раннюю юность, т. е. старший школьный возраст (от 15 до 18 лет), и позднюю юность (от 18 до 23 лет) (Петровский, Ярошевский, 1990). К концу юношеского периода завершается физическое созревание. Психологическое содержание юности связано с развитием самосознания, решением задач профессионального самоопределения и вступлением во взрослую жизнь. В юности преодолевается свойственная предшествующим этапам онтогенеза зависимость от взрослых и утверждается самостоятельность личности. В отношениях со сверстниками при сохранении большой роли коллективно-групповых форм общения нарастает значение индивидуальных контактов и привязанностей. Юность – напряженный период формирования нравственного сознания, выработки ценностных ориентаций и идеалов, устойчивого мировоззрения, гражданских качеств личности (Психология. Словарь, 1990, с. 473).

Юность, как отмечает В. С. Мухина, – период жизни после отрочества до взрослости (возрастные границы условны – от 15–16 до 21–25 лет). Это период, когда человек может пройти путь от неуверенного, непоследовательного отрока, притязающего на взрослость, до действительного повзросления. Именно в юности происходит становление человека как личности, когда молодой человек, пройдя сложный путь идентификации, уподобления другим людям, присвоил от них социально значимые свойства личности, способность к сопереживанию, к активному нравственному отношению к людям, к самому себе и к природе; способность к усвоению конвенциональных ролей, норм, правил поведения в обществе и др. (Мухина, 1999).

Таким образом, для юношеского возраста особенно важны процессы развития самосознания, динамика саморегуляции. Это связано с тем, отмечает Р. Бернс, что путь юношеского развития – это путь социализации и освоения новых социальных ролей, нередко сопряженный с метаниями, неуверенностью, непоследовательностью,

конфликтами и другими трудностями ролевого выбора. Центральной проблемой в этом возрасте становится формирование идентичности и начало самостоятельной жизни (Бернс, 1986, с. 174–177).

Огромное влияние на представление о юношестве и значении этого периода для сепарации личности оказали взгляды Э. Эриксона. Используемое им понятие «кризис идентичности» получило широкое признание (Эриксон, 1996). Чувство идентичности и автономии формируется у юноши постепенно. Его источником служат различные идентификации, уходящие корнями в детство. Нередко случается, что молодой человек, достигший возраста, в котором выбор идентичности становится необходимым, реально оказывается к этому не способен (Бернс, 1986, с. 193–195).

М. Лифшиц считает, что в детстве формирование идентичности находится в тесной зависимости от последовательных сопоставлений ребенком самого себя с отцом и матерью (Lifshitz, 1975). Однако в юности, как подчеркивает Р. Бернс, индивид стремится к переоценке самого себя в отношениях с близкими людьми и с обществом в целом – в физическом, социальном и эмоциональном планах (Бернс, 1986, с. 196).

Главная опасность, которой, по мнению Э. Эриксона, должен избежать в этот период молодой человек, является размывание чувства своего Я. Эриксон указывает четыре основные линии развития диффузной идентичности: уход от близких взаимоотношений или избегание психологической интимности; утрата чувства времени, обнаруживающая себя как неспособность строить жизненные планы, страх взросления и перемен; размывание способности к продуктивной работе, выражающейся в неумении мобилизовать свои внутренние ресурсы и сосредоточиться на важной деятельности; негативная идентичность, проявляющаяся как отказ от самоопределения и стремление к асоциальному поведению (Эриксон, 1996).

Судя по имеющимся, к сожалению, довольно малочисленным эмпирическим данным, можно утверждать, что все юноши и девушки начинают с периода относительно диффузного, расплывчатого Я, затем проходят стадию «ролевого моратория», длительность которой может быть неодинаковой у разных людей и в разных видах деятельности; завершается же социально-психологическое и личностное самоопределение уже за пределами школьного возраста, в среднем между 18 и 21 годами (Основы общей и прикладной акмеологии, 1995, с. 285).

Авторы зарубежных исследований (Дж. Марсиа, А. С. Ватерман и др.) утверждают, что на протяжении обучения в колледжах количество студентов с размытой идентичностью сокращается, а количество студентов, достигших идентичности, соответственно, возрастает. Кроме того, отмечается, что у студентов с развитой идентичностью самооценка является в среднем выше, чем у представителей других категорий студентов (Marcia, 1980; Waterman, 1982).

Как утверждает Э. Эриксон, важнейшими заботами юноши являются выбор жизненного пути и создание своей семьи (Эриксон, 1996). При этом существуют половые различия в процессе поиска идентичности. Например, если юноши выбирают для себя конкретные занятия и профессиональные роли, согласующиеся с их вкусами, интересами и способностями, то для девушек выбор профессии или рода деятельности не столь важен. То, что для юношей является выбором жизненного пути, для девушек выступает скорее как ясная концепция своей будущей женской роли или как стремление к женственности, к умению по-женски строить межличностные отношения (Бернс, 1986, с. 211). Обращение к проблеме идентичности, как отмечает Р. Бернс, подразумевает наличие единого нормативного кризиса юношеского возраста.

Понятие «кризис юности» описывали Л. С. Выготский, Л. И. Божович, И. С. Кон, А. В. Петровский, Д. Б. Эльконин, Э. Эриксон и другие авторы как своеобразный «кризис рождения», обозначающий переход на другую, качественно новую ступень развития личности – переход от персонализации к индивидуализации, от осознания своего «Я» – к осознанию своего места в мире. Моментом этого перехода условно обозначается совершеннолетие – 18 лет. Благодаря такому переходу происходит формирование так называемого «интегративного самосознания».

Важно отметить, что кризис юности – это еще и переход от юности к молодости; от утверждения и реализации самобытности своего Я в среде сверстников – к становлению событийности в самостоятельной жизни, к рождению жизненной перспективы; от стадии освоения в социуме – к стадии принятия на себя новых обязанностей, ролей, ответственности за свою жизнь (Психология. Словарь, 1990, с. 180).

Переживания юношеского кризиса связаны с обнаружением того, что в содержании своего Я есть в основном то, что присвоено из внешней культуры, и в меньшей степени то, что принадлежит самому индивиду. Понять свою самость – это, прежде всего, усмотреть

реть идеальную, самоценную, очевидно осмысленную необходимость бытия (Бойко, Ковалева, Панферова, 1983).

Не стоит забывать, что любой возрастной кризис – это не только острое состояние неудовлетворенности, но и поисковая активность, направленная на выход из этого состояния. «Ведь стать взрослым – это взять на себя обязательства, усвоить социальные нормы и запреты, принять долг любви, материнства или отцовства. Это все – тяжелый ежедневный труд, исполняемый не столько по желанию и в соответствии с принципом удовольствия, сколько по чувству долга и в соответствии с принципом объективно необходимого» (Самоукина, 2000, с. 81).

Л. С. Выготский тоже отмечал существование кризиса 17 лет, знаменующего выход человека в самостоятельную жизнь. Основной критерий развития – центральное новообразование переходного возраста – социальное сознание, перенесенное во внутренний план (Выготский, 1983а). Именно поэтому Р. Мэй писал: «Мы должны создать для нашей молодежи такую социальную программу, при которой они бы оставались самими собой и которая приносила бы им удовлетворение. Такая общественная деятельность способствовала бы укреплению душевного здоровья личности» (Цит. по: Андреева, 1994, с. 19).

В юности особенно возрастает необходимость как в новом опыте, так и в признании, в защищенности, в сопереживании. Поэтому возрастает потребность в общении с людьми, потребность быть принятым ими и чувствовать уверенность в их признании. Это необходимо для решения тех проблем, которые свойственны юношескому возрасту и решить которые можно лишь в общении с окружающими. Многие исследования свидетельствуют о том, что эффективное решение проблем самосознания, самоопределения, самоутверждения невозможно вне общения с окружающими людьми, без их помощи (В мире подростка, 1980, с. 270).

Г. С. Абрамова характеризовала юность как период выраженных социальных потребностей. Потребность в дружбе, в подтверждении возможности осуществления собственного Я находит свой предмет (другого) в момент встречи. Главное переживание, которое ее характеризует, – это узнавание близости этого человека себе, своему Я. Иногда его описывают как разрыв, как скачок в обычном течении жизненных будничных событий. Беседа с другом позволяет осознать, кто Я есть на самом деле. Человек может быть самим собой только в соотношении с тем, что он сам о себе думает. Познавая дру-

га, человек познает себя. Именно друг своим присутствием в жизни как бы гарантирует независимое существование Я (Абрамова, 1999).

Социальная ситуация развития – исходный материал для всех динамических изменений. Л. И. Божович в структуре социальной ситуации выделяет как внешние социальные условия – выход в самостоятельную жизнь, так и внутренний процесс развития, определяющий становление личности, – поиск своего места в жизни. Центральное новообразование личности – возникновение жизненной перспективы, а основная потребность – потребность в самоопределении (Божович, 1968). Родители часто вмешиваются в процесс выбора профессии и жизненного пути своих детей, особенно когда наблюдается размытость, диффузность границ в семье. Отсюда и конфликты, в которых дети пытаются отвоевать свой суверенитет.

Д. Б. Эльконин отмечал, что ведущей деятельностью в юношеском возрасте становится учебно-профессиональная: молодой человек «ищет себя» в избранной им профессиональной сфере. Причем, если в ранней юности наблюдается скачок в развитии операционной сферы (овладение навыками, умениями, приобретение профессиональных знаний), то в более поздние сроки происходит развитие мотивационной сферы (постижение основных смыслов человеческой деятельности, освоение целей и норм взаимоотношений) (Эльконин, 1980), а значит и формирование собственной идентичности.

От детства к юности и от юности к зрелости человек яснее осознает свою индивидуальность, свои отличия от окружающих и придает им больше значения, так что образ Я становится одной из центральных установок личности, с которой она соотносит все свое поведение. Юношеское самоопределение (ориентировка и определение своего места во взрослом мире) – очень важный этап формирования личности. Однако до тех пор, пока это самоопределение не проверено практикой, его нельзя считать прочным и окончательным.

Юношество – это период жизни, когда человек стремится занять внутреннюю позицию взрослого человека, осознать себя в качестве члена общества, определить себя в мире, т. е. понять себя и свои возможности наряду с пониманием своего места и назначения в жизни. Однако ориентация на взрослые ценности и сравнение себя со взрослыми зачастую заставляют юношу снова видеть себя относительно маленьким, несамостоятельным. При этом в отличие от ребенка он уже не считает такое положение нормальным и стремится его преодолеть. Отсюда противоречивость чувства взрослости – юноша пре-

тендует быть взрослым и в то же время знает, что уровень его притязаний далеко не во всем подтвержден и оправдан (Савастенок, 2010).

Одна из характерных особенностей юношеского возраста – развитие интереса к себе и своему внутреннему миру, который стимулирует процесс самопознания. Результатом этого процесса является формирование идентичности, которая включает, в частности, представления о своих способностях решать основные социальные задачи взрослой жизни.

6.2. Отношения с родителями в период юности: привязанность, конфликтная независимость, сепарация

Сопоставительный анализ литературы, посвященной психологии поздней юности (Божович, 1968; Бернс, 1986; Выготский, 1982–1984; Мухина, 1999; Эльконин, 1980; Эриксон, 1996; Perry, 1970; и др.) показывает, что названными авторами получены данные, касающиеся личностных новообразований, темпов психического и физического развития, процесса сепарации и социализации, решения проблем личностного и профессионального самоопределения, изменения внутреннего мира личности, способностей, межличностных отношений и др.

В юности сильнее всего выражена потребность быть в согласии с самим собой, бескомпромиссность, жажда полного и безоглядного самораскрытия, благодаря которым происходит формирование индивидуальности и неповторимости. Однако известная неустойчивость представлений о собственном Я рождает желание проверить себя путем разыгрывания каких-то несвойственных молодому человеку ролей. Юношество страдает от того, что у него не хватает средств и возможностей выразить свой внутренний мир, самореализоваться. Но его проблема – не столько в недостатке средств, сколько в недостаточно сформированной субъектности, в реальной неясности, незавершенности собственного Я.

Поздняя юность является самым важным периодом социализации. Психологи разных областей, описывая динамику социальных характеристик, отмечают в этом возрасте появление собственной семьи, уход из родительского дома, рождение первого ребенка, освоение профессиональных ролей, установление круга знакомых, связанных с работой. Таким образом, существенные изменения носят не только количественный, но и качественный характер, и, что особенно важно, по многим функциям прослеживается скачкообраз-

ный характер изменений (Основы общей и прикладной акмеологии, 1995).

В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев выделяют пять основных ступеней развития субъектности человека: оживление, одушевление, персонализацию, индивидуализацию, универсализацию. Данные ступени имеют примерные временные границы возрастных интервалов и являются базисными стадиями развития субъектности (Слободчиков, Исаев, 2000).

В юношеском возрасте человек переходит на ступень индивидуализации. С этого перехода и начинается кризис юности, связанный с отделением от родителей и выбором своего собственного жизненного пути, который не всегда проходит гладко и бесконфликтно. Новый этап в жизни юноши начинается с поступления в профессиональные учебные заведения начального, среднего и высшего уровня или началом собственной трудовой деятельности. Однако внешняя сепарация от родительской семьи будет иметь свои особенности для юношей и девушек, выбравших трудовую деятельность и для желающих продолжить образование. Выбранный уровень образования также может отразиться на протекании процесса сепарации–индивидуации.

Начало самостоятельной жизни начинается с воплощения своих жизненных планов. Однако планы не всегда реализуются так, как задумано молодыми людьми. Например, юноши и девушки могут не поступить в желаемое учебное заведение с первой попытки. И тогда им может показаться, что произошло непоправимое – катастрофа их надежд и планов. Недостижение поставленных целей переживается очень тяжело, так как появляется необходимость начинать заново работу по самоопределению и выбору нового жизненного пути. Часть юношей и девушек продолжают настаивать на своем выборе и откладывают поступление в вузы на следующий год. Другие выбирают учебные заведения, где меньше конкурс, меняют свой первоначальный выбор. Однако этот путь таит в себе опасность последующего разочарования.

Свои опасности и трудности подстерегают юношей и девушек, поступивших в учебные заведения и подтвердивших тем самым свои жизненные планы. Достижение первоначальной цели приносит удовлетворение. Но у тех, кто выбрал профессию не вполне продуманно, в дальнейшем часто возникают трудности: один не справляется с учебой, другой разочаровывается в специальности, третий сомневается в правильности выбора вуза. Процесс адаптации первокурс-

ников к вузу обычно сопровождают отрицательные переживания, связанные с уходом вчерашних учеников из школьного коллектива с его взаимной помощью и моральной поддержкой; неподготовленностью к обучению в вузе; неумением осуществлять психологическое саморегулирование собственного поведения и деятельности, усугубляемое отсутствием привычного, повседневного контроля педагогов; поиском оптимального режима труда и отдыха в новых условиях; налаживанием быта и самообслуживания, особенно при переходе из домашних условий в общежитие и т. п. (Основы педагогики...1986).

Исследование В. Перри, посвященное проблемам студенческого возраста, показало, что в период обучения студенты продвигаются от начального дуализма к терпимости по отношению к множеству соперничающих точек зрения, к формированию самостоятельно выбранной позиции. По мнению автора, эта последовательность изменений в мышлении студентов представляет собой типичный образец интеллектуального развития, характерный для процесса сепарации в период поздней юности (Perry, 1970).

Имеющиеся исследования по психологии юношества демонстрируют зависимость различных аспектов сепарации личности от семейных условий в прошлом и настоящем. В восьмидесятые годы XX века исследования, посвященные проблеме развития личности, привязанности к родителям и сепарации–индивидуации в юношеском возрасте, проводились в основном зарубежными учеными. Были выделены четыре отдельных аспекта процесса сепарации в юношеском возрасте: *функциональная самостоятельность* (предполагает возможность жить отдельно от родительской семьи, финансовую независимость личности, умение своими силами обеспечивать себя, а со временем и свою семью), *независимость взглядов* (способность юноши оценивать окружающий мир не родительскими категориями, а своими собственными, формировать собственные суждения, позицию, базирующуюся на его опыте), *эмоциональная независимость* (уменьшение зависимости от родительского одобрения или неодобрения) и *конфликтная независимость* (свобода от чрезмерных чувств вины, тревоги, недоверия, ответственности, заторможенности, негодования и гнева по отношению к родителям) (Hoffman, 1984).

Юношеский возраст характеризуется сменой значимых лиц и трансформацией отношений со взрослыми. «Мы и взрослые» – одна из постоянных тем юношеской рефлексии. Первостепенной по-

требностью юношества становится избавление от чрезмерных опеки и контроля со стороны родителей, родственников, учителей и других взрослых, а также от предписанных ими ценностей, правил, норм, распорядка дня, поэтому развитие идентичности и внешняя/внутренняя сепарация, предполагающая изменение отношений с родителями, отношения к себе, расценивается обществом как основная задача юношеского возраста, связанная с приобретением психологической зрелости. Так, Р. Арнштейн (1980), А. Чикеринг (1969) и др. подчеркивают важность развития самостоятельности и индивидуальности юношей и девушек как ключевую задачу, стоящую перед студенчеством (Arnstein, 1980; Chickering, 1969).

В 1970-х и 1980-х годах исследования показали, что студенты с более высоким уровнем сепарации–индивидуации лучше академически и социально адаптированы в университете, у них наблюдается уменьшение симптомов одиночества или депрессии (Hoffman, Weiss, 1987; Lapsley, Rice, Shadid, 1989; Levine, Green, Millon, 1986; Lopez, Campbell, Watkins, 1986; Rice, Cole, Lapsley, 1990). В этих исследованиях, сепарация – индивидуация была определена в основном как отсутствие негативных чувств по отношению к процессу сепарации, в том числе таких чувств, как чувство тревоги, вины, или ожидания отказа.

С 1986 г. Л. Штейнбергом и С. Силвербергом вводится термин «эмоциональной автономии» для описания аффективного отделения юношей от своих родителей (Steinberg, Silverberg, 1986). Авторы создают шкалу для ее измерения, и ряд исследователей ведут споры вокруг значений, которые должны быть отнесены к эмоциональной автономии. Некоторые авторы психоаналитического направления считают нормальным и желательным отделение юношей и девушек от своей родительской семьи по достижении половой зрелости, исследования других ученых, таких как Р. Райан и Дж. Линч показали, что высокая степень эмоциональной автономии может указывать на ранний опыт недостаточной поддержки и любви со стороны родителей. Такой опыт приводит к формированию ненадежной привязанности к родителям и может стать препятствием для полноценного развития личности в юношеском возрасте (Ryan, Lynch, 1989).

По мнению Леви, Блатта и Шавер, «...привязанность представляет собой динамический процесс, который способствует развитию личности путем предоставления эмоциональной поддержки, необходимой для здоровой автономии» (Levy, Blatt, Shaver, 1998, с. 417).

Так, Э. Левитс-Джонс и Я. Орлофски установили, что от удовлетворительного решения вопросов сепарации–индивидуации в юношеском возрасте зависит умение молодых людей устанавливать близкие отношения с окружающими людьми. Участники проведенного ими эксперимента с низкими показателями по шкале привязанности продемонстрировали низкие показатели индивидуальности и самостоятельности, свидетельствующие о нарушении процесса сепарации–индивидуации, и высокие показатели склонности к депрессии из-за потери привязанности (Levitz-Jones, Orlofsky, 1985).

Нарушение процесса сепарации–индивидуации в юношеском возрасте может быть спровоцировано межличностными конфликтами в семье, которые, как доказали Дж. Хоффман и Б. Вайс, приводят к возникновению проблем и внутриличностному конфликту как у родителей, так и у их взрослеющих детей (Hoffman, Weiss, 1987).

Особенно актуальной для этого возрастного периода оказалась проблема сепарации в отношениях с родителями и адаптации к новому учебному заведению. Для многих молодых людей поступление в высшее учебное заведение является одним из первых крупных переходов в жизни. Этот переход представляет серьезные проблемы для сепарации–индивидуации и привязанности. Что касается сепарации–индивидуации, то молодым людям часто приходится физически отделяться от родителей (внешняя сепарация), строить свою идентичность и карьеру, справляться с бытовыми ежедневными обязанностями, которые сопровождаются более независимым и коллегиальным образом жизни. Следовательно, вопросы самодетерминации, зависимости и автономии, скорее всего, становятся одной из самых острых проблем юности.

Д. Лапслей и др. проверили, как протекает процесс сепарации от родителей у студентов колледжа, проживающих отдельно от родителей, в отличие от старшеклассников, проживающих в родительской семье. Авторы исследования установили, что студенты-первокурсники в отличие от старшеклассников демонстрируют большую психологическую зависимость от матери и отца и низкую социальную, личностную и эмоциональную адаптацию. Они обнаружили тесную прямую связь между автономией и эмоциональной независимостью от матери или свободой от ее одобрения/неодобрения, а также между автономией и конфликтной независимостью или свободой от чрезмерных чувств вины, тревоги, недоверия, ответственности, заторможенности, негодования и гнева по отношению

к отцу. При этом были обнаружены и гендерные различия в протекании процесса сепарации, а именно: девушки склонны проявлять большую психологическую зависимость от родителей, чем юноши (Lapsley, Rice, Shadid, 1989).

Процесс сепарации и изменение отношений с родителями, а также адаптация к колледжу и учебному процессу сложнее протекает у девушек-первокурсниц колледжа с ненадежной привязанностью к родителям. В частности, это показано в исследованиях Кенни и Дональдсона (Kenny, Donaldson, 1991); выявлен высокий уровень тревоги по поводу обособления от родителей. Надежная родительская привязанность в сочетании с полноценной семейной структурой, наоборот, способствует процессу индивидуации девушек и более эффективной их адаптации (Holmbeck, Wandrei, 1993).

Время является одним из факторов, способствующих процессу сепарации в отношениях с родителями. По данным К. Риса, который обследовал студентов-первокурсников в начале и в конце учебного года, процесс болезненной сепарации у юношей и у девушек завершился в течение первого года обучения (Rice, 1992).

Д. Шульцхайс и Д. Блуштайн, исследуя формирование личности в юности, показали, что сочетание привязанности и сепарации–индивидуации для девушек было лучшим предиктором формирования личности, однако для юношей только сепарация – индивидуация была связана с формированием личности. Студенты, у которых выражена надежная привязанность к своим родителям, имеют больше друзей и меньше переживают чувство одиночества, тревоги и депрессии (Schultheiss, Blustein 1994a, 1994b).

Напротив, те юноши/девушки, которые стремятся слишком быстро сепарироваться (т. е. в данном случае отделиться) от своих родителей, дистанцируются и от сверстников и подвергаются повышенному риску развития проблемного поведения (Ryan, Lynch, 1989).

В разных культурах процесс сепарации в юности и изменение отношений с родителями могут иметь свои особенности, так как в одних культурах тесная психологическая связь с родителями по типу зависимости будет считаться идеалом, а в других – маркером дисфункции. Именно поэтому необходимы дополнительные исследования различных культурных моделей сепарации. В одном из таких исследований при изучении связи культурной составляющей, в частности корейского коллективизма и американского индивидуализма, с процессами психологической сепарации–индивидуации и адаптации к учебному заведению было установлено, что конфликтная не-

зависимость от родителей имеет обратную связь с индивидуализмом и прямую сильную связь с адаптацией к колледжу. Результаты по шкале «общая независимость от родителей» в корейской выборке отрицательно связаны с результатами по шкале «коллективизм» и с адаптацией к колледжу. Коллективизм напрямую связан с адаптацией к колледжу (Choi, 2002).

Совместный вклад материнской и отцовской привязанностей в сепарацию – индивидуацию изучали Дж. Матана с соавт. (Matanah, Hancock, Brand, 2004). Они проверяли наличие связи между родительской привязанностью, уровнем сепарации–индивидуации и адаптацией студентов к обучению в колледже. Авторы сравнивали данные по привязанности к отцу и матери с данными по сепарации–индивидуации и по трем показателям студенческой адаптации (социальной, академической и личностно-эмоциональной) на выборке из 404 студентов колледжа, средний возраст – 20,57 лет. Было установлено, что сепарация–индивидуация полностью опосредует связь привязанности к родителям с тремя показателями адаптации. При этом Дж. Маттана и др. обнаружили, что привязанность к матери сильнее, чем привязанность к отцу, и поэтому изменение отношений с матерью и достижение определенного уровня сепарации–индивидуации происходит дольше по сравнению с достижением сепарации–индивидуации в отношениях с отцом. Это открытие позволило им сделать вывод, что на процесс сепарации–индивидуации студентов больше влияет качество привязанности к матери. При этом сепарация–индивидуация рассматривается ими как процесс развития, который начинается с отделения от родителей, сверстников и других значимых людей, а затем распространяется на создание согласованного, автономного управления самим собой.

Кроме этого, Дж. Маттана, Ф. Лопес, Дж. Говерн проанализировали результаты 156 исследований, проведенных в период с 1987 по 2009 г. ($n=32969$), в которых рассматривались взаимосвязи между качеством родительской привязанности, адаптацией и сепарацией–индивидуацией в студенческие годы. В целом ими была обнаружена связь между показателями качества родительской привязанности и благоприятным исходом адаптации дифференцированно для матери и отца независимо от пола участников исследования, их этнической принадлежности и гражданства. Качество привязанности несколько варьировалось в зависимости от задач развития, показывая самые сильные связи с задачами сепарации–индивидуации. Оказалось, что студенты, проживающие отдельно от своих родите-

лей, по сравнению со студентами, проживающими дома с родителями, имеют более сильные связи между качеством привязанности (ее надежностью) и адаптацией (Mattanah, Lopez, Govern, 2011).

Следовательно, процесс сепарации–индивидуации для проживающих отдельно от родителей студентов имеет свои особенности. Например, при исследовании психологической защиты студентов-первокурсников было выявлено, что студенты, проживающие с родителями, используют такие механизмы психологической защиты, как проекция, отрицание и компенсация, в то время как проживающие в общежитии студенты активно используют только проекцию. Остальные механизмы психологической защиты студентов-первокурсников активизируются адекватно ситуациям, требующим включения защиты. Значит, если юноша проживает отдельно от родителей, то он начинает строить свою жизнь самостоятельно, чувствует себя хозяином своей жизни и быстрее взрослеет. Чем дольше родители не отпускают своего ребенка в его собственную жизнь, тем сильнее усугубляется конфликт между родителями и юношей. В результате ему труднее принять на себя полную ответственность за свои поступки и совершаемые действия и юноша более активно прибегает к психологической защите (Рубченко, Сергеева, 2010).

Особо стоит отметить связь сепарации–индивидуации с разными аспектами психологического здоровья/нездоровья личности в период юности. В частности, в некоторых исследованиях было обнаружено, что проблемы психического здоровья часто наблюдаются у лиц, которые в процессе сепарации–индивидуации не в состоянии достигнуть чувства психологической обособленности в отношениях с родителями. Были выявлены такие проблемы психического здоровья, как социальная фобия и генерализованное тревожное расстройство (Puliafico, Comer, Kendall, 2007) у юношей и девушек, депрессия (Levitz-Jones, Orlofsky, 1985; Lopez, Campbell, Watkins, 1986) и расстройство пищевого поведения (Humphrey, 1989; Friedlander, Siegel, 1990) только у девушек.

Затруднения, которые юноши и девушки испытывают при осуществлении сепарации – индивидуации, отражаются и на профессиональном самоопределении личности. М. Карен установила, что стремление к сепарации в отношениях с родителями влияет на построение девушками профессиональной карьеры. У девушек с надежной привязанностью к своей матери и выраженным стремлением к независимости была выявлена заинтересованность в высоких карьерных достижениях; они выбирали профессии в соответствии

со своими способностями и чувствовали себя очень эффективными в отношении выбора карьеры (Karen, 1996).

Таким образом, задача развития для молодых людей заключается в том, чтобы гибко управлять текущей диалектикой между личной автономией и привязанностью, избегая нежелательных результатов слияния и симбиоза, с одной стороны, и полной отстраненности в отношениях и изоляции, с другой.

Необходимо обратить внимание на то, что в нескольких рассмотренных выше исследованиях только один аспект сепарации–индивидуации, – а именно *конфликтная независимость* (свобода от чрезмерных чувств вины, тревоги, недоверия, ответственности, заторможенности, негодования и гнева по отношению к родителям), – более тесно связан с различными адаптационными показателями (например, Hoffman, Weiss, 1987; Lapsley, Rice, Shadid, 1989; Lopez, Campbell, Watkins, 1986; Rice, Cole, Lapsley, 1990). Этот аспект сепарации–индивидуации является наиболее сильным предиктором надежной привязанности к родителям и адаптации к колледжу в отличие от других аспектов сепарации–индивидуации, таких как поведенческая, эмоциональная или функциональная независимости.

Однако результаты других исследований (Laible, Carlo, Raffaelli, 2000) противоречат предыдущим данным и показывают, что оптимальное соотношение между привязанностью и автономностью может наблюдаться и при конфликте с обоими родителями. Когда юноши/девушки поступают в профессиональные учебные заведения, то они могут начать доверять своим сверстникам, чтобы исследовать личные ценности. Результаты исследования показали, что в юношеском возрасте привязанность к сверстникам может быть более важной, чем привязанность к родителям. Вполне возможно, чтобы процесс сепарации протекал успешно, молодым людям необходимо установить доверительные отношения со сверстниками, которые будут способствовать более эффективному протеканию процесса разотождествления с прежними стратегиями взаимодействия с родителями и отождествления с новыми стратегиями.

Следовательно, конфликт с родителями может быть иногда необходимым, чтобы успешно развивать автономность, пока юноша находится в процессе позитивного общения со сверстниками и при отсутствии отчуждения с их стороны.

Хочется отметить, что не всегда конфликт протекает конструктивно, и тогда юношеско-родительские отношения приобретают ха-

раक्टर военных действий. Наиболее часто в основе конфликтного взаимодействия в ранней юности лежит:

- 1) внешний вид молодых людей и их режим дня (Hill, 1987);
- 2) снижение успехов в учебе, формальное отношение к ней или вообще отказ от нее;
- 3) дружба со сверстниками, которых семья не одобряет (Елизаров, 1995);
- 4) алкоголизация, прием наркотиков, токсикомания, курение в юношеском возрасте;
- 5) раннее начало сексуальных отношений (Hill, 1987; Елизаров, 1995);
- 6) уход из дома для поиска решения своих проблем вовне (Дружинин, 2000).

Сепарация рассматривается как неизбежный аспект развития юношей, тем не менее она может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Внешняя сепарация может представляться необходимым, но недостаточным шагом к независимости или автономии, она может подготовить почву, но не определяет индивидуацию, в частности уверенность в себе и саморегуляцию. Внешняя сепарация может сопровождаться потерями и отделением относительно зависимой личности от объекта руководства, привязанности или заботы. В связи с этим следует специально подчеркнуть, что такие формы отрыва от семьи часто связаны с опытом родительской поддержки и признания, который не только не способствует независимости и автономии, но фактически может помешать укреплению идентичности и формированию позитивной самооценки (Ryan, Lynch, 1989).

Сепарация юноши и опыт построения новых отношений с родительской семьей – сложный и обычно длительный процесс. Родители, чрезмерно заботясь о своем «ребенке», мешают ему выбрать свой собственный путь, понять свои желания и потребности. Отделение от родителей – это естественный ход жизни, но в разных семьях он протекает по-разному в зависимости от состава семьи, ее материального положения, от взаимоотношений между ее членами. Чем более кризисным будет отделение, тем более проблемными будут отношения между родителями и уже взрослыми детьми (Савастенок, 2010).

К изменению отношений с родителями в процессе психологической сепарации должны быть готовы обе стороны – не только ре-

бенок, но и родитель. Согласно мнению Э. Фурман, обычно матери, а не дети более болезненно переживают моменты сепарации (Furman, 1982). И тогда они неосознанно прибегают к лучшему способу замедлить и отсрочить сепарацию: внушению ребенку мысли о его несамостоятельности, слабости, нежизнеспособности. Это приводит к тому, что возникает созависимость детей и родителей, особенно детей и матерей в силу большей привязанности друг к другу, но качество этой привязанности страдает. Важным признаком созависимости является употребление родителями местоимения «мы» при описании жизнедеятельности своих детей. Например, мама, рассказывая об успехах своего ребенка (ученика старших классов школы), может говорить: «Мы сегодня в школе получили пятерку по русскому языку». Созависимость появляется тогда, когда чувство целостности личности исходит от другого лица, в частности от одного или обоих родителей.

Проблемы, которые может вызвать такая созависимость у детей, достаточно разнообразны: невозможность самоопределения, игнорирование своих потребностей, недовольство окружающим миром или внутренний спор со своими родителями, постоянное стремление контролировать себя и окружающих и стремление к самоутверждению, в крайних случаях социофобия и депрессия. Исследования показывают, что люди с депрессивными расстройствами очень зависимы. Из детских переживаний у них сформировались устойчивые ассоциации: с одной стороны, потеря любви приводит к независимости; с другой стороны, любовь возможно обрести вновь, если стать зависимым от другого (Штейнберг, 1998).

В отношениях созависимости родители редко делают первый шаг к сепарации. Это чаще прерогатива детей. Их первым шагом на пути освобождения от зависимости является ее осознание, а также осознание необходимости и обязанности стать свободными. Однако у некоторых детей уходят годы и десятилетия на то, чтобы дать понять своим родителям, что «ребенок тоже человек» и ему нужна свобода самоопределения. И тогда кто-то «спасается бегством» – уходит из родительской семьи и почти разрывает отношения, кто-то укрепляет силу воли и чувство юмора в отношениях с родителями, кто-то предпочитает так и не решать проблемы с сепарацией: и тогда решать эти проблемы придется уже его собственным детям, что подтверждает теория семейных систем М. Боуэна. В своей концепции дифференциации Я Боуэн утверждает, что когда требуется принять решение, руководствоваться своими принципами и целя-

ми, то чем выше дифференциация, тем лучше функционируют люди. Они более гибки, адаптивны к стрессам и более свободны от всех видов проблем. Недифференцированность Я родителей наносит вред детям. Такие родители чрезмерно вовлекают в родительские взаимоотношения ребенка в ущерб решения стоящей перед ним задачи построения собственной идентичности. Следовательно, уровни недифференцированности передаются не только от родителей к детям, но играют роль семейных сценариев, которые передаются из поколения в поколение (Боуэн, 2008).

Влияние предыдущих поколений может стать причиной многих юношеских конфликтов в случае невозможности адекватной сепарации–индивидуации в своих семьях. Содержание таких конфликтов часто связано с подобными проблемами членов семьи и в предыдущих поколениях. Когда юноши бросают вызов истории семьи, ее традициям и ценностям, членам семьи нужно развить навыки ведения переговоров с целью пересмотра семейных норм, ролей и отношений. Эти переговоры и пересмотр послужат эффективной адаптации личности к окружающей действительности, а также станут поощрением процесса сепарации–индивидуации в ранней юности. Важно учитывать и влияние сиблингов, особенно когда один ребенок считается «хорошим и совершенным». Такой особый статус одного ребенка часто вызывает обратную реакцию среди братьев и сестер, которые пытаются доказать родителям, что и они заслуживают внимания.

Созависимость в семейной системе очень опасна, так как имеет тенденцию к расширению и саморазрушению, психические продукты которого в силу эмоционального заражения могут вызывать нечто вроде психических эпидемий, способных заражать целые возрастные, этнические и социальные слои общества, а также и человечество в целом (пример – идеология современного глобализма и детоцентризма) (Арсеньев, 2005).

Ощущение этой опасности привело к другой крайности. Людей начинают страшить семейные привязанности. В странах Западной Европы нормой является физическая принудительная сепарация детей, достигших совершеннолетия. Однако, может быть, физическое присутствие родителей рядом не является залогом инфантилизации детей? Может быть, факт «выставления ребенка за дверь» еще не залог воспитания самостоятельности и независимости детей? Ведь выросшим зависимым детям куда проще найти другой объект («мамину юбку»), возле которого можно уютно устроиться и не менять собственное мировоззрение и поведенческие модели.

Автономность и самостоятельность достигается через формирование своей индивидуальности в общении со значимыми Другими. Основными субъектами сепарационного процесса в период юности являются родители, сиблинги, сверстники, коллеги, а также любимые или супруги. Активные участники этого процесса в ранней юности – родители и сиблинги, конфликты с которыми распространены в этот возрастной период, по мере взросления – любимые, а затем и супруги. Молодым людям, выросшим в созависимой семейной обстановке, бывает трудно реализовывать свою потребность в личной автономии. Показателем реализации своей потребности в автономии или независимости, видимо, является «...обобщенное ощущение собственной способности справляться с жизненными проблемами» (Dreyfus, 1976, p. 62).

На протяжении младенчества, детства и юности у ребенка складывается внутренняя рабочая модель родителя и внутренняя рабочая модель себя в отношениях с ним. Результирующим компонентом этих двух моделей является степень уверенности ребенка в способности родителя помочь ему как в случае чрезвычайных ситуаций, так и в многочисленных повседневных ситуациях, имеющих место в семье. К юношескому возрасту происходит консолидация накопленного опыта. Если на основе всего своего опыта общения с родителями ребенок делает вывод, что мать и отец не способны оказывать ему поддержку в многочисленных жизненных ситуациях, если у него отсутствует доверие к родителям, то это является первым условием того, что юноша или девушка начинают отстаивать свою независимость от родителей и в юности полагаться только на себя (DeWuffel, 1986).

Аффективно-личностные связи, складывающиеся в детстве между детьми и родителями, становятся фундаментом дальнейшего развития автономности субъекта. Продвижение к автономности не свидетельствует о разрыве связей с родителями, однако предполагает трансформацию юношеско-родительских отношений в направлении от односторонней авторитетности родителя к симметричной взаимозависимости (DeWuffel, 1986). Значительную роль в этом процессе играют такие факторы, как: состав семьи и тип отношений между ее членами, эмоциональная атмосфера в семье, господствующий тип контроля со стороны родителей и уровень их образования и род занятий, социальное положение семьи и ее материальный уровень.

Чтобы процесс развития психологической автономности человека был наиболее гармоничным, нужно, чтобы оба родителя были

достаточно грамотны и каждый из них имел хорошо развитую психологическую автономию для помощи ребенку в процессе сепарации–индивидуации (Mahler, 1968).

Если процесс сепарации проходит успешно, то, наблюдая за поведением юноши, родители должны увидеть улучшения в следующих личностных характеристиках: самодостаточности, самопознании, самореализации, способности к признательности и благодарности, непредвзятости, душевном спокойствии, приобретении навыков или мастерства, самостоятельности, способности заблаговременного планирования и ответственности.

И, наоборот, если наблюдается психологический регресс в поведении юноши, то наиболее распространены такие проявления, как: гнев, враждебность, обида или горечь, депрессия, отчаяние, безнадежность или цинизм, жесткость, навязчивые идеи, злоупотребление алкоголем, прием наркотиков, зависть, ревность, увеличение эгоцентризма, игнорирование чувств других людей, конфликтные или неудовлетворительные межличностные отношения, неспособность отличить свои мысли и чувства от мыслей и чувств других.

Таким образом, юность – это время формирования цели и жизненной позиции, выбора профессии, построения новых отношений с родительской семьей, подготовки к собственной семейной жизни. Конечно, направление развития ребенка на каждой его ступени содержит в себе тенденцию к независимости, но для юношеского возраста это становится необходимым и четко обозначенным достижением. Процесс сепарации и, как следствие, формирование автономности на новом уровне – центральный психический процесс юношеского возраста. Этот возраст является наиболее сенситивным для формирования таких характеристик личности, как самодостаточность, принятие себя, самоутверждение и самоуважение, он становится периодом для освоения ценностного ряда, определяющего характер отношения к себе и другим людям.

Подводя итоги, важно сказать, что в юности процесс сепарации сопряжен с умением самостоятельно справляться с жизненными трудностями, умением регулировать свои отношения с близкими, жить в гармонии с ними (и на расстоянии от них, самостоятельно) без взаимных обид и напряжения. Поддержание подобного равновесия, выстраивание зрелых отношений, перестройка семейной структуры являются показателем продуктивно осуществляемого процесса сепарации на данном этапе онтогенеза и основой его успешного продолжения на других этапах жизненного пути человека.

ГЛАВА VII

СЕПАРАЦИЯ И ДЕПРИВАЦИЯ¹

Психическая депривация достаточно давно и плодотворно изучается представителями разных научных школ, накоплен большой объем эмпирического материала. Однако до сих пор еще не создано единой теории депривации и сепарации. Как отмечается в ряде исследований (Й. Лангмейер, З. Матейчек, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых, Н. К. Радина, Г. Фигдор и др.), депривация – гораздо более распространенное явление, чем представлялось ранее, особенно в условиях современного общества. С социальной депривацией могут столкнуться даже люди, живущие в большом городе и имеющие множество социальных контактов. Особенно острой продолжает оставаться в психологической науке проблема семейной сепарации и депривации, так как в последнее время неуклонно растет число неполных семей, наблюдается рост численности разведенных и повторно не вступивших в брак женщин. Кроме того, в связи с ускорением темпа жизни, с активной профессиональной деятельностью, развитием карьеры, постоянными командировками родителей, появляется тенденция оставлять детей на попечение родственников или нянь. Все вышеперечисленное приводит к депривации в семье и, как мы предполагаем, к нарушению процесса сепарации. В этой главе будут рассмотрены взгляды ученых на проблему сепарации и депривации в семье и роль пережитой в детстве эпизодической и хронической семейной депривации в формировании отношения личности к себе и к родителям, а также связь отношения юношей и девушек к себе с их отношением к родителям.

* Результаты исследования проблемы семейной депривации частично опубликованы в статье Рубченко А.К. Отношение юношей и девушек к себе и к родителям при эпизодической и хронической семейной депривации // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 38–46. Статья

7.1. Этимологический анализ терминов

Прежде чем перейти к рассмотрению основных исследований депривации и сепарации необходимо отметить, что вопрос соотношения этих понятий на сегодняшний день остается открытым. Остановимся подробнее на рассмотрении термина «депривация», который начал использоваться в науке в первой половине XX в. в рамках физиологических исследований, связанных с лишением организма возможности удовлетворять те или иные жизненные нужды. Для психологии самым важным (хотя и вполне предсказуемым) выводом из этих исследований явилось заключение о том, что депривация витальных потребностей вызывает не только физический, но и психологический дискомфорт.

В настоящее время этот термин широко используется в психологии, социологии и медицине. В русский язык он пришел из английского – *deprivation* – и означает «утрата, лишение, ограничение возможностей удовлетворения жизненно важных потребностей» (Энциклопедический словарь..., 1982). Однако есть неясности в том, к чему относить термин «депривация»: к внешней причине (ситуации) или к вызываемому ею психическому состоянию или реакции. С нашей точки зрения, целесообразно различать внешнюю причину (депривационную ситуацию) и ее воздействие на личность индивидуума (депривацию). В связи с этим сравним попарно близкие по смыслу, но не тождественные друг другу понятия – депривация и фрустрация, переживание, сепарация, разлука, госпитализм – и определим, какие из них мы будем рассматривать как внешнюю причину, а какие – как психическое состояние.

В психологическом словаре фрустрация (от *лат.* *frustratio* – обман, тщетное ожидание) определяется как психическое состояние, вызванное неуспехом в удовлетворении потребности, желания, которое сопровождается различными отрицательными переживаниями: разочарованием, раздражением, тревогой, отчаянием (Психологический словарь, 2004). Сравнив определения депривации и фрустрации, можно увидеть, что эти состояния связаны с неуспехом удовлетворения потребности, и поэтому они сопровождаются похожими переживаниями, которые далеко не одинаковы при осознаваемых или неосознаваемых потребностях, а также при раз-

подготовлена по результатам исследования, финансируемого РГНФ, проект «Внутренняя и внешняя сепарация и ее механизмы (№ 11-06-00301а).

личном неуспехе в зависимости от его содержания, силы и значимости.

Как указывает М. И. Буянов, фрустрация касается неудовлетворения актуальной на данный момент частной, осознаваемой потребности. Причиной фрустрации для ребенка может служить неудача в овладении предметом, неожиданный запрет со стороны взрослого и др. Например, фрустрация возникает, если у ребенка отнимают его любимую игрушку, и он играет с той, что ему меньше нравится, а депривация в том случае, если ребенка лишают возможности играть вообще. Депривация как длительное во времени переживание может частично или полностью не осознаваться, поэтому в отличие от состояния фрустрации она действует более скрыто и представляет собой значительно более серьезное и тяжелое состояние, чем фрустрация (Буянов, 1988).

Если отнести депривацию к внешней причине (ситуации), то можно утверждать, что человек переживает фрустрацию в любой депривационной ситуации. Попадая в такие ситуации, он испытывает негативное *переживание*, особенность которого состоит в том, что «оно возникает в критической ситуации, ситуации невозможности, т. е. такой ситуации, в которой субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних потребностей своей жизни (мотивов, стремлений и пр.)» (Василюк, 1984, с. 31).

Следовательно, близким по смыслу термину «депривация» является термин «*переживание*», определение которого дал Ф. Е. Василюк. Переживание понимается им как особая внутренняя деятельность по преодолению жизненных событий. Смысл этой деятельности – восстановить функциональное равновесие организма (Василюк, 1984). На наш взгляд понятие «депривация» более узкое, чем переживание, так как переживание может иметь как позитивную, так и негативную эмоциональную окраску, а депривация в эмоциональном плане окрашена в основном негативно. Причем депривация как состояние отражает пассивную позицию субъекта, а переживание как деятельность – его активную позицию.

Для понимания сути термина «депривация» важно обратиться к этимологии слова. Латинский корень *privare* («отделять») лежит в основе английских, французских, испанских слов, переводимых на русский язык как «частный, закрытый, отдельный». Подобное значение имеет и понятие «сепарация» (от *lat. separatio* – отделение) – термин, обозначающий уход от объекта или прекращение

с ним каких-либо отношений. В психоаналитическом смысле сепарация представляет собой «интрапсихический процесс, входящий в структуру сепарации–индивидуации, благодаря которому индивид приобретает чувство себя как самостоятельной и независимой от объекта целостности. Способность к сепарации является важным компонентом развития каждого индивида. Умение справляться с проявлениями сепарации указывает на достижение индивидом соответствующего уровня развития. Однако несвоевременное или чересчур резкое отделение ребенка от заботящегося объекта может привести к серьезным осложнениям и искажениям развития и адаптации, вплоть до возникновения длительной депрессии или психопатических явлений. Вызывающая травму внешняя сепарация может быть обусловлена как физической (*разлука*), так и психологической (*одиночество вдвоем*) недоступностью объекта» (Курсив наш. – Н. Х., Е. К., А. Р.) (Психоаналитические термины..., 2000).

Отделение индивидуума и изменение отношений со своими близкими (родителями, сиблингами) может быть как добровольным, так и принудительным. При насильственном отделении ребенка от своей семьи (депривационной ситуации) он будет переживать неудовлетворение потребности в близких контактах (депривацию), а при добровольном – удовлетворение потребности в независимости (сепарацию – индивидуацию). В связи с этим необходимо различать *внешнюю и внутреннюю сепарацию*.

Внешняя (физическая) дисгармоничная сепарация, или разлука, – это пространственное разделение, жизнь врозь (Ожегов, 1997, с. 191), при котором прекращается эмоциональная связь и, чем интенсивнее связь, тем тяжелее переживается разлука. Приводящая к травматизации внешняя сепарация сопровождается негативными переживаниями, которые и есть не что иное, как психическая депривация.

Таким образом, уже этимологический анализ слова показывает, что, говоря о депривации, имеют в виду такое неудовлетворение потребностей, которое происходит в результате сепарации человека от необходимых источников их удовлетворения – сепарации, имеющей неблагоприятные последствия.

Термин «психическая депривация» стал активно использоваться в психологии только с 1980-х годов вместо понятия «госпитализм», который первоначально обозначал феномен высокой смертности грудных детей в детских учреждениях.

7.2. Исследования госпитализма и депривации

Первые описания госпитализма относятся к 1920-м годам. Так, Л. Ф. Мейер (1914) в монографии «Госпитализм детей грудного возраста» одной из главных причин младенческой смертности называет отсутствие «стимулирующего» влияния матери (Мейер, 1914, с. 14–21).

Как известно, психоанализ – это первая психологическая теория, в которой отношения между ребенком и родителями рассматривались в качестве главного фактора детского развития. Наблюдения З. Фрейда показали, что ранние переживания ребенка оказывают устойчивое и решающее воздействие на последующее развитие (Фрейд, 1989). Занимаясь ретроспективным поиском следов переживаний детства, З. Фрейд заложил основу новой традиции в психологии и психиатрии.

Реакцию детей на физическую сепарацию от матери в различных условиях изучали и описывали представители разных научных направлений в психологии: М. Риббл (1938), В. Гольдфарб (1943), А. Фрейд и Д. Берлингем (1943), Р. Шпиц (1945), Дж. Боулби (1951) и др.

Впервые психоаналитически ориентированные исследования детей, разлученных с матерями, были проведены М. Риббл, которая описывала новорожденных, оставленных своими матерями как коматозных, находящихся в инфантильной апатии (Ribble, 1938).

В дальнейшем В. Гольдфарб определил последствия институционализации, т. е. воспитания в интернатных учреждениях (или госпитализм) как факторы последующих познавательных и эмоциональных проблем (Goldfarb, 1943).

Новым импульсом к изучению ранних детских переживаний стали наблюдения А. Фрейда и Д. Берлингема за младенцами, воспитывающимися в отсутствие матери, что положило начало эмпирическим исследованиям в данной области. Они приводят фактический материал, свидетельствующий о драматическом, а иногда и трагическом влиянии на ребенка разлуки с матерью: «Реакции, выдаваемые ребенком на разлуку с матерью, особенно сильны. Ребенок чувствует себя оставленным всеми теми, кого он хорошо знает в своем мире, теми, кто для него много значит. Переживая разлуку, некоторые дети отказываются от еды и сна. Многие протестуют против того, чтобы их ласкали незнакомые люди. Одни дети привязаны к игрушкам, которые дала мать, другие – к чему-то из постельных

принадлежностей или одежде, которую принесли из дома» (Фрейд, Берлингем, 2004, с. 191).

А. Фрейд пришла к выводу, что расставания, которые взрослому кажутся незначительными, для ребенка могут стать психической травмой и вызвать хроническую уязвимость. Особенно, если они совпадают с критическими периодами жизни ребенка, когда он лишается поддержки взрослых, доступных в качестве эмпатических заместителей хорошей матери (Фрейд, Берлингем, 2004).

Рене Шпиц различал госпитализм, формирующийся в связи с тотальной эмоциональной депривацией, и анаклитическую депрессию, возникающую в депривационной ситуации (или при внешней сепарации), когда изначально нормальные отношения между матерью и ребенком прерываются. Он описывает детей одного детского дома, которые в возрасте трех месяцев были разлучены со своими матерями. Уход, питание, гигиенические условия в этом учреждении были типичными для всех хорошо организованных заведений такого рода. Однако у всех детей была резкая задержка психического развития. Наиболее яркой особенностью детей этого детского дома было их невротическое поведение, проявляющееся в следующих симптомах:

- а) задумчивость, печаль, плач, но без крика и вокализации;
- б) замыкание в себе, отрицательное отношение к окружающим, стремление уйти от всех, отстраниться от посторонних;
- в) ареактивность, пониженный темп движений, игнорирование игрушек и предметов, ступорозное состояние;
- г) отсутствие аппетита, отказ от еды, потеря веса;
- д) бессонница.

Указанные симптомы развивались у многих детей после разлуки с матерью (Spitz, 1945).

Интенсивное научное изучение проблемы госпитализма начал в 1960-х годах автор теории привязанности Дж. Боулби (1951) и его сподвижница М. Эйнсворт (Ainsworth, 1991).

Дж. Боулби определяет поведение привязанности как «поиск возможности находиться в непосредственной близости к другой особи и попытки сохранить такое положение» (Боулби, 2003, с. 217). В рамках теории привязанности Дж. Боулби подчеркивал, что чем дольше разлука с матерью и сопровождающие ееотягчающие факторы (недостаточный уход, дефицит эмоционального общения с другими людьми и другие факторы эмоциональной депривации), тем больше

вероятность того, что между ребенком и матерью разовьется необратимое отчуждение, которое приведет к малообратимым искажениям познавательной и эмоциональной сферы повзрослевшего ребенка (Боулби, 2003).

Результаты этих исследований показали необходимость связи ребенка с матерью. Они раскрыли значение этой связи для нравственного и физического развития ребенка не только в раннем возрасте. Эта теория выходит за пределы детства и распространяется на весь онтогенез. Авторы просматривают фактическую связь между качеством привязанности в раннем детстве и дальнейшими успехами человека в общении, семейной жизни, в профессиональной деятельности, карьере.

При этом М. Эйнсворт рекомендует различать собственно депривацию и нарушения привязанности: депривация обусловлена недостатком взаимодействия между ребенком и матерью, а нарушения привязанности вызваны искажением данного взаимодействия или вообще прерыванием этой связи (Ainsworth, 1991).

В ходе исследования госпитализма выяснилось, что его последствия могут охватывать широкий спектр психопатологических состояний: от легких задержек психического развития до выраженной дебильности, от транзиторных депрессивных состояний до тяжелых искажений эмоциональной сферы с неспособностью к сопереживанию, пассивностью, коммуникативными нарушениями, т. е. невозможностью в дальнейшем устанавливать полноценные контакты с другими людьми, с необратимым недоразвитием навыков общения.

Наиболее часто влияния, ведущие к госпитализму, объединяют под названием «психическая депривация», которое было введено чехословацкими психологами Й. Лангмейером и З. Матейчком на основании обобщения данных мировой науки и практики, а также своего многолетнего опыта изучения детей из детских домов и школ-интернатов. Они выявили феномен, который был обозначен ими понятием «психическое лишение», или «психическая депривация». Авторы определяют его как психическое состояние, возникшее в результате таких жизненных ситуаций (называемых депривационными), где субъекту не предоставляется возможность для удовлетворения некоторых основных жизненных психических потребностей в достаточной мере и в течение продолжительного времени. В одних и тех же условиях утраты или ограничения характер психической депривации конкретного человека во многом будет определяться индивидуальными особенностями его личности,

а также значимостью депривированных потребностей (Лангмейер, Матейчек, 1984).

К основным (жизненным) потребностям Й. Лангмейер и З. Матейчек относят: 1) потребность в определенном количестве, изменчивости и виде (модальности) стимулов; 2) потребность в основных условиях для успешного учения; 3) потребность в первичных общественных связях (особенно с материнским лицом), обеспечивающих возможность действенной основной интеграции личности; 4) потребность общественной самореализации, предоставляющей возможность овладения отдельными общественными ролями и ценностными целями (Лангмейер, Матейчек, 1984, с. 19).

На этом основании они выделяют следующие виды психической депривации:

1. Стимульная (сенсорная) депривация – пониженное количество сенсорных стимулов или их ограниченная изменчивость и модальность. Человек испытывает так называемый сенсорный голод, не получает достаточного количества стимулов – зрительных, слуховых, осязательных и пр.
2. Когнитивная депривация – слишком изменчивая, хаотичная структура внешнего мира без четкого упорядочения и смысла, которая не дает возможности понимать, предвосхищать и регулировать происходящее извне.
3. Эмоциональная депривация – недостаточная возможность для установления интимного эмоционального отношения к какому-либо лицу или разрыв подобной эмоциональной связи, если таковая была уже создана (Лангмейер, Матейчек, 1984).

А. М. Прихожан и Н. Н. Толстых, помимо вышеописанных видов психической депривации, выделяют еще два:

1. Двигательная депривация – ограничение движения – может возникать в результате травм или болезней.
2. Социальная депривация – ограниченная возможность для усвоения автономной социальной роли, которая возникает, когда разрываются привычные круги общения (Прихожан, Толстых, 2007, с. 27–30).

Социальная депривация является самым распространенным видом депривации. Е. Г. Алексеенкова указывает, что она бывает *экономической*, связанной с субъективным переживанием бедности, и *относительной*, возникающей в том случае, когда окружающие чело-

века люди не создают ему возможностей удовлетворения личностно значимых потребностей (Алексеевкова, 2009).

Разновидностью социальной депривации является семейная депривация, которая в нашем исследовании рассматривалась как «психическое переживание утраты эмоциональной связи в результате пространственного разделения или отчуждения со значимыми объектами, которое возникает при разлуке с семьей или одним из родителей и приводит к искажениям развития и адаптации ребенка, а также к нарушению нормальной сепарации» (Рубченко, 2007, с. 7). Рассмотрим эту разновидность депривации более подробно, так как она самым тесным образом связана с внешней сепарацией.

В зависимости от субъекта, создающего психотравматическую (депривационную) ситуацию для ребенка, с нашей точки зрения, необходимо различать материнскую, отцовскую, родительскую (когда отсутствуют оба родителя и ребенок остается на попечении родственников или других людей) депривацию.

При этом будем выделять две формы семейной депривации: эпизодическую депривацию, вызванную временной разлукой ребенка с одним или обоими родителями в полной семье и хроническую депривацию, вызванную постоянной изоляцией от одного из родителей в неполной семье (Рубченко, 2007).

Разделение видов депривации на отцовскую, материнскую, родительскую – условно, ведь семья – единый организм, где все отношения и проблемы не изолированы, а вплетены друг в друга.

Сильнейшим депривирующим фактором считается разлука с семьей (внешняя принудительная или дисгармоничная сепарация): длительная госпитализация, лишение родительских прав и помещение ребенка в детский дом, перепоручение детей на воспитание бабушкам, дедушкам или другим родственникам, длительное пребывание в детских оздоровительных лагерях, в школах интернатах и т. п. При этом прекращается эмоциональная связь между ребенком и привычной средой и, как следствие, нарушаются эмоциональные контакты, что, в свою очередь, приводит к потере безопасности, защищенности.

Длительный дефицит эмоционального созвучного общения порождает у ребенка неуверенность в положительном отношении к нему родных, вызывая чувство тревоги и ощущение эмоционального неблагополучия. Нередко в ситуации долгой разлуки у ребенка возникает диффузное состояние тревоги, становящейся доминирующим эмоциональным фоном, на котором искажается развитие

психики, возникает отчуждение. Вдали от семьи ребенок может испытывать стыд, самообвинение, страх, агрессию. Он будет пытаться понять суть происходящего с ним, осмыслить ситуацию, неудовлетворяющую его. Известно, что дети по-разному решают эту проблему. Есть два пути внутренней «переработки» ситуации отрыва от семьи:

1. Отвержение себя, если ребенок склонен к переживанию чувства вины. Он как бы соглашается с фактом отделения от семьи за свои плохие поступки или плохие мысли. У ребенка возникает тяжелое чувство, ведущее к потере самоуважения, принуждающее к исправлению своего «плохого» поведения.
2. Отвержение семьи родителей. Ребенок приходит к выводу, что именно родители виноваты в том, что он оторван от семьи, оставлен один. Он пытается найти новое доказательство вины родителей, иначе осмысливает давнее происшествие, проявляет аутоагрессию по поводу привязанности к матери, к отцу, мечтает о возвращении прежних отношений. Его состояние – это смесь гнева, злости, обиды и любви к родителям. По отношению к родителям такие дети часто ведут себя агрессивно, специально выстраивая барьеры в общении.

Обе позиции – и отвержение себя и отвержение семьи – психологически обоснованы, но не способствуют быстрому и успешному приспособлению к новой ситуации и сохранению эмоциональных связей с родителями. В первом случае энергия ребенка уходит на самобичевание, во втором – на субъективный разрыв с семьей, отчуждение. Дети не видят объективных обстоятельств, принуждающих к долгой разлуке. Однако, если с детьми предварительно подробно обсуждают жизненные обстоятельства, готовят их к расставанию, то приспособление к новой ситуации идет быстрее, а взаимоотношения с родителями остаются более близкими. При такой подготовке ребенку помогают увидеть все обстоятельства вынужденной разлуки, позволяют убедиться в том, что его не обманывают. В результате спокойного осмысления ситуации разлуки в безопасной семейной атмосфере мысли ребенка постепенно направляются на объективный анализ положения и не приводят к угрызениям совести или к дискредитации семьи.

Двойную психологическую травму переживают дети, чьи родители лишены родительских прав. Это, с одной стороны, плохое обращение в родительской семье и негативный жизненный опыт, а с другой, – разрыв с семьей. Как указывает В. Фалберг, любое отде-

ление ребенка от кровной или замещающей семьи, инициированное официальными лицами с позиции власти, принижает значимость семейных связей. Они в той или иной мере осознают, что их родители тоже не контролируют ситуацию. Она выделяет разные типы восприятия ребенком такой сепарации:

1. «Меня отняли» – нарушается баланс нормальной зависимости и автономии, свойственный ребенку данного возраста, что проявляется либо в отказе от отстаивания своих интересов, либо в агрессивном самоутверждении.
2. «Меня отдали» – возникают хроническое чувство вины, депрессия из-за того, что ребенок считает себя «недостаточно хорошим». Если ребенок связывает перемещение со своим плохим поведением, которое он старался изменить, то к его чувствам может добавляться гнев из-за того, что его усилия не оценили по достоинству.
3. «Причина во мне» – наиболее сложный случай, когда ребенок берет на себя ответственность за произошедшее. Если у детей дошкольного возраста такое искажение перспективы происходит за счет «магического мышления» (веры в то, что их мечты и фантазии повлияли на исход реальных событий), то школьники часто сами инициируют процесс расследования, ведущий к изъятию из семьи (например, сообщая школьному учителю о том, что подверглись насилию) (Fahlberg, 1994).

Под понятие «депривация» попадает не только утрата, лишение, потеря того, что имелось в наличии (например, эмоциональный контакт), но и изначальный недостаток чего-то (того же эмоционального контакта, материнского тепла и заботы), недостаточная сформированность или вообще отсутствие эмоционального контакта.

Исследования ряда отечественных психологов (Г. В. Грибановой, И. В. Дубровиной, М. И. Лисиной, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых, Н. К. Радиной и др.) также указывают на нарушения эмоционального развития ребенка при разлуке с матерью. Присутствие матери способствует формированию у ребенка чувства безопасности и стабильности. Основные эмоционально личностные деформации возникают у детей как следствие эмоциональной депривации из-за разлуки с матерью, т. е. потребность в эмоционально-теплом контакте как базовая жизненная потребность остается неудовлетворенной. По мнению И. В. Грибановой неудовлетворенные потребности не ре-

дуцируются сами собой; пока они не удовлетворены, они закрепляются достаточно прочно (Грибанова, 1994).

Вне контакта с близкими взрослыми в ситуации эмоционального разрыва дети чувствуют себя одинокими и беззащитными. Они очень остро чувствуют боль утраты близких отношений с родителями, даже если родители и не такие как им (детям) хотелось бы. Но они любят своих родителей, порой додумывая хорошее и не замечая плохое. Все дети из неблагополучных семей хотят, чтобы их отец и мать были заботливыми и любящими. Вынужденную сепарацию ребенок может переживать как смерть родителей, вина во всем тех людей, которые забирают их из семьи. Тогда все жизненные ресурсы ребенка «работают» на защиту от тревоги, страха, от чувства эмоционального дискомфорта в ситуации нестабильности, неустроенности. Эффективно учиться и работать в это время невозможно, ибо страдают не только высшие психические функции (мышление, внимание, память), но и элементарные психические функции и автоматизированные действия.

Поэтому, эмоциональный разрыв это следствие дисгармоничной внешней сепарации, для которой характерно прекращение контактов между ребенком и родителями. Отличие внутренней сепарации от депривации в том, что при внутренней сепарации ребенок отделяется от родителей по своему желанию, а при депривации его насильно отрывают от родителей. Именно дисгармоничная внешняя сепарация приводит к семейной депривации и осложняет процесс внутренней сепарации–индивидуации.

Также различны и отдаленные психологические последствия семейной депривации. Неудовлетворенные в детстве потребности уже во взрослом состоянии могут проявляться как стремление во чтобы то ни стало привлечь к себе внимание других людей в зависимом поведении и поиске одобрения своих действий на стороне, чувствительности к эмоциональной холодности в отношениях, излишней разговорчивости или замкнутости, страхе разлуки, боязни одиночества, поиске покровительства, повышенном беспокойстве или, наоборот, апатии. Все это свидетельствует о неосознанном стремлении личности удовлетворить свои базовые потребности, не удовлетворенные в детстве. Но суть в том, что сделать это уже невозможно. Никакое количество суррогатов материнской любви не сможет возместить человеку чувство безопасности, которое он не обрел в детстве. Он должен сам найти эту безопасность внутри себя, и юность – наиболее чувствительный период для этого поиска.

Таким образом, необходимо развести понятия *эпизодической* и *хронической* семейной депривации: с первой из них будем соотносить временную разлуку с родителями – командировка отца или матери, госпитализация или продолжительное проживание ребенка с бабушкой или дедушкой, а со второй – смерть родителя, рождение ребенка вне брака родителей, развод.

Рассмотренные теоретические положения указывают на необходимость эмпирического изучения состояния депривации при дисгармоничной внешней сепарации и позволяют предположить, что:

- 1) между эпизодически/хронически депривированными и недепривированными в детстве юношами и девушками существуют различия в отношении к отцу и матери;
- 2) существует прямая связь между отношением к себе и к родителям.

Результаты проверки этих предположений будут представлены в параграфе 7.4.

7.3. Методика и процедура исследования семейной депривации

Для проверки выдвинутых предположений (параграф 7.2) было проведено эмпирическое исследование семейной депривации при дисгармоничной внешней сепарации.

Участники исследования – студенты 3–4 курсов ($n=411$), из них девушки – 213 чел. (52%), юноши – 198 чел. (48%). Возрастной диапазон участников исследования – от 19 до 22 лет, средний возраст – 20,5 лет. Все они являлись студентами дневных отделений высших учебных заведений, не состояли в браке и не имели детей. Респонденты продолжали жить в семье с родителями или в общежитии, отдельно от родителей, навещая их на каникулах. В исследовании рассматривались только нуклеарные семьи, состоящие из родителей и детей, т. е. из двух поколений. В выборке не оказалось юношей и девушек из неполных семей, воспитывавшихся только отцом, поскольку при разводе родителей ребенок чаще остается с матерью, а отношения между ребенком и отцом становятся крайне дистанцированными.

Сведения об участниках исследования и их родительских семьях, а также о причинах разлуки с родителями в детстве, о степени депривированности респондентов были получены с помощью разработанной нами *анкеты*.

В группу депривированных (квазиэкспериментальная группа) вошли участники исследования из полных и неполных семей, имевшие депривационный опыт в период от рождения до 10 лет в силу разных причин. В полных семьях такими причинами были длительные командировки матери или отца, учеба родителей, госпитализация ребенка на время болезни, его отдых в летнем оздоровительном лагере или у прауродителей, в неполных семьях – развод родителей и уход отца из семьи, смерть отца, отсутствие отца вследствие рождения ребенка вне брака.

Оценивая степень негативных переживаний, связанных с разлукой, депривированные участники исследования давали субъективную оценку эпизодической (временной) и хронической (постоянной) депривации по 10-балльной шкале анкеты, используемой для оценки депривационного опыта. Оказалось, что большинство юношей/девушек, переживших в детстве эпизодическую или хроническую разлуку с одним или обоими родителями, оценивают это событие негативно.

В качестве критерия оценки депривационного опыта использовались низкие и высокие баллы, полученные по шкале анкеты. Нижний квартиль распределения включал оценки от 1 до 3 баллов ($M=2$, $\sigma=0,62$) – недепривированные, а верхний – от 8 до 10 ($M=9$, $\sigma=0,74$) – сильно депривированные. Респонденты, набравшие от 4 до 7 баллов, вошли в группу средне депривированных ($M=5,5$, $\sigma=1,12$). В соответствии с полученными результатами выборка была разделена на 3 группы: 1) недепривированных – 14 участников исследования (4,7%); 2) средне депривированных – 163 участника исследования (55,2%); 3) сильно депривированных – 118 участников исследования (40,1%).

Однако в связи с тем, что в группы средне и сильно депривированных респондентов вошли юноши и девушки из полных и неполных семей, эти группы были разделены на подгруппы по формальному признаку – полная (140 чел.)/неполная (141 чел.) семья или эпизодическая/хроническая депривация.

После анализа степени депривированности участников исследования и срока их разлуки с родителями или одним из них, они были разделены на группы:

- 1) недепривированные (группа сравнения) – 64 юноши и 66 девушек из полных семей, не разлучавшиеся в детстве с родителями или испытавшие непродолжительную разлуку с ними, которая

- не оставила в их памяти сильного аффективного следа (оценки от 1 до 3 баллов по шкале анкеты);
- 2) эпизодически депривированные (65 юношей и 75 девушек из полных семей, оценившие депривационный опыт от 4 до 10 баллов по шкале анкеты);
 - 3) хронически депривированные (69 юношей и 72 девушки из неполных семей, оценившие депривационный опыт от 4 до 10 баллов по шкале анкеты). Также группы были поделены на подгруппы по половому признаку.

Для изучения отношения юношей и девушек к себе и родителям использовалась проективная методика «Кодирование» (Дворянчиков, Герасимов, 1996). Основными стимулами в этой методике являются понятия: «Мужчина», «Женщина», «Ребенок», «Я».

В нашем исследовании методика «Кодирование» была модифицирована, чтобы использовать ее как направленный ассоциативный тест с целью изучения особенностей детско-родительских отношений. Стимулы «Мужчина» и «Женщина» были заменены стимулами «Отец» и «Мать», а стимул «Ребенок» определен как «Я в детстве». Ассоциации на стимулы ограничивались рамками определенных классов (неодушевленный предмет, травянистое растение, дерево, животное, геометрическая фигура, музыкальный инструмент, сказочный персонаж, ампула артиста цирка). Кроме этого, процедура включала в себя раскрытие содержательного, смыслового компонента каждого ассоциативного образа. Участникам исследования предлагалось подобрать ассоциацию на ключевые слова в рамках заданных предметных классов, а затем – один или более признаков сходства стимула и ассоциации.

Обработка производилась посредством процедуры частотно-смыслового анализа, которая предполагает выделение смысловых категорий с точки зрения позитивности/нейтральности/негативности признаков, характеризующих ассоциации респондентов, а затем подсчет частоты их использования. Так, фиксировались следующие аспекты эмоционального отношения к объекту: *нейтральное* – без акцентирования какой-либо эмоциональной окраски (Мать: трава, зеленая); *позитивное* – подчеркивание приятных качеств этого объекта (Ребенок: котенок, так как маленький, хорошенький, ласковый); *негативное* – подчеркивание негативных аспектов объекта (Отец: дуб, так как тупой, как дерево, глупый).

Процедура исследования. Методики предъявлялись в следующей очередности: сначала респонденты заполняли бланк методики «Кодирование». В конце они отвечали на вопросы анкеты. Анкетирование специально проводилось в конце психологического обследования для того, чтобы воспоминание о разлуке с родителями в детстве не повлияло на ответы участников исследования.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета программ Statistica 6.0. Рассчитывались: угловое преобразование Фишера – φ^* , T -критерий Вилкоксона, коэффициент ранговой корреляции r_s Спирмена.

7.4. Результаты исследования семейной депривации и их обсуждение

Прежде чем проверить первое предположение (см. параграф 7.2), нужно убедиться в устойчивости последствий семейной депривации для юношей и девушек.

Для изучения устойчивого влияния семейной депривации в течение длительного периода времени, необходимо посмотреть различия в исследуемых подгруппах по отношению к себе в прошлом («Я в детстве») и в настоящем («Я в данный момент времени») и в их ретроспективной динамике по методике «Кодирование» (см. рисунок 7.1). При этом были использованы: T -критерий Вилкоксона для выявления достоверности временного сдвига в двух зависимых выборках и угловое преобразование Фишера – φ^* для определения различий между эпизодически депривированными и недепривированными, а также эпизодически и хронически депривированными юношами и девушками.

Как видно из результатов, представленных на рисунке 7.1, у *эпизодически депривированных юношей* при воспоминании себя в детстве негативные оценки себя выше, чем позитивные. Сравнение ретроспективы детства хронически и эпизодически депривированных юношей показало, что хронически депривированные юноши относились к себе скорее *амбивалентно*, поэтому позитивных оценок себя у них больше, чем у эпизодически депривированных юношей ($\varphi^*=2,05$, $p<0,02$), а по негативным различий нет. В ретроспективном детстве у *недепривированных* юношей преобладает *позитивное* отношение к себе, так как приписываемые себе позитивные оценки значимо выше, чем у эпизодически депривированных юношей ($\varphi^*=2,05$, $p<0,02$), а негативные – значимо ниже ($\varphi^*=3,06$, $p<0,001$).

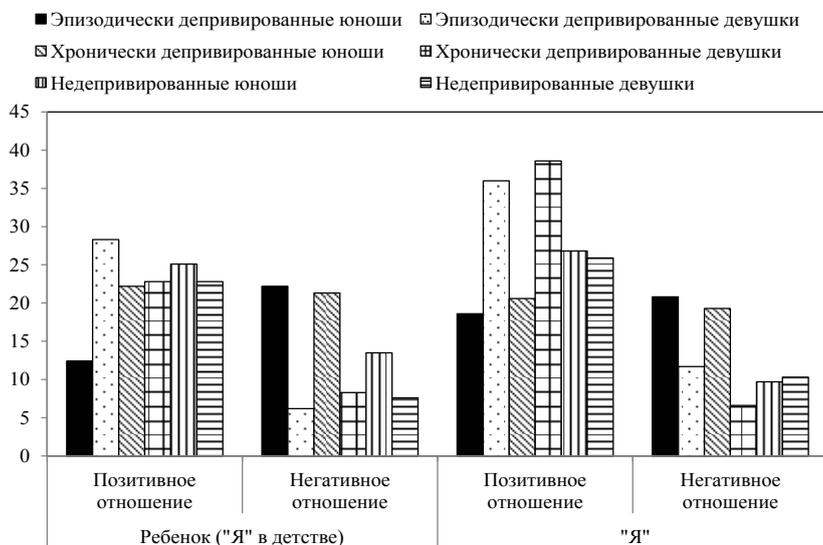

Рис. 7.1. Показатели отношения юношей и девушек к ребенку (Я в детстве) и к себе по методике «Кодирование»

В позднем юношеском возрасте отношение к себе у *недепривированных юношей* остается *позитивным*, что согласуется с ранее полученными нами результатами (Рубченко, Харламенкова, 2006). У *эпизодически депривированных юношей* к поздней юности позитивное отношение к себе возрастает ($T=217,5, p<0,037$), а негативное сохраняется неизменным и при соотношении позитивных и негативных оценок все еще превосходит позитивное отношение к себе, но с тенденцией к *амбивалентности*. Различий в позитивных оценках себя между хронически и эпизодически депривированными юношами обнаружено не было. В негативных оценках себя в настоящем эпизодически депривированные юноши превосходят хронически депривированных ($\varphi^*=2,47, p<0,01$). В целом у хронически депривированных юношей остается *амбивалентное* отношение к себе.

Примечателен тот факт, что по количеству позитивных ассоциаций на стимул «Я в детстве» *эпизодически депривированные девушки* в два раза превосходят юношей из подобных семей и недепривированных девушек ($\varphi^*=1,69, p=0,046$). Позитивное ($T=248, p\leq 0,006$) и негативное ($T=129, p\leq 0,03$) отношение эпизодически депривированных девушек к себе увеличивается к поздней юности, а у недепривированных оно не изменяется. В целом у недепривированных

и эпизодически депривированных девушек наблюдается явное *позитивное* отношение к себе.

Вспоминаемое отношение к себе в детстве хронически депривированных девушек менее позитивно ($\varphi^*=1,96$, $p\leq 0,03$) в сравнении с эпизодически депривированными девушками. Но в целом, т. е. при соотношении позитивных и негативных оценок, оно *позитивно*. К юности позитивное отношение к себе у *хронически депривированных девушек* ($T=157$, $p\leq 0,001$) увеличивается, а негативное остается неизменным. Восприятие себя в настоящем по негативным оценкам выше у эпизодически депривированных девушек по сравнению с недепривированными ($\varphi^*=1,75$, $p\leq 0,04$) и хронически депривированными девушками ($\varphi^*=3,35$, $p< 0,0001$), но в целом оно так же *позитивно*.

Таким образом, преобладающее негативное отношение к себе в ретроспективе детства у эпизодически депривированных юношей сохраняется к поздней юности. Хронически депривированные юноши в настоящее время относятся к себе так же амбивалентно, как в ретроспективном детстве. У всех девушек при субъективном восприятии себя в детстве позитивное отношение к себе преобладает над негативным, а у депривированных девушек оно увеличивается к поздней юности.

Усиление позитивного отношения к себе у депривированных девушек объясняется работой защитных компенсаторных механизмов. Следовательно, травма разлуки с родителями в детстве продолжает оказывать негативное влияние на отношение к себе в юности.

Рассматривая различия в отношении к родителям, которые определялись с помощью углового преобразования Фишера – критерия φ^* , было установлено, что у *недепривированных* юношей преобладает позитивное отношение к отцу, а у хронически депривированных – негативное (см. рисунок 7.2). Они хуже относятся к отцу и по сравнению с эпизодически депривированными юношами ($\varphi^*=3,09$, $p\leq 0,001$). Чем более значим в системе ценностей данный личностный смысл объекта, тем сильнее эмоционально окрашен сам объект, тем чаще и наглядней (интенсивней) будет проявляться отношение к этому объекту.

Эпизодически депривированные юноши испытывают сниженное позитивное (практически индифферентное) отношение к отцу. Следовательно, при постоянном или периодическом отсутствии отца уменьшается отчетливость его образа и происходит снижение его аффективной насыщенности, что согласуется с взглядами Г. Е. Вве-

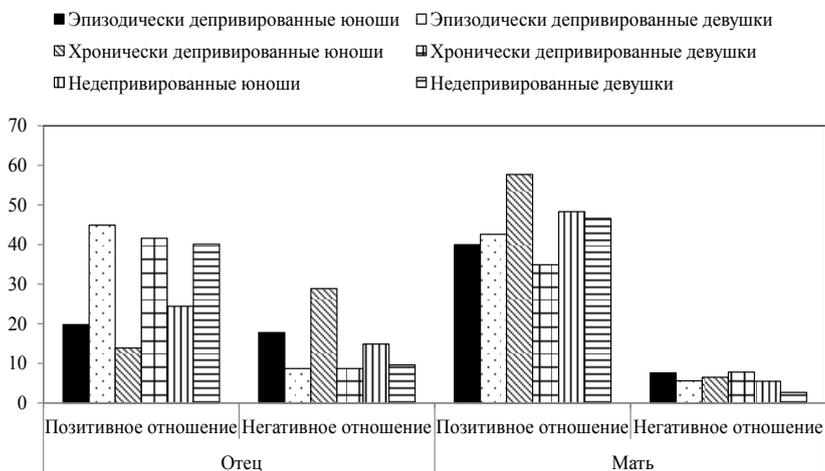

Рис. 7.2. Показатели отношения к отцу и матери юношей и девушек по методике «Кодирование»

денского (2000). Иными словами, эмоциональное отношение к родителю из-за его частого отсутствия смещается в сторону безразличия. Эти умозаключения перекликаются с позицией И. С. Кона, который считает, что нормальная жизнедеятельность личности предполагает не просто обмен информацией со средой, но и установление с ней каких-то эмоционально значимых отношений. В условиях стресса положение меняется: конфликтная ситуация, которую индивид не в силах разрешить, вызывает у него сильные отрицательные эмоции, угрожающие его психике и самому существованию. Чтобы выйти из стресса, он должен разорвать связь своего Я и травмирующей среды или хотя бы сделать ее менее значимой (Кон, 1984).

Между юношами не обнаружено различий в отношении к матери, у всех испытуемых позитивное отношение к матери преобладает над негативным. Однако самым позитивным является восприятие матери хронически депривированными юношами ($\varphi^*=2,82$, $p \leq 0,001$). Это подтверждает выводы М. Ю. Казарян, А. И. Сайфугалиевой о том, что у детей из неполных семей складывается особое отношение к матери вследствие отсутствия отца. У них теплые, доверительные отношения, даже теплее чем у детей из полных семей. Эти дети сами относятся к своим близким (маме, братьям и сестрам) более трепетно, боясь их потерять, потерять их любовь, ласку, заботу,

возможность любить их (Казарян, Сайфугалиева, 2005). Хронически депривированные юноши позитивно относятся к матери, которая постоянно находилась с ребенком на всех этапах его развития, и негативно относятся к отцу, которого ребенок никогда не имел или лишился в детстве, что связано с сохранившимся эдиповым комплексом. Действительно, когда рядом нет отца, на которого можно равняться, эти юноши выбирают себе другой объект (учителя, наставника, тренера) мужского пола для подражания. Отношение к отцу хронически депривированных юношей в целом негативное, так как на отношении к нему сказывается обвинение юношами отца в его отсутствии, в том, что он покинул их. М. Мид и Т. В. Архиреева утверждают, что высокую значимость матери для развития самоотношения мальчика нельзя считать только положительным явлением, так как: «...для того чтобы ребенок мужского пола мог успешно приспособиться к жизни, он должен как-то отождествлять себя со своим отцом или другим взрослым мужчиной. Как бы ни была близка ему мать, какие бы теплые чувства ни существовали между ними, какого бы ни заслуживала она восхищения и преданности, она не является для ребенка мужского пола моделью жизни. Если его привязанность к ней слишком сильна, это затормозит его эмоциональное развитие; если он отождествит себя с нею, то он рискует оказаться сексуально извращенным или же в лучшем случае сформирует в себе некоторые фантастические и мучительные установки. Самую тяжелую расплату готовит семейная жизнь как раз тем мальчикам, которые воспитаны в антагонизме к отцу и в чрезвычайной зависимости от матери» (Цит. по: Архиреева, 2004, с. 76). При отсутствии мужского влияния материнская опека недостаточно способствует становлению личности мальчика. Из-за недостатка общения с мужчинами мальчики видят окружающий мир глазами матерей. У них проявляется недостаток внутренней определенности. Дети, обделенные мужским влиянием, боятся жизни, которая так не похожа на безопасную материнскую среду.

У юношей отношение к матери становится прохладнее при эпизодической семейной депривации, а у девушек – при хронической. Однако в целом отношение к матери более позитивно, чем к отцу. Эти результаты подтверждают мнение А. А. Реана и Я. Л. Коломинского, которые считают, что для большинства юношей и девушек родители продолжают оставаться главными, эмоционально близкими лицами, но доверенным лицом чаще является мать (Реан, Коломинский, 2000).

У эпизодически депривированных девушек отмечаются более высокие показатели позитивного отношения к отцу по сравнению с недепривированными девушками ($\varphi^*=2,67, p \leq 0,002$) и одинаково позитивное отношение к матери. Отношение к отцу хронически депривированных девушек не отличается от отношения эпизодически депривированных девушек, при этом их позитивное отношение к матери по сравнению с другими группами девушек снижено. Скорее всего, это связано с сохранившимся эдиповым комплексом, который, как считает П. Дако, вызывает у женщин мужественность, а у мужчин – трусость, а также чувство вины без видимых причин, боязливость. Возникнув в детстве, этот комплекс может сохраниться на всю жизнь, если нет взаимопонимания между родителями и детьми (Дако, 1995). Возможно, поэтому депривированные девушки являются более целеустремленными, по сравнению с депривированными юношами, а юноши имеют самые низкие показатели отношения к себе, которое проявляется в страхе перед целеполаганием, перед противоположным полом и, можно даже сказать, в страхе перед жизнью.

У юношей и девушек, переживших разлуку с родителями, эдипов комплекс не разрешается, так как ребенок вместо устранения родителя, пытается удерживать его образ. Если в детстве ребенок не расставался с родителями на длительное время, то этот процесс протекает постепенно без удержания (чрезмерной интернализации) образов родителей и застревания на них.

По показателю «Негативное отношение к отцу и матери» эпизодически депривированные юноши более негативно относятся к отцу ($\varphi^*=1,68, p \leq 0,048$) и к матери ($\varphi^*=2,15, p \leq 0,015$) по сравнению с недепривированными, а хронически депривированные юноши имеют самые высокие показатели по негативному отношению к отцу. Не обнаружено различий по негативному отношению к матери между эпизодически и хронически депривированными юношами.

Между депривированными и недепривированными девушками отсутствуют статистически значимые различия по показателю «Негативное отношение к отцу». Отношение к матери более негативно у эпизодически и хронически депривированных девушек по сравнению с недепривированными девушками ($\varphi^*=2,15, p \leq 0,015$).

Второе предположение, сформулированное в параграфе 7.2, о прямой связи между отношением к себе и отношением к родителям изучалась при помощи коэффициента ранговой корреляции r_s -Спирмена. В результате было обнаружено, что у всех эпизодически депривированных и недепривированных юношей и девушек как по-

зитивное, так и негативное отношение к себе напрямую связано с *отношением к отцу* ($p \leq 0,05$). Все это отражает особое значение отца в жизни ребенка, в становлении его отношения к самому себе. Однако в разных подгруппах были установлены некоторые нюансы такой связи. Например, у хронически депривированных юношей имеется связь только между негативным отношением к себе и отцу ($p = 0,018$), но нет связи с позитивным отношением к нему, а у девушек нет связи с негативным отношением к нему. Эти результаты согласуются с утверждением Т. И. Пуховой о том, что в неполной или материнской семье девочка создает себе фантомный образ отца, идеализированный, лишенный человеческих слабостей и каких-либо конкретных черт и поэтому безжизненный (Пухова, 2001).

Кроме этого, было установлено, что коррелирует *отношение к себе и к матери* у всех испытуемых женского пола и у недепривированных юношей, а у эпизодически депривированных юношей есть только связь между негативным отношением к себе и матери ($r_s = 0,47, p \leq 0,0002$). Значит, при нестабильности структуры семьи из-за непринятия себя у мальчика появляется и дистанцированное отношение к матери, он подсознательно обвиняет мать в появлении негативных чувств в свой адрес.

У *хронически депривированных юношей* имеется связь между показателями позитивного отношения к себе и матери ($r_s = 0,53, p \leq 0,0001$), но нет связи между показателями негативного отношения, что отражает особо теплое отношение сына к самому близкому и родному человеку – матери. При этом юноши могут идеализировать мать, которая заботится о них и является самым близким человеком в их жизни. Согласно концепции Э. Берна, Идеал Эго состоит из сознательных и бессознательных образов того, каким человек хотел бы быть: образы эти сформированы по образцу некоторых людей, кем он восхищается и кому хотел бы подражать, поскольку приписывает им идеальные качества (Берн, 1988).

У *недепривированных юношей* и у эпизодически депривированных девушек коррелирует как позитивный, так и негативный аспект отношения к себе и к отцу/матери ($p \leq 0,05$). Не обнаружена связь между негативным отношением к себе и к отцу у хронически депривированных девушек, а отношение этих девушек к матери полностью коррелирует с отношением к себе, однако связь между негативным отношением к себе и матери – обратная ($r_s = -0,34, p \leq 0,046$), т. е. при повышении негативного отношения к матери уменьшается негативное отношение к себе. Это значит, что у девушек из неполных

семей в отличие от юношей с возрастом теряется особенно теплое отношение к матери. Следовательно, эти девушки воспринимают мать как свою соперницу, что является проявлением сохранившегося комплекса Электры. По мнению Т. И. Пуховой, в неполной семье девочка много фантазирует о том, какой бывает отцовская любовь, но, конечно, не получает ее. Дефицит отцовской любви, сопровождающий процесс взросления, порождает искаженное восприятие чувств окружающих людей (Пухова, 2001).

Таким образом, исследование последствий эпизодической и хронической деприваций показало, что:

- 1) травма разлуки с родителями в детстве продолжает негативно влиять на отношение к себе в юности. У всех депривированных юношей снижено позитивное и повышено негативное отношение к себе. У депривированных девушек, вероятно, эффективнее срабатывают механизмы психологической защиты, поэтому в юности у них самые высокие показатели позитивного отношения к себе;
- 2) эпизодически депривированные юноши и хронически депривированные девушки менее позитивно относятся к родителям по сравнению с недепривированными юношами и девушками и эпизодически депривированными девушками. Хронически депривированные юноши демонстрируют негативное отношение к отцу и самое позитивное по сравнению с другими юношами отношение к матери;
- 3) связи между отношением к себе и к родителям являются в основном положительными, т. е. отношение к себе напрямую связано с отношением к родителям. При сравнении отдельно негативных и позитивных оценок себя и оценок родителей у хронически депривированных юношей обнаружены прямые связи между негативным отношением к себе и к отцу и позитивным отношением к себе и к матери. У хронически депривированных девушек выявлены прямые связи между позитивными оценками себя и отца и обратные связи между негативными оценками себя и матери. Прямые связи между негативным отношением к себе и к матери выявлены у эпизодически депривированных юношей.

Полученные результаты исследования подтверждают выдвинутое предположение. Между эпизодически/хронически депривированными и недепривированными юношами и девушками существуют

различия в отношении к себе и к родителям, при этом отношение к себе напрямую связано с отношением к родителям. Эпизодическая и хроническая семейная депривация в детстве способствует формированию искаженного отношения к себе и впоследствии отражается на отношении юношей и девушек к своим родителям.

Необходимо заострить внимание на том, что результаты этого исследования указывают на безусловную связь внешней (в данном случае принудительной) и внутренней сепарации субъекта, описанной в главе III, и конкретизируются тем, что непринятие себя является типичным признаком отношения юноши/девушки к себе при наличии у них депривационного опыта, причиной которого стала разлука в детстве со значимыми людьми.

ГЛАВА VIII

ВЗРОСЛОСТЬ И ПРОЦЕСС СЕПАРАЦИИ

8.1. Социальные условия развития в период зрелости и их значение для психологической сепарации человека

Зрелость – наиболее продолжительный отрезок жизненного пути, характеризующийся наивысшим развитием духовных, интеллектуальных и физических способностей личности. Единого подхода к периодизации данного этапа онтогенеза среди ученых не существует. Хронологические рамки зрелого возраста достаточно условны и определяются моментом завершения юности и началом периода старения. Так, Дж. Биррен выделяет раннюю зрелость (17–25 лет), зрелость (25–50 лет) и позднюю зрелость (50–75 лет). Аналогично Д. Б. Бромлей описывает раннюю зрелость (21–25 лет), среднюю зрелость (25–40 лет), позднюю зрелость (40–45 лет) и предпенсионный возраст. Э. Эриксон выделял раннюю зрелость (20–40–45 лет), среднюю зрелость (40–45–60 лет) и позднюю зрелость (свыше 60 лет) (Эриксон, 2000). И. В. Слободчиков описывает молодость (19–28 лет), зрелость (32–42 года) и зрелость (44–60 лет), выделяя отдельно кризисы юности (17–21 год), молодости (27–33 года) и зрелости (39–45 лет) (Слободчиков, Исаев, 1995). Нам наиболее убедительной представляется периодизация И. Ю. Кулагиной, которая выделяет в онтогенезе развития молодость (от 20–23 лет до 30 лет) и зрелость (от 30 до 60–70 лет) (Кулагина, Колюцкий, 2001).

В молодости для человека важно выбрать профессию, соответствующую призванию, найти спутника жизни и создать собственную семью, определить свое отношение к общественной жизни, участие и роль в ней. В это время подавляющее большинство молодых людей заключает первые браки, становятся родителями, осваивают роли отца и матери. Создание семьи, налаживание партнерских

отношений, поддержание домашнего очага, профессиональное становление – значимые элементы процесса внешней и внутренней психологической сепарации молодого человека. От того, насколько молодой человек готов к самостоятельному бытию в мире уже не как отдельная личность, а как часть социальной группы (семьи, рабочего коллектива, профессионального сообщества, общественной организации и пр.), зависит становление его личности, формирование индивидуального жизненного стиля, выстраивание системы смысловых ориентаций. Социальная ситуация развития, таким образом, приводит молодых людей к серьезным судьбоносным решениям: выбору и освоению профессиональной деятельности, выбору спутника жизни, принятию ролей супруга и родителя. Для того чтобы выбор был осознанным, стал отправной точкой развития успешного профессионала и счастливого семьянина, молодому человеку необходимо проявить известную долю независимости, самостоятельности. Такой выбор возможен лишь в том случае, если молодой человек обладает внутренней независимостью, ответственностью, осознает свою собственную уникальность и уникальность другого человека, может существовать психологически автономно от родителей.

В ином случае, не преодолев своей зависимости, молодые люди сознательно, подчиняясь воле родителей («Он/она тебя так любит, лучшего мужа/жены не стоит ждать», «Эта профессия всю жизнь будет тебя кормить») или бессознательно, отождествляя свои чувства и мысли с таковыми у значимых объектов, делает неосознанный выбор в пользу родительских моделей поведения, копируя чужую судьбу. К сожалению, в дальнейшем такая модель поведения нередко приводит к дисгармонии в браке, затяжным внутренним конфликтам и в целом к общей неудовлетворенности жизнью.

Безусловно, существуют также присущие данному периоду ролевые конфликты между ролью молодого супруга и молодого специалиста, ролью супруга/супруги и молодого отца/матери. Но они не носят столь острого характера, особенно если вступление в каждую из ролей происходит последовательно, а вращение в нее идет постепенно.

Таким образом, при благополучном развитии событий, к тридцатилетнему рубежу личность подходит, интегрировав все вышеперечисленные роли и связанные с ними психологические качества, вступая в возраст зрелости с багажом автономности и ответственности за свою судьбу. В ином случае происходит пересмотр собственной

личности, переоценка ценностей. Человек осознает, что жизненный замысел оказался неверным. Если на этот раз кризис тридцати лет побудил его действовать независимо и самостоятельно, то возможны перемены профессии, уклада семейной жизни, пересмотр отношений с окружающими людьми.

Рассмотрим теперь, как происходит развитие личности в зрелости. С позиции акмеологии ведущей деятельностью в зрелом возрасте можно считать максимальную реализацию личности человека в ходе активного включения в производительную жизнь общества (в самом широком смысле).

По Э. Эриксону, основной характеристикой зрелой личности является генеративность, проявляющаяся в стремлении повлиять на следующее поколение через собственных детей, через практический или теоретический вклад в развитие общества, в потребности заботиться о других людях, в ответственности за свою судьбу, за свои поступки, а также за судьбы близких, в способности к участию в жизни общества (Эриксон, 2000).

Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс полагали, что человек стремится к непрерывному развитию и самореализации, что является частью его природы. Человек обладает определенной степенью свободы от внешней детерминации благодаря смыслам и ценностям, которыми он руководствуется в своем выборе. Эти авторы различно трактовали те психологические особенности, которые приведут личность к ее наиболее полной реализации. Г. Олпорт перечисляет следующие черты личности: широкие границы Я, способность к теплым, сердечным отношениям, эмоциональную неозабоченность и самопритяжение, реалистичное восприятие жизненных обстоятельств, а также основанные на таком восприятии притязания, способность к самопознанию и проявлению юмора, самоиронии и, наконец, цельную жизненную философию. В свою очередь, А. Маслоу выделяет много характерных черт «самоактуализирующейся личности»: свежесть восприятия, глубокие межличностные отношения, автономность, принятие себя и других, природы, центрированность на проблемах, а не на переживаниях, сопротивление окультуриванию и др. (Маслоу, 1999). Наконец, К. Роджерс находит пять черт, общих для «полноценно функционирующих людей»: открытость к переживанию новых ситуаций, экзистенциальный образ жизни, организмическое доверие, эмпирическую свободу и креативность (Роджерс, 2001).

Л. И. Анцыферова утверждает, что источником развития личности в зрелости, кроме социально-исторического контекста, яв-

ляется развитие индивидуальности, что способствует определению и своевременной коррекции направления своего жизненного пути. Зрелая личность выступает в качестве субъекта собственной истории, способна к регуляции жизненного процесса. Личностный рост описывается автором как процесс «овладения все более совершенными способами» познания и взаимодействия с окружающим миром, где личность выступает как «субъект не только своего поведения, но и своего внутреннего мира, своей психической жизни» (Анцыферова, 2000, с. 211).

Говоря об особенностях зрелого возраста, А. А. Бодалев подчеркивает, что для науки важно проследить связи между особенностями акме человека (высший для каждого человека уровень в его развитии, вершина его зрелости) и характером социальной ситуации развития в этот период его жизненного пути, важно понять роль самого человека в том, какой будет вершина его жизни и когда она явно у него будет просматриваться (Бодалев, 1998). В современных исследованиях обсуждается вопрос о соотношении показателей возрастного и профессионального развития в период взрослости, о ресурсах совладания с кризисами на разных этапах взрослости (Головей, 2004, 2007; Головей, Манукян, Петраш, 2009).

Но период зрелости – это не только время акме человека, но также и стадия глубинных кризисов развития его личности. К. Г. Юнг считал, что человек развивается в течение первой и второй половины жизненного цикла по-разному. Первая половина, где-то до 35 или 40 лет, – это время внешней экспансии. Молодые люди строят свою карьеру и семью и делают все возможное для того, чтобы подняться вверх по социальной лестнице «успеха в жизни». Во время этой фазы, считает Юнг, определенная степень односторонности необходима, молодой человек должен посвящать всего себя задаче освоения окружающего мира. Психологически сорокалетний человек готов к трансформации, к смене установок: с внешнего мира на мир внутренний. В этом возрасте человек постепенно обращается вглубь себя, подобно солнцу, которое после того, как «щедро дарит миру свой свет, забирает свои лучи назад для освещения самого себя» (Юнг, 2003, с. 66), чтобы познать неведомые до сей поры стороны своего Я. Согласно Юнгу, конечная жизненная цель – это полная реализация Я, т. е. становление единого, неповторимого и целостного индивида. Развитие каждого человека в этом направлении уникально и включает процесс индивидуации, т. е. динамичный и эволюционный процесс интеграции многих противодействующих

внутриличностных сил и тенденций. Большинство исследователей считают критический период определенным рубежом в развитии взрослого человека, когда он оценивает достигнутое, подвергает сомнению прежние ценности, пересматривает жизненную стратегию, ищет новое содержание и смысл жизни.

Термин «кризис середины жизни» впервые был предложен Д. Левинсоном. Однако он ввел представление не об одном (наиболее известном) кризисе, а о трех: о кризисе перехода к ранней взрослости, перехода к средней взрослости, перехода к поздней взрослости. Исследования Левинсона были проведены на мужском контингенте испытуемых. Для того чтобы стать по-настоящему взрослым, мужчине необходимо справиться с четырьмя задачами: увязать мечты и реальность, найти наставника, обеспечить карьеру, наладить интимные отношения. При этом существенным признаком перехода к новому этапу становится анализ субъектом тех характеристик его жизни, которые в стабильный период не были предметом отношения и анализа. Кризисы у Левинсона связаны с поиском путей самореализации и переосмыслением жизненных ценностей (Levinson, 1986).

Кризис «середины жизни», как и другие возрастные кризисы, сопровождается теми или иными депрессивными переживаниями. Это может быть снижение интереса ко многим событиям или удовольствия от них, апатия. Часто встречаются переживания по поводу собственной никчемности, беспомощности. Особое место в депрессивных переживаниях занимает тревога в отношении своего будущего, которая зачастую маскируется тревогой за детей, супруга или даже за общество. Нередко депрессивные переживания концентрируются вокруг потери смысла и интереса к жизни.

По мнению К. Г. Юнга, сущностью кризиса середины жизни является встреча человека со своим бессознательным. Многие люди пытаются перенести психологию периода молодости через пору зрелости. Именно поэтому, у сорокалетних людей учащаются депрессии, те или иные невротические расстройства, которые свидетельствуют о наступлении кризиса. Для того, чтобы человек мог встретиться со своим бессознательным, осознать скрытые стороны самого себя, интегрировав их в собственное «Я», ему необходимо осуществить переход от экстенсивной жизненной позиции к интенсивной, от стремления расширить и завоевать внутреннее пространство – к концентрации внимания на своей самости (Юнг, 2007). К сожалению, как отмечает К. Юнг, большинство людей не подозревает о воз-

возможности этих изменений, и вследствие этого вступают во вторую половину жизни неподготовленными.

У женщин стадии жизненного цикла в большей мере структурированы как хронологическим возрастом, так и стадиями семейного цикла: браком, появлением детей, уходом выросших детей из родительской семьи, появлением внуков. Завершение каждой прежней стадии семейного цикла и начало новой являются критическими точками для внутренней независимости женщины, потому что переход на новую стадию связан как с изменением ролевого статуса женщины, так и с разрешением проблем сепарации–индивидуации и, следовательно, с глубинной личностной перестройкой: коррекцией самосознания, самоотношения, личностной идентичности, реконструкцией личностного пространства, реформацией внешних и внутренних границ (Шихи, 2000).

С. Ли и Х. Грамотнев утверждают, что период ранней взрослости – это время жизненных изменений, связанное с риском ухудшения психического здоровья. Лонгитюдное исследование проблемы женского здоровья 7619 совершеннолетних молодых австралийских женщин, проведенное этими учеными, касается изучения изменений в 4 областях жизни: территориальной независимости, межличностных отношениях, работе и учебе, материнстве. Измерения велись в течение более 3 лет по показателям здоровья, качества жизни, оптимизма, депрессивных признаков, стресса и удовлетворенности жизнью. Улучшение психического здоровья наблюдалось у женщин, настроенных на совместное проживание и брак, тогда как его снижение наблюдалось среди тех, кто переживает разлуку или развод с супругами, а также среди тех, кто остался в традиционно «женских» ролях (не работает, занимается с детьми). Данные показывают, что женщины хорошо справляются с главными изменениями на этой стадии жизненного цикла, а ухудшение психологического благополучия связано только с некоторыми жизненными переменами. Результаты исследования показывают, что для того чтобы повысить сопротивляемость и адаптацию женщин, в жизни которых происходят подобного рода перемены, необходимы профилактические вмешательства, и что социальные структуры, возможно, не оказывают достаточной поддержки для женщин, делающих традиционный жизненный выбор (Lee, Gramotnev, 2007).

Выявление особенностей развития личности как мужчины, так и женщины позволяет оценить сепарацию как процесс, который продолжается в течение всего онтогенеза, становясь особенно на-

сыщенным в зрелом возрасте. Сепарация в зрелом возрасте затрагивает как ее внешнюю, так и внутреннюю стороны. Выбор партнера, брак, расставание со значимыми людьми, развод, изменения в профессиональном статусе, рождение детей – все эти события, происходящие во внешнем плане жизнедеятельности, связаны с глубинными внутриличностными изменениями. Эти изменения, в первую очередь, опосредованы тем, что личность более не в состоянии обеспечивать свое единство, не сепарировавшись от прежних моделей поведения, которые, в свою очередь, являются внешним планом внутренних аффективно-когнитивных представлений о собственной идентичности, значимых межперсональных отношениях, об отношении к изменившейся жизненной ситуации и своем месте и роли в ней. Модели поведения, которые требуют изменений и работы по внутренней сепарации, кроме того, затрагивают бессознательные паттерны отношений со значимыми людьми в раннем детстве, а также бессознательные аффективно-когнитивные следы индивидуального опыта внешней и внутренней сепарации на более поздних этапах онтогенеза.

8.2. Тип привязанности и психологическая сепарация человека в период взрослости

Современная наука уделяет достаточное внимание исследованиям, рассматривающим психологические особенности и качество взаимоотношений взрослых людей в контексте теории привязанности Дж. Боулби (Ainsworth et al., 1978; Jacobson, 1954; Sandler, 1976, 1987; Main, Kaplan, Cassidy, 1985; Solomon, George, 1999; Crowell, Fraley, Shaver, 1999; Hesse, 1999; Kanninen, Salo, Punamäki, 2000; Fraley, Brumbaugh, Marks, 2005; Fraley et al., 2011). Начало этим исследованиям было положено работами М. Эйнсворт, она выявила следующие типы привязанности детей к матерям (Ainsworth et al., 1978): избегающий, надежный, амбивалентный, дезорганизованный.

Типы взрослой привязанности выделены М. Мейн и ее сотрудниками (Main, Cassidy, 1988; Main, Kaplan, Cassidy, 1985; Main, 1991, 1995). Мэри Мейн и ее коллеги применили разработанное полуструктурированное «Интервью привязанностей взрослых» (Adult Attachment Interview, AAI), в котором взрослым людям задавали вопросы о том, каковы их собственные ранние воспоминания об отношениях с родителями (или замещающими их людьми) в детстве,

а также какое значение они приписывают этому раннему опыту на данный момент своей жизни.

Оценка родительского поведения, оценка ментальных репрезентаций, а также оценка рассказанных историй на основе правил когерентности дискурса Грайса (Grice, 1975) позволили выделить следующие типы привязанности взрослых. Взрослые респонденты с «автономным» (надежным) типом привязанности отличаются непротиворечивостью и логичностью изложения воспоминаний о раннем детстве, открыто и свободно рассказывают о конкретных поступках родителей независимо от того, насколько легко или тяжело им обсуждать те или иные события. В целом поведение их родителей воспринимается респондентами как любящее. Взрослые люди с автономным типом привязанности придают ранним отношениям со своими родителями большое значение, считают их важными для формирования собственной личности.

В рассказах «тревожных» респондентов отмечается несогласованность оценок, которые они дают своим отношениям с родителями и конкретных эпизодов, о которых они сообщают. В воспоминаниях респондентов практически отсутствуют описания родителя как надежного и эмоционально стабильного. Наоборот, в рассказах подчеркивается амбивалентная окраска отношений и в то же время их высокая интенсивность, нередки случаи инверсии ролей.

«Дистанцированные» респонденты демонстрировали ограниченную готовность к самораскрытию, испытывали дискомфорт в связи с темой интервью. И хотя эти респонденты часто идеализируют свои взаимоотношения в раннем детстве с родителями, они зачастую испытывали сложности в припоминании конкретных эпизодов поведения родителей, подтверждающих такое отношение. Кроме того, «дистанцированные» респонденты считают опыт привязанности малозначимым для своего развития.

Четвертый тип репрезентаций – «дезорганизованный», выявленный М. Мейн, связан с невозможностью респондентов эмоционально дистанцироваться от пережитых ими травматических событий, таких, как смерть близких, жестокое обращение или насилие, поэтому в их рассказах встречаются как ментальные, так и эмоциональные «разрывы», а высказывания отличаются дезориентированностью вплоть до проявления психотических эпизодов. Например, «они могут серьезно высказывать убеждение, что умерший продолжает жить или что его убили детские фантазии респондента» (Калмыкова, Падун, 2002). В обсуждении остальных тем такие ре-

спонденты демонстрируют второй или третий тип репрезентаций привязанности.

В ходе исследования Мэйн, Каплан и Кэссиди, было установлено, что типы привязанности родителей, полученные на основе Adult Attachment Interview, коррелирует с типами поведения их детей в «Незнакомой ситуации» М. Эйнсворт, полученными при обследовании пятью годами раньше. Через полтора года было проведено новое исследование тех же детей и родителей, которое дало сходные результаты (Main, Kaplan, Cassidy, 1985).

Таким образом, можно соотнести типы привязанностей у младенцев (Эйнсворт) с типами привязанностей у взрослых (Мэйн) и связанные с этими типами привязанности особенности поведения и переживаний взрослых людей в ситуациях вынужденной внешней сепарации (разлуки, расставания, развода, вдовства, вынужденного одиночества и пр.).

Так, в ретроспективном исследовании, проведенным Дж. Росби изучалось влияние возраста, в котором британские дети попали в приемную семью во время Второй мировой войны, на процент их разводов во взрослом возрасте. В исследовании принимали участие 859 испытуемых в возрасте 62–72 лет, которые во время войны, будучи детьми, жили в графстве Кент в юго-восточной Англии. Из них 770 были эвакуированы и усыновлены, остальные остались дома. У испытуемых женского и мужского пола, эвакуированных в возрасте 4–6 лет, наблюдался значительно более высокий уровень количества разводов по сравнению с теми, кто был разлучен с родителями в 13–15 лет. Было установлено, что эта связь была обусловлена стилем привязанности: у респондентов наблюдалось повышенное чувство беспокойства (Rusby, 2010).

Следующее исследование посвящено изучению изменений в повседневном эмоциональном состоянии, поведении и физиологии респондентов, связанных с временной физической сепарацией от партнеров (таких, как служебные командировки). В исследовании рассматривалось взаимодействие партнеров: позитивные и негативные эмоции, проблемы, связанные со сном, субъективный стресс, физические симптомы и измерялся уровень слюнного кортизола (ежедневно брались пробы слюнного кортизола у 42 пар в течение 21 дня). Были обнаружены существенные изменения этих показателей в ситуациях, предшествующих разлуке и от начала разлуки до воссоединения. Переживания, связанные с разлукой и воссоединением, более явно проявлялись у возвращающихся домой партнеров,

у партнеров, которые меньше контактировали друг с другом во время разлуки, а также у респондентов, обладающих высоким уровнем тревожной привязанности. Не было обнаружено связи между снижением уровня переживаний, связанных с сепарацией, и длительностью отношений в паре, удовлетворенностью отношениями, частотой разлук или наличием у партнеров детей (Diamond, Hicks, Otter-Henderson, 2008).

Переживания, связанные с внешней сепарацией от родителей в результате развода, оказывают негативное влияние и на психологическое здоровье детей. «Дети развода» чаще испытывают беспокойство, ощущение брошенности, печаль и отчаяние, так как воспринимают разлуку с родителем как травматическое событие и в последующей жизни реагируют повышенной тревожностью на расставания и разлуки с другими людьми. А. М. Огилес с коллегами изучали наличие симптомов сепарационной тревоги у 95 детей разведенных родителей в возрасте от 8 до 12 лет. Оказалось, что по сравнению с группой детей аналогичного возраста и пола, чьи родители не развелись, для детей разведенных родителей характерен более высокий уровень сепарационной тревоги (Orgilés, Espada, Méndez, 2008).

Как правило, большинство исследователей привязанности взрослых отмечают, что, помимо переживания ранних привязанностей в детстве, на модель привязанности во взрослом возрасте оказывают влияние романтические отношения со сверстниками в подростковом возрасте, а также индивидуальный опыт близких межличностных отношений в зрелости.

Исследование С. Хазэн и П. Шавер было сосредоточено на паттерне ожиданий, эмоций и поведения, связанного с романтическими отношениями. Было выявлено, что этот паттерн принимает различные формы в зависимости от индивидуальной истории развития привязанности человека (Hazan, Shaver, 1987).

В исследовании приняли участие 620 человек, из них 205 мужчин, 415 женщин (средний возраст респондентов составил 36 лет). Респондентам предлагалось ответить на вопросы опросника (впоследствии получившего название «Adult attachment style»), касающиеся самооценки поведения в близких и романтических отношениях, описать свой опыт ранних детских отношений и любовных отношений при помощи самоотчета.

Результаты исследования показали, что стиль привязанности в детстве связан с качеством опыта межличностных любовных от-

ношений во взрослом возрасте. Так, 56% взрослых людей, имеющих надежную модель привязанности, охарактеризовали свои отношения с родителями и между родителями как теплые, а отношения с любовным партнером как счастливые, дружеские и доверительные. 23% респондентов, относящихся к «избегающему» типу, отметили, что их мать была эмоционально холодной и отвергающей, а в любовных отношениях они испытывали страх близости, эмоциональные взлеты и падения, а также ревность. 19% взрослых людей, имеющих «тревожный» тип привязанности, в ранних детских отношениях особо отмечали роль отца, которого респонденты характеризовали как несправедливого. Для любовных отношений этих респондентов были свойственны навязчивые идеи, ревность, уходы и возвращения к партнеру, эмоциональная нестабильность, поглощенность объектом любовной страсти (Hazan, Shaver, 1987).

Таким образом, С. Хазэн и П. Шавер отмечают, что взаимодействие между взрослыми любовными партнерами сходно с взаимодействием между детьми и их родителями (замещающими их лицами). Люди, вступающие в романтические отношения, испытывают желание быть рядом друг с другом. Им становится тревожно и одиноко, когда их партнер отсутствует. Надежные романтические отношения помогают личности открывать новые возможности, преодолевать сюрпризы судьбы, решать жизненные проблемы. Открытые, доверительные отношения, как в случае с ранним детским опытом, способствуют переходу на новый уровень личностного и бытийного развития, помогают внутренне сепарироваться от изживших себя убеждений, установок, лечат застарелые эмоциональные раны, являются «поводырями» на пути обретения внутренней свободы.

В исследовании супружеских конфликтов Л. А. Николаева выявила (в эмпирическом исследовании участвовало 306 супружеских пар в возрасте от 25 до 35 лет), что наиболее конфликтоустойчивыми являются супруги с безопасным типом психологической привязанности. При безопасном типе привязанности обнаружен и низкий уровень предрасположенности к конфликтам. Кроме того, установлено, что для респондентов с безопасным типом психологической привязанности наиболее характерны такие способы регулирования конфликтов, как сотрудничество и компромисс. Реже используется способ избегания, практически не используются приспособление и соперничество. Л. А. Николаева отмечает, что «данная категория супругов готова считаться с позицией друг друга, поддерживать доверие к себе со стороны оппонента и соблюдать правила

«честной игры» либо прибегать к взаимным уступкам (Николаева, 2008, с. 22).

Можно считать, что результаты исследования согласуются с представлением о безопасно привязанных респондентах как о внутренне сепарированных людях, «перерезавших» психологическую пуповину зависимости от значимого объекта. С одной стороны, такой человек осознает позитивные функции конфликта, сознательно определяет свое отношение к сложившейся ситуации, к партнеру и себе посредством развитого самосознания и рефлексии. С другой стороны, выбор наиболее эффективных и в то же время активных стратегий взаимодействия в конфликтной ситуации подтверждает отношение к себе и к партнеру как к субъекту, способному творчески преобразовывать действительность, находить выход из трудной ситуации. И наконец, в третьих, так как выбранные стратегии предполагают открытость коммуникаций в процессе переговоров, внутренне сепарированные (надежно привязанные) люди обладают умением выражать свои чувства, адекватно реагировать на критику, с уважением относиться к потребностям и индивидуальности партнера.

Большинство исследователей связывают надежный тип привязанности с психологическим здоровьем личности. Так, по данным М. В. Сытько (в исследовании приняли участие мужчины и женщины, в количестве 59 человек, в возрасте от 25 до 35 лет), взрослые люди с надежным типом эмоциональной привязанности обладают более высоким и устойчивым самоотношением, они достаточно уверены в своих силах, ценят себя и свой внутренний мир; считают себя во многом удачливыми, хорошо управляют своими эмоциями и чувствами, а также способны упорно добиваться поставленных целей (Сытько, 2011). Шелли Риггс и Деброй Джакобиц на выборке 233 матерей и отцов была изучена связь между представлениями взрослых о ранней привязанности и психическим здоровьем семьи. Как и предполагалось, безопасная привязанность была связана с психическим здоровьем (Riggs, Jacobvitz, 2002). В исследовании Е. С. Калмыковой установлено, что надежный тип привязанности не имеет корреляций с психопатологией, в то время как «прототипы, относящиеся к ненадежным (тревожному и дистанцированному) типам, имеют значимые взаимосвязи с выраженностью психопатологических (в том числе посттравматических) симптомов» (Калмыкова, Падун, 2002, с. 91).

Результаты исследований К. Бреннан с коллегами по измерению романтической привязанности взрослых показывают, что стили

привязанности могут быть охарактеризованы посредством двух независимых параметров – тревоги по поводу привязанности и избегания. Ось тревоги отображает степень беспокойства о том, что партнер не будет доступен или отзывчив в трудный момент жизни. Ось избегания показывает степень недоверия по отношению к партнеру и стремление поддерживать независимость поведения, самодостаточность и эмоциональную дистанцированность (Brennan, Clark, Shaver, 1998).

Согласно И. Берант, М. Микулинцер, П. Шавер в случае привязанности по избегающему типу взрослые люди применяют неадаптивные, «деактивирующие» стратегии поведения. Такие люди отрицают потребность в привязанности, стараются не сближаться с людьми, избегают взаимозависимости в отношениях, всего того, что могло бы сделать их слишком незащищенными и уязвимыми. В виду того, что эти люди «блокируют» доступ к внутренним переживаниям, внешне демонстрируют невозмутимость и самообладание, внутренне они не готовы справляться с трудными жизненными ситуациями в случае длительных стрессовых переживаний, требующих активного совладания и внешних источников поддержки (Berant, Mikulincer, Shaver, 2008).

Люди с тревожным типом привязанности используют «гиперактивирующие» стратегии. Они предпринимают активные попытки наладить близкие отношения, стремятся получить поддержку и любовь. Но в силу того, что эти намерения сопровождаются неуверенностью и тревогой, объект привязанности отвечает непостоянством, что провоцирует у взрослых людей «тревожного» типа агрессивные реакции: злость, обиду, негодование (Mikulincer, Shaver, 2012). Эти же исследователи отмечают, что тревожный тип привязанности связан с деструктивными вспышками гнева, импульсивным, требовательным отношением к близким людям, иногда с применением насилия (Mikulincer, Shaver, 2007).

Данные М. Микулинцер и П. Шавер сопоставимы с результатами Т. Кроуфорда с коллегами, которые, опираясь на классификацию В. Лайзли, обнаружили, что тревожный тип привязанности связан с таким компонентом расстройства личности, как «эмоциональная дисрегуляция» («emotional dysregulation»), и сопровождается эмоциональной лабильностью, тревогой, нарциссизмом, когнитивными искажениями, склонностью к аутоагрессии, подозрительностью и нестабильностью идентичности, в то время как избегающий тип привязанности связан с «самоподавлением» («inhibitedness»), для ко-

того характерны ограничение выражения эмоций, проблемы близости и социальное избегание (Crawford et al., 2007).

Небезопасный характер привязанности снижает резистентность к стрессу и предрасполагает человека к психопатологическим расстройствам в кризисные периоды жизни. Так, по данным обзора исследований, проведенных на клинических и неклинических выборках, М. Микулинцер и П. Шавер обнаружили, что небезопасный стиль привязанности распространен среди людей с разнообразными психическими расстройствами, начиная от легких форм дистресса и заканчивая тяжелыми личностными расстройствами, в том числе и шизофренией (Mikulincer, Shaver, 2007). Д. Лэджевуд выявила взаимообусловленность внутрисемейной изоляции и суицидального поведения (Ledgerwood, 1999). С. Козарелли с коллегами установил, что женщины, характер привязанности которых в течение двух лет после аборта сместился в сторону небезопасности, с большей вероятностью, чем другие женщины, перенесшие аборт, обнаруживали в анамнезе депрессию или насилие (Cozzarelli et al., 2003).

Обнаружена также связь между небезопасным типом привязанности и симптомами ПТСР. Исследование проводилось среди израильских ветеранов, бывших военнопленных (контрольная группа состояла из ветеранов, не побывавших в плену) через 18 и 30 лет после их освобождения из плена. Признаки как избегания, так и тревожного типа привязанности со временем возрастали у бывших военнопленных. Было установлено, что рост признаков небезопасных типов привязанности коррелирует с тяжестью симптомов ПТСР (Solomon, Dekel, Mikulincer, 2008).

Т. Кроуфорд, В. Лайзли с коллегами установили, что для разных расстройств характерны разные типы небезопасной привязанности взрослых. Тревожный тип привязанности связан с зависимым, истероидным и пограничным расстройствами личности, в то время как избегающий тип привязанности характерен для шизоидного и избегающего личностных расстройств (Crawford et al., 2007).

Проведенный анализ нарушений психологического здоровья человека показал, что вышеперечисленные исследования сфокусированы на тех отношениях, которые состоялись на ранних стадиях онтогенеза и стали прообразом поведения взрослых людей. Помимо контекста отношений, опосредованных типом детской привязанности, равноценный вклад в процесс внутренней и внешней сепарации вносит личность человека как субъекта отношений.

8.3. Субъектность и внутренняя независимость личности как факторы психологической сепарации взрослого человека

Субъектный подход к человеку и его отношения со значимым другим, что так важно для проблемы сепарации, рассматривается большинством отечественных авторов (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, В. В. Знаков, Е. А. Сергиенко, Е. И. Кузьмина, Д. А. Леонтьев и др.).

В работах Л. С. Выготского, посвященных проблемам сознания, мышления, свободы выбора, опосредствования психической деятельности, субъект рассматривается как результат интериоризации общественного опыта, а поведение – как звено между человеком и средой, являющейся источником психического развития личности. Он полагал, что собственная активность личности является условием для осознания и понимания ситуации и способов действия в ней. «Личность... не врожденна, но возникает в результате культурного развития, поэтому „личность“ есть понятие историческое. Она охватывает единство поведения, которое отличается признаком овладения...» (Выготский, 1983б, с. 315).

Концепция субъекта, предложенная С. Л. Рубинштейном, несла, прежде всего, идею об индивидуально активном человеке, строящем условия жизни и свое отношение к ней. Он подчеркивал не только зависимость личности от жизни, от различных обстоятельств, но и зависимость жизни от личности. Этапы жизни, их содержание, жизненные события рассматриваются им как зависимые от человека. Личность организует свою жизнь, регулирует ее ход, выбирает и осуществляет избранное направление. Высшие личностные образования – сознание, активность, зрелость и т. д. – выполняют функции организации, регуляции, обеспечения целостности жизненного пути, субъектом которого человек становится по мере развития (Рубинштейн, 1999).

Развивая концепцию С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульханова-Славская провела исследования форм активности личности, связанной с инициативой и ответственностью. По мнению Абульхановой-Славской, активность личности – высшая личностная способность, в целом связанная с жизненным путем. Она обеспечивает толерантность личности к деструктивным социальным процессам, неопределенности и кризисным жизненным ситуациям; личность становится относительно самодостаточной. Такого типа личность является под-

линым субъектом своей жизни как в плане ее практического осуществления, так и в плане осознания (Абульханова-Славская, 1991).

Наиболее последовательное воплощение субъектный подход обрел в трудах А. В. Брушлинского. Он подчеркивает, что детерминация психической жизни субъекта осуществляется в процессе взаимодействия внешних и внутренних условий в ходе развития человека и все проявления этой психической жизни следует рассматривать как принадлежащие субъекту.

А. В. Брушлинский учитывает всю систему детерминант, составляющую процесс саморазвития субъекта – социально-экономические, исторические, собственно психологические факторы. Поэтому субъект всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем внутренне независим, автономен, суверенен, несет интегративную функцию человека как деятеля.

Н. Е. Харламенкова утверждает, что не только отдельные характеристики личности – активность, инициативность, ответственность, самостоятельность, но и интегральные образования, например социальная компетентность, являются «субъектными» (Харламенкова, 2008).

Зарубежные авторы также стремятся выделить внутренние детерминанты того, что делает человека автономным, независимым, свободно выбирающим свой путь и активно преобразовывающим действительность. Наиболее близким к исследованиям феноменологии понятия субъекта нам представляется подход исследователей феномена свободы личности (В. Франкл, Р. Мэй, И. Дейч, Т. Тулку, Дж. Рейчлэк, У. Тейджсон, Р. Харре, Э. Деси, Р. Райан и др.).

Представитель экзистенциального направления В. Франкл утверждает, что если человек объективно не может изменить границы своих возможностей в силу обстоятельств, то он способен изменить отношение к ним, противопоставить подавляющим его факторам свое духовное Я. Так как духовная жизнь человека наполнена поиском, реализацией ценностей и уникального для каждой личности смысла, то именно они выступают условиями личной свободы.

Р. Мэй подчеркивает взаимосвязь между свободой человека и его душевным здоровьем. По мнению Мэя, не тревога и чувство вины, а чувство пустоты и апатия являются главными болезнями нашего времени. У психически неуравновешенного человека отсутствуют навыки общения с окружающим миром, он отрицает свою судьбу и в процессе этого отрицания теряет свободу. «Невроз – это отказ

от свободы, подчинение своей личности жестким устойчивым формулам и, как следствие, превращение личности в автомат. Душевное здоровье подразумевает обретение чувства личной ответственности и, следовательно, свободы» (Мэй, 2008, с. 17).

В теории Э. Дэси и Р. Райан развитие Я связано с понятием организмической интеграции, которая рассматривается авторами на двух уровнях анализа: внутриличностных процессов и межличностных отношений. «Этот двухуровневый процесс поиска интеграции и связи как внутри самого человека, так и с другими людьми является сущностью активного свободного Я в развитии» (Deci, Ryan, 1991, p. 245). Дэси и Райан полагают, что внутренняя мотивация и организмическая интеграция обеспечивают основу субъектности, которая понимается ими как самодетерминируемая свобода в человеческом поведении на основе принятия как своего истинного Я, так и Я других людей, что предопределяет умение сосуществовать с другими людьми и идентифицироваться «с неситуативными ценностями жизни» (Deci, Ryan, 1991, p. 279). Самодетерминация включена в процесс развития так, что изменение способа регуляции поведения идет в направлении от полной определяемости внешними силами к внутренней автономной саморегуляции. Различные стадии этого процесса и степень автономности могут быть представлены в виде континуума: от внешней регуляции через интроекцию (по форме это внутренняя регуляция, но регуляторный процесс не включен в личность человека и является источником напряжения и конфликта) и идентификацию (предполагает отождествление человека с ценностями и регуляторными процессами и принятие их как своих собственных) к интеграции (регуляторные процессы ассимилированы в личность человека целиком).

Согласно теории самодетерминации Э. Дэси и Р. Райана, человек способен ощущать и реализовывать в поведении свободу выбора, несмотря на объективные ограничивающие факторы среды или влияние неосознаваемых внутриличностных процессов. В последних работах этих авторов на передний план выходит понятие автономии.

Авторы выделяют три основные личностные ориентации, следуя доминирующим у людей механизмам регуляции их действий:

- 1) автономную ориентацию, основанную на убеждении о связи осознанного поведения с его результатами; источником поведения выступает при этом осознание своих потребностей и чувств;

- 2) подконтрольную ориентацию, основанную на ощущении связи поведения с его результатом, источником поведения выступают внешние требования;
- 3) безличную ориентацию, основанную на убеждении, что результат не может быть достигнут целенаправленно и предсказуемо.

Человека называют автономным, когда он действует как субъект, исходя из глубинного ощущения себя. Быть автономным тем самым означает быть самоиницируемым и саморегулируемым в отличие от ситуаций принуждения и соблазна, когда действия не вытекают из глубинного Я (Deci, Ryan, 2002).

Современные зарубежные и российские авторы подтверждают важность субъектного подхода к проблеме внешней и внутренней сепарации взрослых людей. Именно субъект способен осознавать причины своих желаний, намерений и поступков, проводить рефлексивный анализ собственной деятельности в контексте различных жизненных ситуаций, формулировать четкие осмысленные цели.

В силу того, что такой человек способен осознавать свои проблемы, а также обладает активностью и инициативой по отношению к событиям внутреннего мира, оценке и трансформации собственного внутреннего опыта, он хорошо осознает как собственные психологические границы, так и границы других людей, что ведет к реципрокным отношениям. Осознание границ показывает, что есть Я и не – Я, способствует самоутверждению и самореализации, лучшей адаптации и в целом сначала внутренней (изменение ментальных и аффективных установок), а затем и внешней сепарации (изменение моделей поведения) по отношению к значимому объекту (объектам).

Так, П. Роуз с соавт. выявили (респондентами выступили 348 взрослых британцев), что автономная ориентация и самоподдержка оказывают положительное влияние на мотивацию поддержания психического здоровья и решение человека заниматься физическими упражнениями (Rouse et al., 2011).

Т. В. Казанцева установила, что наиболее адаптированными к семейной жизни являются мужчины и женщины с автономным типом привязанности. В стабильных браках (в исследовании участвовали 50 пар взрослых людей, средний стаж совместной жизни – $26,1 \pm 2,5$ лет) у женщин преобладает автономный тип привязанности (тип, «...складывающийся у людей, принимающих взаимозависимость и осознающих при этом свою самодостаточность»), а у мужчин – автономный и псевдоавтономный («...личность не приемлет

никакой формы зависимости и преувеличивает значение независимости») типы (Казанцева, 2011, с. 10). Автор, кроме того, отмечает, что удовлетворенность отношениями мужа и жены связана между собой и с автономным типом привязанности как мужа, так и жены. В случае преобладания псевдоавтономного типа привязанности у мужа, высокая и средняя степень удовлетворенности браком оказалась возможна при условии автономности женщины.

Одним из первых этапов становления автономии человека является внутренняя независимость личности, которая включает, помимо личной ответственности, самопознания, самодостаточности, саморегуляцию и рефлексии с акцентом на умение дифференцировать когнитивные, аффективные элементы сознания как «принадлежащие Я», «принадлежащие «Другому», «принадлежащее «Мы = Я + Другой», что позволяет делать осознанный самостоятельный выбор, осуществлять собственную стратегию поведения и организовывать «автономность и целостность жизненного пути личности как субъекта жизнедеятельности» (Кумыкова, 2010, с. 3).

Е. В. Кумыкова провела исследование психологических особенностей внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста. В качестве испытуемых выступили две группы женщин: первая группа – женщины в возрасте от 31 до 48 лет, средний возраст – 35 лет, количество – 50 человек; вторая группа – девушки в возрасте 19–27 лет, средний возраст – 21 год, количество – 50 человек. Установлена взаимосвязь внутренней независимости женщины с ее субъектностью, активностью жизненной позиции, что находит выражение в умении женщины зрелого возраста управлять событиями собственной жизни, влиять на их ход, а у женщин молодого возраста проявляется в высокой активности жизнедеятельности, в самостоятельности, сочетающихся с импульсивностью и конфликтностью. У внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста дифференцировано целеполагание. Показано, что внутренне независимые женщины зрелого возраста обладают большей гибкостью мышления и реалистичностью целеполагания по сравнению с молодыми внутренне независимыми женщинами, что связано с умением принимать помощь других людей и заменять одну цель на другую в процессе своей деятельности. Выявлено, что внутренне независимые женщины зрелого возраста отличаются от внутренне независимых женщин молодого возраста большей степенью зрелости личностной идентичности. Для них характерна более выраженная согласованность сознательных оценок своей вну-

тренней тождественности и целостности и бессознательных тенденций, указывающих на отсутствие диффузности Я. Сходство в активности жизненной позиции при некоторых нюансах в ее проявлении и в то же время менее выраженная интегрированность личностной идентичности независимых молодых женщин объясняются внутренним конфликтом в потребностной сфере и в сфере полоролевой идентичности, а также характерным для возраста ранней зрелости ролевым напряжением (одновременным исполнением обязанностей в разных сферах социальной жизни – семейной, профессиональной, образовательной) (Кумыкова, 2010а).

Исследование Е. В. Кумыковой выявило, что в целом у взрослых людей внутренняя независимость личности сопряжена со зрелостью личностной идентичности, свободной реализацией потребности в автономии, активностью жизненной позиции, актуализацией личностного потенциала. Эти результаты крайне важны для понимания особенностей сепарации в период взрослости.

В то же время автор полагает, что в ранней зрелости процесс сепарации сталкивается с большими трудностями внутреннего характера, чем в зрелости, в силу социальной ситуации развития человека в молодости, в первую очередь, за счет выстраивания системы нравственных, культурных, профессиональных и социальных ориентаций, социально-ролевого экспериментирования, насыщенности жизни разнообразными событиями. Все эти значимые для личности ступени бытия должны быть осмыслены, внутренне переработаны и интегрированы в Я первоначально на уровне индивидуальных жизненных смыслов, которые в итоге создадут почву для рефлексии «на границах Я», запустят механизмы внутренней сепарации, приведут человека к индивидуации, к осознанию уникальности, самобытности своего жизненного пути.

Проявление субъектности, внутренней независимости, автономности личности может быть как критерием успешности процесса сепарации, так критерием психического здоровья, свидетельством общего психологического благополучия, и, наоборот, отсутствие данного качества можно считать индикатором потребности в психологической помощи, о чем свидетельствует психотерапевтическая практика.

В работах Б. Уайнхолд и Д. Уайнхолд, К. Х. Бриш, Джил и Дэвида Шарф, Н. Щварц-Салант, Г. Старшенбаум, Н. М. Манухиной, Е. В. Емельяновой подчеркивается, что в случаях нарушений процесса сепарации–индивидуации, которые происходят в течение

всего онтогенеза, создается когнитивно-аффективное проблемное поле, связанное с отсутствием у человека умения выстраивать, устанавливать гармоничные отношения со значимыми другими людьми и самим собой. Симптоматика нарушений процесса сепарации в зрелом возрасте может быть разной: депрессия, нарциссизм, панические тревожные расстройства, аддикции и др. В межличностном взаимодействии преобладают неудачные попытки построить отношения на основе получения (явно или имплицитно) поддержки от партнера. Это приводит к активации дезадаптивных стратегий поведения: либо демонстрируемых отстраненности, самообладания с бессознательным стремлением опереться на партнера, либо «цеплянием» за объект привязанности с целью поддержания симбиотических отношений. Н. Шварц-Салант имеет особую точку зрения на трансформации, происходящие с личностью при сепарации. Он полагает, что внутренняя и внешняя сепарация сопровождается активацией «комплекса слияния», который автор описывает как «особый архетипический паттерн, организующий жизнь „между“ известным и неизвестным...» (Шварц-Салант, 2008, с. 19). Подобная активация имеет две тенденции, которые образуют дихотомию: «Эти два условия – тяга к слиянию и тенденция к дистантности и не-коммуникативности – существуют одновременно: есть и связь на уровне слияния, и состояние разъединенности. И то, и другое верно» (Шварц-Салант, 2008, с. 18).

При разности подходов авторов можно все же выделить то, что объединяет их концепции. Каждый из практикующих исследователей отмечает недостаточную интегрированность Я, слабость личностных границ и наличие у пациентов сепарационной тревоги. Отсутствие четкого представления о собственном Я, диффузность границ психологического пространства личности приводит к тому, что такие люди не осознают своих истинных мотивов, испытывают постоянную потребность в одобрении окружающих, поддерживают отношения, в которых партнер наделяется функцией «психологического костыля» или дополнительного «паззла», для того, чтобы осознать собственную целостность и почувствовать наполненность личности жизненной энергией.

Мы согласны с теми практикующими психотерапевтами, которые полагают, что терапия нарушений процесса сепарации–индивидуации во взрослом возрасте должна вестись на основе положения о том, что терапевт представляет «надежную базу» (secure base – Bowlby, 1995) для проработки аффективно насыщенных внутренних

конфликтов. Для этого от терапевта требуется эмпатия, большая чуткость и гибкость, чтобы помочь пациенту осознать болезненный опыт ранних паттернов привязанности, искаженные представления о себе и значимых объектах. Помимо прочего, необходимо акцентировать внимание пациента на оценке тех стратегий привязанности, которые он использует в текущий момент со значимыми лицами и поощрять развитие рефлексии, помогающей определить, какие чувства и мысли принадлежат субъекту, а какие являются интроектами, т. е. взглядами, мотивами и установками, воспринятыми от других людей, и в силу психологических защит, возраста или особенностей жизненной ситуации так и не ставшими истинными идеями, желаниями и потребностями человека. Поддерживаемая терапевтом на основе созданной «надежной базы» активность по развитию межличностной перцепции, рефлексии, позволит личности дифференцировать когнитивные, аффективные элементы сознания как «принадлежащие Я», «принадлежащие Другому», «принадлежащие „Мы“» и на этой основе сформировать внутреннюю независимость личности. В свою очередь, данное качество личности будет укреплять Я, автономию и субъектность человека, что позволит адаптироваться к различным жизненным ситуациям, принимать взвешенные, самостоятельные решения, осуществлять более гибкую стратегию поведения в межличностном общении.

Особое внимание терапевту в случаях проблем внутренней и внешней сепарации личности следует уделять процессу расторжения терапевтического альянса. Постепенное освоение жизненного пути без терапии, самостоятельные действия, позитивный опыт взаимодействия с другими людьми помогут человеку зрелого возраста стать инициатором расставания. Э. Берн сравнивал достижение автономии с «мирным получением развода с родителями (и с различными родительскими влияниями), после которого становится возможным наносить родителям визиты при случае, но не подчиняться им» (Берн, 1988). Кроме того, терапевту также необходимо совершить определенную внутреннюю работу, чтобы способствовать окончательной сепарации пациента: «Этот процесс бывает тем более интенсивным и даже болезненным, когда он резонирует с аспектами нашего опыта привязанности. Мы должны осознать эти свои аспекты привязанности и процессы контрпереноса, чтобы из-за собственных потребностей в привязанности не сдерживать пациентов в развитии автономии» (Бриш, 2012, с. 254). Полагаем, что терапевт сам должен быть внутренне независимой личностью, субъектом надеж-

ных, доверительных, эмоциональных отношений, которые помогают развиваться не только профессионально, но и личностно, обеспечивают возможность авторства собственной жизни.

Итак, рассматривая психологическую сепарацию в период взрослости, мы можем выделить некоторые ее особенности.

Несмотря на то, что жизнь взрослого человека в силу специфики его психологического развития на данной стадии онтогенеза более прогнозируема, организована и предсказуема, процесс внутренней и внешней сепарации продолжается, внося весомый вклад в развитие его личности. Взрослый человек обладает сложившимся к этому возрасту характером, мировоззрением, системой мотивации, целеполаганием, социальной рефлексией. И если в молодости происходит становление данных качеств, то в зрелости они устойчиво закрепляются в структуре личности. Поэтому процессы внешней и внутренней сепарации в молодости в отличие от зрелости, с нашей точки зрения, отличаются большей динамичностью, интенсивностью, неравномерностью, когнитивным и эмоциональным напряжением. В то же время, хотя и на данном этапе онтогенеза процесс психологической сепарации носит гетерохронный характер, *у здорового взрослого человека просматривается четкая последовательность ее фаз: сепарация внутренняя задает тон и характер сепарации внешней.*

Следующая особенность психологической сепарации периода взрослости нами выделена в силу того, что целый ряд исследований указывает на взаимосвязь типа привязанности взрослых и психического здоровья взрослого человека. В соответствии с этими данными следует особо подчеркнуть *роль субъектности и внутренней независимости личности* в поддержании связанности процессов внутренней и внешней сепарации личности. Эта связь особенно ярко проявляется во время жизненных кризисов, помогая личности самоопределяться, эффективно, на основе рефлексии, распознавать и отделять собственные чувства и мысли от чувств и мыслей других людей, быть независимым в принятии решений, формировать индивидуальный стиль поведения, обозначать и защищать свои психологические границы, поддерживать равноправные отношения.

ГЛАВА IX

ОТНОШЕНИЯ МАТЬ–ДОЧЬ: ПРИЗНАКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕПАРАЦИИ¹

9.1. Диада или триада: структура отношений в семье, социальная компетентность и особенности развития ребенка

Отношения между матерью и дочерью строятся в самых разных планах, ракурсах, определяются совокупностью факторов и не всегда предсказуемы. Наиболее живой и устойчиво актуальной сферой отношений матери и дочери является пространство между состояниями: зависимости друг от друга и автономности, независимости. История этих отношений начинается с момента рождения дочери и даже раньше, в период пренатального развития ребенка (Ковалева, Сергиенко, 2007; Сергиенко, Соколова, 2007; Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010). Утверждается, что влияние матери и вклад отца в пренатальное развитие ребенка, которые не ограничиваются трансляцией ему генетической информации, а заключаются в разделении ответственности за поддержание специфического поведения, соответствующего задачам вынашивания, определяют уровень психического благополучия ребенка уже в первые месяцы его жизни (Ковалева, 2012).

Явные отличия между детьми, вызванные характером родительского отношения к ним, наблюдаются с самого рождения ребенка. Изучая социальную компетентность детей в возрасте 5–33 месяцев, Р. Фельдман и С. Масалха анализировали связи мать–ребенок и отец–ребенок, а также триадные отношения между матерью, от-

* Впервые результаты исследования были опубликованы в статье: Харламенкова Н. Е. Признаки сепарации дочери в отношениях с маскулинной и фемининной матерью // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 58–68.

цом и ребенком. Проведенный анализ позволил выделить четыре переменные, касающиеся отношений родитель–ребенок. Это родительская чувствительность, социальная активность ребенка, родительский контроль, диадическое взаимодействие (реципрокность), и две переменные, касающиеся собственно семьи – сплоченность и ригидность. Оказалось, что реципрокные отношения между матерью и ребенком в младенчестве и взаимодействие ребенка с отцом, уровень сплоченности семьи в обеих временных точках – в младенчестве и в раннем детстве – способствуют развитию у детей социальной компетентности. Несмотря на некоторые культурные различия в отношениях мать–ребенок–отец, был сделан вывод о том, что опыт ранних детско-родительских отношений тесно связан с адаптацией детей к социальной среде и определяется степенью вовлеченности родителя в отношения с ребенком и сложностью структуры этих отношений (Feldman, Masalha, 2010).

Известно, что в более поздний период оба родителя рассматриваются с точки зрения их влияния на формирование Супер-Эго ребенка, при этом отмечается, что для девочки именно мать выступает в качестве важной персоны, устанавливающей нравственные законы, которые интернализируются дочерью и определяют ее моральные принципы (Lax, 2007). По существу, формирование внутреннего цензора позволяет ребенку осуществлять *независимый* от матери контроль за своими поступками (самоконтроль), оценивая их как нравственные или как безнравственные, и действовать самостоятельно без ожидания поощрения или наказания со стороны взрослого.

Роль родителей в физическом и психическом развитии девочки или мальчика никем активно не оспаривается. Это влияние само по себе стало научным фактом, который не требует специальных доказательств. Однако теснота и близость контактов, эмоциональная отзывчивость родителей на чувства ребенка, создание доверительных отношений в семье важны не сами по себе, а в сочетании с задачей развития у ребенка самостоятельности в инициации собственной жизни, развития у него автономности.

Цель главы – проведение анализа проблемы сепарации и ее признаков в отношениях между матерью и дочерью (проблема автономности выступает как вторичная по отношению к изучению сепарации и рассматривается как достигаемый результат). Сепарация – это процесс установления паритетных и эмоционально открытых отношений между субъектами, ранее находящихся в поло-

жении соподчинения, с целью развития и упрочения автономной идентичности и суверенного психологического пространства каждого из них. Именно поэтому сепарация как процесс должна обнаруживать себя в том, 1) каким образом строятся отношения между двумя субъектами, какое влияние они оказывают друг на друга, 2) какие эмоции при этом испытывают оба партнера и 3) какова структура (тип) отношений между ними. При этом важно показать, что чувствительность, поддержка и активная помощь родителей способствуют развитию социальной компетентности ребенка и его адаптации, которые постепенно начинают проявляться в виде умения самостоятельно строить доверительные (равные) отношения со старшими (прежде всего, с родителями), в переживании положительных эмоций в процессе общения со значимыми людьми, в чувствительности к различным по своей структуре отношениям – к диаде и триаде, т. е. в целом обнаруживать себя в признаках сепарации.

Значительное количество современных исследований направлено на анализ деструктивных отношений между родителями и детьми, которые приводят как к дезадаптации, так и к отклонениям в развитии ребенка. Известно, что неспособность завершить необходимые операции в процессе сепарации–индивидуации в ходе развития детей младшего возраста рассматривается как основной источник разнообразных проблем, в частности развития пограничной патологии (Teitelman et al., 1979), и может особым образом проявляться на последующих стадиях развития. По мнению Жана Бержера, лишь в подростковом возрасте «психические структуры могут быть перестроены (психотические, невротические, пограничные...), и в любом случае пубертат предоставляет подростку последний шанс спонтанного решения эдипова конфликта, если этого пока не произошло» (Бержере, 2001, с. 61).

Активная роль родителей продолжает проявляться в помощи ребенку в адаптации к социальной среде, а также в регуляции собственных внутренних состояний. В исследовании М. Кассано и Дж. Земана экспериментально доказано, что отсутствие обратной связи между родителем и подростком в регуляции негативных эмоций (грусти, печали) приводит к снижению уровня социализации, причем наибольшее влияние было отмечено со стороны отца (Cassano, Zeman, 2010). Ограничение опыта переживания негативных эмоций ведет к нарастанию внутреннего напряжения и к усилению негативной аффективности, которая, в свою очередь, начинает препятство-

вать становлению доверительных и равных отношений, откладывая процесс сепарации.

Специфика материнского и отцовского влияния, а также представление о ней остается особым предметом обсуждения. Выявлено, что психически здоровые люди воспринимают своих родителей как людей, имеющих соответствующие их полу черты и паттерны поведения, тогда как люди с психическими отклонениями (с разными формами шизофрении) в меньшей степени различают своих родителей по гендерным характеристикам (Kayton, Biller, 1971). Результаты другого исследования показали, что часть всех нарушений, которые могут возникать у ребенка, квалифицировалась респондентами как сопряженная с полом. Так, типично «мужские» нарушения чаще обнаруживаются у мальчиков и вызваны поведением отца (например, агрессия), а типично «женские», характерные для девочек, вызваны поведением матери (например, эмоциональность). Показано, что есть нарушения, которые не связаны с половыми стереотипами. Несмотря на это, расстройства, которые не были отнесены к типично мужским или женским (например, умственная отсталость), все равно прочно соотносили со спецификой влияния матери (Kellerman, 1974).

В исследовании Х. Крин проанализированы последствия конфликтных отношений подростка с родителями с учетом триадных связей в семье. Результаты показали, что уровень выраженности конфликта либо с матерью, либо с отцом определяется, соответственно, более высоким уровнем симптоматики интернализации и экстернализации как у мальчиков, так и у девочек. Эффекты взаимодействия, т. е. учета отношений и с отцом, и с матерью, значимы для прогнозирования экстернализации у мальчиков, а конфликт с матерью наиболее негативно отражается на девочках, при этом поддержка отца значительной роли в изменении симптоматики не играет (Crean, 2008).

Доказано, что качество семейных отношений в подростковом возрасте способствует развитию у детей умения усиливать и поддерживать адаптивные ресурсы для преодоления стресса в период пубертата, в также на стадии взрослости (Varil et al., 2009), что, безусловно, связано с передачей ребенку опыта совладания с трудностями, а также с развитием (благодаря родительской поддержке) уверенности в себе и чувства автономности. Неразрешенные конфликтные детско-родительские отношения, напротив, перерастают в зависимость и закрепляются в определенном формате отношений,

таким, например, как «ведущий и ведомый», где позиции ребенка и родителя способны лишь инвертироваться, но качественно не меняться. Согласно системной модели семейных отношений, паттерны взаимодействия между родителями и подростком меняются в зависимости от присутствия (триада) или отсутствия (диада) отца или матери. По данным одного из исследований присутствие отца повышает качество отношений матери и сына, в то время как присутствие матери снижает качество отношений в паре отец–сын. Матери в присутствии супруга по-разному относятся к девочкам и мальчикам, в то время как отцы ведут себя по-разному в отношении девочек и мальчиков при отсутствии супруги. По сравнению с диадой дифференциация родительской роли возрастает в триаде, но только в семьях мальчиков, способствуя развитию их идентичности и формированию автономного поведения (Gjerde, 1986).

Несмотря на значимость триадных отношений для психического развития подростка, в некоторых случаях отношения в диаде мать–дочь существенно не меняются под влиянием отца. Выявлено, что активное участие матери в жизни дочери способствует снижению негативных переживаний и уровня стресса независимо от степени вовлеченности отца (Flouri, 2005). Более того, матери, которые придерживаются традиционных взглядов на гендерную роль, наиболее подкрепляют у своих дочерей типично женские реакции на трудные ситуации, игнорируя мужские (Cox, Mezulis, Hyde, 2010).

Взаимопонимание между матерью и дочерью, их близость часто рассматриваются как одно из важнейших условий психического здоровья дочери-подростка, как основа для ее благополучного развития в период юности и взрослости, для становления ее внутренней позиции. По данным П. Гросс и Р. Маккаллам уровень синхронности между матерью и дочерью (количество и качество связей, поддержка и гармония в отношениях) влияет на уровень самооценки дочери и ее академическую успеваемость (Gross, McCallum, 2000).

Одной из стратегий материнского поведения, направленной на развитие дочери как самостоятельной личности, является, как было показано выше, стратегия поддержки дочери в ее автономии. В этом случае дочь описывает отношения мать–дочь как отношения, построенные на доверии, понимании и поощрении. Дочери, чьи матери непоследовательны в описании своих матерей как сдерживающих их автономию, оказываются крайне зависимыми от своих матерей. Дочери, чьи матери последовательно описывают своих матерей как сдерживающих автономию, наоборот, крайне независимы,

но их независимость имеет защитный характер (Charles et al., 2001). Результаты приведенного исследования показывают, что в развитии автономии дочери большую роль играют трансгенерационные связи, т. е. не только отношения дочери с собственной матерью, но и опыт отношений матери со своими родителями.

Нарушение этих отношений находит проявление в разнообразных эмоциональных конфликтах, например, таких, как конфликт зависимости, конфликт гнева и материнский конфликт. Было установлено, что конфликт зависимости, как правило, имеет форму взаимозависимости, конфликт гнева тесно связан с чувством вины, а материнский конфликт, остро проявляющийся в симптомах послеродовой депрессии, основан на невозможности идентификации с собственной матерью (и отцом) (Blum, 2007). В ряде исследований подтверждается, что уменьшение доверительности и поддержки в паре мать–дочь ведет не только к конфликтам, но и к таким серьезным проблемам, как нарушение пищевого поведения у дочери (Francis, Birch, 2005; Gross, McCallum, 2000). Так, родители девочек с симптомами анорексии сообщают двойные послания, в которых забота, любовь сочетаются с пренебрежением к потребностям своей дочери в самовыражении и выражении своих чувств. Дочери, в свою очередь, амбивалентны в раскрытии своих чувств, направленных против подчинения родителям. В противоположность этому девочки с симптомами булимии, а также их родители проявляют в отношениях враждебность, и именно эти чувства разрушают сепарацию дочери и ее самоутверждение (Humphrey, 1989).

Стремление матери к развитию у своей дочери чувства собственного достоинства определяется совокупностью факторов, среди которых, как отмечалось выше, важную роль играет ощущение матерью собственной автономности и независимости. По данным Е. В. Кумыковой, внутренне независимая женщина зрелого возраста по сравнению с молодыми женщинами имеет более интегрированную полоролевою идентичность; такие женщины принимают свою женскую идентичность, включая в нее маскулинные черты характера (Кумыкова, 2010). С самого раннего детства девочка получает опыт развития фемининных и маскулинных признаков и предпринимает усилия по их интеграции (Dujovne, 1991).

По-видимому, активное участие матери в жизни дочери, выражающееся в поддержке дочери в автономности, в большей степени свойственно женщинам, имеющим фемининные черты характера, тогда как женщины с выраженной маскулинностью либо не до-

пускают соперничества со стороны собственной дочери и поэтому препятствует развитию ее автономности, либо игнорируют дочь как субъекта, способного к принятию самостоятельных решений (Эльячефф, Эйниш, 2006). Оценивая особенности нормального материнского отношения к ребенку уже на первых стадиях его развития, М. Малер пишет, что особая роль матери состоит «не только в поддержании чувства отдельности ребенка, но также в специфическом формировании черт его стремящейся к индивидуации личности посредством взаимодополнения, противопоставления, идентификации и разотождествления» (Малер, Пайн, Бергман, 2011, с. 33). Думается, что эти стратегии не утрачивают своего значения и на последующих этапах развития отношений «мать–дочь».

9.2. Признаки сепарации в отношениях дочери с матерью: эмпирическое исследование

Проведенный анализ литературы (§9.1) показал, что поддержка и вовлеченность отца и матери в отношения с дочерью способствуют развитию автономности, которая происходит в процессе сепарации и сопровождается установлением доверительных (равных) отношений с родителями и выраженными эмоционально положительными реакциями друг на друга; включенность отца в отношения мать–дочь и его влияние на автономность дочери оценивается в литературе неоднозначно. Независимость дочери может быть обусловлена независимостью матери, но только в том случае, когда у матери не акцентированы маскулинные черты характера и развита фемининность.

Предмет эмпирического исследования – признаки сепарации в отношениях дочери с маскулиной и фемининной матерью.

Цель: выявление различий в переживании дочерью сепарации от матери с учетом выраженности у матери фемининных или маскулинных черт характера.

Гипотезы:

1. Существует связь между представлением дочери о выраженности у матери маскулинных черт характера и переживанием сепарации от матери.
2. Девушки, способные легче переживать сепарацию от матери, развивают как маскулинные, так и фемининные черты характера. Зависимые девушки воспринимают себя как более маскулинные.

3. Свободные, менее зависимые отношения между матерью и дочерью строятся на паритетных основаниях, эмоционально оцениваются как позитивные и представляют собой триаду, т. е. такие отношения матери и дочери, в которых участвует еще один субъект, например, отец.

Участники исследования: в исследовании приняли участие 50 девушек, которые являются студентками гуманитарных вузов г. Москвы; возраст – от 18 до 22 лет*.

Методики:

1. Авторская методика (Шкала сепарации, Н. Е. Харламенкова), направленная на диагностику переживания сепарации в отношениях с матерью и компенсации этого переживания. Включает в себя 8 незаконченных предложений, пять из которых имеют количественную 5-балльную шкалу, позволяющую измерять переживания, связанные с реакцией дочери/сына на отъезд матери, на отказ выполнить просьбу, на чувствительность к переживаниям матери по поводу временного отсутствия дочери/сына и др. Максимальная сумма баллов равна 25 и соответствует высокому уровню зависимости от матери. Критериальная валидность шкалы устанавливалась путем расчета коэффициента корреляции между оценками, полученными по шкале, и суммарными оценками респондента пятью экспертами по тем же признакам сепарации ($r_s = 0,86$, $p < 0,01$).
2. Тест Маскулинность и Фемининность (МиФ) для определения маскулинного, фемининного, андрогинного и недифференцированного типа личности (Ткаченко, Введенский, Дворянчиков, 2001). Методика является модификацией теста С. Бем «Опросник половых ролей» и перечня маскулинных и фемининных качеств, предложенных Т. Л. Бессоновой. Тест позволяет установить индивидуальную степень выраженности фемининности, маскулинности, андрогинности и определить субъективное отношение личности к своему уровню развития этих черт.
3. Тематический Апперцептивный тест (ТАТ) Г. Мюррея – таблицы № 3GF, № 5, № 7GF, которые позволяют определить особенности отношений, складывающихся между матерью и дочерью. Ана-

* Программа исследования разработана Н. Е. Харламенковой; данные собраны и первично обработаны Е. А. Дрозд (2011); дополнительная обработка и интерпретация результатов проведены Н. Е. Харламенковой.

лиз рассказов проводился по следующим категориям: «тема рассказа» – 1) семейная-М (мать–дочь), 2) семейная-О (отец–дочь), 3) интимная (женщина–мужчина), 4) личная (чувства, переживания, мысли персонажа о себе); 5) тема отношения с другими женщинами (дружба, соперничество); 6) другие темы, в том числе и профессиональная; «герой»* – 1) дочь, сын, внук, внучка; 2) мать, бабушка, любая взрослая женщина; 3) подруга (по отношению к другой женщине); 4) партнерша (по отношению к мужчине); «чувства» – 1) потеря, утрата, одиночество, горе; 2) обида, оскорбление, гнев; 3) вина, стыд; 4) радость, удовольствие; 5) беспокойство, страх; «позиция героя» – 1) активная; 2) пассивная; 3) страдательная; 4) созерцательная; «отношения между персонажами» – 1) равные, дружеские; 2) взаимозависимые-Л (герой лидер); 3) взаимозависимые-П (герой ведомый); 4) конфликтные; 5) взаимные отношения отсутствуют; «исход» – 1) благоприятный; 2) неблагоприятный; 3) неопределенный; «структура отношений» – 1) монада; 2) диада; 3) триада.

Для проверки выдвинутых гипотез выборка была разделена на две группы по результатам, полученным с помощью Шкалы сепарации. Применяя медианный критерий, респондентов, суммарные баллы которых по Шкале сепарации были ниже медианы ($Med=16$), отнесли к группе 1, а респондентов, суммарные баллы которых были выше медианы, отнесли к группе 2. Первая группа была названа «автономные» ($n=24$), вторая – «зависимые» ($n=26$).

С целью проверки первой гипотезы респондентов просили заполнить тест Маскулинность и Фемининность (анализировались результаты теста, полученные по трем из восьми инструкций: «На самом деле я...», «Мужчины считают, что я...», «Женщины считают, что я...»), а также оценить с помощью этого теста свою мать (инструкции «На самом деле моя мама...», «Мужчины считают, что моя мама...», «Женщины считаю, что моя мама...»).

Результаты подтверждают гипотезу: девушки, которые больше зависимы от матери (2-я группа), считают своих матерей более маскулинными (таблица 9.1). При этом они полагают, что другие женщины считают их матерей более фемининными, по сравнению с оценкой фемининности своей матери девушками 1-й группы. Получается, что в представлении зависимой дочери их мать маскулинна, однако она снижает свою маскулинность при взаимодействии с дру-

* Персонаж, с которым идентифицируется респондент.

Таблица 9.1
Различия в представлении о матери
у автономных и зависимых девушек

Гендерные характеристики	Деление на группы по медианному критерию			
	сумма рангов 1-я группа	сумма рангов 2-я группа	<i>U</i>	<i>p-level</i>
<i>M1</i>	470,5	804,5	170,5	0,006*
<i>F1</i>	558,0	717,0	258,0	0,29
<i>M2</i>	549,5	725,5	249,5	0,23
<i>F2</i>	554,0	721,0	254,0	0,26
<i>M3</i>	545,5	729,5	245,5	0,19
<i>F3</i>	506,0	769,0	206,0	0,039**

Примечание: *M1* и *F1* – маскулинность и фемининность матери в представлениях дочери о ней («На самом деле моя мама...»), *M2* и *F2* – восприятие мужчинами матери с точки зрения дочери (по признакам маскулинности и фемининности) – «Мужчины считают, что моя мама...», *M3* и *F3* – восприятие женщинами матери с точки зрения дочери (по признакам маскулинности и фемининности) – «Женщины считают, что моя мама...».

гими женщинами, становится более мягкой, дружественной. Это значит, что требовательность и жесткость матери адресуется именно дочери, с которой устанавливаются взаимозависимые отношения.

Сравнение девушек двух групп по самооценке маскулинности и фемининности показало, что зависимые девушки оценивают себя как более маскулинных, причем как по инструкции «На самом деле я...» ($U=208, p=0,04$), так и по инструкциям «Мужчины считают, что я...» ($U=206,5, p=0,04$), «Женщины считают, что я...» ($U=186,5, p=0,01$). Возможно, что выраженные черты маскулинности, приписываемые матери, не позволяют девушке интегрировать фемининные черты. Корреляции между самооценкой и оценкой матери по маскулинности и фемининности показали, что *автономные девушки* идентифицируются с матерью по фемининным признакам ($r_s=0,4, p=0,043$). Кроме того, единство дочери (1-й группы) с матерью можно увидеть по оценке другими женщинами («Женщины считают, что я...», «Женщины считают, что моя мама...») черт маскулинности ($r_s=0,5, p=0,01$) и фемининности ($r_s=0,6, p=0,001$) дочери и матери. В то же время у *зависимых девушек* корреляции были получены только по маскулинности, причем по инструкции «Женщины считают, что я...», «Женщины считают, что моя ма-

ма...» ($r_s = 0,4$, $p = 0,05$). Это значит, что автономные девушки способны принять как мужские, так и женские черты и этой интеграции способствует мать, с которой девушка идентифицируется именно по фемининности. Зависимые демонстрируют маскулинность, которая, по-видимому, является защитной, менее явно интегрируя фемининные черты. Гипотеза 2 подтверждается.

Деление респондентов на группы по данным Шкалы сепарации, направленной на диагностику переживания сепарации в отношениях с матерью, проводилось с учетом количественного показателя степени переживания дочери по поводу ситуаций разлуки с матерью, разотождествления с ней и т. д. Качественное своеобразие отношений мать – дочь, и, соответственно, признаки сепарации в этих отношениях частично были выявлены с помощью анализа ответов респондентов на незаконченные предложения этой же методики. Различия между группами респондентов были получены, прежде всего, по эмоциональным реакциям дочери на различные жизненные ситуации. Оказалось, что для автономных девушек не типично переживать страх, тревогу при временной разлуке с матерью ($\varphi = 3,27$ при $p < 0,01$), испытывать вину в случае принятия собственного решения без согласования с матерью ($\varphi = 1,75$ при $p < 0,05$), ощущать неуверенность при совершении самостоятельных действий ($\varphi = 2,31$ при $p < 0,01$).

Для подтверждения полученных результатов и снижения социальной желательности ответов, были использованы данные обследования респондентов с помощью Тематического апперцептивного теста (ТАТ). Выделенные нами эмпирические конструкты, перечисленные ниже, рассматривались как наиболее чувствительные к проявлению признаков сепарации.

Основой сепарации, как было показано в теоретическом обзоре, являются поддерживающие отношения матери и отца, которые сопутствуют идентификации дочери с матерью, развитию отношений между ними, в том числе с целью поддержки автономной идентичности дочери. Отделение от матери проявляется в том, что дочь способна к принятию самостоятельных решений и не дистанцируется от матери, а по-новому строит отношения с ней. Именно поэтому критериями состоявшейся сепарации являются признаки, указывающие на равенство позиций матери и дочери в их диалоге, на позитивное переживание отношений в паре мать–дочь.

В качестве эмпирического критерия использовалась характеристика объектов, с которыми идентифицируется дочь (по резуль-

татам ТАТ). Исходно было определено, что автономность проявляется в идентификации с таким персонажем (объектом), как дочь, который строит свои отношения с другим персонажем (объектом) – с матерью на *паритетных основаниях*. Эта особенность отношений выступила в качестве первого признака сепарации как процесса. Вторым признаком сепарации были определены *положительные эмоции*, сопутствующие паритетным отношениям в паре мать – дочь (§ 9.3). К третьему признаку сепарации был отнесен определенный тип отношений с матерью – тип *триады*, предполагающий включение в диаду мать–дочь третьего объекта (отца, друга/подругу и др.). Соответственно зависимые отношения между матерью и дочерью характеризовались как соподчиненные, например, такие, в которых мать доминирует над дочерью, что не допускает разбиения диады и сопровождается негативными переживаниями.

Прежде всего, представим данные *всей выборки* респондентов в целом.

Результаты показывают, что чаще всего респонденты идентифицируются с таким персонажем, как дочь, что вполне закономерно, поскольку в исследовании принимали участие девушки. В роли взрослой женщины чаще выступает мать (таблица 9.2). Выявлены случаи идентификации девушки с обоими персонажами в одном рассказе.

При анализе рассказов учитывалась структура (тип) отношений и позиции участников: рассматривалась монада (слабая дифференциация двух персонажей), диада (дифференциация и взаимодействие двух персонажей) и триада (взаимодействие двух персонажей – матери и дочери при активном участии третьего персонажа).

По данным исследования, отношения мать–дочь (с точки зрения дочери) преимущественно строятся по типу диады, причем преобладающим в этих отношениях является такое взаимодействие, при котором мать является лидером. Триада строится по типу отно-

Таблица 9.2

Характеристики персонажа – объекта идентификации

Объект идентификации – главный герой рассказа			В роли взрослой женщины в рассказе выступают		
дочь	мать	оба персонажа	мать	бабушка	няня
43	32	17	69	10	11

Таблица 9.3

Структура отношений (монада, диада, триада)
и позиция участников взаимодействия (частотный анализ)

Монада	Диада			Триада					
	симбиоз	дистанцирование	лидерство матери	паритетность	отец	мужчина	друзья	другая женщина	ребенок
	8	14	29	8	3	10	12	2	12
	8	51			39				

Примечание: В триадных отношениях «мужчина» – это любой персонаж, кроме отца.

Таблица 9.4

Различия в характеристиках объекта идентификации в группе автономных (группа 1) и зависимых (группа 2) респондентов

Номер группы, значение критерия φ , p-level	объект идентификации			роль взрослой женщины в отношениях мать–дочь		
	дочь	мать	оба персонажа	мать	бабушка	няня
1 гр.	19	14	9	30	2	8
2 гр.	24	18	8	39	8	3
φ	1,36	0,8	0,5	1,35	2,1*	1,9*
p	p>0,05			p<0,05		

шений мать–дочь, в которые включается третий субъект. В качестве такого субъекта в отношении мать–дочь вероятнее всего включается: 1) друг/подруга, 2) ребенок и 3) любимый мужчина (таблица 9.3).

Далее особенности отношений в паре мать – дочь изучали, сопоставляя две группы респондентов – автономных (группа 1) и зависимых (группа 2). С целью выявления статистически значимых различий использовали критерий – угловое преобразование Фишера (φ^*).

Анализ показал, что различий по объектам идентификации между группами не наблюдается. В качестве взрослой женщины в отношениях мать–дочь в обеих группах чаще выступает мать; по этому параметру также не было выявлено различий. Тем не менее при сравнении не так часто фигурирующих персонажей, выступающих в роли взрослой женщины – бабушки и няни, в рассказах

девушек с невыраженными признаками сепарации персонаж «бабушка» присутствует часто, а персонаж «няня» – редко (таблица 9.4).

Предполагалось также, что отношения девушек, позитивно переживающих сепарацию в отношениях с матерью, будут строиться по типу триадных отношений, в которых взаимодействие с матерью опосредовано интересом к третьему лицу. С этой целью рассказы по таблицам ТАТ анализировались с учетом структуры (типа) отношений – монада, диада и триада (таблица 9.5). Отношения матери и дочери, в которых их позиции оказывались недифференцированными, слитыми, симбиотическими обозначались словом «монада»; отношения между двумя отдельными партнерами, матерью и дочерью, обозначались словом «диада», а диадические отношения, в которых активную роль выполнял третий персонаж, обозначали словом «триада».

Статистическая обработка результатов не позволила определить значимые различия по параметрам монада–диада–триада (таблица 9.5). По-видимому важным оказывается не структура отношений, а характер отношений в паре, распределение ролей между матерью и дочерью.

Действительно, по одному из показателей параметра «характер отношений» в диаде, в которой позиция матери является лидирующей, различия были обнаружены. Оказалось, что в группе зависимых ведущая роль матери наблюдается часто ($\varphi=1,69$, $p<0,05$).

Таблица 9.5

Структура отношений (монада, диада, триада) и характер взаимодействия между матерью и дочерью

Номер группы, значение критерия φ , p -level	Тип отношений			Характер отношений				
	монада	диада	триада	1	2	3	4	5
1 гр.	4	24	17	14	4	12	1	13
2 гр.	4	29	20	11	10	12	2	16
φ	0,12	0,4	0,5	1,1	1,8*	0,3	0,5	0,5
	$p>0,05$			$p<0,05$		$p>0,05$		

Прим.: по характеру отношения делятся на: 1. равные, дружеские; 2. неравные, герой – лидер; 3. неравные, герой подчинен лидеру; 4. неравные, конфликтные; 5. взаимоотношения отсутствуют.

Из этого следует, что в большинстве ситуаций для группы зависимых от матери девушек диада строится по типу лидерства матери, и лишь в редких случаях – по типу доминирования дочери. По-видимому, зависимые отношения предполагают соперничество, причем как со стороны матери, так и со стороны дочери. Такие ситуации чередуются, поскольку соперничество не перерастает в конфликт. Паритетные отношения более типичны для автономных девушек, хотя статистически значимые различия не были здесь выявлены. Третья гипотеза подтверждается частично.

По типу исхода ситуаций, в которых описывается взаимодействие матери и дочери, различия между двумя группами не выявлены ни по благоприятному, ни по неблагоприятному исходу. Неопределенный исход ситуаций чаще встречается у зависимых девушек ($\varphi=2,6$, $p<0,01$).

Отдельно анализировали чувства и характер отношений между мужчиной и женщиной – персонажами рассказов, придуманных респондентами по картинкам ТАТ. Зависимые девушки стремятся установить равные отношения с партнерами ($\varphi=1,8$, $p<0,05$), в группе независимых девушек такие отношения не встречаются вообще; исход рассказов по отношениям мужчина – женщина у автономных девушек – часто негативный.

Создается впечатление, что девушки, отношения которых с матерью выглядят как более независимые, демонстрируют свою автономность и во взаимодействии с мужчиной. В таких ситуациях активного взаимодействия неблагоприятный исход можно рассматривать как сопротивление, направленное против стереотипных отношений, либо установку на самостоятельность и в отношениях с мужчиной.

Итак, анализируя особенности отношений «зависимость–независимость» в парах мать–дочь (в представлении дочери), мы установили, что зависимость дочери от матери определяется степенью выраженности у матери маскулинных черт характера в ее оценке дочерию. Оказалось, что более автономные девушки, легче переживающие сепарацию в отношениях с матерью, имеют более гармоничную гендерную идентичность с неявно выраженными маскулинными чертами. Кроме того, обнаружили, что структура отношений между матерью и дочерью по параметрам «диада» и «триада» не различается в разных группах респондентов.

В литературе часто обсуждается проблема структуры и функциональности семьи, в системе которой важную роль играет как мать, так и отец. При планировании настоящего исследования мы также предполагали, что свобода отношений в паре мать–дочь будет, по-

мимо прочего, определяться тем, какое место в этих отношениях занимает отец. Отсутствие различий по этому параметру между двумя группами респондентов указывает на фальсификацию выдвинутой гипотезы. Скорее всего, нужна дополнительная информация, которая внесет ясность в этот вопрос. На данном этапе анализа проблемы важно отметить, что, по-видимому, сама по себе структура отношений и ее изучение недостаточны для формулировки выводов о роли третьего человека (прежде всего, отца) в становлении зрелых отношений в паре мать–дочь. Дополнительным материалом может стать анализ системы потребностей отца, матери и дочери и их сопряженности во взаимодействии друг с другом, а также особенностей эмоциональных отношений, которые складываются внутри семьи.

Оставляя в качестве задачи будущего исследования изучение мотивационных тенденций в отношениях отец–дочь–мать, проанализируем эмоциональные реакции матери и дочери в зависимых и автономных парах. Этот шаг позволит нам приблизиться к пониманию более сложных отношений, складывающихся между членами одной семьи, а также проверить предположение, согласно которому одним из признаков сепарации в диаде или триаде является проявление во взаимодействии друг с другом положительных эмоциональных реакций.

9.3. Чувства и качество отношений в парах мать–дочь

В отношениях между матерью и дочерью нередко можно обнаружить явные парадоксы. С одной стороны, такие отношения строятся на чувстве привязанности, любви, взаимозависимости; мать для дочери выступает объектом идентификации, объектом подражания. С другой стороны, необходимость индивидуального развития каждого из субъектов ведет к упрочению автономии, которая, в частности, способствует возобновлению отношений на новом уровне и сохранению их живости, новизны, многогранности. Отделение дочери от матери – это естественный процесс развития личности, в русле которого как дочь, так и мать становятся суверенными субъектами своего жизненного пути. В идеале отношения начинают строиться на паритетных основаниях, где равенство позиций обоих участников приобретает устойчивый характер. В реальности, несмотря на ресурсность такого взаимодействия, случаи симбиоза и зависимости в паре мать–дочь встречаются довольно часто.

Мысль о том, чтобы проверить гипотезу о различиях в переживании сепарации дочери в зависимости от гендерной идентичности

матери сформировалась вследствие анализа компенсаторных способов отделения ребенка от матери при невозможности осуществления нормального процесса разотождествления с ней. В проведенном нами исследовании (§ 9.2) подтвердилась гипотеза о связи маскулинности, приписываемой дочерью матери, с зависимостью дочери от матери. Кроме того, оказалось, что уровень маскулинности зависимых девушек выше, чем уровень маскулинности независимых девушек. Полученные результаты подтверждают выводы, сделанные Е. В. Кумыковой о том, что формирование внутренней независимости женщины во многом определяется особенностями организации полоролевой идентичности: ее фемининной природой и интегрированностью, в том числе и интеграцией маскулинных свойств, но не их предпочтительностью в структуре гендерной идентичности женщины (Кумыкова, 2010).

Предполагалось, что отношения между матерью и дочерью из автономной пары будут опосредованы участием третьего человека, например, отца. Именно такой тип отношений позволяет ослабить взаимозависимость матери и дочери, сделав их связь структурно более сложной. Оказалось, что в обеих группах диадические и триадические отношения представлены одинаково часто и различий между группами не наблюдается. В автономной паре в качестве взрослой женщины наиболее часто выступает мать, редко, но значимо чаще, чем в зависимой паре – няня, т. е. человек, который не является родственником. «Мать-заместительница может оказаться единственным шансом для ребенка, компенсировав ему отсутствие матери, или еще проще, она может ослабить его зависимость от матери» (Эльячефф, Эйниш, 2006, с. 359). Видимо, поэтому отношения дочери с матерью, опосредованные влиянием третьего лица, оказываются более зрелыми и позитивными.

В зависимой паре место няни занимает бабушка. Соотношение этих показателей позволяет сформулировать гипотезу о более тесных отношениях между матерью и дочерью в зависимой паре, которые усиливаются присутствием еще одной мамы, выполняющей роль бабушки. Согласно К. Эльячефф и Н. Эйниш, женщины стремятся отдавать своих детей собственной матери. И если это умудренная опытом бабушка, то привязанность к ней «может быть сильнее, длительнее и наверняка мене противоречивой, чем привязанность к родителям...» (там же, с. 362–363).

Структура отношений в разных парах матери и дочери не может быть единственным показателем уровня их зрелости. С целью анализа дополнительных данных были изучены чувства матери и до-

чери, которые они испытывают по отношению друг к другу в процессе взаимодействия.

Анализ данных всей выборки (без разделения на группы) показал, что наиболее выраженными чувствами персонажа «мать» в рассказах Тематического апперцептивного теста являются: радость и страх/беспокойство, чуть реже – гнев/обида; наиболее выраженные чувства персонажа «дочь» – утрата, потеря, одиночество, обида и радость/счастье (таблица 9.6).

В представлениях девушек вина и стыд оказались несчастными переживаниями как для матери, так и для дочери; горе, утрата переживаются в основном дочерью и нетипичны для матери, тогда как страх и беспокойство являются типичными переживаниями матери и не свойственны дочерям.

Далее анализировались чувства матери и дочери, которые в представлении респондентов возникают в контакте друг с другом, в каждой из выделенных нами групп – автономных (группа 1) и зависимых (группа 2).

Анализ рассказов респондентов показал, что в представлении зависимых девушек (группа 2) мать испытывает по отношению к дочери чувство обиды, гнев и реже радость (таблица 9.7). По мнению К. Эльячефф и Н. Эйниш, категория женщин, которые являются «в большей степени женщинами, чем матерями» стремится к установлению асимметричных отношений, выбирая форму подчиненного положения дочери по отношению к ней. «У матери явно заметны трудности как с выражением чувств, так и со способностью их прожить до конца, она старается подавить их как можно скорее» (Эльячефф, Эйниш, 2006, с. 97). Мать не в состоянии подарить любовь или признание, чувства вины и стыда не выражены. «Эмоциональная черствость и нарциссизм служат матери защитой от чувства вины» (там же, с. 98). По нашим данным для дочери из этой пары наиболее сильными являются чувства горя, утраты, одиночества,

Таблица 9.6
Чувства матери и дочери

Чувства матери					Чувства дочери				
горе, утрата	гнев, обида	вина, стыд	радость, счастье	страх, беспокойство	горе, утрата	гнев, обида	вина, стыд	радость, счастье	страх, беспокойство
4	9	3	19	12	19	15	4	14	5

т. е., по-видимому, то, что принято называть сепарационной тревогой и страхом отделения (таблица 9.7).

Соответственно матери, дочь которой ощущает себя менее зависимой, приписываются позитивные чувства. Дочь испытывает меньше переживаний меланхолического и тревожного ряда, реже переживает горе и утрату по сравнению с зависимыми от матери девушками.

Выраженность в зависимой паре (по представлениям обследуемых девушек) чувств обиды, гнева, а также переживаний одиночества и утраты, может свидетельствовать о недостаточности компенсаторной роли бабушки, которая в качестве третьего персонажа часто включается в отношения мать–дочь, либо о неумении матери правильно символизировать замещающую роль бабушки. Недостаточность объяснений, которые исходят от матери, обнаруживается в значительном количестве рассказов ТАТ с неопределенным исходом у менее автономных девушек. Такая неопределенность рассказов может указывать на нежелательную открытость реальных ситуаций, на их незавершенность.

По данным исследования, несмотря на проявление явной зависимости от матери и оценку себя как женщины с акцентуированными маскулинными чертами, девушка со слабо выраженными признаками сепарации стремится устанавливать равные отношения с мужчинами. Для автономной молодой женщины отношения с противоположным полом строятся, по-видимому, более драматично – в них меньше равенства и больше ожиданий негативного исхода. Являются ли эти представления следствием негативных установок независимых женщин на отношения с мужчинами или это результат более реалистичного самостоятельного взгляда на жизнь, ответить трудно, учитывая рамки настоящего исследования. В целом же можно сказать, что автономия дочери расширяет возможности независимого функционирования обеих женщин, делает отношения разнообразными и динамичными. Предположительно и то, что этот стиль переносится на отношения с противоположным полом, обнаруживая в них особую ресурсность, новые возможности.

В проведенном нами исследовании отношения между матерью и дочерью изучались по данным *опроса дочерей*. В следующей главе книги представлены результаты обследования *и матери, и дочери*. Эти данные, с одной стороны, подтверждают выявленные нами зависимости, а с другой – открывают путь для более детального изучения детско-родительских отношений как одного из наиболее сложных и интересных предметов научного исследования.

Таблица 9.7.
 Чувства матери и дочери в разных группах респондентов

Номер группы, значение критерия φ, p-level	Чувства матери					Чувства дочери				
	горе, утрата	обида, гнев	вина, стыд	радость	страх, тревога	горе, утрата	обида, гнев	вина, стыд	радость	страх, тревога
1 гр.	1	2	3	12	7	7	8	3	7	3
2 гр.	3	7	0	7	5	12	7	1	7	2
φ	0,98	1,8*	1,6	1,7*	0,8	1,7*	0,5	0,98	0,2	0,6
p	p>0,05	p<0,05	p>0,05	p<0,05	p>0,05	p<0,05	p<0,05	p>0,05	p>0,05	p>0,05

ГЛАВА X

МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕПАРАЦИИ В ОТНОШЕНИЯХ МАТЬ–ДОЧЬ¹

Психологическая сепарация представляют собой процесс, в ходе которого человек обогащается опытом построения собственного Я, межличностных отношений, нахождения своего места и предназначения в системе семейных, родственных и общественных взаимосвязей. Механизмом психологической сепарации, задающим ритм и направление изменений в отношениях человека с самим собой, со значимым Другим и с Миром в целом, наряду с отождествлением/разотождествлением, рефлексией, является *внутренняя независимость личности* (глава III). Проблеме внутренней независимости личности, а также психологической дистанции и организации ролевой структуры в паре мать–дочь и посвящена настоящая глава.

10.1. Проблема внутренней независимости личности в отношениях мать–дочь

Интерес к проблеме внутренней независимости личности обусловлен поиском причин развития у человека чувства авторства своей жизни, ее самобытности и подлинности. Методология подобного исследования в большей степени основывается на принятии в качестве ведущего принципа субъекта, в соответствии с которым человек рассматривается на высшем уровне активности, творчества и инициативности (А. В. Брушлинский). Таким же по значимости яв-

* Результаты исследования впервые опубликованы в статье: Харламенкова Н. Е., Кумыкова Е. В. Внутренняя независимость личности как системный признак становления отношений в парах «мать–дочь» // Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 461–483.

ляется принцип системности, поскольку, как показали наши исследования, внутренняя независимость личности выступает в качестве механизма, благодаря которому возможна системная дифференциация эмоциональных, поведенческих, мотивационных и когнитивных особенностей, определяющих специфику отношений в диаде. В качестве объекта исследования была выбрана диада мать–дочь. Причиной этого выбора стала особая природа отношений между матерью и дочерью, которой, с одной стороны, присущи близость и доверительность общения, а с другой – амбивалентность чувств, взаимная работа механизмов отождествления и разотождествления, обоюдное стремление к независимости.

В диссертации Е. В. Кумыковой (2010а) представлена концептуальная модель внутренней независимости женщины. Эта модель включает в себя такие смысловые единицы, как потребностно-мотивационная сфера личности, полоролевая и личностная идентичность, жизненная позиция. Полученные результаты, описывающие природу и особенности внутренней независимости женщины, позволяют выявить различия в проявлении данного качества личности в молодом и зрелом возрасте. Оказалось, что внутренняя независимость женщины сопряжена с процессом идентификации с отцом и матерью, отражается на полоролевой идентичности женщины и на содержании внутренних образов «Мужчина» и «Женщина». Выявлено, что внутренняя независимость женщин молодого возраста обусловлена идентификацией с мужчиной зрелого возраста, а у женщин зрелого возраста проявляется при достоверно более высоком уровне идентификации с лицами женского пола, что сопряжено с интеграцией маскулинных качеств в ее женском Я. Внутренне независимые женщины зрелого возраста свободно реализуют потребность в автономии, а у молодых внутренне независимых женщин реализация потребности в автономии связана с внутрличностным конфликтом в потребностной сфере и сфере полоролевой идентичности. Установлена взаимосвязь внутренней независимости женщины с ее субъектностью, активностью жизненной позиции и показано, что внутренне независимые женщины обладают большей гибкостью мышления и реалистичностью целеполагания по сравнению с молодыми внутренне независимыми женщинами.

В диссертации были получены побочные результаты, которые позволили рассматривать внутреннюю независимость женщины в контексте проблемы сепарации от родителей (особенно от матери) и в ее связи с потребностью в автономии. В данной главе проб-

лема отношений между матерью и дочерью стала главным предметом исследования.

Современные психологические исследования отношений мать–дочь затрагивают несколько аспектов данной проблемы: 1) роль матери в формировании и развитии личности ребенка (З. Фрейд, М. Кляйн, Д. Винникотт, М. Маллер, Дж. Боулби, М. Эйнсуорт, Л. И. Божович, М. И. Лисина, Г. Г. Филиппова, Н. Е. Харламенкова и др.); 2) феномен материнства как особенность потребностно-мотивационного и смыслового женского развития (М. Мид, К. Хорни, А. С. Спиваковская); 3) материнство как стадию личностной и половой идентификации (Р. М. Shereshefsky, L. J. Yarrow, M. J. Gerson, В. И Брутман, Ю. И. Шмурак и др.); 4) факторы риска, влияющие на качество взаимодействия мать–ребенок и готовность к материнству (А. Я. Варга, М. С. Радионова, О. В Баженова, Л. Л. Баз, О. А. Копыл, Г. В. Скобло, О. Ю. Дубовик и др.).

В ряде исследований отношения мать–дочь выделяются как особый тип детско-родительских отношений, в которых акцент делается на диаде «мать–ребенок» как взаимно развивающейся системе элементов (М. Кляйн, Д. Винникотт, М. Малер, Дж. Боулби, М. Эйнсуорт, А. Я. Варга и др.). Такой путь исследования межличностного взаимодействия практически не учитывает отношение к матери и к ребенку как к самостоятельным субъектам. В то время как работы, посвященные изучению материнского поведения и взаимодействия матери с ребенком в детской психологии (Е. О. Смирнова, С. Ю. Мещерякова, Н. Н. Авдеева и др.), в психологии личности и смежных областях (В. И. Брутман и М. С. Радионова, Г. В. Скобло и О. Ю. Дубовик и др.), в когнитивной психологии (Е. А. Сергиенко и др.), показали перспективность такого подхода.

В главе поставлена проблема внутренней независимости матери и дочери (в том числе и проблема внешней и внутренней сепарации) и ее связи с проявлением женской и материнской роли, роли дочери, их интеграции. Мать и дочь принадлежат к одному полу, поэтому процесс сепарации–индивидуации на разных этапах онтогенеза связан с особыми трудностями: выделением собственного Я при одновременной поддержке связи со своим женским началом. Внутренняя психологическая сепарация служит оптимизации общения, дифференциации взаимодействий друг с другом, способствует сохранению суверенности и личного достоинства, развитию неповторимой женской идентичности как матери, так и дочери.

На пути к сепарации внутренняя независимость личности является первым и крайне важным шагом, потому что именно этот механизм позволяет проводить рефлексию на границе Я и не-Я, помогая осознавать собственные потребности и мотивы, особенности личностной идентичности в целях самоопределения. Внутренняя независимость способствует полноценному человеческому существованию вне разнообразных стереотипов, установок, шаблонов, обеспечивает умение отстаивать свои интересы и устанавливает ответственность за сделанный выбор, предопределяет собственную линию поведения человека. Именно это качество личности «организует автономность и целостность жизненного пути личности как субъекта жизнедеятельности» (Кумыкова, 2010, с. 3).

Цель теоретико-эмпирического исследования состояла в том, чтобы провести системный анализ отношений матери и дочери с учетом организации пространства этих отношений (дистанции), уровня значимости субъектов этих отношений (уровня самооценки) и ролевой структуры (репертуара ролей) – их разнообразия, выраженности и синхронности у матери и дочери с разным уровнем внутренней независимости.

Гипотезы исследования:

1. В парах мать–дочь с выраженными показателями по шкале внутренней независимости сопряженность личностных профилей не наблюдается, тогда как в зависимых парах профили значимо коррелируют.
2. Психологическое пространство внутренне независимых матери и дочери организуется по принципу дифференциации дистанции с близкими и менее близкими людьми. Отношения между матерью и дочерью в зависимых парах менее дистанцированы и менее дифференцированы.
3. Значимость собственной личности (самооценка) у независимых дочерей выше по сравнению с более зависимыми.
4. Внутренне независимые матери и дочери имеют более широкий и интегрированный репертуар ролей, который проявляется в разнообразии эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций; у них не наблюдается ролевых синхроний, ролевой спутанности и узости ролевого репертуара.

Предмет исследования: внутренняя независимость/зависимость матери и дочери и ее системная реализация в построении отношений

в контексте более широкого пространства связей, а также конкретно в отношениях мать–дочь.

Выборка: В исследовании приняли участие 26 пар респондентов (всего 52 человека). Возраст дочерей составлял от 18 до 31 года (средний возраст – 22 года), возраст матерей – от 41 до 60 лет (средний возраст – 43,8 лет). Важным условием в отборе испытуемых являлся факт наличия в семье других детей. В исследовании приняли участие только те пары, в семьях которых нет других дочерей (но допускалось наличие братьев).

Для изучения особенностей внутренней и внешней сепарации в диаде «мать–дочь» использовались следующие методики:

1. 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла. Опросник использовался для определения характерообразующих черт личности исследуемых женщин, а также для выделения среди матерей и дочерей испытуемых, обладающих разной выраженностью внутренней независимости. Для изучения личностных черт испытуемых были использованы все 16 факторов опросника (Рукавишников, Соколова, 2003). В ходе факторизации первичных факторов Р. Кеттеллом было выявлено восемь факторов второго порядка, из которых пять считаются существенными, в том числе и фактор «независимость» (Рукавишников, Соколова, 2003, с. 61). Данный фактор наиболее полно отражает суждения о субъекте, применяемые в отношении внутренне независимой личности (Кумыкова, 2010).

Был произведен расчет данного фактора для всех испытуемых женщин по формуле: $F4 = [(4 * E + 3 * M + 4 * Q1 + 4 * Q2) - (3 * A + 2 * C)] / 10$ (Практическая психодиагностика, 2011, с. 231). Таким образом, интересующий нас полюс «независимость» объединил поведенческие (E+ (доминантность)), (Q2+ (самодостаточность)), мыслительные (M+ (мечтательность)), мировоззренческие (Q1+ (радикализм)) и эмоциональные (C+ (нейротизм)), (A– (теплота)) компоненты независимости (Рукавишников, Соколова, 2003, с. 61).

2. Тематический апперцептивный тест (ТАТ) Г. Мюррея. Тест разработан Г. Мюрреем в 1940-е годы. Методика предназначена для диагностики латентных потребностей. В работе с тестом используется 20 черно-белых таблиц с различными сюжетами. Для изучения особенностей материнско-дочерних отношений респондентам предъявлялась одна таблица (8GF), на которой изображена молодая женщина; она опирается на руку и смотрит

в пространство. Испытуемому по очереди давались 3 инструкции. Первоначально предъявлялась стандартная инструкция: «Это тест на фантазию и воображение. Я покажу вам картинку и попрошу составить по ней рассказ. Это должен быть именно рассказ, а не описание картинки. Скажите, что происходит в данный момент, что предшествовало этой ситуации и чем она завершится в будущем. Скажите, что персонаж (персонажи) чувствуют и о чем он/они думают». Далее респонденту предъявлялась вторая инструкция: «Представьте, что эта женщина ждет мужчину. Скажите, что происходит в данный момент, что предшествовало этой ситуации и чем она завершится в будущем. Скажите, что персонаж (персонажи) чувствуют и о чем они думают». Обе инструкции предъявлялись и матери, и дочери. Третья инструкция для матери касалась отношений с дочерью: «Теперь представьте, что эта женщина ждет дочь»; третья инструкция для дочери касалась отношений с матерью: «Представьте, что эта женщина ждет мать». Полученные рассказы подвергались тщательному анализу. С этой целью каждый из трех рассказов определенным образом кодировался.

- А) Для кодировки рассказов дочери и матери (отдельно друг от друга) были выделены следующие категории: *роль и носитель роли* (главный герой) – мать, дочь, женщина; *другой персонаж* рассказа – мужчина, дети, другая женщина; *проработанность роли*: 1 – персонаж только называется; 2 – реализация роли через эмоции, действия или мысли; 3 – роль проявляется комплексно, т. е. проявляется в эмоциях, действиях, взаимодействии, диалоге; *оценка роли* – положительная, отрицательная, нейтральная; *конфликт*: 1 – нет внутреннего конфликта, гармоничность; 2 – более выражены личная тема и роль; 3 – более выражена женская тема; 4 – более выражена роль дочери; 5 – выражена роль матери; 6 – ролевой конфликт. Формальные критерии оценки отношений «мать–дочь»: *частота отношений*: 1 – часто, 2 – редко; *близость* матери и дочери: 1 – территориально близкие отношения (живут вместе), 2 – дистанцированные (живут далеко друг от друга); *реальность отношений*: 1 – реальные, 2 – воображаемые; *характер отношений*: 1 – эмоции, 2 – мысли, 3 – действия.
- Б) Кодировка рассказов в парах «мать–дочь» производилась по следующим параметрам: *соответствие ролям*: 1 – соответствие ролям матери и дочери; 2 – отсутствие соответствия, ролевая пута-

- ница; 3 – частичное смешение ролей; *синхронность нарушений ролевой структуры* (степень проработанности разных ролей одновременно у матери и дочери): 1 – нет нарушений (у обеих все три роли развиты); 2 – асинхронность нарушений (например, у матери доминирует женская роль, а у дочери – материнская); 3 – синхронное нарушение, т. е. выраженность у обеих женщин какой-либо одной роли (например, материнской или женской).
3. Опросник измерения самооценки Б. и Дж Уайнхолд. Опросник содержит 4 шкалы: 1) умение устанавливать контакт; 2) искусство принимать себя; 3) умение оказывать влияние; 4) искусство постоянства. Общий уровень самооценки респондентов определяется путем сложения баллов по всем 4 шкалам (Уайнхолд, Уайнхолд, 2002).
 4. Методика PARI E. Шеффера и Р. Белла (адаптация Т. В. Нещерет) (Практическая психодиагностика, 2011). Опросник содержит 8 шкал, в которых отражается отношение женщины к семейной роли: 1) ограниченность интересов женщины рамками семьи и заботами исключительно о семье; 2) зависимость от семьи; ощущение самопожертвования в роли матери; 3) семейные конфликты; 4) неудовлетворенность ролью хозяйки дома; 5) «безучастность мужа», его невключенность в дела семьи; 6) доминирование женщины; 7) зависимость/несамостоятельность женщины; 8) отношение к ребенку рассматривается как выраженность эмоциональной неустойчивости, т. е. вспыльчивость, раздражительность матери. Была проведена факторизация пунктов данного опросника (метод Principal components, Varimax гав), в результате которого было выделено пять факторов: 1) самопожертвование в роли матери (собств. вес – 7,7, 19% объясняемой дисперсии), 2) ограниченность интересов женщины ролью матери, вынужденная погруженность в семью, несвобода (собственный вес – 3,3, 8% объясняемой дисперсии); 3) конфликт между материнской и женской ролью (собственный вес – 2,9, 7,1% объясняемой дисперсии); 4) строгость матери в воспитании ребенка (собственный вес – 2,6, 6,5% объясняемой дисперсии) и 5) доминирование женщины в семье (собственный вес – 2,5, 6,3% объясняемой дисперсии).
 5. Методика «Измерение дистанции взаимодействия – шкала CIDS» (The comfortable Interpersonal Distance Scale, M. Duke, S. Nowicki) (Астанина, 2011). Выбор данной шкалы обусловлен возможностью оценить психологическую дистанцию между

матерью и дочерью, которая дает информацию об организации персонального пространства личности, свойствах психологических границ матери и дочери как субъектов взаимодействия. Шкала CIDS представляет собой восьмигранник с вписанной в него окружностью. Из центра окружности выходят 8 радиусов по 5 см, которые делят окружность на 8 секторов. Испытуемому предлагают представить себе, что он находится в центре окружности и дается следующая инструкция: «Посмотрите на рисунок перед вами. Представьте себе, что это большая круглая комната, вы находитесь в самом центре, там, где линии пересекаются. В этой комнате 8 дверей, у каждой есть свой номер. Через дверь в комнату заходит человек. Он движется по направлению к вам. Вы можете остановить его на том месте и на том расстоянии, на каком вам удобнее всего с ним общаться. Поставьте на этом месте крестик».

В соответствии с целью и задачами исследования в качестве воображаемых партнеров по общению последовательно предлагаются: 1) для матери – «мать», «отец», «мужчина вашего матери», «дочь», «молодой мужчина», «мальчик», «девочка»; 2) для дочери – «мать», «отец», «мужчина вашего возраста», «женщина вашего возраста», «пожилой мужчина», «пожилая женщина», «мальчик», «девочка». Полученные данные измерялись линейкой в мм.

Для обработки результатов исследования использовался пакет прикладных программ статистической обработки данных Statistica 6.1: корреляционный анализ – коэффициент r_s Спирмена, угловое преобразование Фишера и непараметрический метод сравнительного статистического анализа с использованием U-критерия Манна–Уитни, критерий Уилкоксона.

Результаты эмпирического исследования изложены в параграфах 10.2 и 10.3.

10.2. Психологическая дистанция в парах мать–дочь

Психологическая связь между матерью и дочерью и формирование их внутренней независимости могут быть исследованы разными способами. Одним из них, например, является установление идентичности реакций двух людей на одни и те же стимулы. Юнг писал, что при использовании словесно-ассоциативного теста на огромном количестве семей был обнаружен «удивительный параллелизм в типах ассоциаций и реакций у определенных членов семей», со-

причастность, которая на первый взгляд видится как абсолютная гармония (Юнг, 1998, с. 88). Эти феномены обнаружены им в отношениях родителей и детей, а также в супружеских отношениях. В любом случае основанная «на сопричастности глубокая семейная гармония вскоре вызывает яростные попытки... освободиться, отделиться друг от друга» (там же, с. 91) с целью формирования собственной личностной идентичности. Близость и тесная взаимосвязь матери и дочери в разные периоды жизни могут быть как препятствием, так и основанием для развития собственного Я, упрочения внутренней независимости.

В проведенном нами исследовании сопричастность (по Юнгу) матери и дочери оценивалась нами путем идентификации их личностных профилей (см. программу организации исследования в § 10.1). С этой целью была проведена корреляция личностных черт (профилей) матери и дочери (16-PF Кеттелла) и установлена степень связанности этих черт у матери и дочери. Результатом анализа корреляционных связей стало выделение двух групп респондентов. В первую группу вошли пары мать–дочь, личностные профили которых значимо коррелировали между собой ($n=8$), во вторую – пары, личностные черты которых не коррелировали ($n=18$).

На следующем этапе исследования была поставлена задача выявления различий между двумя группами респондентов, отдельно между подгруппами матерей и дочерей. Предполагалось, что уровень внутренней независимости выше у матерей и дочерей, личностные профили которых не коррелируют между собой. Оказалось, что матери, чьи личностные профили связаны с личностными профилями дочерей, мечтательны, непрактичны (фактор первого порядка M, $U=30,0$, $p=0,01$, где U – критерий Манна–Уитни), а дочери – более конформны, зависимы (фактор второго порядка F_4 , $U=36,5$, $p=0,048$).

Учитывая тот факт, что показатель «конформности – независимости» по нашим данным определяет степень связанности личностных профилей матери и дочери, вся выборка была разделена на подгруппы по этому показателю с учетом медианного критерия. В первую группу вошли пары мать–дочь, у которых уровень независимости был низким – «зависимая мать» и «зависимая дочь» ($n=8$), во вторую – пары мать–дочь, у которых уровень независимости был высоким – «независимая мать» и «независимая дочь» ($n=7$), в третью – «зависимые матери и независимые дочери» ($n=9$) и в четвертую – «независимые матери и зависимые дочери» ($n=2$).

Важно отметить, что в первую группу – «зависимых» – вошли пары, у большинства из которых (у шести пар из восьми) личностные профили коррелируют. Во вторую группу – «независимых» – вошли пары, у которых личностные профили не коррелируют (у шести из семи), а в третьей группе – «зависимая мать/независимая дочь» – оказались пары, у которых профили тоже не коррелируют (у восьми из девяти пар). Отсюда следует, что первая гипотеза исследования подтверждается. Ввиду малочисленности четвертой группы мы не анализируем эти данные, однако можно предположить, что зависимость дочери в возрасте старше 20 лет чаще всего обусловлена зависимостью матери (1-я группа), т. е. наличием симбиотических отношений в паре, и реже возникает в отношениях с независимой матерью (4-я группа).

Дальнейший анализ результатов был построен таким образом, чтобы сначала сравнить между собой матерей и дочерей трех выделенных групп по дифференциации отношений с разными по степени близости людьми (методика CIDS), а затем провести анализ разных ролей, выполняемых женщиной, с тем чтобы понять насколько характеристика внутренней независимости женщины как матери и как дочери сопряжена с гармонизацией ее ролевой структуры. Однако, прежде чем приступать собственно к анализу данных, структурируем изучаемое нами множество выделенных переменных и представим план анализа результатов и последовательность проверки выдвинутых гипотез.

Началом анализа является изучение *психологического пространства*, в котором разворачиваются отношения матери и дочери (в том числе и с другими людьми), при этом основное внимание уделяется величине *психологической дистанции*, на уровне которой происходит взаимодействие матери и дочери между собой и с иными объектами (методика CIDS).

Далее анализируется *оценка себя* как более или менее значимого участника отношений в определенном пространстве (опросник измерения самооценки Б. и Дж Уайнхолд).

Затем исследуется *ролевая структура* и ее *целостность* у обследуемых субъектов – матери и дочери (§ 10.3), – которая показывает разнообразие и единство поведенческого репертуара каждой из анализируемых личностей (методика PARI E. Шеффера и Р. Белла, а также переменные группы А методики TAT).

В завершении анализа проводится оценка *идентичности* поведенческих стратегий матери и дочери (синхрония/асинхрония)

относительно одной и той же ситуации (переменные группы Б методики ТАТ).

По результатам методики CIDS профили матери и дочери 1-й группы («зависимые») практически идентичны (рисунок 10.1) и лишь по отношению к объекту «мужчина вашего возраста» наблюдаются различия, причем по сравнению с дочерью мать располагает этот объект значительно ближе, но она дальше перемещает другой объект – «молодой человек», который ассоциируется ею с другом или мужем дочери. По сравнению с результатами двух остальных групп матерей дистанция с другими людьми у матерей 1-й группы выглядит как самая близкая. По методике PARI различия между матерью и дочерью 1-й группы были выявлены только по шкале «Строгость матери в воспитании ребенка» ($T=1$, $p=0,046$, где T – критерий Уилкоксона), причем именно дочь планирует воспитывать своих детей в строгости.

Профили матери и дочери 2-й группы – «независимые» (по результатам методики CIDS) также практически совпадают (рисунок 10.2), однако по сравнению с первой группой отличаются тем, что дистанция с близкими людьми – дочерью и матерью – гораздо меньше по сравнению с дистанцией с менее близкими объектами – «Мужчина вашего возраста», «Женщина вашего возраста». Кроме

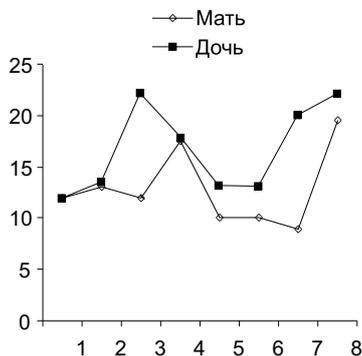

Рис. 10.1. Психологическая дистанция с объектами (1–8) у матери и дочери в паре «зависимая мать» и «зависимая дочь» (по данным методики CIDS)

1 – «мать», 2 – «отец», 3 – «мужчина вашего возраста», 4 – «женщина вашего возраста», 5 – «мальчик», 6 – «девочка», 7 – «дочь» (для матери) / «пожилая женщина» (для дочери), 8 – «молодой человек» (для матери) / «пожилой мужчина» (для дочери).

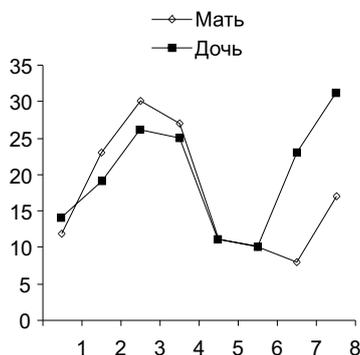

Рис. 10.2. Психологическая дистанция с объектами (1–8) у матери и дочери в паре «независимая мать» и «независимая дочь» – 2-я группа (по данным методики CIDS)

того, более отстраненными видятся отношения с отцом, как у самой матери, так и у дочери. Наибольший контраст в отношениях с близкими и менее близкими людьми наблюдается у матери, которая по сравнению с дочерью значительно дальше от центра располагает объекты «Мужчина вашего возраста» ($T=1, p=0,03$) и «Женщина вашего возраста» ($T=1,5, p=0,05$). Различий по самооценке и по отношению к семейным ролям (методика PARI) между матерью и дочерью не выявлено.

В третьей группе («зависимая мать/независимая дочь») форма профиля матери (по данным методики CIDS) близка к профилю независимой матери (рисунок 10.3). Наблюдается дифференциация в отношениях к близким и к менее близким людям. Специфика этой группы состоит в том, что самая короткая дистанция установлена с отцом. Этот результат сближает матерей 3-й группы с 1-й ($U=28,0, p=1,0$) показывает, что зависимость матери во многом может определяться значимостью для нее отца, а также близостью с собственной матерью. Контрастом является дистанция, установленная с объектом «молодой человек», который рассматривается матерью как близкий приятель дочери и определяется на самое отдаленное от матери место. Девушки этой группы (т. е. дочери), несмотря на их независимость (по данным 16-PF) демонстрируют максимально близкие отношения с матерью и с отцом. Эта дистанция настолько мала, что можно говорить о слиянии, симбиозе со своими родителями. Также близко дочери этой группы воспринимают отношения с «мальчиком» и «девочкой», которые видятся даже как более тесные,

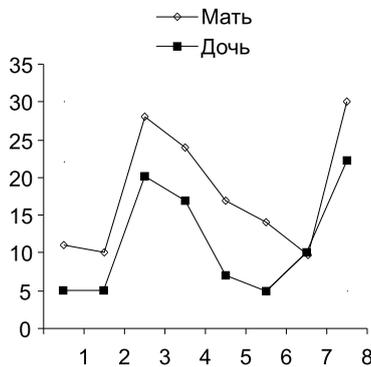

Рис. 10.3. Психологическая дистанция с объектами (1–8) у матери и дочери в паре «зависимая мать» и «независимая дочь» – 3-я группа (по данным методики CIDS)

чем отношения ее собственной матери к этим же объектам ($T=3$, $p=0,02$, $T=3,5$, $p=0,02$ соответственно). Зная, что у этих респондентов пока еще нет своих детей, можно предположить, что близость дистанции с мальчиком и девочкой характеризует их собственного внутреннего ребенка и в какой-то степени показывает внутреннюю зависимость от других объектов. Отличий в семейной роли между матерью и дочерью этой группы не было выявлено, однако получены различия в самооценке. У дочерей этой группы более выражена способность принимать себя ($T=3$, $p=0,04$), в целом в тенденции их самооценка выше самооценки матери ($T=7,5$, $p=0,06$).

Полученные данные позволяют охарактеризовать дистанцию между дочерью, матерью и отцом, а также дистанцию, на которой привычно общаться со сверстниками и представителями других поколений. На рисунке 10.4 отдельно показаны профили матерей трех сравниваемых групп. Хорошо видно, что для матерей 1-й группы психологическая дистанция со всеми анализируемыми объектами является такой же близкой, как и дистанция со своей дочерью, кроме объекта «молодой человек».

Матери 2-й и 3-й групп способны дифференцировать отношения с близкими и менее близкими людьми, причем, по всей видимости, не сама мать, а именно дочь (внутренне зависимая или независимая) определяют специфику функционирования пары. Сравнение матерей по самооценке и предпочитаемым ролям (PARI) не выявило различий между матерями трех групп. Значит, только установ-

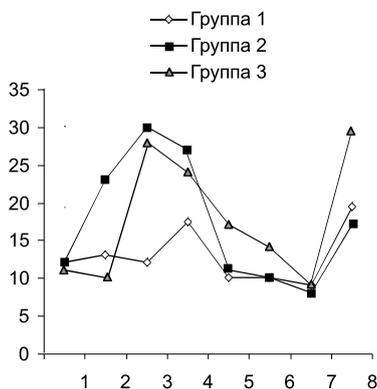

Рис. 10.4. Психологическая дистанция с объектами (1–8) у матерей трех групп

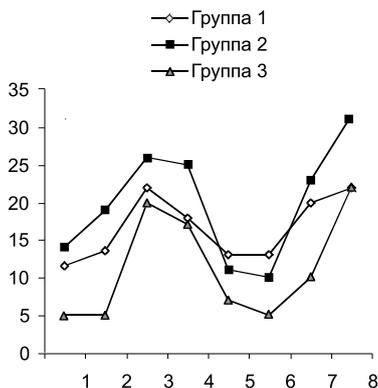

Рис. 10.5. Психологическая дистанция с объектами (1–8) у дочерей трех групп

ление психологической дистанции (а не собственная значимость и осознаваемые роли), а также внутренняя независимость дочери и ее характер определяют специфику взаимодействия этой пары.

На рисунке 10.5 представлены профили дочерей трех исследуемых нами групп и видна специфика каждой из них, прежде всего, по отношению к матери и к отцу.

Гипотеза о том, что психологическое пространство внутренне независимых матери и дочери организуется по принципу дифференциации дистанции с близкими и менее близкими людьми, а отно-

шения между матерью и дочерью в зависимых парах более тесные и слабо дифференцированные, подтверждается. Сравнение дочерей по самооценке и предпочитаемым ролям показало, что у независимых дочерей 3-й группы выше самооценка по сравнению с дочерьми 2-й группы ($U=13$, $p=0,04$), а в 1-й группе у зависимых дочерей по сравнению со 2-й группой независимых дочерей выше показатель самопожертвования в роли матери ($U=6,5$, $p=0,01$) и показатель конфликта между материнской и женской ролями ($U=10,5$, $p=0,04$); другие различия по самооценке выявлены не были. Это значит, что третья гипотеза о том, что уровень самооценки у независимых дочерей выше, чем у зависимых дочерей, не подтверждается. Скорее частично подтверждается контргипотеза.

Психологическая дистанция – важный показатель того, какую позицию занимает человек в мире, как он воспринимает других людей в процессе общения. Тем не менее сама по себе психологическая дистанция без ролевого взаимодействия недостаточна для понимания особенностей организации самой личности и ее коммуникаций. Обсуждению вопроса о специфике ролевой структуры матери и дочери с разным уровнем внутренней независимости посвящен следующий параграф.

10.3. Особенности организации ролевой структуры в парах мать–дочь

Анализ *ролевой структуры* матери и дочери с разным уровнем внутренней независимости отдельно и в парах стал продолжением комплексного исследования, программа организации которого изложена в параграфе 10.1. Используемые нами опросники, направленные на диагностику самооценки и семейных отношений, не позволили получить полную информацию о взаимоотношениях дочери с матерью, а также о специфике материнской и женской роли в разных группах респондентов, об особых феноменах, которые возникают в выделенных нами парах. Для получения этих данных был осуществлен анализ протоколов, полученных при работе с Тематическим апперцептивным тестом.

План анализа рассказов включил в себя общее представление о *соотношении разных ролей* в трех группах респондентов, о специфике женской и материнской роли, которая оценивалась в разных контекстах – в парах внутри групп и между подгруппами, отдельно у матери и у дочери.

Стандартная инструкция (в нашем исследовании ее можно считать свободной инструкцией), в соответствии с которой составлялся *первый рассказ*, позволила выделить приоритетные жизненные темы в трех группах респондентов. Несмотря на то, что статистически значимых различий по личной, женской и материнской темам выявлено не было, мы получили более ценный результат. Оказалось, что женщины 2-й группы сочетают в одном рассказе две или даже три темы – личную, материнскую и женскую, причем в ролевом аспекте они являются развернутыми и проявляются в эмоциональном, ментальном и поведенческом аспектах. По сравнению с этой группой в первой ($\varphi=2,5$, $p\leq 0,01$) и третьей группах ($\varphi=1,64$, $p\leq 0,05$) такие феномены являются исключением. Особенности пар (2-я группа), у которых высоки показатели психологической независимости, состоят еще и в том, что у них не встречается совпадения ролей в рассказах матери и дочери, придуманных по первой инструкции, тогда как в 1-й и 3-й группах совпадение ролей статистически значимо отличается от 2-й группы ($\varphi=2,023$, $p\leq 0,05$; $\varphi=1,9$, $p\leq 0,05$ соответственно). Такая синхрония в отношениях матери и дочери показывает их созависимость и одновременно узость реакций на жизненные обстоятельства.

Женская тема и женская роль (*второй рассказ*) также более тщательно проработаны во второй группе респондентов. Роль реализуется в чувственных проявлениях (как позитивных, так и негативных), в обдумывании, планировании отношений с мужчиной, в деятельности и поведении. Если для зависимой пары (1-я группа), т. е. как для матери, так и для дочери не типична эмоциональная составляющая отношений с мужчиной (роль ограничивается реальными и воображаемыми действиями), для зависимой матери/независимой дочери (3-я группа) отношения строятся или в чувственном плане, или в плане действенном, или в плане представления, то для 2-й группы все три аспекта роли проявляются одновременно, причем как в рассказах матери, так и в рассказах дочери. Полнота личной и женской ролей, как нам думается, во многом определяется спецификой отношений мать–дочь, к анализу которой мы переходим далее.

Первым этапом анализа отношений мать–дочь (*3-й рассказ*) стало сопоставление матери и дочери внутри выделенных групп по таким формальным характеристикам, как частота контактов, наличие дистанции, реальность отношений, характер отношений (эмоции, мысли, действия), участие 3-го персонажа.

Оказалось, что зависимые мать и дочь (1-я группа) различаются по частоте контактов, по наличию дистанции: мать в отличие от дочери считает контакты с нею более частыми ($\varphi=2,74$, $p\leq 0,01$) и менее дистанцированными ($\varphi=3,39$, $p\leq 0,01$). Обими отношения рассматриваются как уравненные по критерию воображаемые/реальные отношения. Между матерью и дочерью не наблюдается различий по характеру отношений (эмоции, мысли, действия). Специфика группы состоит в том, что как у матери, так и у дочери наиболее выражена эмоциональная (грусть, печаль, тревога, реже радость у обоих персонажей) и поведенческая (причем преимущественно совместные действия, а также опекающее поведение – забота и уход) составляющие отношений. Вводится достаточное количество дополнительных персонажей. Для рассказов дочери типичной фигурой, участвующей в отношениях с матерью, является отец.

Независимые мать и дочь (2-я группа) различаются по таким формальным показателям, как дистанция и реальность отношений, а в тенденции – и по частоте отношений. Оказалось, что матери считают их отношения с дочерью близкими, менее дистанцированными ($\varphi=1,8$, $p\leq 0,05$), построенными преимущественно в сфере воображения ($\varphi=2,46$, $p\leq 0,01$) и частыми. Иными словами, близость и частота отношений видятся матери только в воображении, что, по-видимому, характерно для переживаний матери относительно сепарации дочери. Дочь, наоборот, рассматривает отношения с матерью как реальные, редкие и дистанцированные. В этой группе респондентов уравнены эмоции, мысли и действия. У матери чаще всего проявляются положительные эмоции – любовь, спокойствие, радость, доверие, у дочери амбивалентные – беспокойство, радость, вера. Действия в основном паритетные, симбиотические связи отсутствуют. Мать и дочь находятся в положительном контакте, могут осуществлять совместные действия, однако каждая в этом взаимодействии выполняет свою задачу. Дублирование, контроль, замещение не наблюдаются.

Интересной оказалась пара зависимая мать/независимая дочь (3-я группа). Различия между матерью и дочерью по формальным показателям отсутствуют. Обе считают свои отношения частыми ($\varphi=0,4$, $p>0,05$), близкими ($\varphi=0,14$, $p>0,05$) и реальными ($\varphi=0,97$, $p>0,05$). Особенность группы состоит в том, что в рассказах дочерей не всегда можно оценить отношения с матерью по выделенным критериям, т. е. частота, близость и реальность отношений не обсуждается, ненамеренно опускается. Соотношение эмоций, мыс-

лей и действий в рассказах матери идентично 1-й группе, однако эмоции и действия имеют свою специфику: первые амбивалентны (грусть, радость, отрицание негативных чувств), вторые – вербальны («поговорить», «обсудить»). У дочери соотношение эмоций, действий и мыслей идентично группе 2 и более гармонично по сравнению с матерью. Эмоции позитивные, отношения с матерью теплые и оцениваются как положительные. В качестве дополнительного персонажа в рассказах матери вводится друг, возлюбленный дочери.

Сравнение особенностей отношения с дочерью у матерей всех трех групп показало, что все матери вне зависимости от их принадлежности к группе и их психологической независимости склонны считать отношения с дочерьми частыми (постоянными) и близкими (недистанцированными). Однако матери 2-й группы переносят отношения с дочерью на уровень фантазии, воображения и по этому показателю отличаются от матерей 1-й группы ($\varphi=2,03$, $p\leq 0,05$) и 3-й группы ($\varphi=2,55$, $p\leq 0,01$). По показателю эмоции – мысли – действия более гармоничны матери 2-й группы. По категории «мысли» получены различия с 1-й группой ($\varphi=1,91$, $p\leq 0,05$), и отсутствуют различия с 3-й группой ($\varphi=0,5$, $p>0,05$). Матери 2-й группы не вводят в рассказы дополнительные персонажи в отличие от матерей 1-й и 3-й групп, т. е. не ищут дополнительной опоры и не создают основы для конфликтов.

Сравнение дочерей разных групп выявило, что по близости и дистанции в отношениях с матерью дочери 1-й и 2-й групп не отличаются друг от друга; эти отношения рассматриваются как редкие и дистанцированные, однако дочери 2-й группы в большей степени относят их в область реальности, т. е., если для зависимых дочерей эта дистанция возможна *только в воображении, то у независимых она вполне реальна*. Наиболее выражены различия между 1-й и 3-й группами. Дочери 3-й группы склонны рассматривать отношения с матерью и как частые, и как редкие, воспринимают их близкими. По сравнению с 1-й группой указывают на готовность общаться с матерью часто ($\varphi=1,84$, $p\leq 0,05$), не держат дистанцию ($\varphi=2,62$, $p\leq 0,01$). Не демонстрируют предпочтений в характере отношений (и реальные, и воображаемые). 3-я группа отличается по уровню дистанции с матерью и от 2-й группы ($\varphi=2,04$, $p\leq 0,01$). Иными словами, декларируемая независимость дочерей 3-й группы (по Кеттеллу) не соотносится с данными по психологической дистанции CIDS и данными ТАТ, которые, наоборот, показывают стремление к зависимости и слиянию.

Следует сделать вывод о том, что *независимые отношения с матерью во многом определяются поведением дочери*. По соотношению эмоций, мыслей и действий дочери 2-й группы, так же как и их матери, более гармоничны, чем респонденты других групп. Значительно выражены положительные чувства по отношению к матери. У дочерей 1-й группы выражены эмоции грусти, тревоги, скуки (без матери), тенденция к совместным действиям с матерью, к обдумыванию вместе с ней своих планов на будущее. Дочери 3-й группы, так же как и дочери 2-й группы гармоничны, но их матери скорее похожи на матерей 1-й группы. Эмоции позитивны, оценивают отношения с матерью как теплые, действия в основном вербальные.

Для выявления *особых феноменов* и их синхронности у матери и дочери был проведен качественный анализ пар мать–дочь, основой которого стали количественные данные, полученные при категоризации рассказов ТАТ. Учитывались следующие показатели: структура ролей и степень их выраженности, а также идентичность структур дочери и матери; наличие различий и их особенности; специфические ролевые феномены в трех группах респондентов – в группах «зависимые мать и дочь», «независимые мать и дочь», «зависимая мать/независимая дочь». Для создания более полного представления об изучаемом явлении внутренней независимости женщины и ее проявлении в парах мать–дочь анализ выявленных феноменов будет осуществлен с одновременной интерпретацией всех результатов (параграф 10.4).

10.4. Внутренняя независимость как механизм психологической сепарации личности

Взаимозависимость ребенка и матери является важнейшим условием полноценного физического и психического развития младенца. Однако уже в самые первые месяцы жизни (согласно современным исследованиям по пренатальному развитию ребенка, и раньше) эта пара стремится не только к установлению согласованных отношений, но и к развитию своей индивидуальности. В течение всей жизни стремление человека к обретению автономии проверяется в разнообразных по степени близости и длительности контактах. Однако отношение с матерью, особенно со стороны дочери, имеет свою специфическую природу и неповторимую историю.

В подростковый период стремление завоевать свою независимость может приобретать вычурные, гипертрофированные формы,

сопровождаться конфликтами и такими реакциями, как негативизм, демонстративное поведение, агрессивные поступки, девиации. В юношеском возрасте и старше сепарационные тенденции могут быть более конструктивными и продуктивными, хотя, как известно, в этот период жизни помощь и участие матери в судьбе дочери не перестают быть важными, но им нередко продолжают сопутствовать назидательность и властность, скрывающие внутреннюю несвободу матери и хрупкость ее личностной организации.

В проведенном нами теоретико-эмпирическом исследовании (см. параграфы 10.1–10.3) группа женщин с высокими показателями по зависимости – пары *зависимая мать/зависимая дочь* – составила 31% от всей исследуемой выборки. Корреляционный анализ данных показал, что в своем большинстве личностные профили матери и дочери (по опроснику 16-PF Кеттелла) в этой группе респондентов попарно связаны, что означает сходство их мотивационных и эмоциональных реакций. При выяснении вопроса о психологической дистанции, на которой общаются мать и дочь между собой и с другими людьми, оказалось, что зависимая мать тотально стремится к установлению близких отношений со всеми объектами и практически не дифференцирует их по критерию психологической дистанции. Единственный объект, который она оставляет на достаточном расстоянии, – молодой человек возраста дочери, по-видимому, представляющий собой определенную угрозу для симбиотического союза между матерью и дочерью.

Профиль дочери по психологической дистанции практически идентичен профилю матери. Все объекты близки и доступны, кроме объекта «Мужчина вашего возраста»: он располагается по отношению к ней на той же дистанции, на которой мать располагает объект «Молодой мужчина». Этот нюанс указывает на специфичность пары мать–дочь, личностная зависимость которых проявляется в сопряженности их личностных профилей и установок на жизненные отношения, в том числе и с другими субъектами.

Изучая ролевые предпочтения зависимых матери и дочери, удалось еще раз показать близость их ролевых стратегий, которые синхронно актуализируются в конкретной ситуации. Кроме того, оказалось, что в одной ситуации одновременная актуализация нескольких ролей практически невозможна, а это значит, что ролевая структура ригидна, ситуационно обусловлена и не интегрирована. Женские роли ограничены сферой реальных и воображаемых действий с партнером, эмоционально бедны. Материнская роль и роль до-

чери насыщены эмоционально-негативными реакциями и проявляются в организации совместных недифференцированных действий, в которых отсутствует распределение обязанностей. Установление более свободных отношений с матерью допускается дочерью только в сфере воображения.

Изучение ролевой структуры матери и дочери показало частое совпадение профилей с доминированием в ней материнской или женской ролей. Кроме этого, наблюдались и асинхронные явления компенсаторной природы. Так, симбиотические отношения в паре, т. е. дефицитарная родительская роль у матери, часто проявлялась в путанице ролей, в принятии роли матери самой дочерью и в отрицании последней роли дочери. Дефицитарная женская роль у матери приводила к построению дочерью сложных отношений с мужчинами, к проблеме выбора между двумя партнерами. Среди выделенных нами феноменов, типичных для зависимых матери и дочери, оказались симбиоз, компенсация дефицитарных ролей матери, путаница ролей, синдром покинутости, эмоциональная холодность, дефицит личной темы. «Я бы отметила, – пишет Мария Луиза фон Франс, – что синдром покинутости в основном связан с проблемой любви», что «у мужчины так проявляется проблема Анимы, проблема женщины, проблема эроса... у женщины, наоборот, оказывается недостаточной связь с Анимусом» и блокируется доступ к бессознательному (Мария-Луиза фон Франс, 2007, с. 35). Синдром покинутости возникает после расставаний, которые ребенок пережил в раннем детстве и не смог понять и принять их, или он был лишен этого понимания самими родителями, которые не проявили ему его тревогу. Обычно так поступает мать или отец, которые сами боятся разлуки. Именно поэтому зависимость в таком случае может быть «синдромом предков» и передаваться от поколения к поколению. Значит ли это, что нам не следует рассматривать взаимную зависимость матери и дочери как исходную точку в развитии их автономии? Думаем, что, поскольку выявленный синдром был обнаружен нами только у части выборки женщин первой группы, значит, остальные пары вполне могут рассчитывать на развитие личностной автономии без решения проблем, вызванных трансгенерационной передачей опыта.

Примером такой автономии выступает пары – *независимая мать/независимая дочь* (27%). По результатам исследования психологической дистанции, их профили также практически совпадают, однако по сравнению с группой *зависимая мать/зависимая дочь* психологическая дистанция независимых матери и дочери разли-

чается и определяется степенью близости (родства) человека, с которым устанавливается контакт – менее близкий человек размещается дальше. Было также показано, что отстраненными видятся отношения с отцом как у матери, так и у дочери.

По данным Тематического апперцептивного теста (ТАТ), независимые мать и дочь различаются по всем формальным показателям – по дистанции, характеру и частоте отношений. Матери считают их отношения с дочерью близкими, частными, построенными преимущественно в сфере воображения, а дочь, наоборот, рассматривает отношения с матерью как реальные, редкие и дистанцированные. В этих парах респондентов уравниены и интенсивно выражены эмоции, мысли и действия. У матери в общении с дочерью возникают положительные эмоции, у дочери амбивалентные. Взаимодействие построено на паритетных основаниях, симбиотические связи отсутствуют, совместные действия осуществляются в виде партнерства. При восприятии одной и той же ситуации не наблюдается синхроний, ролевая структура интегрирована, конфликт между ролями отсутствует. В отличие от группы зависимых матери и дочери у независимых матери и дочери выражена личная тема, которая не вступает в противоречие с материнской и женской ролью. Наиболее частыми феноменами у матери являются сохранение с дочерью теплых, но дистанцированных отношений, гармоничное сочетание материнской, женской ролей и личной темы, в некоторых случаях наличие у матери полномочий оценивать правильность поведения дочери (умеренный контроль). У дочери наблюдается развитая женская идентичность, паритетные отношения с матерью и взаимная теплая, но дистанцированная коммуникация. Сравнивая между собой пары зависимая мать/зависимая дочь с парами независимая мать/независимая дочь можно сделать вывод о подтверждении четвертой гипотезы (см. § 10.1), согласно которой внутренне независимые матери и дочери имеют более широкий и интегрированный репертуар ролей, который проявляется в разнообразии эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций; у них не наблюдается ролевых синхроний, ролевой спутанности и узости ролевого репертуара.

Рассматривая пары зависимых и независимых женщин – матери и дочери, следует обозначить их как две крайности, два полюса в отношениях мать – дочь, между которыми, по-видимому, можно найти ряд промежуточных вариантов. Один из таких вариантов представлен парами *зависимая мать/независимая дочь* (35%). Профили матерей этой группы по психологической дистанции оказались более

близкими к аналогичному профилю независимой матери из пары независимая мать/независимая дочь, т. е. дифференцированными по параметру «дистанция»: чем выше степень близости к объекту взаимодействия, тем короче дистанция. Однако существенное отличие матерей этой группы состоит в крайне близком контакте со своей матерью и со своим отцом. Возможно, отец не смог повлиять на симбиоз уже взрослой женщины со своей матерью, и поэтому она осталась в тесной связи с обоими родителями. Интересно, что у дочери еще более близкие отношения со своими родителями, которые все вместе составляют, если можно так сказать, *симбиотическую триаду*. Как же понять амбивалентность дочери по показателю личностной зависимости/независимости? С нашей точки зрения, ее амбивалентность – результат сочетания внутренней зависимости и внешней независимости, следствие непроработанности проблемы с точки зрения внутренних, по С. Л. Рубинштейну, условий.

По рассказам ТАТ различия формальных показателей детско-родительских отношений не были выявлены между матерью и дочерью, и эти отношения воспринимаются как частые, близкие и реальные, отражая истинную позицию дочери, которая прикрыта «ширмой» внешней автономии, внешней независимости.

В качестве особых феноменов на бессознательном уровне в парах *зависимая мать/независимая дочь* выявлены: отрицание дочерью собственной роли – роли дочери, формальность/упрощение женской роли, конфликт с матерью, доминирование личной темы. Выражены реакции отрицания, отказа, избегания. Кроме упрощения роли, остальные феномены матери и дочери не совпадают. Единично встречаются феномены первой группы: симбиоз (у матери), путаница ролей у обеих. И такие особые, уникальные феномены, как отрицание матерью своей судьбы, жизни и принятие дочерью материнской роли, реализация стратегии приближения/удаления по отношению к матери.

Охватывая единым взглядом полученные нами результаты, отметим, что *внутренняя независимость как механизм* психологической сепарации личности всегда должен исследоваться в пространстве отношений личности с другими людьми, особенно с теми, кто наиболее близок и дорог. Ведь по тому, как строятся отношения с людьми, находящимися на одной психологической территории, можно определить специфику отношений с миром в целом, показывая, что наиболее трудный путь достижения внутренней независимости – это путь сепарации в отношениях от человека, от которо-

го крайне сложно сепарироваться – от своей матери, а также путь построения новых отношений с матерью и принятия своей новой и измененной идентичности.

Рассматривая внутреннюю независимость как системный признак становления отношений в парах мать–дочь, как механизм психологической сепарации, мы имели в виду, что ощущение своей автономности, авторства своей жизни определяет все многообразие человеческих отношений, меняя не только представление о себе, но и представление о других субъектах, о мире в целом. Было показано, что в особых отношениях, в отношениях между матерью и дочерью это – обоюдный процесс, захватывающий обоих партнеров одновременно. Вместе с тем было замечено, что в возрасте ранней зрелости и старше наиболее активным субъектом изменения способа функционирования пары мать–дочь является именно дочь, поскольку различия между матерями исследуемых групп были незначительны. Была определена этапность этих отношений, которая включила в себя сепарацию или симбиоз в реальном и воображаемом контакте. Было обнаружено, что зависимые матери и дочери находятся в реальном симбиозе, а истинно независимые дочери – в реальной сепарации. Дочери, декларирующие независимость, а на самом деле пребывающие в состоянии внутренней зависимости, склонны к путанице ролей и к принятию роли взрослой женщины при недостаточной внутренней зрелости. Показано, что зависимые дочери дистанцируются от матери в воображаемых взаимоотношениях с ней, а независимые матери, имеющие независимых дочерей, в своей фантазии сближаются с ними. Декларируемая, внутренне непроработанная независимость реализуется в противоречивом стремлении и к близости, и к изоляции; и в каждом из этих случаев проявляется в самых разных плоскостях – в плоскости эмоций, когний, в плоскости реального и воображаемого поведения, имея системный характер и системное влияние на человеческие отношения.

Теоретико-эмпирическое исследование механизмов психологической сепарации в отношениях между матерью и дочерью показало, что это особая диада, принцип и тип взаимодействия в которой не фиксированы, а, наоборот, достаточно динамичны и могут изменяться по мере взросления дочери. Наиболее сложный, но в конечном счете и наиболее эффективный путь взаимодействия в паре – установление паритетных отношений, которое происходит по мере продолжения процесса сепарации, реализуемой через механизмы отождествления и разотождествления и механизмы внутренней независимости и принятия.

ГЛАВА XI

СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЕПАРАЦИИ В ОТНОШЕНИЯХ РЕБЕНКА С ОТЦОМ

11.1. Роль отца в воспитании и развитии ребенка*

В последнее время все чаще исследователи обращают внимание на роль отца в воспитании и гармоничном развитии ребенка. Психология отцовства – одна из наиболее интересных и в то же время наименее исследованных областей психологии родительства.

Актуальность данной проблемы состоит в том, что в теоретическом плане нет концепции отцовства, а эмпирические факты, позволяющие делать какие-либо заключения в данной области знаний, нуждаются в обобщении, а также в более детальном и системном исследовании. В целом как отечественная, так и зарубежная психология долгое время не изучала феномен отцовства. Одной из причин такого положения на Западе являлась принятая точка зрения, что отцы менее важны, чем матери, для развития детей. Основные теории – психоанализ, теория привязанности – соответствовали традиционному представлению об отстраненном отце.

Значительное влияние на западных психологов оказала теория психосексуального развития ребенка З. Фрейда, который выделял главную роль матери в психическом развитии младенца; роль отца обсуждалась в связи с более поздними стадиями детства. Сходные идеи о влиянии отца на психическое развитие ребенка были представлены и в работах основоположников теории привязанности – Дж. Боулби и М. Эйнсворт, которые утверждали, что для нормального развития ребенка необходима сформированная безопасная привязанность к одному человеку, которым должна быть мать или лицо, ее заменяющее (Боулби, 2003; Ainsworth, 1991).

* В подготовке параграфа принимала участие аспирантка Ю. А. Латышева.

3. Фрейд подчеркивал карательные и запрещающие аспекты отцовского влияния; М. Малер с соавт. выделили положительные аспекты участия отца в процессе воспитания, одним из которых является стимулирование и облегчение процесса сепарации–индивидуации (Малер, Пайн, Бергман, 2011).

По мнению Ю. В. Борисенко, отцовство – это категория психологии личности, обозначающая комплекс интегральных, социальных и индивидуальных характеристик личности, проявляющихся на всех уровнях жизнедеятельности человека: эмоционально-аксеологическом, когнитивном и операциональном. Категория отцовства включает в себя оценочный компонент и перечень целого ряда функций: защитной – отец как кормилец и защитник; презентативной – отец как персонификация власти, воспитатель и высший дисциплинизатор; ментальной – как пример для подражания; социализирующей – как наставник во внесемейной общественной деятельности и отношениях, транслятор социальных норм, фигура, обеспечивающая связь поколений (Борисенко, 2007).

В настоящее время можно выделить следующие важнейшие функции, выполнения которых требует роль отца:

1. Отец как кормилец – исторически сложившаяся и закрепившаяся роль мужчины как кормильца семьи. Несмотря на то, что сейчас многое меняется, в большинстве семей, особенно в период беременности жены и во время ухода за маленьким ребенком, отец является главой семьи, обеспечивая ее материально.
2. Отец как защитник – также исторически закрепленная функция мужчины. И хотя в современном обществе отец больше не защищает ребенка от непосредственной опасности, он выполняет функцию социальной защиты, предоставляя своим детям возможности образования, обучения, выбора профессии опосредованно, через собственный социальный статус и экономический класс.
3. Отец как воспитатель – история показывает множество примеров, когда воспитание и образование подрастающего поколения было делом мужчины-отца. Дееспособный мужчина несет персональную ответственность перед обществом не только за себя и членов своей семьи, но и за любого ребенка, которому он стал наставником ввиду отсутствия у него родного отца. Отец не только прививает нормы и правила поведения, но и во многом может вносить вклад в профессиональный выбор ребенка,

расширяя его кругозор, занимаясь, особенно с мальчиком, каким-либо совместным делом (Борисенко, 2007).

Существуют разные точки зрения на то, какую роль выполняет отец, – традиционная и новая: так называемое «новое отцовство». Традиционный взгляд на отца и его функции состоит в его понимании как несколько обособленного по отношению к семье человека: отец заботится о семье как об экономической единице, определяет семейную политику, решает вопросы наследования. «Новые отцы» стали осознавать свою ответственность за эмоциональное состояние своих детей, понимать, что отцовское поведение отражается на поведении детей и их личностных особенностях. В монографии А. Б. Холмогоровой, О. Г. Калины «Роль отца в психическом развитии ребенка» определены устойчивые и до некоторой степени независимые от конкретных исторических условий и культуры аспекты значимости отца для психического развития ребенка, его эмоционального благополучия и формирования половой идентичности (Холмогорова, Калина, 2012).

Происходящие на уровне отдельной семьи изменения материнской и отцовской ролей, безусловно, опосредствуются глобальными социальными трансформациями. Заметно распространение этой тенденции на разные слои общества: увеличивается количество мужчин с низким уровнем соответствия традиционным нормам роли мужчины в семье, меняются социальные стереотипы относительно поведения мужчины-отца, особенности его воспитательных тактик. Распространенное в предыдущие десятилетия мнение, согласно которому мужчина меньше, чем женщина, включен в повседневную семейную жизнь, что он решает преимущественно профессиональные задачи, не участвует в психоэмоциональном развитии собственного ребенка, теряет свое значение.

В современной семье на женщину часто ложится выполнение таких функций, как функция материального обеспечения семьи и функция воспитания детей. Трансформация образа мужчины в современной семье связана с эмансипацией и новым положением женщин в обществе, наблюдаемым с середины XX в. Женщину перестала удовлетворять замкнутая жизнь, ограниченная кругом семейных интересов, а экономический интерес усилил потребность в получении профессии. В свою очередь, оплачиваемая работа предоставила женщине некоторую автономию. Эта ситуация явилась толчком к появлению новой мужской роли в семье, подразумевающей боль-

шую ответственность за детей и самостоятельное ведение домашнего хозяйства. Таким образом, в результате эмансипации женщина стала меньше времени уделять детям. Ее деятельность стала чаще переключаться на внешние факторы, т. е. с внутрисемейной на внесемейную деятельность. Такие трансформации стали возможны вследствие того, что к работающей женщине-матери, которая все свое время отдает карьере, общество относится более или менее лояльно, тогда как мужчина, берущий на себя обязанности по дому и уходу за ребенком, нередко сталкивается с непониманием и осуждением. Постепенно происходит трансформация мужского образа и его роли в семье, появляются основания для возникновения гендерного конфликта: женщина начинает вытеснять мужчину на второй план как в воспитании детей, так и в управлении семейными делами в целом, а спектр функций мужчины в семье сужается.

В современной России, по мнению Т. А. Гурко, происходит трансформация института родительства в общем и отцовства в частности, что согласуется с общецивилизационными тенденциями. Это связано с отделением института родительства от института брака в связи с участвовавшими случаями разводов и появлением огромного количества неполных семей. Также происходит изменение роли отца в российской семье. В России при раздельном проживании супругов отцы практически не выполняют своей роли. Совместная опека над ребенком после развода (частичное проживание либо с матерью, либо с отцом, принятие важных решений, касающихся ребенка, с участием отца) почти не практикуется (Гурко, 1997). Такая ситуация влияет на всю семью в целом и, в первую очередь, на психическое состояние и благополучие ребенка. Результаты исследования, в котором анализировалось эмоциональное состояние детей из неполных семей, показало, что эмоциональный фон деятельности и общения у детей из таких семей снижен по сравнению с детьми из полных семей. Детям тяжелее адаптироваться к жизни, но они стремятся к установлению теплых, эмоционально насыщенных отношений со сверстниками (Казарян, Сайфугалиева, 2005).

Согласно М. В. Золотухиной, исследовавшей изменения образа американского мужчины и трансформацию ролей отца и мужа в американской семье, формируется новый тип отца, который связан с изменением статуса и роли женщины в семье и обществе. Среди причин этого явления можно назвать и такие, как высокая плата за содержание детей в государственных и частных учреждениях и возрастающее число людей, занятых на сменных работах

(включая ночные). Отцовство получило новое определение, в котором мужчины представляются не только кормильцами. Современные мужчины получили возможность реализовать себя в той сфере, в которой их отцам не всегда находилось место, ведь в образе отца 1950-х годов уже было заложено противоречие – строг и авторитарен, но мил и заботлив (Золотухина, 1999). Новая модель отцовства сочетает в себе две формы эмоционального отношения к ребенку – условную отцовскую и безусловно принимающую материнскую любовь. Образ отца, который много работает и не уделяет достаточное внимание жене и детям, сохраняется, но назвать его популярным нельзя (Бражник, 2007).

Результаты многих исследований (Fagot, Hagan, 1991; Lytton, Romney, 1991; Russell, Russell, 1987; Russell, Saebel, 1997) показывают, что матери и отцы обладают почти одинаковыми способностями заботиться о своих детях, поэтому оба родителя равно важны для гармоничного развития личности ребенка, даже несмотря на различия в степени их участия в процессе воспитания. Существуют данные исследования, в котором принимали участие неработающие, т. е. постоянно присутствующие дома, мужчины-отцы. Они продемонстрировали высокий уровень социальной поддержки и эффективности воспитания, а также низкий уровень соответствия традиционным нормам мужской роли в семье (Rochlen et al., 2008).

Активный отец играет важную роль в эмоциональной жизни и развитии ребенка, поощряя его автономию и независимость, в первую очередь, в отношениях с матерью. Существует мнение, что присутствие отца в жизни ребенка не столь гарантированно, как присутствие матери, он является для ребенка так называемой «фигурой извне» и более свободен, чем мать, в своих обязательствах перед семьей относительно воспитания детей (Коряков, 2002).

В исследовании Т. А. Гурко (1997) показано, что матери занимаются воспитанием ребенка чаще, чем отцы; только 26% отцов уделяют ребенку столько же времени, сколько и мать. Вследствие этого дети нередко выражают желание больше контактировать с отцом, жалуются на недостаточность его внимания. В связи с этим закономерно появление нового термина «невидимый родитель», который отражает степень участия отцов в воспитании детей (Гурко, 1997).

Однако, несмотря на сохранение в социуме традиционных представлений об отцовстве, новые тенденции проявляются все более отчетливо, тем более что отец иначе, чем мать, выстраивает свои отношения с ребенком. Замечено, например, что привязанность между

отцом и ребенком формируется независимо от фактического объема времени, проведенного ими вместе (Lamb, 1997).

Установлено, что отцы играют наиболее важную и ценную социальную роль в воспитании ребенка, поскольку они склонны к более позитивному взаимодействию с ним, способны организовывать взаимодействие с детьми в процессе игровой деятельности (Fagot, Hagan, 1991), в то время как матери чаще выполняют контролирующую функцию, обращают внимание на некорректное поведение своих детей, следят за соблюдением правил хорошего тона (Kronsberg, Schmalings, Fagot, 1985), дают больше инструкций и указаний своим детям, чем отцы (Fagot, Hagan, 1991).

Также важно подчеркнуть, что отцы любят играть с детьми в шумные, стимулирующие и эмоциональные игры, устанавливая с ребенком особые отношения привязанности (Lamb, 1997). Взаимодействуя с отцом, дети учатся регулировать свои эмоции и поведение. Грубые игры с папой, например, могут научить детей бороться с агрессивными импульсами, а также применять физическую силу в контакте с другим человеком без потери контроля над своими эмоциями. В исследовании феномена заботы и принятия отцами своего ребенка участвовали мужчины, имеющие детей до 9-месячного возраста. Полученные данные позволили понять, что большое влияние на степень принятия и проявления заботы оказывает удовлетворенность браком, а на качество взаимодействия в игре с ребенком – профессиональный статус и компетентность мужчины (Levy-Shiff, Israelashvili, 1988).

Исследование, проведенное С. Мадсен, Д. Линд и Х. Мунк, показало, что некоторые отцы обладают способностью чувствовать настроение младенцев. Эта особенность была выявлена у мужчин, воспитанных в семьях, где была установлена модель заботы, сочувствия и близости родителей с детьми. Развитие этой способности вытекает, прежде всего, из отношений мужчины с собственной матерью, в то время как его отношения с отцом играют в этом смысле незначительную роль (Madsen, Lind, Munck, 2007).

Нередко в литературе можно встретить замечания по поводу различий между отцовской и материнской любовью. Утверждается, что отцовская любовь бывает более дифференцированной, чем материнская. Там, где материнская любовь безусловна, отцовская любовь часто дается как награда за труд. Безусловная любовь матери обеспечивает у ребенка чувство безопасности, условная отцовская любовь стимулирует ребенка к взаимодействию с окружающим ми-

ром. Материнская любовь стимулирует на установление коммуникаций с миром, а отцовская – на структурирование этих отношений и на поиск своего места, своего предназначения в мире.

Данные исследования, проведенного на 55000 семей, показали, что отцы обладают уникальным, биологически обусловленным принятием собственных детей, которое не зависит от принятия детей супругой (Maskey, 2001). Американские ученые провели исследование важности отцовской любви для ребенка. В данной работе охвачен столетний период развития и формирования отцовства в Америке и рассмотрено несколько категорий эмпирических исследований в этой области, показано значительное влияние отцовской любви на социальное, эмоциональное и когнитивное развитие детей. По результатам исследования оказалось, что влияние отцовской любви на развитие ребенка столь же велико, как и влияние материнской. В целом высокие показатели отцовской любви указывают на психологическое благополучие, хорошее здоровье и низкий уровень поведенческих проблем у детей (Rohner, Veneziano, 2001).

По словам Р. Карен (Karen, 1998), дети, которые были надежно привязаны к обоим родителям, как правило, являются наиболее уверенными и компетентными, при этом все, что было исследовано в отношении материнской привязанности, имеет отношение и к отцовской. Кроме того, участие отца в воспитании оказывает положительное влияние на социальную адаптацию и способности детей (Turcotte et al., 2001). Были проведены исследования, в которых изучалось качество привязанности между отцом и ребенком в зависимости от времени взаимодействия с ним отца (Cox et al., 1992). Кроме того, оказалось, что вовлеченность отца во взаимодействие с ребенком влияет на стрессоустойчивость ребенка (Kotelchuk, 1976), способствует снятию социальных барьеров, повышает интерес к социальному окружению и социальную смелость (Biller, 1993), усиливает ориентировку на новое (Allen, Daly, 2002).

Исследование, в котором участвовали мужчины, чьи жены находились на последнем триместре беременности и вплоть до рождения ребенка, показали, что существует зависимость между тем, как воспринимает себя мужчина до и после рождения первого ребенка, и его побуждением к изменению родительской роли, собственным психическим благополучием и его связью с младенцем (Strauss, Goldberg, 1999).

В том случае, если отцы тесно контактируют со своими маленькими детьми, эти отношения превращаются в ролевую модель, спо-

собную структурировать межличностные отношения в последующие годы жизни ребенка. Ф. Парсонс утверждал, что роль отца состоит в поддержке и стимуляции процесса сепарации, который происходит между сыном и матерью (Parsons, 1955). Важнейшая задача отца в этом процессе – сделать мать в глазах ребенка более человечной, лишить ее того элемента, который в случае сохранения зависимости превращается в магический и могущественный атрибут, разрушая в матери материнское (Винникот, 1994).

Исследование, проведенное при участии разведенных и не проживающих с детьми отцов, показало, что мужчина, готовый взять на себя ответственность и обязательства по отношению к ребенку в период подготовки к отцовству, более вероятно будет поддерживать тесный контакт с его матерью. Это, в свою очередь, влияет на установление связи с ребенком и на высокую степень ежедневной вовлеченности отца в его жизнь (Fagan et al., 2009).

В современных психологических исследованиях включенность отца в процесс воспитания и развития ребенка изучается более интенсивно по сравнению с работами прошлых десятилетий. Например, показано, что включенность отца в процесс лечения ребенка, имеющего серьезные проблемы со здоровьем, является причиной снижения у ребенка проблемного поведения, способствует соблюдению предписаний врача, что, безусловно, обеспечивает контроль за процессом лечения (Bagner, 2013).

Кари Адамсонс и Сара Джонсон обобщили результаты 52 исследований, в которых анализировалась связь вовлеченности отца в процесс семейного воспитания с благополучием ребенка. Авторы подтверждают результаты подобного исследования, проведенного ранее (Amato, Gilbreth, 1999), отмечая важность включенности отца в отношения с собственными детьми. Дополнительно было выявлено, что взаимодействие с отцом положительно влияет на социальное и эмоциональное благополучие ребенка, на его академические успехи и адаптацию (Adamsons, Johnson, 2013).

Мысль о невозможности игнорирования влияния отца на развитие ребенка нашла свое отражение в концепции семейной триангуляции, т. е. концепции отношения трех личностей – «мать–отец–ребенок». При структурной деформации семьи (например, в случае дисгармоничной внешней сепарации с отцом) фиксация объектных отношений происходит на диадических основаниях и проявляется в симбиозе «ребенок–мать». Отсутствие отцовской фигуры приводит к смещению акцента в сторону постоянного «удерживания» ре-

бенком матери. Происходит фиксация на агрессивном объектном отношении к матери, что задерживает процесс индивидуализации личности. При незавершенной индивидуализации дети демонстрируют крайне агрессивное отношение к матери и негативное отношение к отцу. Участие отца в поддержке психологической сепарации ребенка – важнейшая функция, которую выполняет родитель на всех этапах собственного развития и развития своего ребенка. Роль отца в этом процессе и в становлении автономности ребенка – особая область исследования (см. параграф 11.2).

11.2. Отношения ребенка с отцом при разных видах сепарации

Отец играет важную роль в развитии ребенка, эквивалентно (но не тождественно) другим значимым в жизни малыша близким взрослым людям. Роль отца, представляющего определенный пример поведения, а также источник уверенности и авторитета, является существенной уже в ранние годы жизни ребенка, хотя и осознается субъектом в более позднем возрасте.

Установлено, что присутствие отца положительно влияет на *эмоциональное развитие, уровень самооценки и самосознания* ребенка на всем протяжении его развития вплоть до зрелого возраста. При этом дети обнаруживают большую стрессоустойчивость, а также демонстрируют улучшенные адаптивные навыки и продуктивные способы решения проблем (Biller, 1993). В соответствии с данными Мишель, Шода, Пик (Mischel, Shoda, Peake, 1988), дети, в жизни которых участвует отец, как правило, выглядят более веселыми, умелыми и находчивыми при столкновении с проблемной ситуацией. Кроме того, они получают возможность лучше управлять своими эмоциями и импульсами (Easterbrooks, Goldberg, 1990).

Участие отца в воспитании ребенка влияет на *академическую успеваемость* не только в детском, но и в подростковом и юношеском возрасте. Многочисленные исследования показывают, что активная воспитательная роль отца связана с улучшением *вербальных навыков, интеллектуального функционирования и академической успеваемости* у подростков (Goldstine, 1982; Nord, West, 2001; Paredes, Ferreira, Pereira, 2014). Например, в 2001 г. исследование департамента образования США показало, что если в образовании детей активно участвуют биологические отцы, то они на 43% чаще, чем другие дети, получают хорошие оценки, а также на 33% реже остаются на повторный год обучения (Nord, West, 2001). Юноши, в воспита-

нии которых активно участвовали отцы, имели меньше проблем с поведением в школе, а у девушек сильнее было выражено чувство собственного достоинства (Mosley, Thompson, 1995).

Необходимо также подчеркнуть роль отца и в *уровне будущих достижений* своих детей. Известны данные исследований установивших, что степень вовлеченности отцов в воспитание детей отражается на уровне достижений их сыновей (Becker, 1991), которые имеют больше шансов сохранить психическое здоровье и успешность в своей деятельности (Health, Health, 1991; Allen, Daly, 2002), а также обладают высоким уровнем ответственности (Ильин, 2002). Для достижений девушек участие отца в их воспитании оказалось не менее важным. Было обнаружено, что зависимые от матери дочери, стремящиеся при этом к сепарации–индивидуации, были более эффективны в выборе и *построении профессиональной карьеры*, если получали при этом одобрение и эмоциональную поддержку от отца. Они выбирали профессии, наиболее соответствующие их способностям и были заинтересованы в карьерном росте (Karen, 1996).

Велика роль теплых отношений с отцом и в *развитии коммуникативных навыков* собственных детей в период юности, когда подрастающее молодое поколение нуждается в доверительном общении с родителями для выстраивания мировоззрения и своей системы ценностей. Например, юноши, которые воспитывались заботливыми отцами, оценивают себя как надежных, доверительных, практичных и дружественных (Biller, 1993). Общаясь со своими отцами, юноши и девушки приобретают важные коммуникативные навыки, необходимые для построения отношений со сверстниками и друзьями (Coleman, Ganong, 2002). Ребенок, воспитанный в присутствии заботливого мужчины, как отмечает Э. Берн, в зрелом возрасте будет обращаться с людьми лучше, чем мальчик, выросший без отца. Такой мальчик может впоследствии компенсировать свои потери, но у него будет невыгодным старт (Берн, 1988). Более того, показано, что адаптация подростка зависит от ощущения безопасности и уровня конфликтности как с матерью, так и с отцом; для отца важными факторами адаптации являются ощущение безопасности и уровень конфликтности в отношениях с ребенком, а также удовлетворенность браком, а для матери – только удовлетворенность браком (Jager et al., 2014).

В настоящее время все больше детей воспитывается в неполных семьях. Авторы исследований в области психологии развития ребенка единодушно утверждают, что отсутствие отца чревато тяжелыми

последствиями для формирования личности ребенка, в особенности для ее социализации. Пагубные последствия, к которым приводит (часто намеренная) изоляция ребенка от отца, в большинстве случаев необратимы и подкрепляются тотальной феминизацией воспитательных воздействий. В данном случае, конечно, следует учитывать не только отсутствие отцовского воспитания в неполной семье, но и негативное влияние отца на ребенка в полной семье.

Дисгармоничная внешняя сепарация негативно отражается на развитии ребенка и приводит к отцовской (патернальной) депривации, которая наблюдается у детей в связи с разлукой с отцом: вследствие смерти отца (крайний случай), ухода отца из семьи в результате развода родителей, длительной командировки отца, а также вследствие самоустранения отца от воспитания детей. В этом случае отец может игнорировать ребенка, враждебно отвергать его, критиковать, а также соперничать с ним и пр.

Несмотря на важность присутствия отца в жизни ребенка, все же расставание с отцом протекает для ребенка менее драматично, чем расставание с матерью. Довольно распространенным явлением в современном обществе является замещающая фигура отца. Й. Лангмейер и З. Матейчек указывают на то, что если место отца занимает в семье отчим, а иногда дедушка, то депривационные влияния подавляются, но возникает благоприятная почва для развития различных конфликтов, причем невротические расстройства, возникающие на данной основе, являются весьма частыми (Лангмейер, Матейчек, 1984).

Разлука с отцом может негативно влиять на психическое здоровье детей. Каждый второй ребенок, больной неврозом, как утверждает А. И. Захаров, перенес разлуку с отцом по причине развода родителей. Автор отмечает: «...В наиболее неблагоприятной ситуации оказываются мальчики, в семье которых недостаточна роль отца или произошла перестановка семейных ролей, когда отца заменяет мать. Для мальчиков разлука с отцом является более тяжелой в старшем дошкольном возрасте, когда отсутствует возможность для идентификации с его мужской ролью. У них существует большая вероятность появления неуверенности в себе и страхов в результате чрезмерной опеки и тревожности со стороны матери и проблем в общении со сверстниками» (Захаров, 2000, с. 16–17).

Е. А. Колесниченко в своем исследовании утверждает, что отсутствие одного из родителей, например отца, приводит к серьезным нарушениям психического развития ребенка, снижению его

социальной активности, деформациям личности и нарушению процесса полоролевой идентификации, а также к различным отклонениям в поведении и в состоянии психического здоровья (Колесниченко, 2005).

Дети по-разному реагируют на разлуку с отцом в зависимости от возраста и пола ребенка. Ведутся исследования особенностей патеральной депривации в условиях семейного воспитания, которые свидетельствуют о том, что если на девочек уход отца оказывает максимальное травмирующее действие из-за *потери эмоционального контакта* с ним, то у мальчиков появляется угроза нарушения *идентификации с мужской ролью* (Холмогорова, Калина, 2012). Как следствие, у девочек существует большая вероятность появления эмоциональных расстройств, преимущественно истерического круга, а у мальчиков – неуверенность в себе, страхи, тревожность, протестные формы поведения и проблемы в общении со сверстниками того же пола (Федорова, 2005).

Следует заметить, что факт отсутствия отца по-разному транслируется родителями мальчикам и девочкам. Для мальчиков это событие представляют как закономерное и ожидаемое явление, а для девочек – как случайное и не планируемое семьей. Возможно поэтому исследование В. А. Сысенко, показало, что особенно болезненно реагируют на развод мальчики 7–12 лет. Девочки же особенно остро переживают разлуку с отцом в возрасте 2–5 лет. Очень болезненно переживает распад семьи единственный ребенок. Те дети, у которых есть братья и сестры, развод переживают намного легче, так как в таких ситуациях дети вымещают агрессию или тревогу друг на друге, и это значительно снижает эмоциональное напряжение и уменьшает вероятность нервных срывов (Сысенко, 1981).

Как указывает Ф. Дольто, в период 12–14 лет у мальчиков возникает острое чувство потребности в отце, ибо половая идентификация у подростков осуществляется в соотнесении себя с родителями своего пола. Кроме того, для подростка очень важна и его общая социальная ситуация, которая формируется, помимо прочего, и составом семьи. Наличие обоих родителей положительно представляет подростка в среде сверстников. Отсутствие отца ослабляет его социальную позицию (Дольто, 2010).

Проблемы разведенных семей рассматриваются с разных точек зрения:

- влияния неблагоприятной атмосферы в семье на психику и поведение ребенка;

- формирования невротизма и других отклонений в психическом и социальном развитии ребенка в условиях патерналистской депривации;
- появления проблем в решении конфликтов, когнитивных задач, а также сложностей, связанных с половой идентификацией детей (Cherlin, 1992; Furstenberg, Cherlin, 1991; Horst, 1999; Vogt, Sirridge, 1993).

Следствием отсутствия зрелой связи между отцом и ребенком является ощущение «отцовского голода». Слишком мало близости между ребенком и отцом приводит в дальнейшем к меньшему *удовлетворению от жизни* в целом. При отсутствии взаимопонимания между отцом и детьми у последних может сформироваться эдипов комплекс, который, по мнению П. Дако, «вызывает у женщин мужественность, а у мужчин – трусость, а также чувство вины, без видимых причин, боязливость. Появившись в детстве, эдипов комплекс может сохраниться на всю жизнь» (Дако, 1995, с. 154).

Психоаналитик П. Нойбауэр описал случай, ярко демонстрирующий *проблемы половой идентификации* и образования Супер-Эго у девочки, отец которой покинул ее в возрасте одной недели, объясняя свой поступок тем, что пол ребенка не совпал с его ожиданиями. Девочка в фантазиях идеализировала отца и тосковала по нему, старалась выглядеть как мальчик, чтобы быть с отцом. Таким образом, факт отсутствия отца и недостаточно обстоятельное объяснение этого отсутствия ребенку создает дисбаланс в переживании эдипальной стадии, а вплетение этого факта в повседневный опыт имеет чрезвычайно травмирующий эффект, который может выражаться в серьезных симптомах и патологиях и свидетельствовать о низком уровне сепарации в период взрослости (Neubauer, 1960).

Отцовская любовь влияет на формирование модели родительского поведения детей в будущем, на самооценку и уровень притязаний, способствует появлению определенной жизненной позиции. Наверное, поэтому, как утверждают И. С. Кон и Д. С. Акивис, у детей (и мальчиков, и девочек), растущих без отца, часто *понижен уровень притязаний*; у них, особенно у мальчиков, выше уровень тревожности, чаще встречаются невротические симптомы; мальчики в неполных семьях с трудом общаются как со сверстниками, так и со старшими детьми. Отсутствие мужчины в семье отрицательно сказывается и на успеваемости, и на самоуважении детей, прежде всего, мальчиков; они хуже усваивают мужские роли и соответст-

вующий стиль поведения, а потому преувеличивают, гипертрофируют свою маскулинность (грубость, драчливость и т. п.). Эти дети во много раз чаще склонны к девиантному поведению, агрессивности и жестокости (Кон, 1991; Акивис, 1989). Отсутствием отца объясняют состояние детей, испытывающих неопределенность своей сексуальной ориентации, имеющих неустойчивую самооценку, подавляющих агрессивность и необходимость самоутверждения.

Разлука с семьей в детском возрасте и воссоединение с ней в более позднее время может потенциально разрушить детско-родительскую связь и неблагоприятно отразиться на *чувстве собственного достоинства* и поведении таких людей (Smith, Lalonde, Johnson, 2004).

Разрыв отношений с отцом снижает качество привязанности и негативно влияет на *самооценку* детей. По данным В. Н. Дружинина, чем меньше ребенок привязан к отцу, тем ниже его самооценка, тем меньше он придает значение духовным и социальным ценностям по сравнению с материальными и индивидуалистическими (Дружинин, 2000). По результатам исследования Г. Фигдора, у подростков, растущих без отца, наблюдается жестокость, заниженная самооценка, и, наоборот, у подростков, имеющих заботливого отца, пользующегося доверием у своих детей, выявлен высокий уровень самооценки (Фигдор, 1995). Отсутствие отца в жизни ребенка может негативным образом отразиться на самоотношении дочери, так как для положительного отношения девочки к себе необходимо принятие ее именно отцом (Самоукина, 2000).

На отклонения в поведении и *эмоциональные расстройства* в результате разрыва отношений с отцом указывает Л. Б. Шнейдер: «Известно, что появление эмоциональных расстройств, нарушений поведения и других психологических проблем связано с рядом неблагоприятных событий в детстве ребенка. Если ребенок вырван из-под защиты отца, он меняет свое поведение. Он теряет чувство безопасности и уверенность в том, что справится с трудностями. Родается страх, а вместе с ним возникают агрессивность и чувство противоречия. У некоторых детей развиваются склонность к доносам, цинизм, они становятся недоверчивыми, замыкаются в себе. У кого-то это порождает преждевременный сексуальный интерес и преувеличенную самоуверенность» (Шнейдер, 2005, с. 87).

Представляется, что *травматичность внешней сепарации* в связи с отсутствием отца может быть обусловлена уровнем низкой культуры в общении между родителями и детьми, которая предполагает обязательность соблюдения определенных нормативов, например,

ритуалов встреч и расставаний. В большинстве случаев родители не объясняют детям факты внезапного отъезда или приезда кого-нибудь из членов семьи, не обсуждают с ним его собственные планы и планы семьи, не говорят о «детских» проблемах. Отрицание серьезности детских переживаний, вызванных разлукой с родителями, приводит к формированию различных комплексов, которые не всегда могут быть удачно компенсированы (глава XIII).

Результаты многочисленных современных исследований свидетельствуют о том, что разлука с отцом в детстве вызывает *чувства утраты и одиночества*, характерные для низкого уровня внутренней сепарации. Уход отца по причине развода часто воспринимается ребенком как уход лично от него, психологически сопоставимый со смертью родителя, и вызывает реакции неверия, шока и отрицания (Kelly, Wallerstein, 1976).

Лонгитюдное исследование детей в возрасте 2–18 лет показало, что дошкольники испытывали чувство страха быть брошенными и что в результате развода родителей у всех детей независимо от возраста возникло сильнейшее чувство утраты, сходное с чувством, испытываемым в связи с кончиной отца. Дети, которые имели возможность по решению суда встречаться с отцом 1–2 раза в месяц, испытывали неудовлетворение; только у детей, которые виделись с отцом несколько раз в неделю, были обнаружены умеренные показатели чувства утраты (Wallerstein, Kelly, 1974, 1975, 1976).

Чувство утраты было зафиксировано и в исследовании британских подростков, состоявшемся через 5 лет после развода их родителей. Дети переживали одиночество и опустошенность в результате недоступности отца, а иногда и в результате эмоциональной недоступности обоих родителей. Повторный брак того или другого родителя усиливал травматизацию, поскольку он развеивал надежды детей на воссоединение родителей (Lund, 1984).

Несмотря на то, что, как указывает Р. Томпсон (Thompson, 1983), дети не всегда способны выражать свои чувства, после развода родителей они стремятся к поддержанию теплых отношений с обоими родителями (см.: Lamb, Sargi, 1983).

В большинстве случаев поддержка детей своими родителями ведет к позитивному развитию ребенка. Если отец практически не принимает участия в жизни своего ребенка, то, как правило, у ребенка регистрируется низкая самооценка и сильное желание контактировать с отцом в отличие от детей, тесно взаимодействующих со своими родителями (Amato, 1987).

Исследуя вопрос о специфике внешней и внутренней сепарации в отношениях отец – ребенок, необходимо принимать во внимание результаты как можно большего количества исследований этой проблемы, а также особенности жизнедеятельности современных мужчин, которые часто отсутствуют дома, пытаются материально обеспечить семью. В связи с этим позволительно сделать предположение, что в подавляющем большинстве случаев дисгармоничная внешняя сепарация, произошедшая в детстве, может вести к осложнению внутренней сепарации в детском, подростковом и юношеском возрасте и препятствовать формированию внутренней независимости и зрелого Эго в период взрослости.

Внутренняя сепарация способствует созданию адекватных психологических границ, которые формируются благодаря процессу осознания своего собственного внутреннего пространства и его защиты, преодоления симбиотических отношений как с матерью, так и с отцом. Такое преодоление означает обретение права на самоопределение, свободу, но вместе с тем и принятие ответственности на себя.

Присутствие отца в жизни ребенка необходимо с самых первых моментов его появления на свет. М. Малер с соавт. указывают, что отсутствие или потеря отца во время первых восемнадцати месяцев жизни может содействовать поведенческим и аффективным расстройствам, которые не сразу можно распознать (Малер и др., 1975).

А. Сагэрмэн упоминает об исследовании Дж. Херцог, в котором он обнаружил связь между нарушениями сна в подростковом возрасте у мальчиков и ситуацией развода родителей, произошедшей в раннем детстве (18–28 месяцев). Маленькие дети постоянно находились рядом со своими матерями, спали вместе с ними, но не получали необходимого утешения и остро реагировали на отсутствие отца в их жизни. Также наблюдается связь между ранней дисгармоничной внешней сепарацией, вызванной разлукой с отцом и частотой фактов гомосексуальности у этих людей (Sugarman, 2003).

Следовательно, на ранних стадиях развития субъекта, особенно в доэдипальный и эдипальный периоды, разлука с отцом может стать для ребенка травматической и повлиять на осуществление внутренней сепарации в последующей жизни. Можно также допустить, что травматическая внешняя сепарация в детстве, стремление к близости с удаленным отцом и неудовлетворенная потребность в его активном участии в жизни ребенка препятствуют развитию самобытности и аутентичности ребенка, ведь именно отец помогает

ребенку почувствовать себя индивидуальностью, ощутить уверенность в отношениях с другими людьми.

Дисгармоничная внешняя сепарация ребенка вследствие разлуки с отцом, как показали многочисленные исследования, существенно влияет на внешнюю и внутреннюю сепарацию ребенка на всем протяжении его жизненного пути. Дополнительным фактором, усиливающим дисгармонию в развитии автономности, может стать сильная привязанность к матери как у юношей, так и у девушек (Friedlander, Siegel, 1990). Это верно еще и потому, что процесс внутренней сепарации девушки более тесно связан с эмоциональной независимостью от одобрения или неодобрения матери и со свободой от чрезмерных чувств вины, тревоги, недоверия, заторможенности, негодования и гнева по отношению к отцу (Lapsley, Rice, Shadid, 1989).

Современные работы в области социальной и возрастной психологии, психологии личности показывают, что для полноценного развития ребенка, становления его как самостоятельной личности, способной к саморегуляции и продуктивному взаимодействию с миром, ему необходимы оба родителя – мать и отец. Отсутствие отца в результате дисгармоничной внешней сепарации, как показали исследования отечественных и зарубежных авторов, может отразиться на половой идентификации ребенка, его психическом здоровье, эмоциональном состоянии, уровне самооценки, притязаний и уровне достижений. Ранняя разлука с отцом влияет на особенности развития ребенка в детстве, на его поведение, самочувствие и мировоззрение в подростковом возрасте, на жизненные выборы, предпочтения, статус.

Доказано, что влияние отца на семейную жизнь, в том числе и на жизнь своих детей, не следует рассматривать в качестве дополнительного вклада (своеобразного катализатора) в общую систему детерминант психического развития ребенка, который в совокупности с материнской заботой улучшает картину жизни семьи. Исследование, проведенное Ю. В. Ковалевой, доказывает «самостоятельность отцовского фактора пренатального развития» ребенка, его влияния на «ситуацию вынашивания» и на постнатальные характеристики ребенка (Ковалева, 2012, с. 270), вклад которого в будущую жизнь ребенка существенно не уменьшается.

Функция отца, как считает К. Эльячефф (1999), не сводится только к роли производителя и воспитателя. Он устанавливает с ребенком отношения, которые не может построить ни один другой, даже

самый близкий человек, способствует упрочению позиции ребенка в мире, подчеркивает его индивидуальность и помогает ребенку реализовать ее во взаимоотношениях с окружающими его людьми. Своевременность участия отца в семейной жизни, а также его сопричастность всему, что происходит с его близкими, – важный фактор, способствующий развитию каждого из членов этой семьи как свободной и автономной личности.

ГЛАВА XII

МЕХАНИЗМЫ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ СЕПАРАЦИИ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ОТЦОМ И РЕБЕНКОМ

При обсуждении места и роли отца в воспитании и психическом развитии ребенка (глава XI), не раз возникал вопрос о комплексности отцовского воздействия, сочетании в его стратегиях поведения, эмоциональных реакциях, разнообразных, а иной раз и противоречивых тенденций. Отмечалось, что *традиционные роли* отца и матери четко разделены. Было также отмечено, что ребенок легче дифференцирует себя и проекции отца по сравнению с дифференциацией себя и проекциями матери. В настоящей главе анализ функций отца будет проводиться не сам по себе, а в связи с проблемой внешней и внутренней сепарации, т. е. процесса развития ребенком своей автономности. Интересным в связи с этим представляется сопоставление функции защиты, которая может препятствовать сепарации, и таких функций, как дифференциация гендерных признаков, стимулирование самостоятельности ребенка, разбиение симбиоза с матерью, которые, наоборот, подкрепляют развитие самости ребенка. Пути и возможности сопряженного взаимодействия этих функций, а также влияние отца на процесс и механизмы внутренней и внешней сепарации ребенка будут проанализированы в двух последних параграфах XII главы.

12.1. Функция защиты и ее связь с процессом сепарации

В параграфе 11.1 при обсуждении традиционных представлений об отце как о защитнике, обеспечивающим *безопасность* своей семьи, было отмечено, что эта функция исторически приписывается мужчине, который должен оберегать членов своей семьи от различных угроз, потерь, нападений.

А. Маслоу рассматривает потребность в безопасности как базовую человеческую потребность. Она включает в себя такие пере-

живания, как потребность в стабильности, в зависимости, в защите, в свободе от страха, тревоги и хаоса, потребность в структуре, порядке, законе, ограничениях. Безопасность тесно связана с вероятностью угрозы и сопряжена с желанием *защиты и участия*. Для ребенка, пишет Маслоу, «больше по вкусу, когда окружающий мир предсказуем, размерен, организован. Всякая несправедливость или проявление непоследовательности, непостоянства со стороны родителей вызывают у ребенка тревогу и беспокойство» (Маслоу, 2001, с. 83). Именно поэтому ребенок стремится жить в безопасном, стабильном, организованном, предсказуемом мире, где действуют раз и навсегда установленные правила и порядки, где исключены опасные неожиданности, беспорядок и хаос, где у него есть сильные родители, защитники, оберегающие его от опасности.

Маслоу напрямую связывает испуг и опасность, с одной стороны, и стабильное общество и безопасность, с другой. «Люди, живущие в мирном, стабильном, отлаженно функционирующем, хорошем обществе, могут не бояться хищников, жары, морозов, преступников, им не угрожает ни хаос, ни притеснения тиранов» (там же, с. 84). В связи с этим логично предположить, что «неожиданно возникающая угроза хаоса у большинства людей вызывает регресс мотивации с высших ее уровней к уровню безопасности» (там же, с. 86) и проявляется в компульсивно-обсессивном поведении, в виде ритуализации, строгого следования правилам, формулам, ориентирам, схемам.

Однако защитная функция, направленная на обеспечение безопасности, приписывается не только отцу, но и любому мужчине и даже женщине, являющейся матерью. Понять, каковы различия в представлениях о безопасности и, соответственно, в ожиданиях относительно стратегий защиты между мужчинами и женщинами можно, сопоставив ассоциации групп респондентов на слово «безопасность», различающихся по полу и возрасту. Подобное исследование было проведено группой студентов-дипломников и магистрантов – Л.Х. Ароян*, О.А. Благовой†, А.И. Шипигузовой‡.

* Ароян Л.Х. Чувствительность личности к угрозе и ее связь с особенностями организации идентичности и суверенностью психологического пространства: Магистерская работа, ГАУГН, 2011.

† Благова О.А. Переживание безопасности и его связь с суверенностью психологического пространства личности: Дипломная работа, ГАУГН, 2011.

‡ Шипигузова А.И. Суверенность андрогинной личности и ее связь с личной безопасностью: Дипломная работа, МОСА, 2011.

О. С. Бондарь*, А. П. Литавриной†, А. С. Логвиненко, А. Д. Москвиным под руководством Н. Е. Харламенковой.

В ходе комплексного научного проекта была разработана оригинальная анкета. Для этого на первом этапе исследования респондентов (n=92чел.) просили подобрать ассоциации к слову «безопасность». На втором этапе с помощью частотного анализа был выбран список слов-дескрипторов (n=60), который вошел в *Анкету психологической безопасности* (Н. Е. Харламенкова). Среди перечисленных дескрипторов в анкету, в частности, были включены: «поддержка отца» «поддержка матери», «родители».

При работе с анкетой респондентам необходимо было определить степень близости той или иной ассоциации из предложенного списка дескрипторов к слову «безопасность» в соответствии с 5-балльной шкалой, значения которой распределяются от +2 (самая близкая связь) до -2 (связь между словом «безопасность» и ассоциацией слабая или отсутствует) со значением «0» в центре шкалы.

Первичный анализ результатов показал, что со словом «безопасность» чаще всего ассоциируются такие дескрипторы как «контроль ситуации», «самосохранение», «уверенность в себе», «здоровье», «владение информацией», «жизненный опыт, опытность», «надежные друзья, верность», «уверенность в окружении» и «защита, защищенность». Оставляя за рамками главы обсуждение всего полученного материала, остановимся лишь на двух, интересующих нас вопросах – на 1) сравнении представлений о безопасности у мужчин и женщин разного возраста, и 2) на анализе представлений о защитной функции отца.

В исследовании А. П. Литавриной (2013) сравнивались мужчины (n=49) и женщины (n=45) в возрасте 20–60 лет. Сравнение проводилось с помощью статистического U-критерия Манна–Уитни. Оказалось, что для женщин разного возраста представления о безопасности связаны с «уходом в фантазии и мечты», «доверием», «домом», «отстраненностью от реальности», «радостью», «безмятежность и легкостью», «чувством комфорта», «любовью», «счастьем», «отсутствием угроз», «поддержкой мамы». У мужчин наиболее яв-

* Бондарь О. С. Социальные представления о личной безопасности у мужчин и женщин разного возраста: Дипломная работа, ГАУГН, 2011.

† Литаврина А. П. Представление о личностной безопасности у мужчин и женщин с разным типом гендерной идентичности: Дипломная работа, ГАУГН, 2013.

но выделилась ассоциация «осторожность, отказ от риска». Эти результаты практически совпадают с нашими данными, полученными на выборке 18–26 лет (Харламенкова, 2012).

Результаты выборки более старших по возрасту респондентов были проанализированы в работах других дипломников (О. С. Бондарь), и в статье (Логвиненко, Москвин, 2012). Представим данные, полученные по общей выборке. В исследовании принял участие 271 чел., из них 148 женщин: 76 в возрасте 27–40 лет ($Me=31,5\pm 4,6$) и 72 в возрасте 45–55 лет ($Me=48\pm 3,5$); а также 123 мужчины: 61 в возрасте 27–40 лет ($Me=32\pm 4,3$) и 62 в возрасте 45–55 лет ($Me=48\pm 3,5$).

Сравнение мужчин и женщин показало, что во всех возрастах женщины связывают с безопасностью ощущение внутреннего комфорта, положительных эмоций – радости, любви, счастья, а также наличие позитивного окружения, поддержки. Для женщин любого возраста защищенность ассоциируется с поддержкой мамы. У мужчин 27–40 лет все эти показатели значимо ниже. Спецификой людей 45–55 лет стало снижение у женщин показателя «поддержка мамы» и сохранение связи представлений о безопасности с такими дескрипторами как «чувство комфорта», «счастье», «душевное тепло», «радость» и др. У мужчин этого возраста безопасность стала ассоциироваться с «жизненным опытом» и «автономностью и независимостью».

Полученные результаты показывают, что существуют половые различия в представлении о безопасности и, соответственно, ее переживании, а также в *понимании функции защиты*. У мужчин наблюдается тенденция, заключающаяся в избегании опасностей и рисков в более молодом возрасте и в стремлении к автономности и независимости в старших возрастах. Для женщин безопасность ассоциируется с внутренним ощущением спокойствия, счастья и радости, с поддержкой, и это представление не меняется с возрастом. Анализируя выявленные различия, подчеркнем, что вне контекста «родитель–ребенок», когда респондентам не дается специальное задание оценивать «безопасность» с позиции родителя, их собственное ощущение безопасности сохраняется у женщин наличием внешней поддержки, в том числе со стороны мамы, а у мужчин – избеганием этой поддержки и стремлением к автономности.

Это представление о защите и ее функциях может переноситься на отношения родитель–ребенок, тогда *мать будет стремиться* к созданию безопасной атмосферы тепла, доверия, радости, активно поддерживая своего ребенка, а *отец будет учить* своего ребен-

ка избегать опасности и стремиться к развитию у ребенка чувства автономности, независимости, чувства собственного достоинства.

Кроме общих различий между мужчинами и женщинами в представлениях о безопасности, важно отдельно исследовать *представление о защитной функции отца*, складывающееся в обществе. Для ее оценки был проанализирован весь массив данных, полученных дипломниками и руководителем группы Н. Е. Харламенковой, по ассоциации «поддержка отца» в сравнении с ассоциацией «поддержка матери». Оказалось, что если оценивать частоту выбора предикторов, то явно выделяется определенная группа ассоциаций (см. выше), которые выбираются практически всеми респондентами со знаком плюс. Однако есть и такие ассоциации, выбор которых неоднозначен и характеризуется большим разбросом ответов (Харламенкова, 2012). В этот список попали все три дескриптора – «родители», «поддержка мамы» и «поддержка отца» с той лишь разницей, что разброс в ответах по первым двум дескрипторам наблюдается только в возрасте старше 45 лет, а разброс по последнему дескриптору – «поддержка отца» – во всех возрастах. Иными словами, защитная функция отца в обществе (по сравнению с поддержкой матери) не безусловна и зависит от целого ряда индивидуально-психологических различий, а также от социальных и иных условий жизни.

В каком же отношении друг к другу находятся *защитная роль отца и сепарация ребенка*? Выявленные нами различия в представлениях мужчин и женщин о безопасности показывают, что в отличие от матери отец учит ребенка различать опасные и безопасные ситуации и учит уметь их предвидеть. Такие отцовские тактики характерны для отношений с ребенком на ранних этапах онтогенеза, вплоть до юношеского возраста; позднее отец постепенно меняет свою тактику и поддерживает своего взрослого сына или дочь в развитии автономности, в поиске своего места в жизни, в развитии саморегуляции и выработке собственных способов поведения в разных жизненных обстоятельствах. Иными словами, при включенности отца в процесс воспитания ребенка его защитные функции не препятствуют сепарации ребенка, а, наоборот, способствуют ей, изменяясь по мере взросления ребенка. В этом случае ребенок развивает все выделенные нами механизмы сепарации: отождествление и разотождествление, внутреннюю независимость и самоприятие (см. главу III).

Однако защитная роль отца, как показали наши исследования, представление о нем как о субъекте, способном обеспечить лич-

ную безопасность близкого человека, подчеркнута в оценках людей в меньшей степени, чем поддержка матери. По-видимому, неоднозначность такой оценки вызвана, возможной разлукой с отцом вследствие, например, развода с матерью, или негативной ролью отца в семье (его индифферентностью и безучастностью либо враждебностью, агрессивностью, недружелюбием*). Отстраненность отца, как было показано в главе XI, тотально влияет на разные стороны психического развития ребенка, нарушая процесс сепарации, т. е. формирования автономности субъекта. В этом случае значительно выраженная *асимметрия поддержки отца и поддержки матери* может привести к негативным последствиям в жизни ребенка, особенно при учете того, что, как обнаружено в нашем исследовании, отцовская и материнская поддержка существенно различаются между собой по своей направленности.

Дисфункция защитной роли отца, вызванная его отчужденностью или путаницей ролей со своим ребенком, при активной материнской поддержке, которая ассоциируется с созданием условий доверия, тепла, любви, душевного комфорта, приведут к некомплементарности отцовской и материнской поддержки и как один из вариантов к развитию симбиоза в паре мать–ребенок, к дефицитарности у ребенка чувства реальности и снижению его способности к саморегуляции. Тем не менее, несмотря на наличие угрозы нарушения процесса сепарации, ребенок может найти способы развития своей автономности и в таких условиях, но по сравнению с *симметричной поддержкой отца и поддержкой матери* это будет уже другой опыт развития автономности.

12.2. Функция дифференциации гендерной идентичности и внутренняя сепарация

Выделяя функцию дифференциации гендерной идентичности среди отцовских функций, мы основывались на исследованиях (см. главу XI), в которых активное включение отца в процесс воспитания связывается с формированием у ребенка половой идентичности, с формированием гендерных установок. Отец выполняет не только функцию защиты, которая, как уже было замечено (§ 12.1) имеет

* Известны случаи насилия в семье, виновником которых является отец. Даже при учете неполноты статистики, вследствие сокрытия таких фактов семьей частота этих случаев поражает (Тарабрина, 2009).

свои особенности, но и функцию разотождествления ребенка с родителями, особенно с матерью, и способствует формированию эгоидентичности ребенка, внутренней сепарации.

В связи с поставленной проблемой роли отца в развитии ребенка следует упомянуть работы И. Шторка, который считает, что отец занимает крайне важную позицию третьего альтернативного объекта в отношениях «мать–дитя», и в случае его отсутствия ребенок лишается «символической функции отца, а поэтому вынужденно застревает в симбиотическом единстве с матерью» (Шторк, 2001, с. 185). Продолжая обсуждение этой темы, Шторк отмечает, что отец помогает ребенку выйти из диады с матерью, избавиться от материнской зависимости, обеспечивая ему свободное личностное развитие. Кроме ослабления симбиотических отношений с матерью, отец способствует переживанию агрессивных побуждений, экслицирует и поддерживает в ребенке самобытность, определяет его позицию в мире как относительно независимого субъекта. «Отец – это тот, кто не испытывает страха перед матерью, кто может избежать воздействия воображаемого всемогущества материнского образа, кто свободен» (Шторк, 2001, с. 190). Отец активно участвует в процессе формирования индивидуальности ребенка, определяет детали развития, запуская сложнейшие психологические механизмы, направленные на дифференциацию психических особенностей, иногда болезненное, но при этом откровенное выявление сильных и слабых позиций ребенка в процессе его интеллектуального и личностного развития.

Одной из наиболее значимых сторон формирования внутреннего мира личности является становление половой идентичности, нередко напрямую соотносимой с биологическим полом индивида. Нами было показано (Харламенкова, 2007б), что разведение понятий половой и гендерной идентичности достаточно условно, поскольку социальные стереотипы, ассоциирующиеся с гендером, усваиваются при понимании субъектом своей половой принадлежности и ее принятии/непринятии. При проведении эмпирического исследования, часть результатов которого будет изложена ниже, мы использовали понятие «гендер» на основе сложившейся традиции выделения таких гендерных черт (признаков), как маскулинность, фемининность и андрогинность.

Предметом исследования стала дифференциация маскулинных и фемининных признаков в гендерной идентичности в зависимости от представления о себе субъекта оценки (подростка, юноши/

девушки), вообразяемом мужчине (отце) и вообразяемой женщине (матери). В качестве *гипотезы* было выдвинуто предположение, согласно которому в представлении мальчиков/девочек, юношей/девушек мужчины (в том числе и отец) склонны к более дифференцированной оценке их идентичности по признакам маскулинности–фемининности, чем женщины (в том числе мать).

В исследовании приняли участие 109 подростков 13–14 лет (56 девочек и 53 мальчика), а также юноши/девушки 18–19 лет в количестве 76 чел. (42 девушки и 34 юноши).

В качестве методик исследования применяли тест «Маскулинность и фемининность» (МиФ) – модифицированный вариант списка маскулинных и фемининных качеств, предложенных Т. П. Бессоновой, и Тематический апперцептивный тест Г. Мюррея (ТАТ).

МиФ включает в себя перечень из 22 слов, обозначающих маскулинные, фемининные и нейтральные по отношению к симптомокомплексу маскулинности–фемининности признаки (Ткаченко, Введенский, Дворянчиков, 2001). Процедура тестирования состоит в том, что респондент последовательно работает с восьмью незаконченными предложениями: «На самом деле я...», «Хотелось бы, чтобы я был...», «Мужчина должен быть», «Женщина должна быть...», «Мужчины считают, что я...», «Женщины считают, что я...», «Мой реальный сексуальный партнер...», «Хотелось бы, чтобы мой сексуальный партнер был...», завершая их каждым из 22 слов стандартного списка признаков. При этом отмечается именно тот вариант ответа, который, по мнению обследуемого, подходит к нему в наибольшей степени («всегда», «обычно», «иногда», «никогда»). Например, заканчивая предложение «На самом деле я...» словом «смелый», испытуемый может выбрать ответ «иногда», если он считает себя скорее трусливым; «обычно», если чаще всего он отважен; или крайние варианты ответов, если он безусловно смел или труслив. При обработке результатов производится подсчет профиля маскулинности–фемининности по каждой из категорий. Если значения фемининности превышают 17 баллов, а показатели маскулинности – ниже этой границы, такой тип личности называется *фемининным*; если маскулинность выше, а фемининность ниже 17 баллов, тип идентичности обозначается термином *маскулинный*. Если оба показателя выше нормы, то они соответствуют *андрогинному* типу. Низкие значения по обоим показателям характеризуют *недифференцированный* тип идентичности. В настоящем исследовании по соображениям морали были исключены два последних незаконченных предложения.

Уточнялись детали, которые касаются таких объектов теста, как «Мужчина» и «Женщина» (инструкции «Мужчины считают, что я...», «Женщины считают, что я...»). Предполагалось, что для подростков «Мужчина» и «Женщина» ассоциируются с образами отца и матери. Наши догадки были подтверждены результатами опроса испытуемых, который проводился после тестирования. Цель беседы состояла в том, чтобы выяснить, кого именно имели в виду подростки, работая с тестом. Большинство опрошенных респондентов называли отца или мать либо заменяющих их людей. Данная тенденция сохраняется и в раннем юношеском возрасте. В разные периоды взрослости ассоциация объектов «Мужчина» и «Женщина» с образами отца и матери становится слабовыраженной.

Тематический апперцептивный тест применялся по стандартной процедуре: испытуемому предлагались сюжетные картинки (20 таблиц), по каждой из которых необходимо было составить рассказ; учитывалась временная перспектива (прошлое, настоящее, будущее), мысли и чувства персонажей. При обработке данных анализировали рассказы, составленные по картинкам, используемым для выяснения отношения респондентов к отцу и матери: 1 и 5 (общие таблицы), 6GF, 7GF – для девочек и 6BM, 7BM – для мальчиков. В целях операционализации полученных данных были выделены следующие категории: «отношение к родителям», «чувства родителей по отношению к ребенку», «коммуникативные стратегии родителей».

Для проверки гипотезы были использованы результаты ответов испытуемых разного возраста на утверждения «Мужчины считают, что я...» и «Женщины считают, что я...», они были сопоставлены между собой с учетом разных типов гендерной идентичности (таблица 12.1). Предполагалось, что в представлении респондентов женщины чаще воспринимают их как недифференцированных по гендерным признакам, а мужчины, наоборот, чаще воспринимают как маскулинных, фемининных или андрогинных.

Результаты эмпирического исследования показывают, что при сравнении представлений испытуемых об их оценке мужчинами и женщинами выявлено семь значимых различий, шесть из которых подтверждают гипотезу о том, что именно мужчины способны к более дифференцированной оценке идентичности.

Методика выявляет не экспертные оценки, а представления о них, однако, как известно, связь между теми и другими, безусловно, существует. В таблице 12.1 видна разница между мужскими (от-

Таблица 12.1

Разница в представлениях мальчиков и девочек подросткового и юношеского возраста в оценке мужчинами и женщинами их гендерной идентичности

Группы респондентов	Гендерная идентичность							
	недифференцированная		маскулинная		фемининная		андрогиновая	
	φ*	α	φ*	α	φ*	α	φ*	α
Девочки	2,43	0*	0	>0,1	2,2	0,01*	1,2	>0,1
Мальчики	1,6	0,05*	1,13	>0,1	0,68	>0,1	0	>0,1
Девушки	2,92	0*	0,2	>0,1	1,3	0,09	0,35	>0,1
Юноши	0,79	>0,1	1,9	0,02*	1,6	0,05*	2,9	0*

* Различия статистически значимы.

цовскими) и женскими (материнскими) оценками недифференцированной гендерной идентичности, причем во всех трех случаях мужчины реже по сравнению с женщинами оценивают своих детей как *недифференцированных* по признакам маскулинности–фемининности (в 7% случаев против 31% по представлениям девочек, в 12% случаев против 39% по представлениям мальчиков, в 8% случаев против 24% по представлениям девушек).

Наряду с этим мужчины в представлениях юношей чаще, чем женщины (в 62% случаев против 35%), воспринимают их как маскулинных и реже – как фемининных (в 11% случаев против 27%). Девочки считают, что мужчины чаще воспринимают их как фемининных (в 55% случаев против 27% у женщин). Оценка юношей как андрогиновых, с их собственной точки зрения, более характерна для женщин (15%), чем для мужчин (0%).

Для повышения внешней валидности исследования были использованы результаты, полученные с помощью ТАТ. Анализ данных проводился по трем критериям: «отношение к родителям», «чувства родителей по отношению к ребенку», «коммуникативные стратегии родителей» (Харламенкова, 2007а). Мы остановимся только на оценке коммуникативных стратегий родителей, которая важна для понимания особенностей роли отца по сравнению с ролью матери. Было выделено несколько коммуникативных стратегий, характеризующих мужское поведение. Ими являются:

1. Стратегия прямой передачи готового решения сыну/дочери («Сын и отец разговаривают; отец думает, что сыну тоже надо подумать; у отца больше опыта, он передает эту мысль сыну, он его любит, они одно целое»).
2. Агрессивная стратегия («Отец-мафиози, с ним шутки плохи, он убьет дочь, так как она ослушалась; отца посадят в тюрьму»).
3. Стратегия отчуждения («Папы нет, он ушел на войну»; «Сын пришел к родителям с просьбой, а они смотрят телевизор и не обращают на него внимания»).
4. Стратегия косвенной трансляции знаний и умений («Отец – полевой врач, он делает операцию матери, а сын наблюдает за тем, как работает отец»; «Двое людей решают вопрос; пожилой человек немножко смеется, но не со злым умыслом, а иронично, с тем, чтобы молодой человек сам нашел ошибку»).
5. Стратегия опосредствования диадных отношений («Отец вмешивается в ссору...; дочь недовольна этим, выговаривает отцу, но отец убеждает дочь, он деликатный, но твердый человек»).
6. Стратегия дифференциации ролей («Отец говорит сыну о том, как должен вести себя мужчина, он не должен быть слабым»).

В отличие от влияния отца позиция матери состоит в принятии ребенка в целом, переживая за которого, она лишь констатирует наличие проблемы, не всегда решает ее. Типичными материнскими стратегиями являются:

1. Безусловное принятие своего ребенка («У сына проблема, мама успокаивает его, все будет хорошо»).
2. Помощь в установлении добрых отношений сына/дочери с другими людьми («Мама пытается примирить старшего сына с братом и сестрой»).
3. Контроль за поведением сына/дочери («Мать строго следит за ребенком, проверяет его, делает ли он уроки, но ругаться не будет, она добрая»).

В целом анализ результатов, полученных с помощью ТАТ, позволил подтвердить данные МиФ о том, что женская (материнская) позиция состоит в осуществлении интегративной синтезирующей функции, а мужская (отцовская) – в дифференциации и сопоставлении особенностей ситуации с возможностями ребенка, в реализации аналитических стратегий.

Обсуждая данные проведенного нами исследования, мы отметили (Харламенкова, 2007а), что влияние отца на формирование

гендерной идентичности дочери проявляется в запуске механизма *разотождествления* с матерью. Отец активно поддерживает дочь в построении новых отношений, прежде всего, с людьми противоположного пола. Чувства ревнивого и одновременно гордого родителя подчеркивают амбивалентность его роли, направленной на расширение опыта и защиту суверенности девочки.

С возрастом различия в оценках девушки отцом и матерью постепенно стираются. В этом единстве взглядов видится большая заслуга отца, продолжающего поддерживать женскую линию в развитии девушки. *Механизм поддержки фемининности* состоит в том, что тенденция матери воспринимать свою дочь просто как ребенка нивелируется отцом, который перестраивает транслируемые матерью диффузные роли в гендерные.

Взаимоотношения отца и сына строятся на принципиально иных основаниях. Отец не препятствует отношениям матери и сына, но значительно перестраивает их. Менее явно эти действия присутствуют в подростковом возрасте, когда отец моделирует ситуации, в которых успешность сына определяется уровнем его мужественности. *Механизм развития подростковой маскулинности* состоит в актуализации проекции черт мужественности на мальчика. Субъектом такой проекции выступает отец. К юношеству дифференциация маскулинной и фемининной гендерной идентичности усиливается в первую очередь потому, что проективное поведение отца замещается действиями, реализуемыми совместно с сыном. Накопление маскулинного опыта осуществляется в диалоге с матерью, реструктурированном отцом. Отец не нарушает связи матери с сыном, он трансформирует ее в новые отношения – в диалог матери и взрослого сына-мужчины, контролируя и поддерживая его действия в ходе апробации мужского поведения, направленного на решение проблем. Позднее накопленный юношей опыт переносится на собственные семейные и профессиональные отношения.

Рассматривая результаты исследования роли отца в дифференциации гендерной идентичности, мы сделали акцент на идентичности ребенка. Не менее интересным представляется оценка самим мужчиной своей идентичности и его собственные представления о своей защитной функции. Поставленный нами вопрос позволяет объединить результаты исследования защитной функции мужчины (§ 12.1) и анализа дифференцированности его идентичности по признакам маскулинности–фемининности. Эта задача была решена в дипломной работе А. П. Литавриной, в которой анализируют

Таблица 12.2

Типы гендерной идентичности и их распределение среди мужчин и женщин (в %)

Тип гендерной идентичности	Выборка мужчин (n=49)	Выборка женщин (n=45)	Вся выборка (n=94)
Маскулинный	24	9	17
Фемининный	12	38	24
Андрогинный	35	29	31
Недифференцированный	29	24	28

вались различия в представлении о безопасности мужчин (n=49) и женщин (n=45) с разной гендерной идентичностью. В таблице 12.2 представлены данные распределения выборки мужчин и женщин по разным типам гендерной идентичности.

Важно отметить, что среди мужчин только 1/4 часть характеризует себя как маскулинных, а среди женщин – 1/3 часть как фемининных. Признаки андрогинности равномерно распределены по обеим выборкам. Небольшая часть общей выборки имеет тип гендерной идентичности, противоположный половой принадлежности индивида: для женщин – маскулинной, а для мужчин – фемининной. Довольно большой процент как мужской (29%), так и женской (24%) выборок характеризуется недифференцированной гендерной идентичностью.

Сравнение разных типов гендерной идентичности внутри групп мужчин и женщин показало, что вне зависимости от гендерных предпочтений у всех женщин при выборе ассоциаций к слову «безопасность» преобладают признаки, характеризующие безопасность как *переживание* внутреннего комфорта, любви, счастья и др. Лишь у андрогинных женщин по сравнению с недифференцированным типом более ярко проявляются «мужские» оценки безопасности – «ответственность, долг». Однако в целом вне зависимости от гендерной принадлежности женская выборка выглядит как гомогенная. А это значит, что социальный пол не вносит существенных изменений в женские функции защиты.

У мужчин сравнивались андрогинный, маскулинный и недифференцированный типы гендерной идентичности. Оказалось, что мужчины маскулинного типа (по сравнению с андрогинным) рассматривают безопасность в категориях «ответственности, долга»,

а недифференцированный тип (по сравнению с андрогинным и маскулинным) – в категориях «доверия», «поддержки отца», «спокойствия, умиротворения». Подводя итоги этого исследования, можно отметить, что «маскулинные» признаки вносят существенный вклад в изменение представлений о функции защиты: чем более они выражены, тем активнее проявляет себя функция защиты – в контроле ситуации, в принятии ответственного решения и даже в избегании опасных ситуаций. «Женский» вариант защиты стабильно проявляет себя в чувственных переживаниях и в поиске поддержки.

Полученные результаты подтверждают вывод о том, что, выполняя отцовские функции, мужчина стремится к развитию индивидуальности и автономности своего ребенка, но только тогда, когда его собственная идентичность достигла определенного уровня зрелости и он имеет достаточный ресурс для поддержания не только своего ребенка, но и для подкрепления себя самого в направлении решения задач психологической сепарации. Незрелость идентичности может стать основанием для поиска поддержки самим отцом и путаницы ролей в семье, когда взрослый мужчина, занимая позицию ребенка в семье, транслирует другим членам семьи отцовские функции.

12.3. Вклад отца в развитие автономности ребенка

Роль отца в развитии и воспитании ребенка описывается обычно несколькими словами. Говорят, что отец должен быть строгим, но справедливым. Отцовские функции нередко упрощаются и редуцируются к карательной функции. Такое представление о ролевых возможностях родителя делает еще более контрастными отцовские и материнские тактики воспитания, сводя первые к наказанию, а вторые – к поощрению и поддержке.

Более внимательный взгляд на ролевой статус отца позволяет выявлять целую систему стратегий и тактик коммуникации в паре отец – ребенок, которая обладает высоким уровнем пластичности, целостности и комплементарности. Мы выделили только две функции – защиты и дифференциации (§§ 12.1 и 12.2), которые, конечно, не исчерпывают всех возможностей мужского родительского влияния. Обе эти функции были выбраны нами намеренно, а именно для того, чтобы показать разнообразие функциональных возможностей отца и их принципиальную непротиворечивость.

Оказалось, что *функция защиты*, которую исходно мы считали функцией поддержки ребенка, препятствующей процессу сепара-

ции, на самом деле стимулирует развитие автономности ребенка. Этот вывод был сделан в результате исследования половых различий в представлении о личностной безопасности (§ 12.1). Различия позволили обнаружить «мужской» вариант функции защиты, который состоит в поддержке ребенка в развитии его индивидуальности и самостоятельности, позволяющий актуализировать и развить собственные ресурсы ребенка, определить потенциал его развития и тем самым надолго обеспечить его средствами безопасности.

Функция дифференциации ролей, стратегий поведения, идентичности, наоборот, рассматривалась нами как средство становления автономности ребенка, как стратегия, способствующая развитию у ребенка механизмов внешней и внутренней сепарации. Эмпирические данные показали, что эта функция, так же как функция защиты, проявляется в целом комплексе воздействий и не сводима к простой тактике разобщения, разотождествления, противопоставления одних особенностей другим (например, мужских черт женским), но обязательно функционирует благодаря взаимной работе *разотождествления* и *отождествления*. Анализируя в качестве примера признаки гендерной идентичности, мы показали, что отец разбивает симбиотическую пару мать–сын с целью изменения тактик, применяемых ими в симбиозе, и с целью поддержки обоих – матери и сына в выборе ими новых стратегий поведения, их интеграции и принятия.

Однако обсуждаемые результаты можно отнести не ко всей мужской выборке, а только к некоторой ее части. Напомним, что по результатам исследования представлений о безопасности (§ 12.1) выбор респондентами дескриптора «поддержка отца» колеблется в широком диапазоне ответов (от -2 до +2). Это значит, что для одной части выборки отец действительно ассоциируется с безопасностью, а для другой – не ассоциируется.

Выяснение причин различий в выборе дескриптора – «поддержка отца» – отдельная и актуальная задача исследования, решение которой может объяснить, какой смысл вкладывает в эту поддержку тот или иной человек и почему она не всегда выступает ресурсом безопасности.

При исследовании гендерной идентичности результаты также оказались неоднозначными (§ 12.2), поскольку маскулинный и андрогинный типы идентичности были выявлены только у 59% мужской выборки, а у остальных, не считая 12% мужчин с фемининным типом идентичности, недифференцированный. Можно предполо-

жить, что в большинстве случаев отрицание как маскулинных, так и фемининных качеств связано с неблагоприятными условиями развития мальчика (нежеланный ребенок, травмы, отсутствие мужского воспитания, рождение второго ребенка и др.). Также следует думать, что негативное отношение к поддержке отца как к ресурсу, позволяющему обеспечить безопасность семьи, чаще всего возникает у ребенка, который имеет личностно незрелого отца, не способного принимать ответственные решения. Этот вывод нуждается в проверке, результаты которой могут дать дополнительные сведения о связи между ролью отца в развитии автономности ребенка и развитием его личностной и гендерной идентичности. Например, может оказаться, что отец с маскулиным типом идентичности является ответственным, решительным и самостоятельным человеком, но не владеет коммуникативными навыками, не эмпатичен, резок, категоричен и поэтому не способен быть хорошим учителем, который бы обеспечил своему сыну или дочери надежное сопровождение в процессе психологической сепарации.

Вклад отца в развитие автономности ребенка не может быть весомым без помощи матери. Об этом нередко забывают, поскольку депривация ребенка чаще всего связывается с отсутствием в семье отца, а не матери. Матери так же, как и отцу, нередко приписывают ограниченное число черт, которые наиболее точно характеризуют ее функции. Например, считается, что матери свойственно быть доброй, отзывчивой, педагогически одаренной, участливой, сензитивной по отношению к своему ребенку; она должна уметь любить и защищать, быть нежной и решительной, принимающей и контролирующей.

Очевидно, что представление человека о матери не в полной мере совпадает с его восприятием в этом качестве конкретной женщины (Харламенкова, Стоделова, 2011). Образ матери на определенном жизненном этапе – это совокупность представлений о собственной матери, представлений о женщине в целом, образов из литературы, кино и других источников, представлений разных людей о матери, а также архетип матери (Великая Мать, Мать-природа, Мать-земля). Юнг дает обобщенное описание архетипа Матери: Великая Мать – это проявление внимания и сочувствия; магический авторитет феминности; мудрость и душевный подъем, распространяющийся за рамки формальной логики; любой полезный инстинкт или импульс; все, что называется добротой; все, что дает заботу и поддержку, способствует развитию и плодородию. Негативные аспекты ма-

теринского архетипа – это все тайное, скрытое, темное; пропасть; мир мертвых; все, что пожирает, соблазняет и отравляет; все, что вызывает ужас и является неизбежным, как сама судьба (Юнг, 1997).

К. Юнг отмечает, что в первый и второй годы жизни ребенок полностью погружен в коллективное бессознательное. Обретение тесной связи с реальными родителями необходимо ему для того, чтобы отказаться от своей связи с архетипическими фигурами. Со временем при нормальном развитии ребенка родители перестают восприниматься им как богоподобные. Проблемное развитие, при котором один или оба родителя отсутствуют, и отделения от архетипического образа не происходит, характеризуется тем, что ребенок не способен рассматривать родителей и других людей во временном аспекте, т. е. как реальных существ, имеющих свои ограничения.

Для нормального функционирования ребенка и развития его автономности важно реальное присутствие в его жизни обоих родителей – отца и матери. Психологическое значение родительской пары состоит не только во взаимном дополнении функций отца функциями матери, но и в сопряженном их участии. Только в этом случае вклад отца в развитие автономности ребенка будет эффективным и устойчивым. Мы имеем в виду ситуации, когда отцовской принципиальности бывает недостаточно, она может быть функциональной только при дополнительном участии матери, подкрепляющей позицию отца. Единство взглядов в таких обстоятельствах убеждает ребенка в определенности родительской стратегии.

Конечно, более распространенной является ситуация компенсации матерью функций отца при его отсутствии, ситуация восполнения дефицита отцовского влияния расширением спектра родительских тактик матерью. С нашей точки зрения, это возможно только до определенной степени и в определенных границах, ведь естественный процесс развития и процесс сепарации не может быть осуществлен полностью компенсаторным или замещающим способом (глава XIII), когда мать выступает то в роли отца, то в собственной материнской роли. Угроза смешения ролей, деформация ролевой структуры не позволят восполнить отцовские функции и сделают дефектными материнские. Зная это, матери должны поддерживать стремление доступного отца к общению со своим ребенком или организовывать жизнь ребенка так, чтобы в его опыте не было препятствий для взаимодействия с мудрыми наставниками и советниками, оставляя за самим ребенком право иметь достоверную информацию о родном отце. Обеспечение ребенку этого чувства

связанности, помогает выдержать испытание разлукой и научиться самому ребенку «символизировать отсутствие отца или отцовскую функцию» (Эльячефф, 1999, с. 91).

12.4. «Отцовские функции» на разных этапах процесса сепарации

Сепарация – это процесс. В этом коротком утверждении заключена основная идея настоящей книги. Как процесс сепарация реализуется с помощью целого ряда психологических механизмов (глава III), которые развиваются в течение жизни на основе собственных ресурсов человека и при осуществлении социальной поддержки. В книге утверждается, что с самых первых минут жизни ребенка (и даже раньше) происходит формирование модели привязанности, которая определяет особенности жизни ребенка в дальнейшем и, безусловно, влияет на внешнюю и внутреннюю сепарацию.

Когда говорят: сепарация – это процесс, то вкладывают в это утверждение разный смысл. Сепарация представляет собой некоторый развернутый в ограниченном времени *акт*, который имеет относительное начало и относительный конец. Понятия о «начале» и «конце» условны. Мы их используем для того, чтобы разграничить сепарацию, происходящую на определенном этапе взросления, и сепарацию как процесс, длинную в жизнь. Так называемая *возрастная сепарация* характеризуется тем, что особенности возраста накладывают свой отпечаток на развитие личности и на механизмы отождествления и разотождествления. *Сепарация как процесс жизни* – непрекращающаяся «работа» субъекта по разотождествлению с «прежним» и отождествлению с «нынешним», которые полностью не совпадают с «прошлым», «настоящим» и «будущим»*.

В обеих трактовках сепарации человек рассматривается как субъект, функционирующий в мире, т. е. развивающий свою автономию в отношениях с социумом и при поддержке этого социума. Получается, что процесс сепарации – поиска себя – невозможен, как было сказано в главе I, без интеграции в мир, без отождествле-

* С психологической точки зрения «нынешнее» может быть из прошлого, а «прежнее» может быть и в настоящем. Иными словами, в настоящий момент прошлый опыт может для конкретного человека стать ресурсом, тогда как то, чем он актуально владеет, наоборот, может препятствовать достижению им цели, быть настоящим, но как бы давно изжившим себя.

ния и разотождествления с ним. Поддерживающую (в норме) роль в этом процессе берут на себя родители – отец и мать.

Функции отца выполняет реальный человек, который сопровождает по жизни своего ребенка – маленького или уже ставшего взрослым. Это не всегда движение в буквальном смысле слова, но эффект присутствия отца (зрелого или незрелого) ощущается постоянно. Отцовские функции меняются по мере взросления ребенка, по мере осуществления процесса сепарации. Функции могут *прогрессировать, регрессировать, находиться в стагнации*. При этом возможно различное сочетание типов динамики отцовских функций.

Прогресс функций – изменение отцовских тактик, направленных на поддержку сепарации ребенка в ходе его взросления. Проведенное нами эмпирическое исследование показало (§ 12.1), что реализация защитной функции у мужчин происходит путем избегания опасностей и риска в молодом возрасте и путем развития автономности и независимости – в старшем возрасте. Собственный успешный опыт взросления отец транслирует своему ребенку, усиливая его ресурсы, способствующие сепарации. Эта динамика происходит при постоянном взаимодействии с ребенком, т. е. при поддержке коммуникации с ним в процессе жизни, все более осуществляемой по мере взросления на паритетных основаниях.

Регресс функций – обратное процессу сепарации ребенка изменение отцовских функций. Этот вид динамики встречается довольно часто и обнаруживает себя в том, что сепарация ребенка прогрессирует, а отцовские функции регрессируют. Иными словами, у отца снижается потенциал маскулинности, т. е. утрачиваются такие особенности, как решительность, ответственность, независимость, активность, самостоятельность и др., его гендерный тип приобретает черты недифференцированности или (если ранее отец имел андрогинный тип) – фемининности и защитные функции трансформируются в типично женские. Напомним, что для женщины с фемининным типом идентичности характерна защита по типу поиска поддержки, любви, счастья, душевного комфорта, доверия. В дополнение к этому у мужчин, имеющих недифференцированный тип гендера, повышается значимость поддержки собственного отца (уже очень пожилого и нуждающегося в физической помощи или умершего). Не умея символизировать защитные функции своего отца, такой взрослый мужчина склонен к изменению ролей в отношениях с собственным сыном или дочерью, которым перепоручается зрелая отцовская функция. Если молодой человек спосо-

бен принять эту роль, то его сепарация прогрессирует, а отцовские функции еще более регрессируют в направлении к установлению с сыном или дочерью отношений созависимости⁷.

Стагнация функций – фиксация на одной или нескольких стратегиях, которые перестали быть функциональными. Придерживаясь одной и той же (пусть даже на каком-то этапе развития продуктивной) линии поведения, отец начинает препятствовать развитию автономности ребенка. Например, лояльность к проявлению самостоятельности и инициативности ребенка в одних случаях, может стать причиной физической или психической травматизации – в других, а впоследствии основанием для развития комплекса неудачника, выученной беспомощности и созависимости у ребенка. Отсутствие пластичности в реализации отцовских функций, низкий уровень эмпатии в отношениях с ребенком, нечувствительность к изменениям, которые происходят в жизни и личности дочери или сына, характеризуют стагнацию функций отца как возможную причину появления деформацией внешней и внутренней сепарации ребенка на разных этапах его взросления.

Регресс и стагнация роли отца в жизни ребенка негативно влияют на коммуникацию с ним, в ходе которой регресс начинает непомерно увеличивать дистанцию в паре ребенок–родитель, а стагнация – ее уменьшать. Это возможно и при прогрессировании отцовских функций, когда ребенок лишь «использует» отца, не поддерживая и не помогая ему самому в реализации своей родительской роли. «Зрелый человек нуждается в том, чтобы быть нужным, а зрелость нуждается в стимуляции и ободрении со стороны тех, кого она произвела на свет и о ком должна заботиться» (Эриксон, 1996, с. 374).

Обсуждение изменения отцовских функций по мере развития автономности ребенка в какой-то мере устранило проблему развития самого отца, его сепарации, сосредоточив внимание на динамике его родительской роли. На самом деле *сепарация ребенка и сепарация отца* взаимно пересекаются, но не сводятся друг к другу, ведь сепарация включает в себя не только разотождествление с ролевыми тактиками, и даже нередко с самой ролью, но и с чувствами, мыслями, чертами, которые для человека стали фактом его истории и актуально перестали быть востребованными. Тенденции в изменении отцовских функций, отмеченные нами, – возможно, лишь часть его опыта, хотя, безусловно, по ним можно судить об общей направлен-

* Отметим, что даже физически немощный человек может сохранять свою автономность, а здоровый и благополучный ее терять.

ности личности. Для мужчины (в том числе и отца) это развитие его самости, автономности, независимости. Подкрепляемые развитием маскулинности и андрогинности, автономность обнаруживает себя в дальнейшем становлении своей индивидуальности, аутентичности и связанных с ними эмоциональных реакций и поведенческих стратегий. Такой отец четко дифференцирует себя и свое родительство, чрезмерно не идентифицируясь ни со своим Я, ни с собой как с отцом. Эта особенность позволяет ему быть вариативным в семейных отношениях и поддерживать самобытное развитие своих детей.

Сепарация матери в ходе развития ребенка также не исчерпывается развитием материнской роли. По данным А. С. Логвиненко и А. Д. Москвина (2012), несмотря на то, что представления женщин о своей безопасности стабильно соотносятся с внутренним комфортом, защищенностью и поиском внешней поддержки, наблюдается динамика, по которой можно судить об общих тенденциях в развитии взрослой женщины. Оказалось, что в старшем возрасте (55 лет и старше) по сравнению с более молодым возрастом женщины в отличие от мужчин начинают не просто снижать, а отрицать развитие автономности и независимости ($U=2016$, $\alpha=0,008$), ослаблять значимость родительской поддержки в целом ($U=2223$, $\alpha=0,04$) и поддержки матери ($U=1944$, $\alpha=0,002$) в частности. Позитивные эффекты такой тенденции могут быть обусловлены устойчивым поиском женщиной во всех возрастах внешней поддержки, характер которой в более старшем возрасте начинает меняться: происходит разотождествление с родительской поддержкой и отождествление с поддержкой спутника жизни, супруга, который в отличие от женщины продолжает стремиться ко все большей автономии.

Столь идеальная картина не всегда совпадает с реальностью, в которой и спутник жизни может оказаться не таким уж зрелым, как это показывает общая тенденция «мужского» варианта развития личности, и женщина не сможет разотождествиться с поддержкой родителей, теперь предпочитаая в качестве отца и матери своих детей и сама став для них ребенком.

И тем не менее, завершая разговор об отцовской роли в развитии автономности ребенка, хотелось бы вернуться к идеальному случаю и отметить, что при таком варианте сепарации мужчины (отца) и сепарации женщины (матери), включая динамику родительских функций, их взрослеющие дети почувствуют при *поддержке отца* необходимость становления *собственной автономии*, а при *поддержке матери* – потребность в развитии *чувства общности* с другими людьми и важность принятия от них *социальной поддержки*.

ГЛАВА XIII

СЕПАРАЦИЯ И КОМПЕНСАЦИЯ

13.1. Историко-психологический анализ проблемы компенсации

Понятие «компенсация» используется в психологии в самых разных аспектах, в целом обозначая совладание с неспособностью или неумением, субъективно переживаемыми как неполноценность. Такое преодоление происходит либо путем тренировки, либо путем переключения субъекта на другие сферы деятельности и достижения высоких результатов. В этом смысле компенсация всегда вызвана объективными или субъективными ограничениями, которые сопровождаются чувством дискомфорта и тревоги. Для осуществления собственных намерений, вызванных переживанием неполноценности, человек должен сделать усилие, обращаясь к средствам волевой регуляции. В иных случаях, когда прямое развитие функции невозможно, так как оно ограничено физически, снижение чувства неполноценности происходит благодаря *замещению*. Именно поэтому компенсация и замещение нередко описываются как родственные механизмы. Учитывая этот факт, следует выделить основные составляющие компенсации и дифференцировать ее от замещения. Для решения этой задачи необходимо провести историко-психологический анализ проблемы и определить, какой научный статус она получила в современной психологии.

Хорошо известно, что «компенсация» является одним из ключевых понятий индивидуальной психологии А. Адлера. Чувство неполноценности, которое, по существу, трактуется как переживание личностью своей неспособности, некачественности, выступает, согласно Адлеру, «постоянным стимулом развития психики индивида» (Адлер, 1997б, с. 41). Этот фундаментальный принцип развития был представлен им в виде каузальной зависимости, в которой

причиной выступало чувство неполноценности, а следствием – фиктивная цель. «Чувство собственной неполноценности и непригодности, ощущение слабости, малости, неуверенности становится операциональным базисом, который концентрирует имеющиеся неудовольствия и неудовлетворенности в энергетические импульсы, внутренние стимулы для приближения к фиктивной конечной цели» (там же, с. 69–70). Объясняя необходимость реализации компенсаторных механизмов, Адлер говорил о так называемом «принуждении к выравниванию», т. е. о неуклонных попытках заменить неполноценную, причиняющую вред деятельность повышенной работой, называя ее защитной тенденцией, компенсирующей силой.

Принимая неполноценность органов за важнейший источник развития личности, который при определенных обстоятельствах может стать причиной невроза, Адлер приходит к мысли о том, что невротическое нарушение наступает только в том случае, если человек оказывается в травматической ситуации, которая предрасполагает к неврозу. Более того, Адлер начинает понимать, что тяжелое невротическое расстройство может наступать у людей, попавших в «травматизирующую ситуацию», но не имеющих серьезных органических расстройств. Прежде всего, он имеет в виду различные обстоятельства, связанные с тактиками родительского воспитания, одни из которых ставят ребенка в положение изнеженного, а другие – «ненавидимого ребенка»*.

Будет ли компенсация ослаблять напряженное состояние либо усиливать его, зависит от так называемого чувства общности, или *социального интереса*. Чувство неполноценности, которое возникает у человека, имеющего физический недуг, влияет на социальную позицию, которую он занимает в обществе. При высоком социальном интересе компенсация направляется на развитие функции. «Тот, кто имеет задатки Цезаря и, кроме того, обладает чувством общности, необходимым для того, чтобы взять на себя функции лидера, становится не невротиком, а Цезарем» (Метцгер, 2004, с. 29). Однако часто бывает так, что компенсация направляется не на улучшение способности, а на улучшение неудовлетворительного (чаще всего связанного или вызванного дефектом) положения самого человека в группе окружающих его и более благополучных, по его мнению,

* В. Метцгер считает, что вместо слова «ненавидимый» лучше использовать слово «униженный» (Метцгер, 2004, с. 28), однако Адлер употреблял первое из них.

людей. Такого человека влечет к всемогуществу, совершенству, богоподобию. «Очевидно, что в тот момент, когда достижение определенной позиции в группе становится главной целью человека, (сверх-) компенсация превращается уже в социально-психологическую проблему» (там же, с. 30). В работах 1910 г. перечень причин появления чувства неполноценности, вслед за которым возникают компенсаторные явления, дополняется таким фактором, как «низкая оценка женщин в обществе». Впервые эта проблема была обнаружена Адлером у мужчин, которых высмеивали в детстве за «женское поведение», а затем и у женщин, чувствительных к различию в оценках мужского и женского поведения и склонных к соперничеству с мужчинами. Впоследствии стремление компенсаторно демонстрировать мужское поведение (отвагу, героизм, профессиональное совершенство и др.) и даже отказываться от выполнения женских функций получило название мужского протеста. И хотя, как отмечают многие, с лингвистической точки зрения выражение «мужской протест» не совсем удачно, со временем оно стало привычным и заняло свое место в теории Адлера. Выделим ключевые моменты, характеризующие механизм компенсации в индивидуальной психологии А. Адлера. Ими являются: ограничения возможностей (проблемы здоровья и дефекты воспитания), стремление к восполнению недостатка (к «выравниванию»), социальный интерес, последствия компенсации – развитие способности или развитие невроза.

На исследования Адлера довольно часто ссылаются Л. С. Выготский, обсуждая проблему компенсации в связи с анализом особенностей развития ребенка, имеющего физические недуги, двойственная роль которых, по его мнению, неоспорима. «С одной стороны, дефект есть минус, ограничение, слабость, умаление развития; с другой – именно потому, что он создает трудности, он стимулирует повышенное, усиленное движение вперед» (Выготский, 1983а, с. 7). Из этого следует, что для дефектологии объектом исследования и анализа является не отдельный недостаток, а ребенок, страдающий этим недугом, поэтому «реакция организма и личности ребенка на дефект есть центральный основной факт, единственная реальность, с которой имеет дело дефектология» (там же, с. 7). Согласно Выготскому, благодаря органическому *единству личности* другая способность принимает на себя функции неполноценного органа. Так же как и Адлер, Выготский использует понятия «преодоление» и «выравнивание», которые обозначают стремление личности к тому, чтобы справиться с нарушением внутренней гармонии, совла-

дать с неприятными чувствами. Вследствие того что личность реагирует целостно, актуализация особых сил, направленных на это преодоление, оказывается бесконечно разнообразна, а ее формы настолько причудливы и неординарны, что равных и подобных им мы, как говорит Выготский, не наблюдаем в «типическом развитии нормального ребенка».

Важно подчеркнуть, что компенсация, согласно Выготскому, может иметь два крайних исхода – победу и поражение, т. е. заканчиваться удачей или неудачей. Исход зависит от многих причин, но в основном от соотношения степени недостатка и богатства «компенсаторного фонда», который позволяет *замещать, надстраивать, выравнивать* дефект.

Сходство взглядов Адлера и Выготского состоит в признании важности *социальной позиции* ребенка, которая и определяет направление компенсаторных процессов, поэтому судьбу личности решает не дефект, а его социальные последствия, его социально-психологическая реализация. Однако если для Адлера социальный интерес является фактором, сопутствующим процессу компенсации, «барометром нормальности», то для Выготского сама компенсация приобретает социальный характер, поскольку направлена «не на прямое восполнение дефекта, которое большей частью невозможно, а на преодоление затруднений, создаваемых дефектом» (Выготский, 1983а, с. 14). Адлер предостерегает от развития чувства превосходства в случае слабо развитого социального интереса, т. е. указывает на то, что именно может *помешать* конструктивному личностному росту, а Выготский делает акцент на завоевании социальной полноценности, которая, по существу, и является целью так называемой социальной компенсации, т. е. на том, что *способствует* успешной компенсации. По Адлеру, личность преодолевает чувство неполноценности и стремится к жизненной (личной) цели, а, по Выготскому, личность преодолевает трудности социализации, связанные с физическими ограничениями, и завоевывает социальную позицию в обществе.

В статье «Дефект и компенсация», включенной в качестве отдельной главы в работу «Общие вопросы дефектологии», Выготский обращается к феномену сверхкомпенсации, указывая на то, что всякое повреждение вызывает защитные реакции, которые являются гораздо более энергичными и сильными по сравнению с тем, что нужно для того, чтобы парализовать непосредственную опасность. Из неполноценности возникает сверхполноценность, дефект превраща-

ется в одаренность, талант. «Таким путем организм не только компенсирует причиненный ему вред, но всегда вырабатывает излишек, перевес над опасностью, приводящий его в более высокое состояние защищенности, чем то, которое у него было до возникновения опасности» (Выготский, 1983а, с. 35). Таким образом, согласно Выготскому сверхкомпенсация должна непременно завершаться развитием одаренности, а каждый психологический акт должен быть связан не с прошлым, а с будущим. Последнее положение делает позиции Адлера и Выготского похожими между собой.

Обобщая вклад Л. С. Выготского в развитие идеи компенсации, отметим следующие важные для его концепции положения. Это положение о единстве личности, об ориентации личности на будущее, о компенсации как о социальном процессе, о восполнении не дефекта, а социальной неполноценности, о сверхкомпенсации как о механизме развития одаренности.

Идея целостного функционирования личности явилась общим методологическим основанием, на котором многими авторами были построены теоретические и эмпирические исследования феномена компенсации. В работах Карла Юнга единство психического рассматривается как единство функционирования сознательного и бессознательного, соответственно компенсация интерпретируется как один из принципов связи между ними. Учитывая тот факт, что эти уровни психического имеют особую специфику, характер взаимодействия между ними тоже должен быть особым. Именно поэтому компенсация рассматривается не просто как автоматическое восполнение недостаточности сознательных реакций компенсаторной ролью бессознательного, но как особая работа, *усилие*, которое должен выполнить субъект для гармонизации психического функционирования, для того, чтобы соотношение сознательное/бессознательное было *уравновешено* (Фрей-Верлин, 2004). Прежде всего, компенсаторная роль бессознательного проявляется в сновидении, функция которого состоит в устранении односторонности сознания. В зависимости от того, какие сознательные мысли, действия, поступки необходимо восполнить, компенсация может быть *проспективной* или *редуктивной*. Первая переносит сновидца на следующий этап развития, ставя его в позицию более взрослого человека, компенсируя тем самым сознательную неуверенность в собственных знаниях и силах, а вторая, наоборот, преуменьшает то, чем обладает субъект, чего он уже достиг, демонстрируя средствами сновидения необходимость ослабить самомнение.

Подчеркивая особый статус бессознательного по отношению к сознанию, Юнг пишет: «Мы можем выдвинуть утверждение о том, что *бессознательные процессы находятся в компенсаторной связи с сознанием*». При этом употребляется «слово „компенсаторный“, а не слово „контрастирующий“, потому что сознание и бессознательное вовсе не обязательно противоположны друг другу, но взаимно дополняются до целого – *Самости*. В соответствии с этой дефиницией Самость есть вышестоящая по отношению к сознательному Я величина. Самость охватывает не только сознательную, но и бессознательную психику, и потому, так сказать, есть личность, которой мы *также являемся*» (Юнг, 1994, с. 240).

Выделяя в структуре личности сознание, личное и коллективное бессознательное, Юнг различает компенсацию, связанную с индивидуальной жизнью субъекта, и компенсацию, проявляющую себя на уровне коллективных образов. На личностной ступени компенсируются не признанные сознанием личностные мотивы, появляющиеся в сновидениях; или значения дневных ситуаций, не замеченные субъектом; или выводы, не сделанные им вовремя; или аффекты, которые он себе не позволил; или критика, которую оставил при себе. Однако интенсивное самопознание и поведение, сопутствующее ему, приводит, как говорит Юнг, к уменьшению слоя бессознательного, залегающего поверх коллективного бессознательного. Благодаря этому возникает сознание, сопричастное более широкому миру, объекту. На этой ступени речь идет о коллективных проблемах, приводящих в движение коллективное бессознательное, так как они требуют коллективной, а не индивидуальной компенсации. «Здесь мы можем, наконец, спокойно признать, что бессознательное производит содержания, значимые не просто для того, к кому они относятся, а для других, даже для многих и, может быть, для всех» (там же, с. 241). Компенсация с помощью коллективных образов называется *мифологической компенсацией*.

На уровне функционирования коллективного бессознательного и сознания Юнг различает *легитимный* и *иллегитимный* подходы к неличностным проблемам, т. е. проблемам коллективной психики. «Легитимны такие экскурсы лишь тогда, когда они исходят из самой глубокой и подлинной индивидуальной потребности; а иллегитимны, когда представляют собой либо чисто интеллектуальное любопытство, либо попытки бегства из неприемлемой действительности. В последнем случае бессознательное производит слишком человеческие и исключительно личностные компенсации, откоро-

венно имеющие целью вернуть сознание в стихию повседневности» (там же, с. 246).

Бессознательному, по мнению Юнга, не следует приписывать сознательные действия, оно выступает в качестве источника опыта, не являясь зеркальным отражением сознания. Продуцируя образы, оно, с одной стороны, обнаруживает свою собственную творческую природу, а с другой, чувствительно реагирует на установки сознания, компенсируя их. Подобное влияние обусловлено так называемым *инстинктом самоосуществления*; оно встроено в логику процесса индивидуации и происходит в соответствии с целью интеграции всех противоположностей и достижением Самости.

Таким образом, для Юнга понятие компенсации связано с принципами целостности личности, единства сознательного и бессознательного, с компенсаторной ролью бессознательного, с личностной и коллективной компенсациями.

В концепции Л. Сонди компенсация представляет собой отдельную стадию развития человека, когда он осуществляет развитие одних функций вследствие невозможности развития других. Считается, что подобная задача имеет локальное значение, решение которой позволяет человеку переходить к другим, более сложным задачам. Сонди сделал попытку объединить различные направления глубинной психологии таким образом, чтобы каждая из концепций соотносилась с определенной проблемой, которая возникает перед личностью в процессе развития. «Высшая ступень „*homo humanus*“, означает конечный пункт этого хода развития, которого, однако, достигают лишь немногие люди, и даже они время от времени отступают назад» (цит. По: Хут, 2004, с. 497). Каждый из этапов соответствует определенному направлению глубинной психологии. Первая фаза обозначена словом „*partizipation*“ (партиципация, проекция) и отражает идеи, развитые в работах И. Германа и Р. Шпица. Следующая фаза *homo repressor*, т. е. человека, вытесняющего и образующего симптомы, соответствует классическому психоанализу, т. е. тем проблемам, которые стали предметом изучения в работах З. Фрейда. Фаза *homo potentator*, т. е. человека, сверхкомпенсирующего свои чувства неполноценности стремлением к власти, по существу, была соотнесена с задачами индивидуальной психологии А. Адлера. Фаза *homo individuator*, т. е. стадия становления Самости, описывалась в терминах аналитической психологии К. Юнга, а фаза *homo elector*, т. е. человека, осознающего собственные возможности судьбы и способного свободно выбирать из них возможности

существования, – в терминах судьбоанализа Л. Сонди. И наконец, последняя ступень *homo humanus*, была поставлена в соответствие с «гуманистическим» или религиозным направлением психотерапии (концепция А. Мёдлера).

Включение компенсации в контекст психического развития типично не только для работ Л. Сонди, но и для исследований, проведенных Ж. Пиаже, а также для целого направления, разрабатываемого П. Балтесом.

Интеллектуальное развитие ребенка, согласно Пиаже, можно описать в виде группировок, последовательно вытекающих одна из другой. Группировки – это закрытые, обратимые системы, которые являются единицей мысли. Внутренней характеристикой интеллектуального развития, его функциональным механизмом выступает равновесие. Равновесие как стабильное состояние открытой системы достигается через конструирование представлений субъекта о реальности и путем компенсации. Наряду с активностью поведения, с действиями, направленными на исследование и изменение окружающей среды, существует активность, выполняющая регулирующую роль. Компенсаторная активность специфична для равновесия. На всех уровнях развития она осуществляется в форме ретроактивных процессов и антиципации, которые отличаются друг от друга по своей структуре. Используя понятие «компенсация», Пиаже показывает, во-первых, что сохранение форм и элементов обеспечивается благодаря инверсии и реципрокным операциям, во-вторых, что характер равновесия зависит, в частности, от того, какие компенсации – неполные или полные – возможны на данном уровне развития. Он отмечает, что «отношение, не принимаемое в расчет в результате центрации внимания, направленной на другое отношение, в свою очередь, одерживает верх над этим последним, когда ошибка переходит определенные границы» (Пиаже, 1969, с. 228). Такая децентрация находит завершение в интуитивном эквиваленте обратных операций. Осуществление полных компенсаций приводит к появлению интеллектуальных операций. Эти механизмы обнаруживают себя только в том случае, когда появляется связность, целостность, единство элементов, группировка. «Группировка, таким образом, впервые реализует равновесие между ассимиляцией объектов в действии субъекта и аккомодацией субъективных схем к модификациям объектов» (там же, с. 197). Учитывая это, следует сказать, что Пиаже рассматривает разные варианты компенсаций и связывает их с равновеси-

ем, обратимостью (в случае полных компенсаций), целостностью и пластичностью операциональной системы, регулируемой человеком.

Один из наиболее интересных подходов, разработанных Паулем Балтесом, состоит в том, что на каждом возрастном этапе целостность жизненного пути обеспечивается достижением позитивного баланса между потерями и приобретениями (gains and losses). Важную роль в этом процессе играют три жизненные стратегии – селекция, оптимизация и компенсация (Baltes, 1997). Ограничение ресурсов (например, времени, энергии), присущее человеку, делает необходимым селекцию целей, поскольку не все возможности могут быть реализованы. Для достижения оптимального уровня функционирования в выбранной области, субъект нуждается в приобретении, распределении и совершенствовании внешних и внутренних ресурсов, т. е. в оптимизации возможностей. Наконец, для перехода на другой уровень функционирования и при столкновении с потерями, снижении доступных средств достижения цели необходимы процессы компенсации. Компенсация описывается следующими конструктами: замена привычных средств, использование внешних средств, в частности помощи других, приобретение нового мастерства, новых ресурсов, активация неиспользуемых ресурсов, увеличение прикладываемого усилия, энергии, развитие способности распределять время, моделирование поведения успешных людей, способных к компенсации, игнорирование неоптимальных средств (Baltes, Baltes, Freund, Lang, 1999).

Использование Балтесом механизма компенсации в контексте комплексной проблемы развития человека в процессе жизни, стало основанием для анализа этого механизма в связи с проблемой внешней и внутренней сепарации.

13.2. Нарушение процесса сепарации и компенсация

Нетрудно заметить, что представленный в книге материал касается как нормально протекающего процесса сепарации, так и случаев, когда по тем или иным причинам личностное развитие замедляется и субъект испытывает трудности в переходе на новый уровень автономности. Вряд ли можно найти здесь какие-либо возрастные закономерности, т. е. обнаружить связь автономности и возраста, ведь как было показано ранее, уже младенец способен выражать себя свободно, тогда как взрослый человек вполне может переживать

состояние созависимости и внутренней несвободы. Тем не менее не следует отрицать возрастной специфики самого процесса сепарации, что вполне убедительно было продемонстрировано в главах, посвященных детской, подростковой, юношеской сепарации и сепарации взрослого человека.

Для младенцев вполне типична так называемая *принудительная* (вынужденная, дисгармоничная) внешняя сепарация, которая происходит в результате разлуки с родителями или другими взрослыми людьми, их заменяющими. Частота таких случаев указывает на типичность ситуации разлуки или ситуации эмоциональной и физической отстраненности родителя в отношениях с ребенком, что ведет к ненадежной привязанности и как следствие – к формированию созависимости в различных ее проявлениях. Трудности внутренней сепарации, дифференцированности Я и не-Я во многом определяются внешними факторами, т. е. родительским неучастием в жизни ребенка, который не получает достаточной информации о себе как об отдельном субъекте либо получает негативную информацию о своем Я. Также немаловажным фактором, влияющим на психическое развитие ребенка, является интроекция дефектных образов родителей или «взросление без объектов» (Х. Кохут), определяющие внутреннюю картину сепарации и «ломающие» механизмы внутренней независимости и самопринятия.

Для подростка типична такая ситуация, когда его стремление к внешней сепарации – к принятию новых взрослых социальных ролей, к разотождествлению с ролью ребенка, может опережать развитие внутренней сепарации – принятие нового образа Я, установление новых отношений между Я и внутренними объектами. Для подростка характерна *неустойчивость процесса сепарации* – колебание между зрелыми формами поведения, умонастроения, эмоциональными реакциями и инфантильными, а также поспешно взрослыми, необдуманными и импульсивными действиями, совершаемыми безответственно. Было показано, что по сравнению с ребенком подросток в меньшей степени подвержен принудительной сепарации и при повышении родительского контроля скорее сам склонен идти на разрыв отношений со значимыми для него людьми. При всей их незрелости, эти способы манипуляции взрослыми указывают на готовность подростка к сепарации на новом уровне. Нарушение сепарации в подростковом возрасте связано с разными факторами, и хронический характер таких нарушений может привести к различным подростковым девиациям.

Юношество – особый период между пубертатом и взрослостью, характеризующийся новыми проявлениями внешней и внутренней сепарации. Прежде всего, это развитие интегрированной идентичности, переструктурирование отношений между внутренними объектами, развитие инициативности и ответственности. Юноша воспринимается как человек, способный дифференцировать социальные роли, действовать самостоятельно, рефлексировать и обосновывать свои поступки (глава VII). В период юности изменяется ролевая структура в отношениях с родителями, возникают новые отношения и новые роли, которые организуются в иерархическую структуру. В отличие от подростка, который стремится к таким формам сепарации, как принятие на себя роли взрослого, не будучи готовым к этому («хочу, но не могу»), юноша, несмотря на ожидания взрослых, может избегать принятия таких ролей («могу, но не хочу»). Именно поэтому в юношеском возрасте нередко возникают внутренние барьеры, препятствующие развитию психологической сепарации, особенно в тех случаях, когда отношения с родителями строились на основе ненадежной привязанности и детство было насыщено травматическими событиями. *Отрицание возможности перехода на новый уровень автономности* – характерная черта юношеского возраста, которая служит препятствием разворачиванию сепарационного процесса.

Как показано в главе VIII, психическое развитие в период взрослости более прогнозируемо, организовано и предсказуемо, процесс внутренней и внешней сепарации продолжается, внося весомый вклад в развитие личности. В то же время, хотя и на данном этапе онтогенеза процесс психологической сепарации носит гетерохронный характер, у здорового взрослого человека просматривается четкая последовательность ее фаз: *сепарация внутренняя задает тон и характер сепарации внешней*. В этом нам видится специфика психологической сепарации в зрелом возрасте. Однако так же, как и в любой период жизни человека, на этапе взрослости возможны нарушения, искажения и отклонения в развитии внешней и внутренней сепарации личности, которые не в меньшей, а может быть даже в большей степени способны повлиять на продуктивность жизни взрослого по сравнению с ребенком, подростком и юношей.

Многочисленные примеры нарушения процесса сепарации показывают, что для сохранения полноценной жизни человек не должен терять способность разотождествляться с пережитым и отождествляться с новым, а продолжать обеспечивать непрерывность процесса личностного роста. Поддержание жизнеспособности че-

ловека в ситуациях нарушения сепарации очень важно для его самосохранения, поэтому и в таких случаях проблема не теряет своей актуальности. Однако, если постоянство сепарационного процесса является основой целостности личности, ее поступательного развития, а в жизни не всегда есть достаточные условия для обеспечения непрерывности процесса сепарации, значит, должны существовать такие варианты психологической сепарации, которые поддерживаются особыми механизмами.

Среди таких механизмов важнейшим является *компенсация*, благодаря которой осуществляется поиск возможного замещения одной жизненной цели, которая не может быть в настоящий момент достигнута, другой, схожей с ней по ряду показателей. Остановившись в настоящем параграфе на анализе компенсации, мы не исключаем, однако, того, что, кроме компенсации, процесс сепарации может быть «восстановлен» и другим способом. Более того, мы допускаем возможность системного (с помощью актуализации *совокупности* механизмов) возобновления (или интенсификации) сепарационного процесса.

Утверждение о связи сепарации и компенсации, конечно, можно считать лишь гипотетическим, ведь, как было сказано выше, сложившиеся между ребенком и родителем отношения привязанности имеют характер долгосрочных влияний, устойчивы, а значит, вряд ли могут быть изменены или компенсированы. И все-таки можно предположить, что *изменение* базовых отношений действительно может быть затруднительным, а вот их *компенсация*, восстановление за счет других ресурсов, вполне допустима.

Человеческая психика имеет высокий уровень пластичности, и компенсация – один из тех механизмов, который зависит от способности субъекта редуцировать напряжение не только прямым, но и обходным путем, с помощью, как говорил К. Левин, замещающей деятельности. Однако одно дело, когда за счет компенсации достигается какая-то конкретная цель, например, ученик не может решить сложную математическую задачу, но успокаивает себя тем, что способен выучить наизусть большой фрагмент литературного произведения. Другое дело, когда компенсация требуется при появлении затруднений в осуществлении комплексных процессов, каким является сепарация.

По Адлеру, компенсация дефекта происходит за счет развития (тренировки) неполноценной функции. Кроме того, как говорилось выше, компенсация происходит при выборе *замещающей* деятель-

ности, результат которой возмещает неуспехи основной деятельности. При нарушениях сепарационного процесса, наиболее выражен механизм замещения.

Рассматривая в главе III различные проявления внешней и внутренней сепарации, мы выделили *дисгармоничную внешнюю сепарацию* – сепарацию как разделение, разрыв отношений, дистанцирование, обычно сопровождаемую чувством обиды, ощущением несправедливости, желанием избавиться от внешнего контроля, а также варианты проблемных проявлений внутренней сепарации, вызванные *дедифференциацией* и *дезинтеграцией*. Дедифференциация как тенденция неразличения Я и внутренних объектов, Я настоящего и Я прошлого и будущего часто сопровождается различными тревогами и страхами; дезинтеграция Я и внутренних объектов, Я настоящего и Я прошлого и будущего – конфликтами и проявлением негативных эмоций, например, гнева.

В целом нарушение сепарационного процесса сопряжено с социальной дезадаптацией, нарастанием напряжения, и человек, естественно, стремится избавиться от этого дискомфорта. Самым продуктивным способом редукции напряжения может быть прямой путь сепарации, ведущий к разотождествлению с прежними ролями, представлениями и к отождествлению с новыми. Однако, как мы отмечали выше, отсутствие у человека надежной привязанности и наличие травматического опыта часто не позволяют ему функционировать продуктивно. В этом случае он может выбрать обходной путь, который способен как восполнить недостаточность работы сепарационных механизмов, так и, наоборот, еще более усилить ее.

Остановимся на более подробной характеристике трех вариантов компенсации проблем сепарации: 1) компенсация при позитивном опыте детско-родительских отношений (надежной привязанности) и затруднениях сепарации; 2) компенсация при ненадежной привязанности и затруднениях сепарации с позитивным исходом и 3) компенсация при ненадежной привязанности и затруднениях сепарации с негативным исходом.

Компенсация при позитивном опыте детско-родительских отношений (надежной привязанности) и затруднениях сепарации

В книге достаточно подробно обсуждался вопрос о тесной связи качества привязанности и способности личности к внешней и внутренней сепарации. Подчеркивалось, что при надежной привязанности

ребенок, а затем и взрослый не испытывает серьезных затруднений в дифференциации социальных ролей, в принятии ответственности на себя, в развитии зрелой идентичности. Несмотря на позитивный и долгосрочный прогноз такого развития, индивид, имеющий значительные психологические ресурсы, тем не менее по разным причинам (например, влияние стрессоров или фрустрация процесса сепарации со стороны значимых других людей) может ощущать затруднения в процессе развития своей автономности (Падун, Котельникова, 2012; Журавлев, 2004; Воловикова, Журавлев, Сумарокова, 1995). Если эти затруднения обусловлены отношениями с близкими людьми (супругом, супругой), то возможны как 1) принятие на себя ответственности за прекращение близких отношений при сохранении коммуникации (прямой путь), так и 2) развитие сепарационных механизмов в отношениях с другими людьми, например, в сфере профессионального общения (обходной путь). При правильном построении отношений в семье, опыт сепарации в профессиональной сфере со временем может быть перенесен на супружеские отношения.

При надежной привязанности влияние стрессоров может существенно не влиять на процесс сепарации личности, которая имеет личные и семейные ресурсы совладания с ними. Однако, если интенсивность стрессора высока, то, кроме прямого пути поиска социальной поддержки, человек может компенсировать возникшие трудности поиском новых сфер деятельности и новых отношений для укрепления своей самости и аутентичности, т. е. решать задачи сепарации в процессе посттравматического личностного роста.

Компенсация при ненадежной привязанности и затруднениях сепарации с позитивным исходом

При разных стилях ненадежной привязанности (например, тревожно-амбивалентном, избегающем по М. Эйнсворт) сепарация будет различаться, сохраняя при этом некоторые общие черты. Наиболее успешно она может компенсаторно происходить при образовании симбиотической связи со зрелой личностью, развитие личностной автономности которой создает видимость собственного развития. Результативность такой связи состоит в том, что со временем субъект с ненадежной привязанностью может «научиться» действовать по образцу, но для этого должен соблюдаться еще целый ряд условий (наличие позитивного эмоционального контакта в паре, общих интересов, баланса между «брать» и «отдавать» и др.). В большей

степени субъект с ненадежной привязанностью компенсирует внешнюю сепарацию, внутреннее оставаясь в созависимости (в отношениях дедифференциации Я и внутреннего объекта) от более зрелого партнера (см. главу III).

Другим компенсаторным вариантом, редуцирующим напряжение, вызванное трудностями осуществления процесса сепарации, является выбор субъектом с ненадежной привязанностью таких видов деятельности и социальных ролей, которые требуют от него нивелирования своей индивидуальности. Однако, как нам кажется, компенсаторный эффект от участия в такой деятельности может быть краткосрочным.

*Компенсация при ненадежной привязанности
и затруднениях сепарации с негативным исходом*

Компенсация может усугублять проблемы сепарации и усиливать негативный эффект, вызванный стремлением человека к зависимым отношениям. Наиболее частым вариантом такой компенсации является присоединение в симбиозе к «сильной» личности, которая на самом деле сама испытывает значительные трудности в развитии своей автономности. Эта связь устанавливается по принципу отношений мазохиста и садиста. Мазохист, у которого в нашей терминологии доминирует дедифференциация, выбирает садиста, который, как говорил Э. Фромм, в большей степени нуждается в объекте, чем сам мазохист. Особенностью садиста является отсутствие внутренних привязанностей (для него характерны выраженные процессы дезинтеграции, см. главу III). В такой паре компенсация дефектов сепарации не дает позитивного результата и может усугублять созависимость и ослаблять автономность. В паре усиливаются примитивные психологические защиты, которые подкрепляют сложившийся альянс и делают автономной (сверхсуверенной) пару, лишая автономности каждого из партнеров (*автономия* пары доминирует над *автономностью* субъектов отношений).

Рассмотрев лишь некоторые виды компенсации трудностей сепарации, отметим, что в любом из описанных нами примеров компенсация не может длительно заменять естественный процесс сепарации и в лучшем случае должна способствовать развитию собственных ресурсов. Это связано с тем, что допустимость замещающих видов деятельности при решении частных задач не может распространяться на процесс личностного роста в целом, активным

участником которого является человек со всеми его достоинствами и недостатками. Сверхувлеченность замещающей деятельностью может способствовать потере аутентичности и развитию фальшивого Я.

Закономерен тот факт, что возрастные характеристики внешней и внутренней сепарации должны определять специфику компенсаторных механизмов в детстве, подростковом и юношеском возрасте и в период взрослости.

Компенсаторные механизмы сепарации в детстве менее разнообразны по сравнению с другими возрастами. Эта особенность детской компенсации обусловлена частотой появления в опыте детей принудительной внешней сепарации, т. е. эпизодического и хронического расставания с родителями (А. К. Рубченко). Сам по себе факт расставания является значительным для ребенка событием, однако степень его влияния флуктуирует в зависимости от того, готовили ли родители своего ребенка к расставанию или нет (глава IV). Безусловно, влияют и другие факторы, которые мы обсуждали в предыдущих главах книги. Наиболее значимым и эффективным компенсаторным механизмом для ребенка является наличие взрослых-заместителей, способных в той или иной степени выполнить родительскую функцию. Здесь, как и в других случаях замещения, важно условие схожести объекта и его заместителя, а также наличия у заместителя ресурсов для восполнения дефицита привязанности ребенка ко взрослому. При замещении возможны случаи *гиперкомпенсации*, когда значимый взрослый, временно или постоянно выполняющий роль родителя (опекуна) имеет больше возможностей для создания надежной привязанности, нежели биологический родитель.

Компенсирующий эффект имеет игровая деятельность (в большей степени «game», чем «play» § 2.3), в которой ребенок придумывает ситуации, позволяющие ему выразить свою автономность, поддержать, возможно, и развить чувство аутентичности.

Для *подростка* возможности компенсации значительно возрастают. Они обусловлены расширением репертуара социальных ролей и круга общения подростка. Специфическим для возраста является попытка гиперкомпенсации в виде принятия на себя взрослых ролей. Колебания и неустойчивость развития механизмов сепарации, которые характерны для пубертата (глава IV), проявляются, с одной стороны, в регрессе к более ранним стадиям развития, а с другой, в стремлении к сверхсуверенности, к конфликтной независимости (в разных ее вариантах).

Стагнация сепарационного процесса в подростковом возрасте часто сопровождается дезадаптацией, но заставляет подростка искать обходные пути развития автономности. Кроме идентификации с ролью взрослого, подросток склонен компенсировать недостатки сепарации группированием со сверстниками в различных неформальных объединениях, которые имеют особый социальный статус. Склонность к риску, экстремальные развлечения, манипуляции со своим телом (шрамирование, татуирование и др.) – также разнообразные опыты компенсаторной сепарации.

Для *юноши* открывается новый ресурс – часто неосознаваемый поиск зрелого партнера (см. выше), в контакте с которым возникает возможность компенсации своих проблем личностного роста. Наличие эмоциональной и физической близости между партнерами, являющейся на первых этапах общения значимым мотивом сохранения отношений, «питает» этот компенсаторный ресурс. Подобное партнерство может устраивать обоих, тогда расставание не является реальной угрозой для этой пары.

Возможность регресса к более ранним детско-родительским отношениям также способна редуцировать переживания юноши по поводу развития своей автономности, но лишь на какое-то время, поскольку, с нашей точки зрения, компенсация естественного процесса сепарации недолгосрочна.

Взрослость – продолжительный этап жизненного пути человека. Существует мнение, что все самое важное происходит с человеком в детстве и юности, а взрослость – лишь следствие того опыта, который был приобретен на ранних этапах онтогенеза. Не разделяя этого мнения в полной мере, вернемся к нашей авторской модели сепарации (глава III), в комментариях к которой говорится, что процесс личностного роста и сепарации продолжается всю человеческую жизнь и не может быть завершен в какой-то определенный момент времени.

Взрослость пользуется всеми возможностями сепарации и ее компенсации. В период взрослости (глава VIII) существенно расширяются социальные связи человека и одновременно изменяется соотношение процессов внешней и внутренней сепарации в сторону внутренней, которая начинает предвосхищать внешнюю. Профессиональный путь, семейные отношения – это и пути развития собственной сепарации, и возможности ее компенсации при затруднениях и неудачах. Не всегда представляется возможным развести естественную и компенсаторную сепарации; у взрослого они могут

быть взаимно переплетены и в принципе неразделимы. Однако отметим, что в отличие от собственно сепарации путь компенсации бывает более фиксированным и менее вариативным. Появляется *зависимость от компенсации* сепарационных механизмов, которая, по определению, не может стать эффективным способом восстановления и развития своей автономности.

Более драматическим, чем, например, трудовоголизм, вариантом такой фиксации, являются зависимости от психоактивных веществ (ПАВ), которые в числе многих других объяснений рассматриваются как *способ компенсации* созависимости, но на самом деле не компенсируют ее, а еще более усугубляют. Удачной иллюстрацией этого положения является литературный пример, взятый из книги Сент-Экзюпери «Маленький принц»:

«– Что ты делаешь? – просил Маленький принц.

– Пью, – мрачно ответил пьяница.

– Зачем?

– Чтобы забыть.

– О чем забыть? – спросил Маленький принц. Ему стало жаль пьяницу.

– Хочу забыть, что мне совестно, – признался пьяница и повесил голову.

– Отчего же тебе совестно? – спросил Маленький принц. Ему очень хотелось помочь бедняге.

– Совестно пить! – объяснил пьяница, и больше от него нельзя было добиться ни слова.

И Маленький принц отправился дальше, растерянный и недоумевающий.

„Да, право же, взрослые очень, очень странный народ“, – подумал он, продолжая путь» (Сент-Экзюпери, 2014, с. 76).

Мы же на этом завершаем свой путь в исследовании психологической сепарации, оставляя за пределами этой книги еще очень много важных и интересных проблем, связанных с изучением постижения личностью своей автономности и уникальности во взаимодействии с миром.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вернемся к изначально поставленному вопросу: что же такое сепарация и почему она так важна для понимания природы человека? Обращаясь к публикуемым в книге текстам, мы уверенно говорим, что сепарация – это такое состояние души, когда человек, будучи активно включен в социальную среду, не теряется в ней, не идентифицируется с ней, не сливается с ней, но ощущает свое своеобразие, понимает и реализует его. Иными словами, можно сказать, что конструктивная сепарация построена на трех основаниях. Первое это – ощущение своей самости, т. е. наличие определенных чувств, связанных с ней, второе это – понимание своей самости, т. е. умение недвусмысленно и последовательно рассказать о себе, и третье – это реализация своей самости, т. е. способность быть самим собой, отстаивать свои взгляды и излагать свою позицию по существенным жизненным вопросам.

Проблема сепарации возникает в жизни вполне закономерно как реакция на нарушение своей суверенности, как потребность в ее восстановлении и сохранении. Возможно, поэтому, она не завоевывается раз и навсегда, а возобновляется при обретении человеком нового личностного статуса, при овладении новыми возможностями. Ей постоянно сопутствует «территориальная проблема», т. е., по существу, внешняя сепарация, которая не всегда выступает маркером собственно психологической сепарации. Пожалуй, именно в отношении сепарации вопрос о соотношении «внешнего» и «внутреннего» решается не так однозначно. Например, довольно часто можно встретить превалирование внешнего над внутренним, своеобразную «подростковую реакцию» на ситуацию. Встречается и обратное, когда «внутреннее» начинает преобладать над «внешним», т. е. когда собственная самость начинает доминировать над необходимостью

реализации своего Я, что нередко ведет к самоустранению, изоляции, отчуждению.

Вопрос гармонии и интеграции внешнего и внутреннего – особый вопрос, который требует пристального внимания и достаточной аргументации. По-видимому, эта гармония выступает некоторой идеальной целью, к которой человек может стремиться, но которая, вряд ли, может быть когда-нибудь достигнута. Однако это не значит, что он вовсе не имеет смысла и над ним не следует задумываться.

Психологическая сепарация как проблема – весьма перспективна. Наиболее интересным, с нашей точки зрения, остается вопрос о трансгенерационных связях, о передаче опыта построения отношений, достигнутых в процесса сепарации, будущим поколениям. Отдельной темой здесь может стать форма передачи этого опыта и ее результативность (Тарабрина, Майн, 2013, 2014).

Другой важный аспект – специфика сепарации в триадах, в том числе в классической триаде: мать–ребенок–отец с разными ее модификациями. Безусловно, в настоящем издании этот вопрос так или иначе был затронут, но лишь косвенно, т. е. без специального изучения и анализа именно этой проблемы.

Важнейшей задачей исследования является проблема сепарации и проработки своих чувств, состояний, переживаний. Она сопряжена с феноменами эго-синтонности и эго-дистонности, с особыми психологическими и даже клиническими явлениями, с травматическим опытом и с совладанием с ним.

ЛИТЕРАТУРА

- 100 великих психологов / Автор-составитель В. Яровицкий. М.: Вече, 2004.
- Абрамова Г. С.* Возрастная психология. Екатеринбург: Деловая книга, 1999.
- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Абульханова-Славская К. А.* Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 34–50.
- Абульханова К. А.* Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 3–21.
- Авдеева Н. Н.* Привязанность ребенка к матери и образ себя в раннем детстве // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 3–13.
- Авдеева Н. Н., Хаймовская Н. А.* Развитие образа себя и привязанностей у детей от рождения до трех лет в семье и доме ребенка. М.: Смысл, 2003.
- Адлер А.* Наука жить. Киев: Port-Royal, 1997а.
- Адлер А.* О нервическом характере. СПб.: Университетская книга, 1997б.
- Аквис Д. С.* Отцовская любовь. М.: Профиздат, 1989.
- Алексеевкова Е. Г.* Личность в условиях психической депривации: Учебное пособие. СПб.: ИД «Питер», 2009.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.
- Андреева Г. М.* Социальная психология. М.: Наука, 1994.
- Андреева Г. М., Богомолова Н. Н.* Современная социальная психология на Западе (Теоретические ориентации). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.

- Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия. Теоретические подходы. М.: Аспект-Пресс, 2001.
- Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук (1971–2006). Вып. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Анцыферова Л. И., Завалишина Д. Н., Рыбалко Е. Ф. Категория развития в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1988. С. 9–36.
- Анцыферова Л. И. Личность в динамике: некоторые итоги исследования // Психологический журнал. 1992. Т. 13. №5. С. 12–25.
- Анцыферова Л. И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. №2. С. 3–17.
- Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. №1. С. 3–18.
- Анцыферова Л. И. Способность личности к преодолению деформаций своего развития // Психологический журнал. 1999. Т. 20. №1. С. 6–19.
- Анцыферова Л. И. Психология формирования и развития личности // Психология личности в трудах отечественных психологов / Под ред. Л. В. Куликова. СПб.: Питер, 2000. С. 207–213.
- Ароян Л. Х. Чувствительность личности к угрозе и ее связь с особенностями организации идентичности и суверенностью психологического пространства: Магистерская работа, ГАУГН, 2011.
- Арсеньев А. О проблеме свободы и зависимости человека современной цивилизации: философский очерк // Развитие личности. №1. 2005. С. 43–75.
- Артемьева Т. И., Журавлев А. Л., Кольцова В. А. Основные направления исследований К. К. Платонова и их развитие в современной психологии // К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: материалы юбилейной научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 9–17.
- Архиреева Т. В. Влияние родительского воспитания на самоотношение младшего школьника // Вопросы психологии. 2006. №3. С. 67–77.

- Асмус В. Ф. Избранные философские труды. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
- Ассаджиоли Р. Психосинтез: принципы и техники. М.: Психотерапия, 2008.
- Астанина Н. Б. Особенности феномена доверия у несовершеннолетних правонарушителей мужского пола: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2011.
- Баженова О. В., Баз Л. Л., Копыл О. А. Готовность к материнству: выделение факторов, условий психологического риска для будущего развития ребенка // Синапс. 1993. № 4. С. 35–42.
- Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.
- Бандура А., Уолтерс Р. Принципы социального научения // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 55–60.
- Барабаничиков В. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А. Системное исследование психического в концепции Б. Ф. Ломова // Б. Ф. Ломов. Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 5–28.
- Баттерворт Дж., Харрис М. Принципы психологии развития. М.: Когито-Центр, 2000.
- Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека // Опыт персоналистической философии. Paris: YMCA-PRESS, 1939.
- Бержере Ж. Психоаналитическая патопсихология: теория и клиника. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
- Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия, контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.
- Берн Ш. Гендерная психология. М.: Прайм-Еврознак, 2004.
- Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / Общ. ред. М. С. Мацковского. М.: Прогресс, 1988.
- Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Общ. ред. и вступит. ст. В. Я. Пилиповского. М.: Прогресс, 1986.
- Благова О. А. Переживание безопасности и его связь с суверенностью психологического пространства личности: Дипломная работа. М.: ГАУГН, 2011.
- Бодалев А. А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. М.: Флинта–Наука, 1998.
- Бодров В. А., Дикая Л. Г., Журавлев А. Л. Психологическая адаптация к профессиональной деятельности: Основные направления

- и результаты современных исследований // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 3 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 11–34.
- Бодров В. А., Журавлев А. Л.* Методологические принципы и результаты фундаментальных исследований профессиональной деятельности // Проблемы психологии и эргономики. 2003. Вып. 2 (23). С. 64–69.
- Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.
- Божович Л. И.* Проблемы формирования личности / Под ред. Д. И. Фельдштейна. М.–Воронеж: 1995. С. 157–162.
- Бойко В. В., Ковалева А. Г., Панферова В. Н.* Социально-психологический климат коллектива и личность. М.: Мысль, 1983.
- Бондарь О. С.* Социальные представления о личной безопасности у мужчин и женщин разного возраста: Дипломная работа, ГАУГН, 2011.
- Борисенко Ю. В.* Психология отцовства. М.–Обнинск: «ИГ СОЦИН», 2007.
- Борисенко Ю. В., Портнова А. Г.* Проблема отцовства в современном обществе // Семейная психология и семейная терапия. 2006. № 3. С. 122–131.
- Боулби Дж.* Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
- Боуэн М.* О процессах дифференциации своего «Я» в родительской семье // Теория семейных систем Мюррея Боуэна. Основные понятия, методы и клиническая практика / Под редакцией К. Бейкер, А. Я. Варга. М.: Когито-Центр, 2008.
- Бражник Ю. В.* Изменение гендерных ролей мужчин в современной российской семье // Материалы третьей международной научной конференции «Психологические проблемы современной семьи». В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. А. Г. Лидерса. М., 2007. С. 133–137.
- Бриш К. Х.* Терапия нарушений привязанности: от теории к практике. М.: Когито-Центр, 2012.
- Брутман В. И., Варга А. Я., Хамитова И. Ю.* Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 79–87.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психол. журн. 1991. Т. 12. № 6. С. 3–11.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке (статья вторая) // Психол. журн. 1992. Т. 13. № 6. С. 3–12.

- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке (статья третья) // Психол. журн. 1993. Т. 14. № 6. С. 3–15.
- Брушлинский А. В.* О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Общ ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 9–33.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Под ред. В. В. Знакова. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
- Будневская Т. А., Стоделова Т. С., Харламенкова Н. Е.* Компенсация неудачи в реализации стремления к автономии в подростковом возрасте // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М. И. Володикова, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 362–376.
- Бурлакова Н. С.* Идентификация с отцовской фигурой как механизм развития самоидентичности ребенка // Семейная психология и семейная терапия. 2003. № 3. С. 54–77.
- Бурлачук Л. Ф.* Введение в проективную психологию. Киев: Ника-Центр, 1997.
- Бурлачук Л. Ф.* Психодиагностические методы исследования личности. Киев: О-во Знание УССР, 1982.
- Бурменская Г. В.* Проблемы онто- и филогенеза привязанности к матери в теории Джона Боулби // Журнал практической психологии и психоанализа, 2003. № 1. URL: <http://psyjournal.ru> (дата обращения: 25.11.2012).
- Бурменская Г. В.* Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2009. № 4. С. 17–31.
- Бурменская Г. В.* Мировосприятие детей с разными типами привязанности к матери // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 2. С. 21–35.
- Буянов М. И.* Ребенок из неблагополучной семьи: Записки детского психиатра. М.: Просвещение, 1988.
- Бюнтинг В. Э.* Гештальт-терапия Фрица Перлза // Энциклопедия глубинной психологии. Т. IV. Индивидуальная психология. Аналитическая психология. М.: Когито-Центр–МГМ, 2004. С. 534–556.
- В мире подростка / Под ред. А. А. Бодалева. М.: Медицина, 1980.
- Васильюк Ф. Е.* Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Введенский Г. Е.* Нарушения половой идентичности и психосексуальных ориентаций у лиц, совершивших противоправные сексуальные действия: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2000.

- Винникот Д.* Разговор с родителями. Пер. с англ. М. Н. Почукаевой, В. В. Тимофеева. М.: Независимая фирма «Класс», 1994.
- Винникотт Д.* Маленькие дети и их матери. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
- Витгенштейн Л.* Мысли о философии. Фрагменты из работ // Путь в философию. Антология / Под ред. С. Я. Левит. М.: Пер Сэ; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 15–32.
- Водделл М.* Осознание себя: процессы интроекции и способность мыслить // Психоаналитическая психотерапия подростков, страдающих тяжелыми расстройствами. М.: Когито-Центр, 2007. С. 19–42.
- Воловикова М. И., Журавлев А. Л., Сумарокова В. А.* Испытание страхом (Чернобыль в судьбе человека) // Сознание личности в кризисном обществе / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Институт психологии РАН, 1995. С. 95–108.
- Воробьева А. Е., Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Представления К. К. Платонова о моральной воспитанности личности как теоретическое основание изучения нравственного самоопределения // К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 169–187.
- Выготский Л. С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. Основы дефектологии / Под ред. Т. А. Власовой. М.: Педагогика, 1983а.
- Выготский Л. С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983б.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л.* Основные вехи жизненного пути и научного творчества Я. А. Пономарева // Я. А. Пономарев. Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии / Редакт.-сост. А. Л. Журавлев, Т. В. Галкина. М.: ООО «ТИД „Арис“», 2010. С. 6–54.
- Гегель Г.* Феноменология духа. М.: Наука, 2006.
- Глоточкин А. Д., Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* Жизнь и научное творчество К. К. Платонова (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. №3. С. 117–126.
- Головей Л. А.* Профессиональное развитие человека как субъекта деятельности // Акмеология. 2004. №3. С. 61–66.
- Головей Л. А.* Онтопсихология – психология развития индивидуальности // Психологический журнал. 2007. Т. №5. С. 61–70.

- Головей Л. А., Манукян В. Р., Петраш М. Д. Соотношение возрастных и профессиональных кризисов в развитии взрослого человека // Акмеология. 2009. № 4. С. 31–39.
- Горбачева Е. И., Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологические компоненты экономического самоопределения предпринимателей и менеджеров // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 183–208.
- Грибанова Г. В. Нарушения формирования привязанностей у детей-сирот в раннем возрасте // Дефектология. 1994. № 3. С. 10–16.
- Гурко Т. А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 72–79.
- Дако П. Новое искусство жить. М.: Институт практической психологии, 1995.
- Дворянчиков Н. В., Герасимов А. В. Особенности применения проективных методов при диагностике и изучении лиц с аномальным сексуальным поведением // Материалы международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам Lomonosov-96. Секция «Психология». М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 16–17.
- Декарт Р. Метафизические размышления // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения / Под ред. В. В. Соколова и др. М.: Мысль, 1970.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Дольто Ф. На стороне ребенка. СПб.: Изд-во «Петербург – XXI век», 1997.
- Дольто Ф. Бессознательный образ тела. Ижевск: ИД «Ergo», 2006.
- Дольто Ф. На стороне подростка. Пер. с фр. А. К. Борисовой; предисл. М. М. Безруких. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2010.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Влияние экономического образования на ценностные ориентации личности младших школьников // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Социум»; «Институт психологии РАН», 2001. С. 95–120.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Динамика ценностных ориентаций личности младших школьников в условиях раннего экономи-

- ческого образования // Вестник практической психологии образования. 2008. № 4. С. 25–31.
- Дрозд Е. А.* Представление о гендерной идентичности матери и его связь с суверенностью и сепарацией дочери: Дипломная работа. ГАУГН, 2011.
- Дружинин В. Н.* Психология семьи. Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
- Дружинин В. Н.* Психология способностей: Избранные труды / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, В. Д. Шадриков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Дубровина И. В., Лисина М. И.* Особенности психического развития детей в семье и вне семьи // Возрастные особенности психического развития детей / Под ред И. В. Дубровиной, М. И. Лисиной. М.: Просвещение, 1982. С. 3–18.
- Евсеев Ю. В.* Система отношений в диаде «отец-ребенок» как фактор развития личности // Семейная психология и семейная терапия. 2003. № 4. С. 30–47.
- Елизаров А. Н.* Родительско-юношеский конфликт в работе молодежного телефона доверия // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 1995. № 2. С. 31–45.
- Емельянова Е. В.* Кризис в созависимых отношениях: Принципы и алгоритмы консультирования. СПб.: Речь, 2004.
- Ермолаева М. В.* Психология зрелого и позднего возрастов в вопросах и ответах: Учебное пособие. М.: Изд-во Московского психосоциального ин-та, 2004.
- Жамме Ф.* Соединение внутренней и внешней реальности при создании терапевтических условий для подростков, страдающих серьезными поведенческими расстройствами // Психоаналитическая психотерапия подростков, страдающих тяжелыми расстройствами. М.: Когито-Центр, 2007. С. 43–76.
- Журавлев А. Л.* Социальная психология личности и малых групп: некоторые итоги исследования // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 4. С. 4–15.
- Журавлев А. Л. А. В. Брушлинский в моей профессиональной судьбе // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 2. С. 57–64.*
- Журавлев А. Л.* Психологические факторы физического и психического здоровья человека (по материалам исследований ИП РАН) // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 107–117.
- Журавлев А. Л.* Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6. С. 5–18.

- Журавлев А. Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Журавлев А. Л. Роль В. М. Бехтерева в становлении общественной (социальной) психологии в России (к 155-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 122–134.
- Журавлев А. Л., Журавлева Н. А. Программа социально-психологического исследования экономического сознания личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований: юбилейная научная конференция. Часть 5 / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 11–41.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Журавлев А. Л., Соснин В. А., Красников М. А. Социальная психология: учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ, 2011.
- Журавлева Н. А. Психология социальных изменений: Ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Журавлева Н. А. Ценностные ориентации личности в современном российском обществе // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 200–228.
- Залевский Г. В. Основы современной бихевиорально-когнитивной терапии и консультирования. Томск: ЦПКЖК, 2002.
- Захаров А. И. Предупреждение отклонений в поведении ребенка. 3-е изд. испр. СПб.: Союз, Лениздат, 2000.
- Зеленский В. В. Толковый словарь по аналитической психологии. М.: Когито-Центр, 2008.
- Зинченко Ю. П., Журавлев А. Л., Ковалева Ю. В., Сергиенко Е. А. V съезд Российского психологического общества // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 82–91.
- Знаков В. В. Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 9–44.
- Знаков В. В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Знаков В. В. Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2012. № 3. С. 18–29.

- Знаков В. В.* Теоретические основания психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2013. Т. 34. №2. С. 29–38.
- Знаков В. В.* Аналитичность и холистичность во взглядах А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова // Вопросы психологии. 2013. №4. С. 135–146.
- Знаков В. В.* Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека // Вопросы психологии. 2014. №4. С. 16–29.
- Золотухина М. В.* Американский мужчина новое в роли отца и мужа // Мужчина и женщина в современном мире: Меняющиеся роли и образы. Т. 1. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999.
- Ильин Е. П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002.
- Интеллект, творчество и формирование личности в современном обществе: сборник трудов Всероссийской школы молодых ученых «Педагогические, психологические и культурологические принципы и методы воспитания молодых исследователей в условиях высокотехнологичной экономики» (29 сентября–3 октября 2010 г., Москва) / Науч. ред. А. Л. Журавлева, Т. Н. Ушаковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Йоуменс Т.* Двенадцать классических упражнений // Психосинтез: теория и практика / Под ред. В. Данченко. М.: «REFL-book», 1994. С. 153–187.
- Казанцева Т. В.* Социально-психологические детерминанты межличностной привязанности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011.
- Казарян М. Ю., Сайфугалиева А. И.* Вопросы эмоционального состояния детей в неполных семьях // Тезисы второй всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи» (25–27 октября 2005 г.). В 3 ч. Часть 2 / Под ред. В. К. Шабельникова, А. Г. Лидерса. М.: Гос. НИИ семьи и воспитания РАО и др., 2005. С. 145–152.
- Калмыкова Е. С., Падун М. А.* Качество привязанности как фактор устойчивости к психической травме // Журнал практической психологии и психоанализа, 2002. №1. URL: <http://psyjournal.ru> (дата обращения: 25.11.2012).
- Кант И.* Критика чистого разума. Пер. с нем. Н. Лосского, текст сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; Примеч. Ц. Г. Арзаканяна. М.: Эксмо, 2007.

- Карабанова О. А., Поскребышева Н. Н.* Развитие личностной автономии подростков в отношениях с родителями и сверстниками // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 2. С. 35–47.
- Кернберг О.* Тяжелые личностные расстройства. Стратегии психотерапии. Пер. с англ. М. И. Завалова. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
- Кинодо Ж. М.* Приручение одиночества. Пер. с фр. М.: Когито-Центр, 2008.
- К. К. Платонов* – выдающийся отечественный психолог XX века: материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К. К. Платонова (22 июня 2006 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Кляйн М.* Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников. Перевод с англ. А. Ф. Ускова. СПб.: Б. С. К., 1997.
- Кляйн М., Айзекс С, Райвери Д., Хайманн П.* Развитие в психоанализе. М.: Академический Проект, 2001.
- Кляйн М.* Скорбь и ее отношение к маниакально-депрессивным состояниям // Психоаналитические труды в 6 т. Т. II: «Любовь, вина и репарация» и другие работы 1929–1942 годов. Ижевск: ERGO, 2007. С. 257–292.
- Ковалева Ю. В.* Регуляция поведения будущего отца как самостоятельный фактор пренатального развития // Современная личность: Психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 262–271.
- Ковалева Ю. В., Сергиенко Е. А.* Контроль поведения при различном течении беременности // Психологический журнал, 2007. Т. 28. № 1. С. 70–82.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Введение: Уникальность научного подхода Б. Г. Ананьева // Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 9–13.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Борис Федорович Ломов – Ученый, Руководитель, Человек (к 85-летию со дня рождения) // Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012а. С. 11–15.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* 40-летие создания Института психологии РАН и 85-летие со дня рождения его основателя Б. Ф. Ломова:

- итоги пройденного пути и перспективы развития // Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 15–19.
- Колесниченко Е. А.* Социально-психологические особенности формирования личности ребенка в неполной семье // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3 ч. Ч. 2 / Под ред. В. К. Шабельникова, А. Г. Лидерса. М.: Гос. НИИ семьи и воспитания РАО и др., 2005. С. 220–225.
- Кон И. С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
- Кон И. С.* Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1991.
- Коркина Н. А.* Отцовство в современной семье // Семейная психология и семейная терапия. 2003. № 4. С. 48–54.
- Коряков Я. И.* Эволюция родительских образов в психоанализе // Психологический вестник Уральского гос. ун-та. Вып. 3. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. С. 101–123.
- Кохут Х.* Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2002.
- Крайг Д., Бокум Д.* Психология развития. СПб.: Питер, 2004.
- Крэйн У.* Теории развития. Секреты формирования личности. 5-е международное издание. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
- Кузьмина Е. А.* Работа с сепарационными проблемами в рамках системного семейного подхода // Журнал практической психологии и психоанализа. 2006. № 2. URL: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2666> (дата обращения: 03.07.2012).
- Кузьмина Е. И.* Психология свободы: теория и практика. СПб.: Питер, 2007.
- Кулагина И. Ю., Колюцкий В. Н.* Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: ТЦ «Сфера», 2001.
- Кумыкова Е. В.* Психологические особенности внутренне независимой женщины периода зрелости // Психологические исследования: Вып. 2 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 142–156.
- Кумыкова Е. В.* Психологические особенности потребностной сферы и полоролевой идентификации внутренне независимой женщины периода молодости и зрелости // Вестник Костромского государственного ун-та им. Н. А. Некрасова. Серия «Педагогика.

- Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2008. Т. 14. № 2. С. 157–161.
- Кумыкова Е. В.* Психологические детерминанты жизненной позиции внутренне независимой женщины периода молодости и зрелости // Вестник Костромского государственного ун-та им. Н. А. Некрасова. Серия «Психологические науки: акмеология образования». 2009а. Т. 15. № 1. С. 120–124.
- Кумыкова Е. В.* Психологические различия в потребностной сфере внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста. Психология – наука будущего. Материалы III международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего» 5–7 ноября 2009 г., Москва / Под. ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009б. С. 302–305.
- Кумыкова Е. В.* Принцип субъекта как основа психологического подхода к проблеме автономности личности // Психология человека в современном мире. Т. 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна (15–16 октября 2009 г., Москва) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Барабанщиков, М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009в. С. 210–212.
- Кумыкова Е. В.* Психологические особенности внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010а.
- Кумыкова Е. В.* Психологические особенности внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2010б.
- Кумыкова Е. В.* Полоролевая идентичность внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста. Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. Краснодар: КубГУ. 2011а. № 4. С. 13–25.
- Кумыкова Е. В.* Роль изучения категории приватность в становлении психологической компетентности специалиста в области туризма и сервиса. Научный вестник МГИИТ. № 1 (9). М.: МГИИТ, 2011б. С. 96–99.
- Кумыкова Е. В.* Особенности совладающего поведения будущих специалистов сферы индустрии туризма. Научный вестник МГИИТ. М.: МГИИТ, № 1. 2013. С. 42–49.

- Купрейченко А. Б.* Нравственно-психологическая детерминация экономического самоопределения личности и группы: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2010.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Самоопределение, адаптация и социализация: соотношение и место в системе социально-психологических понятий // Психология адаптации и социальная среда: Современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 62–95.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Структура и личностные детерминанты экономического самоопределения субъекта // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 5–15.
- Кьеркегор С.* Наслаждение и долг. Киев: Airland, 1994.
- Кьеркегор С.* Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
- Лабунская В. А.* Бытие субъекта: самопрезентация и отношение к внешнему Я // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 235–257.
- Лангмейер Й., Матейчек З.* Психологическая депривация в детском возрасте. Прага: Авиценум, 1984.
- Левин К.* Динамическая психология. М.: Смысл, 2001.
- Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000.
- Лейбин В.* Словарь-справочник по психоанализу. СПб.: Питер, 2001.
- Лекторский В. А., Швырев В. С.* Методологический анализ науки (Типы и уровни) // Философия, методология, наука / Под ред. В. А. Лекторского. М.: Наука, 1972. С. 7–44.
- Леонова Е. В.* Адаптация в образовательной среде и развитие личности учащихся // Наука и школа. 2011. № 1. С. 106–108.
- Леонова Е. В., Плотникова А. В.* Развитие коммуникативных умений младших школьников в совместной творческой деятельности // Начальная школа. 2011. № 7. С. 91–96.
- Леонтьев Д. А.* Тематический апперцептивный тест. М.: Смысл, 1998.
- Леонтьев Д. А.* Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 1. С. 15–25.
- Лиар Д.* Детский юнгианский психоанализ. М.: Когито-Центр, 2008.
- Лисина М. И.* Влияние отношений с близкими взрослыми на развитие ребенка раннего возраста // Вопросы психологии. 1961. № 3. С. 117–124.
- Лисина М. И.* Общение, личность и психика ребенка / Под ред. А. Г. Ружской. М.: Изд-во МПСИ, 2001.

- Лисина М. И.* Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986.
- Литаврину А. П.* Представление о личностной безопасности у мужчин и женщин с разным типом гендерной идентичности: Дипломная работа. М.: ГАУГН, 2013.
- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. В. Брушлинского, 15–16 октября 2008 г.* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Личность профессионала в современном мире* / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Логвиненко А. С., Москвин А. Д.* Различия в представлениях о безопасности у мужчин и женщин разного возраста // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 377–389.
- Ломов Б. Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Ломов Б. Ф., Журавлев А. Л.* Психология и управление. М.: Знание, 1978.
- Макропсихология современного российского общества* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Макушина О. Л.* Психологическая зависимость подростков от родителей: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.
- Малер М. С., Пайн Ф., Бергман А.* Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2011.
- Мальш Н. Д.* Клинико-психологические характеристики и специфика семейного воспитания девочек подростков с нарушениями в репродуктивной системе: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004.
- Манухина Н. М.* Созависимость глазами системного терапевта. М.: Независимая фирма «Класс», 2009.
- Марцинковская Т. Д.* Психология развития. М.: ИЦ «Академия», 2005.
- Маритен Ж.* Краткий очерк о существовании и существующем // Проблема человека в западной философии / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; Общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 229–260.
- Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 2001.

- Мейер Л. Ф. Госпитализм детей грудного возраста. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. С. 14–21.
- Мелешко-Брушлинская Т. К., Журавлев А. Л. А. В. Брушлинский – ученый и организатор науки // А. В. Брушлинский. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 5–21.
- Метцгер В. Адлер как автор. Об истории важнейших публикаций // Энциклопедия глубинной психологии. Т. IV. Индивидуальная психология. Аналитическая психология. М.: Когито-Центр, МГМ, 2004. С. 25–41.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Мещерякова С. Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 18–27.
- Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1989.
- Мироненко И. А., Журавлев А. Л. Система научных представлений Б. Д. Парыгина в области социальной психологии // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 28–38.
- Мудрагей Н. С. Философия: трудности становления и путь // Наука глазами гуманитария / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 581–603.
- Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов. 4-е изд. М.: Академия, 1999.
- Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М.: Астрель-Пресс, 2008.
- Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008.
- Нартова-Бочавер С. К., Бочавер К. А., Бочавер С. Ю. Жизненное пространство семьи: объединение и разделение. М.: Генезис, 2011.
- Николаева Л. А. Взаимосвязь типов психологической привязанности супругов к матери и их конфликтного поведения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2008.
- Обухова Л. Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. Издание 3-е, стереотипное. М.: Тривола, 1998.
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1997.
- Ожигова Л. Н. Проблема субъектности: гендерная идентичность и профессиональные стратегии женщины // Субъект, личность

- и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 258–278.
- Оксфордский толковый словарь по психологии / Под ред. А. Ребера, 2002. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary> (дата обращения: 05.07.2012).
- Основы общей и прикладной акмеологии / Под ред. А. А. Деркача. М.: РАГС и ВАД, 1995.
- Основы педагогики и психологии высшей школы / Под ред. А. В. Петровского. М.: Просвещение, 1986. С. 71–72.
- Падун М. А., Котельникова А. В. Психическая травма и картина мира: теория, эмпирия, практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. М.: Смысл, 2005.
- Петровский А. В. Возрастная и педагогическая психология. М.: Педагогика, 1975.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология: Учебник для высших педагогических учебных заведений. М.: Академия, 1998.
- Петровский В. А., Полевая М. В. Отчуждение как феномен детско-родительских отношений // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 19–26.
- Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969.
- Плеснер Х. Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 96–151.
- Практическая психодиагностика. Методики и тесты / Под ред. Д. Райгородского. Самара: Бахрах-М, 2011.
- Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Дети без семьи. М.: Педагогика, 1993.
- Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства, 3-е изд. СПб.: Питер, 2007.
- Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

- Психоаналитические термины и понятия: Словарь / Под ред. Б. Э. Мура, Б. Д. Фаина. Пер. с англ. А. М. Боковой, И. Б. Гриншпуна, А. Фильца. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
- Психологические исследования интеллекта и творчества: Материалы научной конференции, посвященной памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина, ИП РАН, 7–8 октября 2010 г. / Отв ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, Д. В. Ушаков, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологический словарь / Под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др. М.: Педагогика, 1983.
- Психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М.: Астрель, 2004.
- Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Пер Сэ, 2003.
- Психология интеллекта и творчества: традиции и инновации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, Д. В. Ушаков, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Психология сегодня: Теория, образование и практика / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, А. В. Карпова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

- Психология. Словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти члена-корреспондента РАН А. В. Брушлинского, 8 октября 2002 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В. Н. Дружинина, 19–20 сентября 2005 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Психология человека в современном мире. Том 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Барабанщиков, М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология человека в современном мире. Том 2. Проблема сознания в трудах С. Л. Рубинштейна, Д. Н. Узнадзе, Л. С. Выготского. Проблема деятельности в отечественной психологии. Исследование мышления и познавательных процессов. Творчество, способности, одаренность: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, И. А. Джидарьян, В. А. Барабанщиков, В. В. Селиванов, Д. В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология человека в современном мире. Том 3. Психология развития и акмеология. Экзистенциальные проблемы в трудах С. Л. Рубинштейна и в современной психологии. Рубинштейновские традиции исследования и экспериментатики: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, В. В. Знаков, И. О. Александров. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология человека в современном мире. Том 4. Субъектный подход в психологии: история и современное состояние. Личность профессионала в обществе современных технологий. Нейрофизиологические основы психики: Материалы Всероссийской юби-

- лейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Л. Г. Дикая, Ю. И. Александров. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология человека в современном мире. Том 5. Личность и группа в условиях социальных изменений: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология человека в современном мире. Том 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. А. Ребеко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология человека и общества: научно-практические исследования / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Пупырева Е. В.* Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 2007.
- Пухова Т. И.* Повторение пройденного матерью // Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. №4. URL: <http://psyjournal.ru> (дата обращения: 21.05. 2013).
- Радина Н. К.* Изучение самопринятия у детей, воспитывающихся в закрытых дошкольных учреждениях и в семье // Вопросы психологии. 2000. №3. С. 23–34.
- Радионова М. С.* Динамика переживания женщиной кризиса отказа от ребенка: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 40-летию Института психологии РАН и 85-летию его основателя Б. Ф. Ломова: Часть 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 40-летию Института психологии РАН и 85-летию его основателя Б. Ф. Ломова: Часть 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

- Райская М. М. Особенности психофизического инфантилизма у детей и подростков с синдромом Шерешевского–Тернера // Детская патопсихология. Хрестоматия / Сост. Н. Л. Белопольская. М.: Когито-Центр, 2000. С. 320–329.
- Ранибург Й., Поппер П. Секреты личности. М.: Педагогика, 1983.
- Раттер М. Помощь трудным детям. М.: Апрель-Пресс–Эксмо-Пресс, 1999.
- Реан А. А. Агрессия и агрессивность личности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 5. С. 3–16.
- Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер, 2000.
- Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности. М.: Мир, 1994.
- Роджерс К. Становление личности. Взгляд на психотерапию. М.: Эксмо, 2001.
- Розов М. А., Кузнецова Н. И. Сознание и проблема человека // Теория познания. Т. IV. Познание социальной реальности / Под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1995. С. 10–20.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
- Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Издво Академии наук СССР, 1959.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской, А. Н. Славской. М.: Наука, 1997.
- Рубцов В. В., Журавлев А. Л., Марголис А. А., Ушаков Д. В. Образование одаренных – государственная проблема // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 5–14.
- Рубцов В. В., Журавлев А. Л., Марголис А. А., Ушаков Д. В. Развитие системы образования одаренных детей: приоритетные направления // Нижегородское образование. 2010. № 4. С. 7–14.
- Рубченко А. К. Самоотношение и отношение юношей и девушек к родителям при семейной депривации.: Автореф. дис. ... канд. психол. наук, М., 2007.
- Рубченко А. К. Основные подходы к исследованию депривации и сепарации // Психическое здоровье. М.: Гениус Медиа, 2011а. № 9. С. 89–98.
- Рубченко А. К. Семейная депривация и интериоризация юношами и девушками ценностных ориентаций своих родителей // Вопросы гуманитарных наук. 2011б. № 6. С. 228–231.
- Рубченко А. К. Отношение юношей и девушек к себе и к родителям при эпизодической и хронической семейной депривации // Психологический журнал. 2012а. Т. 33. № 4. С. 38–46.

- Рубченко А. К. Семейная депривация как детерминанта формирования субъектности человека // Вестник психотерапии. 2012б. № 41 (46). С. 125–138.
- Рубченко А. К., Гончар В. И. Роль эпизодической семейной депривации в формировании самоотношения и отношения к родителям в поздней юности // Психологическая наука и образование. 2013. № 2. С. 43–50.
- Рубченко А. К., Седин В. И. Динамика отношения к себе и отношение к родителям при семейной депривации // Психическое здоровье. М.: Гениус Медиа, 2011. № 11. С. 78–81.
- Рубченко А. К., Сергеева И. И. Особенности психологической защиты студентов-первокурсников ИАТЭ при сепарации от родителей // Труды психологической службы в атомной энергетике и промышленности / Под ред. А. В. Абрамовой. Т. 4. Обнинск: ОНИЦ «Прогноз», 2010. С. 58–60.
- Рубченко А. К., Харламенкова Н. Е. Значимость влияния отца на отношение ребенка к себе в процессе взросления // Научный поиск: Сборник научных работ студентов, аспирантов и преподавателей / Под ред. проф. А. В. Карпова. Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 234–241.
- Рукавишников А. А., Соколова М. В. Факторный личностный опросник Р. Кеттелла: Методическое руководство. СПб.: ИМАТОН, 2003.
- Румянцева Т. Г. Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 81–87.
- Русалов В. М., Гусева О. В. Сокращенный вариант личностного опросника Кеттелла (8PF) // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 1. С. 34–48.
- Русалов В. М., Манолова О. Н. Взаимосвязь характера и темперамента в структуре индивидуальности // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3. С. 65–73.
- Рябикина З. И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 45–57.
- Рябикина З. И., Ожигова Л. Н., Фоменко Г. Ю. Развитие идей субъектного подхода в исследованиях психологов Кубанского гос. ун-та // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 60–69.
- Савастенок С. И. Особенности восприятия родителей старшекласниками разных этнических групп // Этнопсихология: вопросы теории и практики. 2010. № 3. С. 20–26.

- Самоукина Н. В.* Симбиотические аспекты отношений между матерью и ребенком // Вопросы психологии. 2000. № 3. С. 67–81.
- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000.
- Сент-Экзюпери А. де.* Маленький принц. М.: Эксмо, 2014.
- Сергиенко Е. А.* Антиципация в раннем онтогенезе человека. М.: Наука, 1992.
- Сергиенко Е. А.* Природа субъекта: онтогенетический аспект / Проблема субъекта в психологической науке // Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 184–202.
- Сергиенко Е. А.* Модель психического (theory of mind) как ментальный механизм становления субъектности // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 113–145.
- Сергиенко Е. А.* Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Сергиенко Е. А., Соколова О. А.* Динамика личностных характеристик женщины в период беременности как фактор психического здоровья матери и ребенка // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6. С. 69–81.
- Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А.* Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В.* Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Сергиенко Е. А.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспективы // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
- Сергиенко Е. А., Микова Т. С.* Психологическая адаптация женщин с травматическим опытом искусственного прерывания беременности // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 4. С. 70–83.
- Скобло Г. В., Дубовик О. Ю.* Система «мать–дитя» в раннем возрасте как объект психопрофилактики // Социальная и клиническая психиатрия. 1992. № 2. С. 75–78.
- Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М.: Школьная пресса, 1995.
- Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Основные ступени развития субъектности человека // Основы психологической антропологии. Пси-

- хология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Учебное пособие для вузов / Под ред. В. И. Слободчикова, Е. И. Исаева. М.: Школьная Пресса, 2000. С. 212–385.
- Словарь психолога-практика / Сост. С. Ю. Головин. 2-е изд., перераб. и доп. Мн.: Харвест, 2001.
- Смирнова Е. О. Теория привязанности: концепция и эксперимент // Вопросы психологии. 1995. № 3. С. 139–151.
- Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1988.
- Современная психология: состояние и перспективы: Тезисы докладов на юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 года. Том 1 / Отв. ред. А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
- Современная психология: состояние и перспективы: Тезисы докладов на юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 года. Том 2 / Отв. ред. А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
- Современный философский словарь / Под ред. В. Е. Кемерова. М.: Панпринт, 1998.
- Соина И. А., Журавлев А. Л. Субъективная значимость других людей в социально-психологическом пространстве самоопределяющейся личности // К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 188–210.
- Соина И. А., Журавлев А. Л. Роль ценностных ориентаций личности в формировании ее социально-психологического пространства // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 218–226.
- Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.
- Спиваковская А. С. Психотерапия: игра, детство, семья. М.: Апрель-Пресс–Эксмо-Пресс, 1999.
- Стайн М. Принцип индивидуации: О развитии человеческого сознания М.: Когито-Центр, 2009.
- Старшенбаум Г. В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М.: Когито-Центр, 2006.

- Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Столороу Р., Брандшафт Б., Атвуд Дж. Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход. Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2011.
- Столярский Я. О. Реализация родителями деструктивных влечений через дезактивизацию психического развития ребенка // Метапсихология: вчера, сегодня, завтра: Материалы 5-й Международной конференции им. С. Шпильрейн 13–15 мая 2005 г. Ростов-на-Дону. Донская государственная публичная библиотека. URL: <http://psychoanalyse.narod.ru/spielrein/konferen/konfere5.htm> (дата обращения: 01.07.2012).
- Сысенко В. А. Устойчивость брака: проблемы, факторы и условия. М.: Финансы и статистика, 1981.
- Сытько М. В. Эмоциональная привязанность в структуре значимых отношений личности // Молодой ученый. 2011. № 11. Т. 2. С. 119–122.
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Тайсон Ф., Тайсон Р. Психоаналитические теории развития. Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
- Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Тарабрина Н. В. Теоретико-эмпирическое обоснование выделения термина «посттравматический стресс» в самостоятельную категорию // Стресс, выгорание, совладание в современном мире / Под ред. А. Л. Журавлева и Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 44–65.
- Тарабрина Н. В. Психологические последствия воздействия стрессоров высокой интенсивности: посттравматический стресс // Психологический журнал. 2012а. Т. 33. № 6. С. 20–33.
- Тарабрина Н. В. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) // Клиническая психология: в 4 т. Учебник для студ. учреждений высшего проф. образования / Под ред. А. Б. Холмогоровой. Т. 2. М.: Академия, 2012б. С. 229–269.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В. Террористическая угроза: современное состояние и проблемы // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 367–398.

- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В. Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Тарабрина Н. В., Журавлев А. Л. Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (вместо предисловия) // Проблемы психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–12.
- Тарабрина Н. В., Майн Н. В. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы (по материалам зарубежной литературы) // Журнал «Консультативная психология и психотерапия». 2013. № 3. С. 96–120.
- Тарабрина Н. В., Майн Н. В. Индивидуальная и межпоколенческая психотравматизация усыновителей и качество приемной семьи (эмпирическое исследование) // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 34. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.08.2014).
- Тенденции развития современной психологической науки: Тезисы юбилейной научной конференции, 31 января–1 февраля 2007 г. Часть 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Тенденции развития современной психологической науки: Тезисы юбилейной научной конференции, 31 января–1 февраля 2007 г. Часть 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. Руководство для врачей. М.: Медицина, 2001.
- Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. М.: Наука, 1987.
- Трубников Н. Н. Философская проблема. Ее гуманистические основания и критерии // Путь в философию. Антология / Под ред. С. Я. Левит. М.: Пер Сэ; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 416–431.
- Тузова Т. М. Ж.-П. Сартр: бытие – это то, на что вы отваживаетесь // Путь в философию. Антология / Под ред. С. Я. Левит. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 174–182.
- Тэхэ В. Психика и ее лечение: психоаналитический подход / Под общ. ред. М. В. Ромашкевича. М.: Академический Проект, 2001.

- Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости. Пер. с англ. А. Г. Чеславской. М.: Независимая фирма «Класс», 2002.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 5–13.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Фундаментальная психология и практика: Проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Теория и практика: взгляды с разных сторон (ответ на комментарии) // Психологический журнал. 2012. Т. 33 № 2. С. 127–132.
- Федорова Н. В. Патернальная депривация в условиях семейного воспитания // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3 ч. Ч. 3 / Под ред. В. К. Шабельникова, А. Г. Лидерса. М.: Гос. НИИ семьи и воспитания РАО и др., 2005. С. 442–444.
- Федорова Е. В., Рубченко А. К. Особенности оценки депривационного опыта детьми младшего школьного возраста и их родителями // Наука и образование в XXI веке: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 декабря 2013 г. В 8 ч. Часть VII. Мин. обр. и науки. М.: АР-Консалт, 2014. С. 138–142.
- Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Фигдор Г. Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой. Психоаналитическое исследование. М.: Наука, 1995.
- Филлипова Г. Г. Материнство: сравнительно-психологический подход // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 5. С. 81–88.
- Филлипова Г. Г. Психология материнства. М.: Изд-во института психотерапии, 2002.
- Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф. В. Константинов. Т. 4. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1967.
- Фихте И. Г. Основа общего наукоучения // Фихте И. Г. Сочинения в 2 т. Т. I. СПб.: Мифрил, 1993.
- Фоменко Г. Ю. Принцип целостности бытия личности // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 160–177.
- фон Франц Мария-Луиза. Кошка. Сказка об освобождении феминности. М.: Независимая фирма «Класс», 2007.

- Фрейд-Верлин К. Т. Аналитическая психология (психология комплексов) Юнга // Энциклопедия глубинной психологии. Т. IV. Индивидуальная психология. Аналитическая психология. М.: Когито-Центр–МГМ, 2004. С. 184–265.
- Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. под ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.
- Фрейд А. Детский психоанализ. СПб.: Питер, 2003.
- Фрейд А. Разлука с матерью // Лишенные родительского попечительства / Под ред. В. С. Мухиной. М.: Просвещение, 1991. С. 142–144.
- Фрейд А., Берлингем Д. Война и дети // Развитие личности. 2004. № 3. С. 184–208.
- Фрейд З. Психология бессознательного / Сост. М. Г. Ярошевский. М.: Просвещение, 1989.
- Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Владос, 1998.
- Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. СПб.: Питер, 2001.
- Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Психология бессознательного // Зигмунд Фрейд. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003а. С. 180–288.
- Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Психология бессознательного // Зигмунд Фрейд. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003б. С. 113–180.
- Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность. Теории, упражнения, эксперименты / Роберт Фрейджер, Джеймс Фейдимен. СПб.: Прайм-Евроник, 2006.
- Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя. Мн.: ООО «Папурри», 1998.
- Харламенкова Н. Е. Тематический апперцептивный тест: диагностика и применение. М.: МОСУ, 2000.
- Харламенкова Н. Е. Генез самоутверждения личности в процессе взросления: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2004.
- Харламенкова Н. Е. Роль отца в дифференциации гендерной идентичности // Психологический журнал. 2007а. Т. 28. № 3. С. 56–64.
- Харламенкова Н. Е. Самоутверждение подростка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007б.
- Харламенкова Н. Е. Проблема опосредствования в истории и теории психологии // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 41–51.

- Харламенкова Н. Е.* Активность субъекта: ее границы в ретроспективе и перспективе жизни // Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 40–59.
- Харламенкова Н. Е.* Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты // Современная личность: Психологические исследования / Под ред. М. И. Володиной, Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 141–160.
- Харламенкова Н. Е., Журавлев А. Л.* Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
- Харламенкова Н. Е., Журавлев А. Л.* Мудрость личности (к 90-летию со дня рождения Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 99–101.
- Харламенкова Н. Е., Кумыкова Е. В.* Внутренняя независимость личности как системный признак становления отношений в парах «мать–дочь» // Психологические исследования проблем современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 461–484.
- Харламенкова Н. Е., Стоделова Т. С.* Проблема адаптации личности при нормальном и аномальном половом развитии // Современная личность: социальные представления, мышление, развитие в норме и патологии / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского. М. И. Володиной, Е. А. Чудиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 91–98.
- Харламенкова Н. Е., Стоделова Т. С.* Изменение отношений в диаде мать–ребенок и динамика образа матери в подростковом возрасте // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология, Социальная работа. Ювенология. Социокинетика» 2011. Т. 17. № 1. С. 145–154.
- Холлис Дж.* Перевал в середине пути: Как преодолеть кризис среднего возраста и найти новый смысл жизни. М.: Когито-Центр, 2008.
- Холмогорова А. Б., Калина О. Г.* Роль отца в психическом развитии ребенка. М.: Форум, 2012.
- Хорни К.* Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993.

- Хотчкис С.* Адская паутина. Как выжить в мире нарциссизма. Пер. с англ. В. Мершавки. М.: Независимая фирма «Класс», 2010.
- Хут В.* Судьбоанализ Леопольда Сонди // Энциклопедия глубинной психологии. Т. IV. Индивидуальная психология. Аналитическая психология. М.: Когито-Центр, МГМ, 2004. С. 464–503.
- Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. 3-е изд. СПб.: Питер, 2007.
- Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 1 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 3 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Шарп Д.* Кризис среднего возраста: Записки о выживании. Пер. с англ. В. Мершавки. М.: Независимая фирма «Класс», 2006.
- Шарф Д. С., Шарф Д. Э.* Основы теории объектных отношений. Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2009.
- Шварц-Салант Н.* Черная ночная рубашка. Комплекс слияния и непрожитая жизнь. М.: Институт консультирования и системных решений, 2008.
- Шпигузова А. И.* Суверенность андрогинной личности и ее связь с личной безопасностью: Дипломная работа, МОСА, 2011.
- Шихи Г.* Возрастные кризисы. Ступени личностного роста. СПб.: Речь, 2000.
- Шнейдер А. Б.* Основы семейной психологии. 2-е изд., стереотип. М.–Воронеж: МПСИ, 2005.
- Шорина Н. М., Тринева О. А.* Женский образ у девушек с нарушением менструального цикла // Естествознание и гуманизм / Под ред. Н.Н. Ильинских. Т. 3. Вып. 2. М.: Изд-во Курганского гос. ун-та. 2006. С. 11.
- Шниц Р. А., Коблинер У. Г.* Первый год жизни. Психоаналитическое исследование нормального и отклоняющегося развития объектных отношений / Пер. с англ. Л.Б. Сумм. М.: Академический проект, 2006.

- Штейнберг У.* Круг внимания: клинические аспекты юнгианской терапии. Пер. с англ. Е. Самсоновой, В. Мершавки. М.: Институт общегуманитарных исследований, 1998.
- Шторк Й.* Психическое развитие маленького ребенка с психоаналитической точки зрения // Энциклопедия глубинной психологии. Т. II. Новые направления в психоанализе. Психоанализ общества. Психоаналитическое движение. Психоанализ в Восточной Европе. М.: Когито-Центр–МГМ, 2001. С. 134–198.
- Эльконин Д. Б.* Психолого-педагогическая диагностика // Психодиагностика и школа. Тезисы симпозиума / НИИ общ. и пед. психологии АПН СССР, Общество психологов СССР / Под ред. К. М. Гуревича. Таллинн, 1980.
- Эльячефф К.* Затаенная боль. Дневник психоаналитика. М.: Кстати, 1999.
- Эльячефф К., Эйниш Н.* Дочки–матери. Третий лишний? М.: Наталья Попова–Кстати–Изд-во «Институт общегуманитарных исследований», 2006.
- Энциклопедический словарь медицинских терминов / Гл. ред.: Б. В. Петровский: В 3 т. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 1.
- Эриксон Э.* Детство и общество. СПб.: Речь, 2000.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. / Общ. ред. А. В. Толстых. М.: ИГ «Прогресс», 1996.
- Юнг К. Г.* Психология бессознательного. М.: Канон, 1994.
- Юнг К. Г.* Душа и миф: шесть архетипов. М.–К.: ЗАО «Совершенство»–Port-Royal, 1997.
- Юнг К. Г.* Тэвистокские лекции. М.: Рефл-бук, 1998.
- Юнг К. Г.* Стадии жизни // Психология зрелости. Хрестоматия. Самара: ИД «Бахрах-М», 2003.
- Юнг К. Г.* Сознание и бессознательное. Пер. с нем. В. Бакусева. М.: Академический проект, 2007.
- Юнг К. Г.* Аналитическая психология // Психология личности. Т. 1. Хрестоматия / Под ред. Д. Я. Райгородского. Самара: ИД «Бахрах-М», 2008.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 4–14.

- Юревич А. В., Журавлев А. Л. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15.
- Янг-Айзендрат П. Пол и контрсексуальность: вклад Юнга и его последователей: Кембриджское руководство по аналитической психологии. Пер. с англ. М.: Изд-во КДУ, 2007.
- Ясперс К. Введение в философию // Путь в философию. Антология / Под ред. С. Я. Левит. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 224–235.
- Abraham K. Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido. Leipzig, Wien, Zurich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1924.
- Abrahamson L. Y., Seligman M. E., Teasdale J. D. Learned helplessness in humans: critique and reformulation // *Abnormal Psychology*. 1978. V. 87 (1). P. 49–74.
- Adamsons K., Johnson S. An updated and expanded meta-analysis of non-resident fathering and child well-being // *Journal of Family Psychology*. 2013. V. 27 (4). Aug. P. 589–599.
- Ainsworth M. Attachment and other affectional bonds across that life cycle. N.Y.: Routledge, 1991.
- Ainsworth M. D., Blehar M. C., Waters E., Wall S. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1978.
- Ainsworth M., Bowlby J. An ethological approach to personality development // *American Psychologist*. 1991. № 46. P. 333–341.
- Ainsworth M., Witting B. Attachment and the exploratory behavior of one-year-olds in a strange situation // *Determinants of infant behavior* / B. M. Foss (Ed.). N. Y.: Basic Books, 1969. P. 113–136.
- Allen S. M., Daly K. The effects of father involvement: A summary of the research evidence // The Father Involvement Institute – O News. 2002. V. 1. P. 1–11.
- Amato P. A. Children in Australian families: The Growth of Competence. Sydney: Prentice-Hall, 1987.
- Amato P. R., Gilbreth J. G.. Nonresident fathers and children's well-being: A meta-analysis // *Journal of Marriage and the Family*. 1999. V. 61. № 3. P. 557–573.
- Anhalt K., Telzrow C., Brown C. Maternal stress and emotional status during the perinatal period and childhood adjustment // *School Psychology Quarterly*. Mar 2007. V. 22 (1). P. 74–90.
- Arnstein R. The student, the family, the university, and transition to adulthood // *Adolescent Psychiatry*. 1980. № 8. P. 160–172.

- Bagner D. M.* Father's role in parent training for children with developmental delay // *Journal of Family Psychology*. 2013. V. 27 (4). Aug. P. 650–657.
- Baltes P. B.* On the incomplete architecture of human ontogeny: Selection, optimization, and compensation as foundation of developmental theory // *American Psychologist*. 1997. V. 52 (4). Apr. P. 366–380.
- Baltes P. B., Baltes M. M., Freund A. M., Lang F.* The measurement of selection, optimization, and compensation (SOC) by self report: technical report, 1999. Max-Planck-Institut für Bildungsforschung, Berlin, 1999.
- Bandura A.* Social learning theory. N. Y.: General Learning Press, 1977.
- Baril H., Julien D., Chartrand É., Dubé M.* Females' quality of relationships in adolescence and friendship support in adulthood // *Canadian Journal of Behavioural Science*. *Revue canadienne des sciences du comportement*. 2009. Jul. V. 41 (3). P. 161–168.
- Becker G. S.* A treatise on the family. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.
- Beelmann W., Schmidt-Denter U.* Mother–child interaction following marital separation: A longitudinal observation study // *European Psychologist*. 2009. V. 14 (4). P. 307–319.
- Belsky J., Steinberg L., Houts R. M., Halpern-Felsher B. L.* The development of reproductive strategy in females: early maternal harshness → earlier menarche → increased sexual risk taking // *Developmental Psychology*. Jan 2010. V. 46 (1). P. 120–128.
- Berant E., Mikulincer M., Shaver P. R.* Mothers' attachment style, their mental health, and their children's emotional vulnerabilities: a seven-year study of children with congenital heart disease // *Journal of Personality*. 2008. №76. P. 31–66.
- Biller H. B.* Fathers and families: Paternal factors in child development. Westport, CT: Auburn House, 1993.
- Birren J. E.* The Psychology of Ageing. N. Y.: Englewood Cliffs, 1964.
- Blazina Ch., Watkins Jr., Edward C.* Separation/individuation, parental attachment, and male gender role conflict: Attitudes toward the feminine and the fragile masculine self // *Psychology of Men and Masculinity*. 2000. Jul. V. 1 (2). P. 126–132.
- Blum L. D.* Psychodynamics of postpartum depression // *Psychoanalytic Psychology*. 2007. Jan. V. 24 (1). P. 45–62.
- Bodman F.* Child psychiatry in war-time Britain // *Journal of Educational Psychology*. 1944. May. V. 35 (5). P. 293–301.
- Bowlby J.* Maternal care and mental health. The master work series (2nd ed.). Northvale, N. J.–London: Jason Aronson, 1995.

- Brennan K.A., Clark C.L., Shaver P.R. Self-report measurement of adult romantic attachment: an integrative overview // Attachment theory and close relationships / J.A. Simpson, W. S. Rholes (Eds). N. Y.: Guilford, 1998. P. 46–76.
- Bretherton I., Munholland K.A. Internal working models in attachment relationship: a construct revisited // Handbook of attachment / J. Cassidy, P. Shaver (Eds). N. Y.: Guilford, 1999. P. 89–111.
- Briggs E. C., Fairbank J.A., Greeson J.K., Layne Ch. M., Steinberg A. M., Amaxya-Jackson L. M., Ostrowski S.A., Gerrity E. T., Elmore D.L., Belcher H. M., Pynoos R. S. Links between child and adolescent trauma exposure and service use histories in a national clinic-referred sample // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2013. Mar. V. 5 (2). P. 101–109.
- Bromley D.B. The psychology of human ageing. L.: Penguin Books, 1966.
- Butner J., Berg C., Osborn P., Butler J., Godri C., Fortenberry K., Barach I., Le H., Wiebe D. Parent–adolescent discrepancies in adolescents' competence and the balance of adolescent autonomy and adolescent and parent well-being in the context of Type 1 diabetes // Developmental Psychology. 2009. May. V. 45 (3). P. 835–849.
- Cassano M. C., Zeman J.L. Parental socialization of sadness regulation in middle childhood: The role of expectations and gender // Developmental Psychology. 2010. Sep. V. 46 (5). P. 1214–1226.
- Charles M., Frank S., Jacobson S., Grossman G. Repetition of the remembered past: patterns of separation – individuation in two generations of mothers and daughters // Psychoanalytic Psychology. 2001. V. 18 (4). P. 705–728.
- Cherlin A. J. Marriage, divorce, remarriage, revised. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
- Chickering A. W. Education and identity. San Francisco: Jossey Bass, 1969.
- Choi K.-H. Psychological separation-individuation and adjustment to college among Korean American students: The roles of collectivism and individualism // Journal of Counseling Psychology. 2002. Oct. V. 49 (4). P. 468–75.
- Coleman M., Ganong L. Resilience and families // Family Relations. 2002. № 51. P. 101–102.
- Cooklin A. R., Giallo R., D'Esposito F., Crawford Sh., Nicholson J.M. Postpartum maternal separation anxiety, overprotective parenting, and children's social-emotional well-being: Longitudinal evidence from an Australian cohort // Journal of Family Psychology. 2013. Aug. V. 27 (4). P. 618–628.

- Cornoldi C., Fattori L.* Age spacing in firstborns and symbiotic dependence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1976. Apr. V. 33 (4). P. 431–434.
- Cox M. J., Owen M. T., Henderson V. K., Margand N.* Prediction of infant-father and infant-mother attachment // *Developmental Psychology*. 1992. V. 28. P. 474–483.
- Cox S. J., Mezulis A. H., Hyde J. S.* The influence of child gender role and maternal feedback to child stress on the emergence of the gender difference in depressive rumination in adolescence // *Developmental Psychology*. 2010. Jul. V. 46 (4). P. 842–852.
- Cozzarelli C., Karafa J. A., Collins N. L., Tagler M. J.* Stability and change in adult attachment styles: associations with personal vulnerabilities, life events, and global construals of self and others // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2003. № 22. P. 315–346.
- Crawford T. N., Livesley W. J., Jang K. L., Shaver P. R., Cohen P., Ganiban J.* Insecure attachment and personality disorder: a twin study of adults // *European Journal of Personality*. 2007. V. 21. P. 191–208.
- Crean H. F.* Conflict in the Latino parent-youth dyad: The role of emotional support from the opposite parent // *Journal of Family Psychology*. 2008. Jun. V. 22 (3). P. 484–493.
- Crittenden P. M., Claussen A. H.* The organization of attachment relationships. Maturation, culture, and context. N. Y.: Cambridge University Press, 2003.
- Crowell J., Feldman S.* Mothers' working models of attachment relationships and mother and child behavior during separation and reunion // *Developmental Psychology*. 1991. Jul. V. 27 (4). P. 597–605.
- Crowell J. A., Fraley R. Ch., Shaver P. R.* Measurement of individual differences in adolescent and adult attachment // *Handbook of attachment* / J. Cassidy, P. Shaver (Eds). N. Y.: Guilford, 1999. P. 434–465.
- De Wuffel F. J.* Attachment beyond childhood (Individual and development differences in parent-adolescent attachment relationships). Nijmegen-Stellingen, 1986.
- Deci E. L., Ryan R. M.* A motivational approach to self: integration in personality // *Nebraska symposium on motivation* 1990. Lincoln, NB—London: University of Nebraska Press, 1991. V. 38. P. 237–288.
- Deci E. L., Ryan R. M.* Overview of self-determination theory: an organismic dialectical perspective // *Handbook of self-determination research* / E. L. Deci, R. M. Ryan (Eds). The University of Rochester Press, 2002. P. 3–33.

- DeFranc W., Mahalik J. R.* Masculine gender role conflict and stress in relation to parental attachment and separation // *Psychology of Men and Masculinity*. 2002. V. 3 (1). P. 51–60.
- Diamond L. M., Hicks A. M., Otter-Henderson K. D.* Every time you go away: Changes in affect, behavior, and physiology associated with travel-related separations from romantic partners // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Aug. V. 95 (2). P. 385–403.
- Dick D. M., Rose R. J., Viken R. J., Kaprio J.* Pubertal timing and substance use: Associations between and within families across late adolescence // *Developmental Psychology*. 2000. Mar. V. 36 (2). P. 180–189.
- Dreyfus E. A.* *Adolescence: Theory and experience*. Columbus (Ohio): Merrill: A Bell and Howell cop., 1976.
- Dujovne B. E.* Contemporary revisions of classical psychoanalytic theory of early female development // *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*. 1991. Sum. V. 28 (2). P. 317–326.
- Dwairy M.* Individuation among Bedouin versus urban Arab adolescents: Ethnic and Gender Differences // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2004. Nov. V. 10 (4). P. 340–350.
- Easterbrooks M. A., Goldberg W. A.* Security of toddler-parent attachment: Relation to children's socio personality functioning during kindergarten // *Attachment in the Preschool Years: Theory, Research and Intervention* / M. T. Greenberg, D. Cicchetti, E. M. Cummings (Eds). Chicago, IL: Univ. of Chicago Press, 1990. P. 221–244.
- Fagan J., Palkovitz R., Roy K., Farrie D.* Pathways to paternal engagement: longitudinal effects of risk and resilience on nonresident fathers // *Developmental Psychology*. 2009. V. 45 (5). P. 1389–1405.
- Fagot B. I.* Social problem solving: effect of context and parent sex // *International Journal of Behavioral Development*. 1998. V. 22 (2). P. 389–401.
- Fagot B. I., Hagan R.* Observations of parent reactions to sex-stereotyped behaviors: age and sex effects // *Child Development*. 1991. V. 62. P. 617–628.
- Fahlberg V.* *A Child's journey through placement*. Indianapolis, IN: Perspectives Press, 1994.
- Fairbairn W. R. D.* A revised psychopathology of the psychoses and psychoneuroses // *International Journal of Psychoanalysis*. 1941. № 22. P. 250–279.
- Fairbairn W. R. D.* On the nature and aims of psycho-analytical treatment // *International Journal of Psychoanalysis*. 1958. № 39. P. 374–385.

- Feldman R., Eidelman A.* Parent–infant synchrony and the social-emotional development of triplets // *Developmental Psychology*. 2004. Nov. V. 40 (6). P. 1133–1147.
- Feldman R., Masalha S.* Parent–child and triadic antecedents of children’s social competence: Cultural specificity, shared process // *Developmental Psychology*. 2010. Mar. V. 46 (2). P. 455–467.
- Feldman R., Weller A., Sirota L., Eidelman A.* Testing a family intervention hypothesis: The contribution of mother–infant skin-to-skin contact (kangaroo care) to family interaction, proximity, and touch // *Journal of Family Psychology*. 2003. Mar. V. 17 (1). P. 94–107.
- Felner R. D., Stolberg A., Cowen E. L.* Crisis events and school mental health referral patterns of young children // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1975. Jun. V. 43 (3). P. 305–310.
- Field T.* Separation stress of young children transferring to new schools // *Developmental Psychology*. 1984. Sep. V. 20 (5). P. 786–792.
- Flouri E.* Women’s psychological distress in midadulthood: The role of childhood parenting experiences // *European Psychologist*. 2005. V. 10 (2). P. 116–123.
- Fraley R. C., Brumbaugh C. C., Marks M. J.* The evolution and function of adult attachment: A comparative and phylogenetic analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. № 89. P. 731–746.
- Fraley R. C., Vicary A. M., Brumbaugh C. C., Roisman G. I.* Patterns of stability in adult attachment: An empirical test of two models of continuity and change // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. № 101. P. 974–992.
- Francis L. A., Birch L. L.* Maternal influences on daughters’ restrained eating behavior // *Health Psychology*. 2005. Nov. V. 24 (6). P. 548–554.
- Friedlander M. L., Siegel Sh. M.* Separation-individuation difficulties and cognitive-behavioral indicators of eating disorders among college women // *Journal of Counseling Psychology*. 1990. Jan. V. 37 (1). P. 74–78.
- Friedman D., Holmbeck G., DeLucia Ch., Jandasek B., Zebracki K.* Trajectories of autonomy development across the adolescent transition in children with spina bifida // *Rehabilitation Psychology*. 2009. Feb. V. 54 (1). P. 16–27.
- Fulgini A.* Authority, autonomy, and parent–adolescent conflict and cohesion: A study of adolescents from Mexican, Chinese, Filipino and European backgrounds // *Developmental Psychology*. 1998. Jul. V. 34 (4). P. 782–792.
- Furman E.* Mothers have to be there to be left // *Psychoanalytic Study of the Child*. 1982. № 37. P. 15–28.

- Furstenberg F. S., Cherlin A. J.* Divided families: What happens to children when parents part. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.
- Gerson M. J.* A baby, maybe: crossing the parenthood threshold // Casebook for integration family therapy: An ecosystemic approach / S. McDaniel, D.-D. Lusterman, C. L. Philpot (Eds). Washington, DC: American Psychological Association, 2001. P. 103–110.
- Gjerde P. F.* The interpersonal structure of family interaction settings: parent–adolescent relations in the interpersonal structure of family // *Developmental Psychology*. 1986. May. V. 22 (3). P. 297–304.
- Goldfarb W.* Effects of early institutional care on adolescent personality // *Journal of Experimental Education*. 1943. № 12. P. 106–129.
- Goldstine H. S.* Fathers' absence and cognitive development of 12–17 year olds // *Psychological Reports*. 1982. № 51. P. 843–848.
- Grice H. P.* Logic and Conversation // *Syntax and Semantics*. V. 3: Speech acts / P. Cole, J. L. Morgan (Eds.). N. Y.: Academic Press, 1975. P. 41–58.
- Gross P. H., McCallum R. S.* Operationalization and predictive utility of mother–daughter synchrony // *School Psychology Quarterly*. 2000. V. 15 (3). P. 279–294.
- Grossmann K., Fremmer-Bombik E., Rudolph J., Grossman K. E.* Maternal attachment representations as related to child–mother attachment patterns and maternal sensitivity and acceptance of her infant // *Relations within families* / R. A. Hinde, J. Stevenson-Hinde (Eds). Oxford: Oxford Univ. Press, 1988. P. 241–260.
- Harden K. P., Mendle J.* Gene–environment interplay in the association between pubertal timing and delinquency in adolescent girls // *Journal of Abnormal Psychology*. 2012. Feb. V. 121 (1). P. 73–87.
- Harre R.* Social being. Oxford: Blackwell, 1979.
- Hazan C., Shaver P. R.* Romantic love conceptualized as an attachment process // *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 52 (3). P. 511–524.
- Hazan C., Zeifman, D.* Sex and the psychological tether // *Advances in personal relationships*. V. 5. Attachment processes in adulthood / K. Bartholomew, D. Perlman (Eds.). Cambridge: Presse Universitaire, 1994. P. 151–180.
- Heath D. H., Heath H. E.* Fulfilling lives: Paths to maturity and success. San Francisco: Jossey-Bass, 1991.
- Heider D., Bernert S., Matschinger H., Angermeyer M. C., Vilagut G., Haro J. M., Alonso J.* Parental bonding and suicidality in adulthood // *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*. 2007. V. 41 (1). P. 66–73.

- Hesse E.* The adult attachment interview: Historical and current perspectives // Handbook of attachment / J. Cassidy, P. Shaver (Eds). N. Y.: Guilford, 1999. P. 395–433.
- Hetherington E. M.* Effects of father absence on personality development in adolescent daughters // *Developmental Psychology*. 1972. V. 7 (3). Nov. P. 313–326.
- Hill J. P.* Research on adolescents and their families past and present // *New Directions for Child Development*. 1987. № 37. P. 13–32.
- Hoffman J. A.* Psychological separation of late adolescents from their parents // *Journal of Counseling Psychology*. 1984. Apr. V. 31 (2). P. 170–178.
- Hoffman J. A., Weiss B.* Family dynamics and presenting problems in college students // *Journal of Counseling Psychology*. 1987. Apr. V. 34 (2). P. 157–163.
- Holmbeck G. N., Wandrei M. L.* Individual and relational predictors of adjustment in first-year college students // *Journal of Counseling Psychology*. 1993. Jan. V. 40 (1). P. 73–78.
- Horowitz M. J.* Person schemas // *Person schemas and maladaptive interpersonal patterns* / M. J. Horowitz (Ed). Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991.
- Horst P.* Das Drama der Vaterentbehrung. Chaos der Gefühle-Kräfte der Heilung. Freiburg: Herder, 1999.
- Humphrey L. L.* Observed family interactions among subtypes of eating disorders using structural analysis of social behavior // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1989. Apr. V. 57 (2). P. 206–214.
- Jacobsen T., Edelstein W., Hofmann V.* A longitudinal study of the relation between representations of attachment in childhood and cognitive functioning in childhood and adolescence // *Developmental Psychology*. 1994. Jan. V. 30 (1). P. 112–124.
- Jacobson E.* The self and the object world: Vicissitudes of their infantile cathexes and their influence on ideational affective development // *The Psychoanalytic Study of the Child*. 1954. V. 9. N. Y.: International Universities Press. P. 75–127.
- Jacobson J., Wille D.* Influence of attachment and separation experience on separation distress at 18 months // *Developmental Psychology*. May 1984. V. 20 (3). P. 477–484.
- Jager J., Yuen C., Bornstein M., Putnick D., Hendricks Ch.* The relations of family members' unique and shared perspectives of family dysfunction to dyad adjustment // *Journal of Family Psychology*. 2014. V. 28 (3). Jun. P. 407–414.

- Janoff-Bulman R.* Rebuilding shattered assumptions after traumatic life events: coping processes and outcomes / Snyder C. R. (Ed.) *Coping: The psychology of what works*. N. Y.: Oxford University Press, 1998.
- Kanninen K., Salo J., Punamäki R. L.* Attachment patterns and working alliance in trauma therapy for victims of political violence // *Psychotherapy Research*. 2000. V. 10. P. 435–449.
- Karen M. O'Brien.* The Influence of psychological separation and parental attachment on the career development of adolescent women // *Journal of Vocational Behavior*. 1996. V. 48. Issue 3. June. P. 257–274.
- Karen R.* *Becoming attached: first relationships and how they shape our capacity to love*. N. Y.: Oxford University Press, 1998.
- Kayton R., Biller H. B.* Perception of parental sex-role behavior and psychopathology in adult males // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1971. Apr. V. 36 (2). P. 235–237.
- Kellerman J.* Sex role stereotypes and attitudes toward parental blame for the psychological problems of children // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1974. Feb. V. 42 (1). P. 153–154.
- Kelly J. B., Wallerstein J. S.* The Effects of Parental Divorce: Experience of The Child In Early Latency // *American Journal of Orthopsychiatry*. 1976. V. 46 (1). P. 20–32.
- Kenny M. E., Donaldson G. A.* Contributions of parental attachment and family structure to the social and psychological functioning of first-year college students // *Journal of Counseling Psychology*. 1991. Oct. V. 38 (4). P. 479–486.
- Kins E., Soenens B., Beyers W.* Separation anxiety in families with emerging adults // *Journal of Family Psychology*. 2013. Jun. V. 27 (3). P. 495–505.
- Kivilghan D. M.* Relation between counselors' use of intentions and clients' perception of working alliance // *Journal of Counseling Psychology*. 1990. № 37. P. 27–32.
- Kotelchuck M.* The infant's relationship to the father: experimental evidence // *The role of the father in child development* / M. E. Lamb (Ed.), 1st ed. N. Y.: Wiley, 1976. P. 329–344.
- Kronsberg S., Schmaling K. B., Fagot B. I.* Risk in a parent's eyes: Effects of gender and parenting experience // *Sex Roles*. 1985. № 13. P. 329–341.
- Laible D. J., Carlo G., Raffaelli M.* The differential relations of parent and peer attachment to adolescent adjustment // *Journal of Youth and Adolescence*. 2000. V. 29. P. 45–59.
- Lamb M. E., Sargi A.* *Fatherhood and social policy* / M. E. Lamb, A. Sargi (Eds). Erlbaum: Hillsdale, New Jersey. 1983. P. 50–100.

- Lamb M. E.* Fathers and child development: An introductory overview and guide // The role of fathers in child development. 3rd ed. / M. Lamb (Ed.). N. Y.: John Wiley and Sons, Inc., 1997. P. 1–19.
- Lansford J., Malone P., Castellino D., Dodge K., Pettit G., Bates J.* Trajectories of internalizing, externalizing, and grades for children who have and have not experienced their parents' divorce or separation // *Journal of Family Psychology*. 2006. Jun. V. 20 (2). P. 292–301.
- Lapsley D. K., Rice K. G., Shadid G. E.* Psychological separation and adjustment to college // *Journal of Counseling Psychology*. 1989. Jul. V. 36 (3). P. 286–294.
- Lax R. F.* Father's seduction of daughter entices her into the Oedipal phase: Mother's role in the formation of the girl's superego // *Psychoanalytic Psychology*. 2007. Apr. V. 24 (2). P. 306–316.
- Ledgerwood D. M.* Suicide and attachment: fear of abandonment and isolation from a developmental perspective // *Journal of Contemporary Psychotherapy*. 1999. V. 29. № 1. P. 65–73.
- Lee Ch., Gramotnev H.* Life transitions and mental health in a national cohort of young Australian women // *Developmental Psychology*. 2007. Jul. V. 43 (4). P. 877–888.
- Levine J. B., Green C. J., Millon T.* The separation–individuation test of adolescence // *Journal of Personality Assessment*. 1986. V. 50. P. 123–137.
- Levinson D.* A conception of adult development // *American Psychologist*. 1986. № 41. P. 3–13.
- Levitz-Jones E. M., Orlofsky J. L.* Separation–individuation and intimacy capacity in college women // *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 49 (1). 1985. Jul. P. 156–169.
- Levitzki N.* Parenting of adult children in an Israeli sample: Parents are always parents // *Journal of Family Psychology*. 2009. Apr. V. 23 (2). P. 226–235.
- Levy K. N., Blatt S. J., Shaver P. R.* Attachment styles and parental representations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. V. 74. P. 407–419.
- Levy-Shiff R., Israelashvili R.* Antecedents of fathering: Some further exploration // *Developmental Psychology*. 1988. May. V. 24 (3). P. 434–440.
- Lifshitz M.* Social differentiation and organization of the Ronhach in fatherless and two parental children // *Journal of Clinical psychology*. 1975. № 31. P. 126–130.
- Liu Y.-L., Yeh K.-H.* The mediating effect of mother–adolescent interactions on the relationship between maternal ego development and adolescent

- individuation in Taiwan // *Swiss Journal of Psychology / Schweizerische Zeitschrift für Psychologie / Revue Suisse de Psychologie*. 2011. Sep. V. 70 (3). P. 155–164.
- Loewald H.* Instinct theory, object relations and psychic structure formation // *Journal of American Psychoanalytic Association*. 1978. № 26. P. 493–506.
- Lopez F. G., Campbell V. L., Watkins C. E.* Depression, psychological separation, and college adjustment: An investigation for sex differences // *Journal of Counseling Psychology*. 1986. Jan. V. 33 (1). P. 52–56.
- Lund M.* Research on divorce and children // *Family Law*. 1984. V. 4. P. 198–201.
- Lyons-Ruth K.* Attachment relationships among children with aggressive behavior problems: The role of disorganized early attachment patterns // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1996. Feb. V. 64 (1). P. 64–73.
- Lytton H., Romney D. M.* Parents' differential socialization of boys and girls: A meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 1991. № 109. P. 267–296.
- Mackey W. C.* Support for the existence of an independent man-to-child affiliative bond: fatherhood as a biocultural invention // *Psychology of Men and Masculinity*. Jan 2001. V. 2 (1). P. 51–66.
- Madsen S. A., Lind D., Munck H.* Men's abilities to reflect their infants' states of mind: Interviews with 41 new fathers on experiences of parenthood // *Nordic Psychology*. 2007. Jul. V. 59 (2). P. 149–163.
- Main M.* Metacognitive knowledge, metacognitive monitoring, and singular (coherent) vs multiple (incoherent) model of attachment: findings and directions for future research // *Attachment across the life cycle / C. M. Parks, J. Stevenson-Hinde, P. Marris (Eds)*. L.: Routledge, 1991. P. 127–159.
- Main M.* Recent studies in attachment // *Attachment theory: Social, developmental and clinical perspectives / S. Goldberg, R. Muir, J. Kerr (Eds)*. Hillsdale, N. J.: Analytic Press, 1995. P. 407–474.
- Main M., Cassidy J.* Categories of response to reunion with the parent at the age six: predicted from attachment classifications and stable over a one-month period // *Developmental Psychology*. 1988. № 24. P. 425–426.
- Main M., Kaplan N., Cassidy J.* Security in infancy, childhood and adulthood: A move to the level of representation // *I. Bretherton, E. Waters (Eds)*. Growing points of attachment theory and research. Monographs of the Society for research in child development. 1985. 50 (1–2, Serial № 209). P. 66–104.

- Main M., Solomon J.* Procedures for identifying infants as disorganized/disoriented during the Ainsworth Strange Situation // Attachment in the preschool years: Theory, research, and intervention / M. T. Greenberg, D. Cicchetti, E. M. Cummings (Eds). Chicago: Univ. of Chicago Press, 1990. P. 121–160.
- Mahler M.* On human symbiosis and the vicissitudes of individuation. N. Y.: International University Press, 1968.
- Mahler M. S., Gosliner B. J.* On symbiotic child psychosis: Genetic, dynamic, and restitutive aspects // The Psychoanalytic Study of the Child. 1955. № 10. P. 195–212.
- Marcia J. E.* Identity in adolescence // Handbook of adolescent psychology / J. Adelson (Ed). N. Y.: Wiley, 1980. P. 159–187.
- Marjolein L. de J.* Attachment, individuation, and risk of suicide in late adolescence // Journal of Youth and Adolescence. 1992. June. V. 21 (3). P. 357–373
- Mattanah J. F., Hancock G. R., Brand B. L.* Parental attachment, separation-individuation, and college student adjustment: a structural equation analysis of mediational effects // Journal of Counseling Psychology. 2004. Apr. V. 51 (2). P. 213–225.
- Mattanah J. F., Lopez F. G., Govern J. M.* The contributions of parental attachment bonds to college student development and adjustment: A meta-analytic review // Journal of Counseling Psychology. 2011. Oct. V. 58 (4). P. 565–596.
- McBride S., Belsky J.* Characteristics, determinants, and consequences of maternal separation anxiety // Developmental Psychology. 1988. May. V. 24 (3). P. 407–414.
- McGee R., Williams S., Nada-Raja S.* Low self-esteem and hopelessness in childhood and suicidal ideation in early adulthood // Journal of Abnormal Child Psychology. 2001. V. 29. P. 281–291.
- Meyer B., Pilkonis P. A.* An attachment model of personality disorders // Major theories of personality disorder / M. F. Lenzenweger, J. F. Clarkin (Eds). N. Y.: Guilford, 2005. P. 231–281.
- Mikulincer M., Dolev T., Shaver P. R.* Attachment-related strategies during thought suppression: ironic rebounds and vulnerable self-representations // Journal of Personality and Social Psychology. 2004. Dec. V. 87 (6). P. 940–956.
- Mikulincer M., Shaver P. R.* Attachment in adulthood: structure, dynamics and change. N. Y.: Guilford Press, 2007.
- Mikulincer M., Shaver P. R.* An attachment perspective on psychopathology // World Psychiatry. 2012. Feb. V. 11 (1). P. 11–15.

- Mischel W., Shoda Y., Peake, P. K.* The nature of adolescent competencies predicted by preschool delay of gratification // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. № 54. P. 687–696.
- Moore D. W.* Parent–adolescent separation: The construction of adulthood by late adolescents // *Developmental Psychology*. 1987. Mar. V. 23 (2). P. 298–307.
- Mosley J., Thompson E.* Fathering behavior and child outcomes: The role of race and poverty // *Fatherhood: Contemporary theory, research, and social policy* / W. Marsiglio (Ed). 1995. P. 148–165.
- Moss E., Bureau J. F., Cyr Ch., Mongeau Ch., St-Laurent D.* Correlates of attachment at age 3: Construct validity of the preschool attachment classification system // *Developmental Psychology*. 2004. May. V. 40 (3). P. 323–334.
- Murray J., Farrington D., Sekol I.* Children’s antisocial behavior, mental health, drug use, and educational performance after parental incarceration: A systematic review and meta-analysis // *Psychological Bulletin*. Mar 2012. V. 138 (2). P. 175–210.
- Neubauer P. B.* The one-parent child and his oedipal development // *The Psychoanalytic Study of the Child*. 15. N. Y.: International Universities Press, 1960. P. 286–309.
- Nord C., West J.* Fathers’ and mothers’ involvement in their children’s schools by family type and resident status. 2001. URL: <http://nces.ed.gov> (date of treatment: 10.09.2012).
- Orbach I.* From abandonment to symbiosis: A developmental reversal in suicidal adolescents // *Psychoanalytic Psychology*. 2007. Jan. V. 24 (1). P. 150–166.
- Orgilés A. M., Espada S. J., Méndez C. X.* Separation anxiety disorder in a sample of children of divorce // *Psicothema*. 2008. Aug. V. 20 (3). P. 383–388.
- Paredes A., Ferreira G., Pereira M.* Attachment to parents: The mediating role of inhibition of exploration and individuality on health behaviors // *Families, Systems and Health*. V. 32 (1). Mar. 2014. P. 43–52.
- Parsons F.* Family structure and the socialization of the child // *Family socialisation and interaction process* / F. Parsons, R. Baler (Eds). N. Y.: Free Press, 1955.
- Perry W. G.* Forms of intellectual and ethical development in the college years: A scheme. N. Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1970.
- Pilkonis P. A.* Personality prototypes among depressives: Themes of dependency and autonomy // *Journal of Personality Disorders*. 1988. V. 2. P. 144–152.

- Pipp S., Shaver Ph., Jennings S., Lamborn S., Fischer K. Adolescents' theories about the development of their relationships with parents // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. Apr. V. 48 (4). P. 991–1001.
- Plomin R., Rowe D. Genetic and environmental etiology of social behavior in infancy // *Developmental Psychology*. 1979. Jan. V. 15 (1). P. 62–72.
- Prinz P., Stams G., Deković M., Reijntjes A., Belsky J. The relations between parents' Big Five personality factors and parenting: A meta-analytic review // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Aug. V. 97 (2). P. 351–362.
- Pritchard R., Rosenzweig S. The effects of war stress upon childhood and youth // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1942. Jul. V. 37 (3). P. 329–344.
- Pruett K. D. How men and children affect each other's development // *Zero to Three Bulletin*. 1997. V. 18 (1). P. 3–11.
- Puliafico A. C., Comer J. S., Kendall Ph. C. Social phobia in youth: The diagnostic utility of feared social situations // *Psychological Assessment*. 2007. Mar. V. 19 (1). P. 152–158.
- Ribble M. A. Clinical studies of instinctive reactions in new born babies // *American Journal of Psychiatry*. 1938. № 95. P. 149–160.
- Rice K. G. Separation-individuation and adjustment to college: A longitudinal study: Correction // *Journal of Counseling Psychology*. 1992. Jul. V. 39 (3). P. 203–213.
- Rice K., Cole D., Lapsley D. Separation-individuation, family cohesion and adjustment to college: Measurement validation and test of a theoretical model // *Journal of Counseling Psychology*. 1990. Apr. V. 37 (2). P. 195–202.
- Riggs S. A., Jacobvitz D. Expectant parents' representations of early attachment relationships: Associations with mental health and family history // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2002. V. 70 (1). P. 195–204.
- Rochlen A. B., McKelley R., Suizzo M., Scaringi V. Predictors of relationship satisfaction, psychological well-being and life satisfaction among stay-at-home fathers // *Psychology of Men and Masculinity*. 2008. V. 9 (1). P. 17–28.
- Rohner R. P., Veneziano R. A. The importance of father love: History and contemporary evidence // *Review of General Psychology*. 2001. Dec. V. 5 (4). P. 382–405.
- Rouse P. C., Ntoumanis N., Duda J. L., Jolly K., Williams G. C. In the beginning: role of autonomy support on the motivation, mental health

- and intentions of participants entering an exercise referral scheme // *Psychology and Health*. 2011. Jun. V. 26 (6). P. 729–749.
- Rusby J. S. M.* Effect of childhood age in foster care on the incidence of divorce in adulthood // *Journal of Family Psychology*. 2010. Feb. V. 24 (1). P. 101–104.
- Russell G., Russell A.* Mother–child and father–child relationships in middle childhood // *Child Development*. 1987. V. 58. P. 1573–1585.
- Russell A., Saebel J.* Mother–son, mother–daughter, father–son, father–daughter: Are they distinct relationships // *Developmental Review*. 1997. № 17. P. 1–37.
- Ryan R. M., Lynch J. H.* Emotional autonomy versus detachment: Revisiting the vicissitudes of adolescence and young adulthood // *Child Development*. 1989. № 60. P. 340–356.
- Sandler J.* Countertransference and role-responsiveness // *The International Review of Psycho-Analysis*. 1976. V. 3. P. 43–48.
- Sandler J.* (Ed) *Projection, identification, projective identification*. Madison, CT: International Universities, 1987.
- Sandler J., Dreher A. U., Drews S.* An approach to conceptual research in psychoanalysis, illustrated by a consideration of psychic trauma // *International Review of Psycho-Analysis*. 1991. № 18. P. 133–141.
- Schultheiss D., Blustein D.* Contributions of family relationship factors to the identity formation process // *Journal of Counseling and Development*. 1994a. № 73. P. 159–166.
- Schultheiss D., Blustein D.* Role of adolescent–parent relationships in college student development and adjustment // *Journal of Counseling Psychology*. Apr. 1994b. V. 41 (2). P. 248–255.
- Sentse M., Ormel J., Veenstra R., Verhulst F., Oldehinkel A.* Child temperament moderates the impact of parental separation on adolescent mental health: The trails study // *Journal of Family Psychology*. 2011. Feb. V. 25 (1). P. 97–106.
- Sheldon K. M.* Self-concordance model of healthy goal striving: when personal goal correctly represent the person // *Handbook of self-determination research* / E. L. Deci, R. M. Ryan (Eds). Rochester, N. Y.: The University of Rochester Press, 2002. P. 65–86.
- Shereshfsky P. M., Yarrow L. J.* *Psychological aspects of a first pregnancy and early postnatal adaptation*. N. Y.: Raven Press, 1973.
- Smith A., Lalonde R. N., Johnson S.* Serial migration and its implications for the parent-child relationship: a retrospective analysis of the experiences of the children of Caribbean immigrants // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2004. V. 10 (2). P. 107–122.

- Soenens B., Vansteenkiste M., Lens W., Luyckx K., Goossens L., Beyers W., Ryan R. Conceptualizing parental autonomy support: adolescent perceptions of promotion of independence versus promotion of volitional functioning // *Developmental Psychology*. 2007. May. V. 43 (3). P. 633–646.
- Solomon J., George C. The measurement of attachment security in infancy and childhood // *Handbook of attachment* / J. Cassidy, P. Shaver (Eds). N. Y.: Guilford, 1999. P. 287–316.
- Solomon Z., Dekel R., Mikulincer M. Complex trauma of war captivity: a prospective study of attachment and post-traumatic stress disorder // *Psychological Medicine*. 2008. № 38. P. 1427–1434.
- Spitz R. A. Hospitalism: An inquiry into the genesis of psychiatric conditions in early childhood // *Psychoanalytic Study of Child*. 1945. V. 1. P. 53–74.
- Stayton D., Ainsworth M. Individual differences in infant responses to brief, everyday separations as related to other infant and maternal behaviors // *Developmental Psychology*. 1973. Sep. V. 9 (2). P. 226–235.
- Steinberg L. D., Silverberg S. B. The vicissitudes of autonomy // *Child Development*. 1986. № 57. P. 841–851.
- Strauss R., Goldberg W. A. Self and possible selves during the transition to fatherhood // *Journal of Family Psychology*. 1999. V. 13 (2). P. 244–259.
- Stroebe M. S., Archer J. Origins of modern ideas on love and loss: Contrasting forerunners of attachment theory // *Review of General Psychology*. 2013. Mar. V. 17 (1). P. 28–39.
- Sugarman A. Father hunger: Explorations with adults and children By James Herzog. Hillsdale, NJ: Analytic Press. 1st ed. 2001. P. 324; *International Journal of Psycho-Analysis*. 2003. № 84. P. 775–779.
- Sullivan K., Sullivan A. Adolescent–parent separation // *Developmental Psychology*. 1980. Mar. V. 16 (2). P. 93–99.
- Teitelman E., Glass J., Blyn Ch., Jennings D. The treatment of female borderlines // *Schizophrenia Bulletin*. 1979. V. 5 (1). P. 111–117.
- Thompson R. The fathers case in child custody decisions: the contributions of psychological research // *Fatherhood and Social Policy* / M. E. Lamb, A. Sargi (Eds). Erlbaum: Hillsdale, New Jersey, 1983. P. 50–100.
- Turcotte G., Dubeau D., Bolte C., Paquette D. Pourquoi certains pères sont-ils plus engagés auprès de leurs enfants? Une revue des déterminants de l'engagement paternel // *Revue Canadienne de Psycho-Éducation*. 2001. V. 30. № 1. P. 65–91.

- van der Horst F., van der Veer R.* The ontogeny of an idea: John Bowlby and contemporaries on mother–child separation // *History of Psychology*. V. 13 (1). Feb 2010. P. 25–45.
- Van Ijzendoorn M. H.* Adult attachment representations, parental responsiveness and infant attachment: a meta-analysis on the predictive validity of the Adult Attachment Interview // *Psychological Bulletin*. 1995. V. 117. P. 387–403.
- Vogel S. R., Broverman I. K., Broverman D. M., Clarkson F. E., Rosenkrantz P. S.* Maternal employment and perception of sex roles among college students // *Developmental Psychology*. 1970. Nov. V. 3 (3, Pt. 1). P. 384–391.
- Vogt G. M., Sirridge S. T.* *Sohne ohne Vater. Vom Fehlen des mannlichen Vorbilds.* Frankfurt/M.: Fischer, 1993.
- Wallerstein J. S., Kelly J. B.* The effects of parental divorce: the adolescent experience // *The child in his family: children at psychiatric risk* / E. Anthony, C. Koupernik (Eds). N. Y.: Wiley, 1974. V. 3. P. 479–505.
- Wallerstein J. S., Kelly J. B.* The effects of parental divorce: experiences of the preschool child // *Journal of Child Psychiatry*. 1975. V. 14. P. 616–681.
- Wallerstein J. S., Kelly J. B.* The effects of parental divorce: experiences of the child in later latency // *American Journal of Orthopsychiatry*. 1976. V. 46 (2). P. 256–269.
- Waterman A. S.* Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and review of research // *Developmental Psychology*. 1982. № 18. P. 341–358.
- Wickes F. G.* *The inner world of childhood.* N. Y.: Appleton Press, 1966.
- Winnicott D.* Transitional objects and transitional phenomena // *International Journal of Psychoanalysis*. 1953. № 34. P. 89–97.

Научное издание

Харламенкова Наталья Евгеньевна,
Кумыкова Елена Валентиновна,
Рубченко Алла Казимировна

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СЕПАРАЦИЯ
подходы, проблемы, механизмы

Редактор – *О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет, обложка и верстка – *С. С. Фёдоров*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел.: +7 (495) 682-61-02
www.ipras.ru; e-mail: vbelop@ipras.ru

Сдано в набор 01.05.15. Подписано в печать 29.05.15. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура ГТС СНАРТЕР

Уч.-изд. л. 21; усл.-печ. л. 23. Тираж ??? экз. Заказ

Книги издательства «Институт психологии РАН»

- Психология человека и общества: Научно-практические исследования / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 332 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 6 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 528 с. (Труды Института психологии РАН)
- Татарко А. Н.* Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 384 с.
- Психологические исследования. Вып. 7 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 215 с. (Труды молодых ученых ИП РАН)
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 318 с. (Труды Института психологии РАН)
- Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 400 с. (Труды Института психологии РАН)
- Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, М. А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 352 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Естественно-научный подход в современной психологии / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 882 с. (Интеграция академической и университетской психологии)
- Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 349 с. (Психология социальных явлений)
- Костин А. Н., Голиков Ю. Я.* Организационно-процессуальный анализ психической регуляции сложной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 448 с.
- Резников Е. Н.* Психологический облик русских (на материале исследования жителей Костромской области). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 510 с.